АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE d'HISTOIRE ANCIENNE

4 (183)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1987

В. И. Кузищин

70-летие ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ

70 лет назад победа Великой Октябрьской социалистической революции возвестила о рождении новой эпохи в мировой истории и положила начало беспрецедентному процессу становления социалистического общества. Нелегкими были все эти годы: войны, разруха, блокада, трудные поиски новых путей развития, преодоление внутреннего и внешнего сопротивления, ошибки и неудачи — многое пришлось пережить советскому народу. Однако несмотря на все трудности и просчеты советский народ может с гордостью оглянуться на пройденные десятилетия: Советский Союз в настоящее время — это новое социалистическое общество, обладающее огромным экономическим потенциалом, это одно из ведущих государств, играющее ключевую роль в судьбах современного мира.

Каждое новое десятилетие существования советского государства — это крупный шаг в развитии и совершенствовании социалистического общества, осуществляемый путем решения встающих перед нашим народом новых задач, преодоления возникающих объективных трудностей, исправления допущенных ошибок. Вот почему при торжественном праздновании годовщин Великого Октября наряду с констатацией достижений советские люди самым внимательным образом вскрывают накопившиеся проблемы, выявляют насущные вопросы дальнейшего развития. «Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции,— говорил В. И. Ленин,— это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее. Особенно уместно и необходимо подобное отпразднование революции в тех случаях, когда есть коренные задачи, еще не решенные революцией, когда требуется усвоить нечто новое (с точки зрения проделанного революцией до сих пор) для решения этих задач»[1].

Ленинские слова в настоящее время имеют особое значение. Наша партия и наш народ находятся на новом переломном этапе развития, когда встают новые задачи перед социалистическим обществом, задачи, выработанные XXVII съездом КПСС по ускорению социально-экономического развития страны, по решительному преодолению негативных тенденций, сдерживающих наше движение вперед. Происходящая в настоящее время перестройка — это подлинно революционные преобразования, охватывающие все сферы общественной жизни, она является закономерным про-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 221.

должением дела Великого Октября, реализацией его идеалов и принципов на современном этапе исторического развития. Речь идет о переходе на качественно новый этап развития социализма, с новым видением социалистической перспективы, новым пониманием целей и характера революционных перемен.

Перестройка как революционный процесс охватила все стороны жизни советского общества: экономику, социальную жизнь, систему управления, науку и культуру, и всюду идет поиск новых путей развития, новых идей и программ, вскрываются мешающие развитию механизмы торможения, догматические стереотипы.

«Время требует инициативы творчества во всех сферах жизни,— говорил М. С. Горбачев.— Оно выдвинуло беспрецедентные по своей новизне и масштабам задачи, которые должны быть решены в самые сжатые исторические сроки. Центральный комитет исходит из твердого убеждения, что реализация курса на ускорение, на перестройку, на достижение качественно нового состояния советского общества немыслима без активизации идейно-теоретической деятельности, без надежного научного обеспечения практических мер по совершенствованию общественных отношений развивающегося социализма» [2].

«Развертывающаяся перестройка дает ответственнейший социальный заказ всей системе общественных наук. Нуждаются в обогащении на материале современной жизни наши представления о диалектике производительных сил и производственных отношений, социалистической собственности, кооперации, народном самоуправлении и демократии, о развитии общественного сознания, причинах и путях преодоления негативных явлений, да и многое другое» [3].

Одной из отраслей общественных наук, затронутых процессом обновления, является историческая наука, прошедшая за годы советской власти огромный путь в своем развитии. Располагающая такой животворной основой, как марксистско-ленинское учение об обществе, советская историография обладает собственным видением проблем прошлого, дает им собственную интерпретацию, имеет глубоко оригинальные исторические концепции по всем важнейшим сторонам исторического процесса, без которых немыслима современная мировая историография. В настоящее время это одно из самых влиятельных направлений в мировой исторической науке.

Однако жизнь не стоит на месте. Так же как и в разных сферах экономики и общественной жизни, в советской науке, и в частности исторической, обнаружились свои негативные явления и недостатки, возникли свои насущные проблемы, которые необходимо решать в рамках общего процесса перестройки. Развитие теории марксизма-ленинизма на современном этапе, которое находит свое выражение в теоретической деятельности партии, в решениях XXVII съезда и Пленумов Центрального Комитета КПСС и в других партийных документах, а также накопление нового фактического материала в советской и мировой историографии показали, что по целому ряду принципиальных вопросов теории и методологии истории необходимы уточнения, доработка, а иногда и отказ от догматических, ныне устаревших положений.

Органической частью советской исторической науки является антиковедение, одна из ее ветвей, занимающаяся исследованием общества и куль-

[2] *Горбачев М. С.* Учить по-новому мыслить и действовать. Речь на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук // Коммунист. 1986. № 15. С. 3.
[3] Там же. С. 4.

туры в обширном регионе древних цивилизаций. В 30—40-х гг. в советском антиковедении (включая и историю древнего Востока) была разработана концепция рабовладельческой формации, отражающая наиболее существенные закономерности развития древних обществ. На основе этой концепции исследовались такие ключевые проблемы, как состояние экономики и развитие производительных сил, характер социально-классовых отношений (особенно рабовладельческих отношений и общины), классовой борьбы рабов и других угнетенных слоев, т. е. такие проблемы, которые находились на периферии или вне внимания буржуазной историографии. Изучение различных аспектов социально-экономических отношений в древности позволило разработать материалистическую концепцию исторического процесса, начиная с формирования классовой структуры древних обществ и кончая разложением рабовладельческих и связанных с ними иных социальных отношений. В трудах В. В. Струве, А. И. Тюменева, Н. М. Никольского, Б. Б. Пиотровского, М. А. Коростовцева, Н. И. Конрада, И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили, Г. Ф. Ильина, В. С. Сергеева, С. И. Ковалева, С. Я. Лурье, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, А. Б. Рановича, К. М. Колобовой, М. Е. Сергеенко, С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман, К. К. Зельина, В. Д. Блаватского, Я. А. Ленцмана и многих других ученых были поставлены и исследованы уникальные проблемы истории древнего Востока и античного мира с позиций материалистического понимания истории.

Созданная трудами выдающихся советских ученых концепция рабовладельческой формации в древних классовых обществах Востока и Средиземноморья выдержала испытания временем, прошла проверку в новых конкретных исследованиях и в ходе различных дискуссий и в настоящее время служит принципиальной основой для понимания исторического процесса в развитии древних классовых обществ.

Вместе с тем в советском антиковедении, как и во всей исторической науке, накоплен уже значительный материал и выдвинут ряд положений, являющихся основой для пересмотра некоторых устоявшихся теоретических концепций. В процессе критического пересмотра общего состояния общественных наук, к которому призывает нас партия, выявления устаревших догм и поиска новых идей необходимо и в области антиковедения вести активный поиск новых подходов и плодотворных концепций, разработка которых будет способствовать дальнейшему обогащению научных знаний.

Можно наметить несколько фундаментальных проблем, которые встают перед советским антиковедением на современном этапе развития науки в процессе исследования рабовладельческой общественно-экономической формации в древних обществах Востока и Средиземноморья. В 30—40-х гг. на первое и основное место в теории рабовладельческой формации закономерно была выдвинута система социально-экономических отношений, т. е. форма проявления способа производства в экономической жизни и социально-классовой структуре тех или иных конкретных обществ. Социально-экономические отношения рассматривались как базис всей формации, ее главное воплощение, в то время как государственные институты, право, культура, религия, идеология — как элементы надстройки, жестко обусловленные базисом. Подразумевалось, что, зная состояние базиса, т. е. социально-экономических отношений, можно легко определить состояние и характер надстройки. Такое понимание вело к известной абсолютизации роли базиса, социально-экономических отношений, способа производства, в результате чего недооценивалась роль надстройки

в историческом процессе, не учитывалась необходимость целостного, комплексного подхода к анализу различных сторон общественной жизни.

Однако изучение конкретного хода исторического процесса в различных обществах показало более сложный, диалектический характер взаимодействия между базисом и надстройкой, между социально-экономическим строем и сферами государственной и культурной жизни. Роль последних в древности оказалась весьма значимой и иногда не менее важной, чем роль социально-экономических отношений. Поэтому в теоретическом плане, видимо, нельзя рассматривать соотношение социально-экономического строя и государственности и культуры как соотношение важного и второстепенного, но изучать их в диалектическом единстве, где обе части одинаково важны. Следует напомнить о понимании взаимоотношения базиса и надстройки В. И. Лениным: он рассматривал общественно-экономическую формацию как целостный общественный организм, в котором способ производства является скелетом, фундаментом, а политические, юридические и культурные надстройки — это плоть и кровь, облегающие скелет и превращающие его в полнокровный общественный организм [4]. Такое понимание позволяет представить исторический процесс более полнокровным, более адекватным действительности.

Когда разрабатывалась теория рабовладельческой формации, главное внимание исследователей было обращено на анализ рабовладельческих отношений, их выявление среди других социальных отношений, и в этом была большая заслуга советской историографии. Однако постоянное стремление к выявлению именно рабовладельческой структуры привело сначала к прагматической, а затем и теоретической недооценке роли иных, нерабовладельческих отношений и к своего рода абсолютизации рабовладельческих, которые чуть ли не с момента разложения родового строя объявлялись господствующими, решающими в сложном клубке социальной структуры. На уровне понятия формации эта абсолютизация роли рабства вела к представлению о высокой степени гомогенности рабовладельческой формации на всем протяжении ее исторического существования и во всей географической зоне, где она констатировалась, будь то Индия или Афины, Египет или Галлия.

Однако исследование конкретного материала источников, причем не только древних цивилизаций, но и феодальных и капиталистических обществ, и развитие самой теории формаций показало, что гомогенность формации, в данном случае рабовладельческой, нельзя преувеличивать, а тем более абсолютизировать. Оказалось, что существование ведущего или господствующего рабовладельческого способа производства не предполагает его единственность, отсутствие иных, нерабовладельческих отношений, которые могли играть в ряде областей древнего Востока и античного Средиземноморья весьма заметную роль. Более того, конкретные исследования наиболее классических зон развитого рабовладения, таких, как древнегреческие полисы или Италии II в. до н. э.— I в. н. э., показали, что даже в этих цитаделях рабства явственно прослеживаются и сосуществуют с классическими отношения совершенно иного типа. Не говоря о спартанских илотах, фессалийских пенестах, гераклейских мариандинах, даже в структуре римской средней виллы мы видим применение труда батраков и зависимых колонов. Е. М. Штаерман принадлежит мысль о прочном и постоянном наличии в самих недрах римского рабовладельческого общества особого социально-экономического уклада, выражавшегося в со-

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138—139.

существовании крупного землевладения и зависимого от него мелкого земледелия (колоната).

Исследование социально-экономических отношений в римских провинциях, включенных в состав средиземноморской рабовладельческой империи, показывает, как причудливо переплетались отношения классического рабства с разными типами иных социальных отношений в Малой Азии и Британии, римском Египте и Галлии, Испании и Дунайском регионе. В эпоху капитализма развитые капиталистические державы целенаправленно консервируют и используют в интересах господствующего способа производства архаические уклады, исторически пройденные социальные отношения, например, в колониях или полуколониях. Было бы огромным упрощением представлять себе, например, римское Средиземноморье даже при высшей степени романизации провинций как гомогенное во всех его точках рабовладельческое общество классического типа. Напротив, империя при общей политике романизации провинций вполне сознательно оставляла целые структуры — племенные, раннеклассовые и др., включавшиеся в общий комплекс социально-классовых отношений империи, но сохранявшие в нем известную самодеятельность. Да и сами отношения классического рабства, распространившиеся в результате политики романизации, не были однородного италийского типа, а представляли зачастую непростой синтез италийских и местных провинциальных форм, сохраняя в зависимости от конкретных условий египетскую, североафриканскую, испанскую, галльскую или придунайскую специфику.

Одной из ключевых проблем развития любой общественно-экономической формации является определение характера и роли действующих в ней исторических законов. И здесь один из самых существенных вопросов — какова общая закономерность исторического движения: как происходит развитие общества — в направлении прогресса и совершенствования цивилизации или как-то иначе? Если исходить из положения о прогрессивности исторического движения — а это общепринятое положение советской исторической науки, то как понимать прогрессивность этого движения?

Исследования советских ученых на огромном конкретном материале различных обществ показали, что прогрессивный характер развития предполагает совершенствование всех областей общественной жизни и культуры в рамках каждой формации и при переходе от предшествующей к сменившей ее формации. И в целом этот вывод доказан бесчисленным фактическим материалом конкретной истории. Однако в процессе обоснования этой концепции развития оказалась в тени, осталась недостаточно понятой и практически неразработанной фундаментальная марксистская идея о повторяемости в истории (на важность этой идеи в свое время обращала внимание Е. М. Штаерман). Напомним слова В. И. Ленина: «Развитие как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии» [5]. Неразработанность основной идеи диалектики приводила к ряду исследовательских и теоретических просчетов. Так, например, в советском антиковедении не получила адекватного исследования и главное — теоретического осмысления — проблема товарного производства в древности, а между тем К. Маркс придавал большое значение товарному производству в античном обществе. Можно привести

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 55.

и другие конкретные примеры повторяемости, которые не получали необходимого объяснения (например идея демократии и ее воплощение в жизни). Недооценка проблемы повторяемости как одного из положений диалектики приводила к тому, что общее движение исторического процесса рассматривалось как прямолинейное, шедшее по непрерывно восходящей прямой. В связи с этим рассмотрение довольно частых случаев исторического регресса, например, крушение индской цивилизации III тыс. до н. э. или гибель ахейского классового общества в конце II тыс. до н. э., или так называемые переходные периоды в древнем Египте, да и многие другие исторические периоды представляли для объяснения большую теоретическую трудность и воспринимались как исключения из общего правила. Иным представляется их определение в свете диалектической концепции развития общества не по прямой, а по спирали, с повторением пройденных ступеней, но на более высокой базе. С этой точки зрения развитие должно восприниматься не как равномерное и постоянное восхождение, а как развитие пульсирующее, которое может включать в себя и восхождение, и застой и попятное движение, хотя в целом в конечном итоге идет общее совершенствование цивилизации. Следует отметить, что теоретическая и конкретно-исследовательская разработка проблемы развития общества по спирали и тесно связанной с ней идеи повторяемости в истории может дать более плодотворное и адекватное объяснение многим проблемам всемирной истории, в настоящее время сформулированным лишь на уровне эмпирического описания.

Важнейшей теоретической проблемой является проблема закономерности исторического развития — фундаментальное основополагающее положение исторического материализма. На основе этого положения разрабатываются практически все концепции исторического развития как всемирной истории в целом, так и отдельных общественно-экономических формаций и конкретных обществ в ту или иную эпоху. Однако в толковании исторических законов наблюдался известный схематизм и однобокость, проявлявшиеся в смешении разных категорий исторических законов: общеисторических или социологических, действующих во всех формациях, и внутриформационных, собственно исторических, действующих внутри одной формации. Показателем многих неясностей в проблеме исторических законов являются неудачные попытки сформулировать основной закон движения рабовладельческой формации и определить механизм его зарождения, функционирования и прекращения.

В последнее десятилетие в нашей теоретической литературе проблема исторических законов получила дальнейшую разработку в работах акад. Е. М. Жукова и других историков. Особенно важно отметить внимание к проблеме типологии исторических законов, анализу их своеобразной иерархии и соподчиненности социологических, исторических и экономических законов. Тщательное изучение ленинских работ по империализму и, в частности, ленинского анализа закономерностей империализма позволило выделить и такую интересную категорию, как внутристадиальная закономерность. Таким образом, иерархия исторических законов включает три основных типа: межформационные, внутриформационные и внутристадиальные законы. Однако характер формирования, действия и проявления каждого из этих типов еще не совсем ясны и нуждаются в дальнейшем исследовании и, в частности, на материале рабовладельческой формации. Далеки от ясности и отношения между собственно историческими законами разных типов и экономическими законами, действующими в рамках рабовладельческого способа производства.

Исследование комплекса исторических закономерностей и установление их определенной типологии дает возможность поставить по-новому проблему периодизации формации. Выделение в рамках формации трех стадий развития, например, раннего или патриархального рабства, классического рабства и идущего ему на смену отмирающего рабства — общеизвестно. Однако в 30—50-х гг. в понимании всех этих ступеней преобладал количественный подход. Основные акценты ставились на большую или меньшую численность рабов в обществе, занятость в производстве или домашнем хозяйстве, большую или меньшую жестокость в обращении, разницу в бытовом положении. В связи с этим различия между ранней и классической стадией, между классической и заключительной оказывались размытыми и не всегда ясными.

Разработка понятия внутристадиальной закономерности в теоретической литературе, изучение ленинских работ об империализме как особой, завершающей стадии капитализма и сопоставление результатов ленинского анализа с исследованием стадии промышленного капитализма К. Марксом, исследование конкретной истории разных обществ, например, греческих полисов или древнего Рима, позволяют подойти к проблеме периодизации с новых позиций. Разные стадии рабовладельческой общественно-экономической формации следует понимать как особые качественные состояния с отличной друг от друга социально-экономической, политической и культурной структурой, развитие которой регулируется особыми закономерностями, которые возникают и действуют только в рамках данной стадии. Подобное понимание характера каждой стадии ставит две по существу новые теоретические проблемы: 1) в каких соотношениях находятся общая формационная основа каждой стадии и специфика данной стадии как особого качественного состояния; 2) каким образом происходит переход одной стадии как особой качественной структуры в другую стадию — путем социальной революции или каким-либо иным путем. Таким образом, на современном этапе исследования проблема периодизации рабовладельческой формации, ее внутреннего членения, возникновения и трансформации разных форм приобретает большую глубину и содержательность, чем это предполагалось ранее. Более того, новое понимание характера периодизации помогает преодолеть значительные элементы схематизма и упрощенчества в трактовке развития формации, поскольку ранее оно определялось каким-либо одним элементом (например развитие рабства), не принималось во внимание множество других факторов.

При изучении экономики рабовладельческих обществ, в том числе и самого развитого — римского, общепринятым является вывод о низком уровне производительных сил, который объясняют особенностями рабского труда. Причем этот вывод обычно вытекает из более частного заключения о слабом развитии техники производства. Такой вывод становится возможным, если отождествить более общее понятие производительных сил с одной из его составных частей, а именно — техникой производства. Но правомерно ли такое отождествление, такая абсолютизация одного из элементов, пусть и важнейшего, как техника производства? Как известно, К. Маркс понимал производительные силы как сложный комплекс, состоящий из рабочей силы и средств производства, включающих в себя технику производства, производственную инфраструктуру (производственные здания, дороги, водные пути, каналы), освоенные земли, полученные человеком силы ветра и воды, использование научных достижений.

Исследование всего комплекса производительных сил, например в римском рабовладельческом обществе, показывает, что его экономика

в целом находилась на высоком уровне развития даже при относительно слабом состоянии техники. Другой составной частью комплекса производительных сил является работник, т. е. при рабовладельческом способе производства — раб. В марксистской экономической теории работник в системе производительных сил считается творческим, динамическим началом. Это положение, бесспорное для пролетария капиталистического предприятия, в применении к феодальной и особенно рабовладельческой формации рассматривалось в совершенно другом ключе. В мировой и советской историографии ранее бытовал моралистический взгляд на раба как незаинтересованного в результатах своего труда, т. е. плохого работника, а на рабский труд как на расточительный, а не созидательный. Утверждение рабского труда в наиболее развитых экономических центрах античного мира, в том числе и в Риме II в. до н. э. — II в. н. э., объяснялось по существу чрезвычайными причинами: баснословной дешевизной рабов и их неограниченным притоком во время многочисленных войн. А сам рабский труд, т. е. соединение раба-работника со средствами производства, трактовался главным образом с позиций голой силы, как беспощадное внеэкономическое принуждение. Подобный взгляд на рабство естественно сдерживал исследование собственно экономических аспектов рабского труда, изучение раба как особого типа производителя. Даже в специальной зарубежной литературе по проблемам рабства (например, в работах П. Де Робертиса, У. Уэстерманна, исследователей школы И. Фогта, М. Финли и др.) практически даже не ставились такие проблемы, как производительность и интенсивность рабского труда, рабочий день раба, соотношение необходимого и прибавочного труда, специализация и кооперация рабского труда, соотношение квалифицированного и неквалифицированного труда, психология рабов как работников и ряд других сугубо производственных аспектов рабского труда. Долгое время в научной литературе рассматривали раба по существу так же, как и античные мыслители — в качестве одушевленного орудия труда. Аналогичные взгляды развивались и в советской специальной литературе 30—50-х гг. (А. В. Мишулин, С. И. Ковалев, В. Н. Дьяков и др.). Значительный сдвиг в изучении проблемы рабского труда был подготовлен серией монографий «Исследования по истории рабства в античном мире» (изданных Институтом всеобщей истории АН СССР в 1963—1980 гг.), в которой исследование рабства было поставлено на твердую почву материала источников и впервые были освещены некоторые из названных выше проблем.

В сущности говоря, отрицательные характеристики рабского труда были догматической схематизацией, своего рода абсолютизацией некоторых особенностей в положении работника-раба, а именно — незаинтересованности рабов в труде, юридического бесправия рабов, внеэкономического принуждения их к труду. С другой стороны, действовал и действует до сих пор фактор сопоставления рабства как социально-экономической системы с другими формами эксплуатации, такими, как феодальная система зависимого труда и особенно капиталистический наемный труд. Конечно, по сравнению с зависимым трудом в феодальном обществе и наемным трудом при капитализме организация рабского труда является примитивной, расточительной и несовершенной. Однако это ни в какой мере не дает основания считать ее не экономической. Современные исследования рабства показали, что тезисы о баснословно низких ценах на рабов, об их неограниченном и постоянном притоке на невольничьи рынки не подтверждаются материалом источников. Иначе говоря, наряду с внеэкономическими, сугубо принудительными методами в организации рабского производства

неизбежно приходилось использовать и целый ряд других, в том числе и экономических. В теории исторического материализма рабовладельческий способ производства рассматривается в одном ряду с феодальным и капиталистическим способами производства, следовательно, как и другим способам производства, ему присущи, им управляют экономические законы, а его составные части, в том числе и такая важная часть, как работник, могут быть подвергнуты экономическому анализу. Кстати, изучение наследия основоположников марксизма, особенно «Капитала» К. Маркса, показывает, какому тщательному именно экономическому анализу были подвергнуты в их трудах различные стороны рабского производства.

Таким образом, в свете современных теоретических и конкретно-исторических исследований встает важная проблема определения раба как работника особого исторического типа (наряду с феодальным крестьянином и наемным рабочим), как созидательного фактора в системе производительных сил древности. Намечающийся пересмотр традиционных представлений об уровне античной экономики в рамках рабовладельческого способа производства, о роли рабского труда и рабовладельческих отношений как таковых в развитии производительных сил позволит преодолеть существующее сейчас в антиковедении внутреннее противоречие в понимании античной цивилизации. Действительно, трудно совместить признание огромных достижений во многих сферах античной цивилизации, значительного вклада античных народов в сокровищницу мировой культуры с констатацией примитивного, низкого уровня производительных сил, свойственного рабовладельческой древности.

Одним из ключевых вопросов советской историографии является проблема социальной структуры и классовой борьбы в рабовладельческой формации. В 30—40-х годах была принята довольно жесткая схема классовой структуры древних обществ, предполагающая существование двух основных классов — рабов и рабовладельцев — и классовой борьбы между ними как главной движущей силы общественного развития. В сложившейся в это время концепции длительной и многоэтапной революции рабов как бы концентрировалось основанное на этой схеме понимание классовой борьбы и классовой структуры римского рабовладельческого общества. По существу подобное понимание было схематизированной абсолютизацией одного из главных противоречий античного общества в ущерб всем другим. Так, фактически игнорировалось значение античного мелкого производства нерабовладельческого типа, а роль класса крестьянства и его борьбы в античном обществе явно недооценивалась. В 50—60-х годах были внесены существенные коррективы в эту схему. Прежде всего был вычленен в качестве одного из основных классов наряду с рабами и рабовладельцами класс мелких производителей (крестьян и ремесленников), и изучение противоречий между классами рабовладельцев и мелких производителей, главным образом в форме противоречий между крупным и мелким землевладением заняло подобающее место в историографии античности. Более того, были выявлены как особая группа общественных антагонизмов противоречия между классами мелких производителей и рабов, но характер и значение их до сих пор фактически не исследованы и далеки от ясного понимания.

Большой заслугой советских антиковедов 60—70-х годов является вывод о сложной структуре каждого из трех основных классов. Если в литературе 30—40-х годов классы рабов и рабовладельцев понимались в значительной степени как гомогенные, монолитные образования, то в настоящее

время внутренняя структура каждого основного класса представляется расчлененной на несколько социальных прослоек и групп с различными социальными и зачастую несовпадающими друг с другом интересами и целями. Особо важное значение имело вычленение и определение разных социальных групп внутри класса рабов, что позволило отказаться от целого ряда утвердившихся стереотипов и более адекватно представить картину рабовладельческих отношений. Изучение социальной структуры античных обществ показало, что в их составе можно видеть и ряд неосновных, так сказать, промежуточных слоев (зависимых земледельцев вплоть до крепостных, наемных рабочих, прослойки люмпен-пролетариата и др.).

Еще более сложной и внутренне дифференцированной представляется социальная структура древневосточных обществ, в которой наряду с немногими основными, исходными формами социальной дифференциации существовало множество, так сказать, гибридных форм, зачастую затруднительных для однозначного определения.

В свете современных представлений о сложной классовой структуре рабовладельческих обществ возникают две принципиальные проблемы, нуждающиеся в новом анализе; это вопросы о роли господствующего класса в историческом процессе, с одной стороны, и о самосознании класса рабов, с другой. Следует заметить, что положение о решающей роли народных масс в истории — одно из основных положений исторического материализма — в историографии античности нередко трактуется довольно догматически, не диалектически. Сосредоточивается внимание на исторической роли рабства и не получает всестороннего освещения роль господствующих классов в истории древних обществ. Она рисуется преимущественно в негативном плане, в плане организации системы эксплуатации и социального паразитизма. Бесспорно, указанная характеристика отражает важную сторону рабовладельческого строя. Однако роль господствующего класса в древности значительно шире, он выполняет наряду с паразитическими функциями ряд задач по созданию и развитию производства, государственности и культуры, которые являются своего рода позитивным вкладом в развитие рабовладельческой формации.

И второй вопрос — о возможности выработки самосознания, собственной идеологии (включая собственную мораль и нравственность) у класса рабов. Как известно, еще Д. Лукач выдвинул тезис о том, что класс рабов не может выработать собственную идеологию и потому, собственно, не может рассматриваться как основной класс античного общества. Этот тезис распространен в западной историографии. Вряд ли, однако, он адекватно отражает рабовладельческую действительность. Исследование Е. М. Штаерман морали и религии низших классов римского общества показало наличие у них собственной системы идеологических и культурных ценностей. Однако нужно сказать, что эта проблема в отношении древнего мира в целом еще слабо исследована в советском антиковедении, и здесь еще много неясного, к тому же в методическом отношении выявление источников, свидетельствующих о проявлении самосознания рабов и других эксплуатируемых классов,— задача очень сложная.

Современное понимание классовой и социальной структуры рабовладельческого общества как сложной и расчлененной системы вносит много изменений в теорию классовой борьбы в древних обществах. Приобретает должное значение такая крупная группа противоречий, как борьба античного крестьянства за землю и участие в государственной жизни, находят свое место формы социальной борьбы, связанные с существованием

неосновных классов и сословных групп, выявляются сословные противоречия между различными прослойками внутри каждого класса. Все это указывает на такие линии классовой и социальной борьбы, которым ранее или уделялось мало внимания, или они не получали теоретического объяснения, оставаясь на уровне эмпирического описания. Вносятся существенные изменения в трактовку классовой борьбы рабов. В 30—50-х гг. в советском антиковедении преимущественное внимание и в исследовательском, и в теоретическом планах сосредоточивалось на открытых формах рабского протеста, особенно на вооруженных восстаниях типа сицилийских рабских движений или восстания Спартака, лишь вскользь упоминались и латентные формы борьбы типа побегов. Начиная с 60-х гг. диапазон исследования различных форм классовой борьбы значительно расширился и приобрели, так сказать, права гражданства работы о многообразии форм борьбы рабов, находившей выражение в протесте религиозного характера, в отказе от навязываемой системы официальных ценностей и т. п.

Для понимания самого механизма действия классовых противоречий важно известное положение К. Маркса: «...в Древнем Риме,— писал К. Маркс,— классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов» [6]. Конечно, было бы неверным понимать это фундаментальное положение К. Маркса как отрицающее наличие основного классового антагонизма в рабовладельческом обществе и его проявление в различных формах, в том числе в форме открытых рабских восстаний. Напротив, К. Маркс совершенно недвусмысленно говорит, что основной классовый антагонизм рабы — рабовладельцы был пьедесталом, т. е. почвой, основой, на которой развивались все социальные конфликты в древнем Риме. Но вместе с тем это кардинальное положение нуждается в более глубоком анализе и побуждает к более детальной исследовательской разработке марксистской концепции классовой и социальной борьбы в рабовладельческой формации.

Здесь затронуты лишь наиболее важные проблемы древней истории и рабовладельческой общественно-экономической формации, по которым идет переосмысление сложившихся представлений, укоренившихся стереотипов, наметились направления новых решений. Бесспорно, существуют и многие другие проблемы, в частности, в изучении государственных институтов, античного права, многообразного здания культуры, на которых здесь нет возможности останавливаться.

Предшествующий анализ поставленных проблем, выявление сложившихся стереотипов и наметившихся путей их преодоления показали, что происхождение многих из этих стереотипов, догматических суждений было связано с абсолютизацией некоторых сторон того или иного исторического явления и абстрагированием от других его сторон, зачастую прямо противоположных, т. е. с нарушением основного требования диалектики рассматривать каждое явление во взаимодействии системы всех признаков, его составляющих. «Поиск истины,— говорил М. С. Горбачев,— должен идти через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку прежних стереотипов. И поэтому с особой силой мы говорим о необходимости смелости, инициативности в выдвижении новых идей. Поэтому сегодня партия так остро ставит вопрос „о моменте исти-

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 375.

ны“, об утверждении правды и в жизни, и в науке, призванной изучать ее и находить трезвые и эффективные решения ее проблем... Новое мышление которым всем надо овладеть,— это диалектическое мышление, а диалектика, как писал К. Маркс, „ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна“ (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 22). И это качество принадлежит марксизму „всецело и безусловно“ (Ленин)» [7].

---

[7] *Горбачев М. С.* Ук. соч. С. 4—5.

М. П. Инадзе, Н. В. Хазарадзе

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ В ГРУЗИИ (1978—1987 годы)*

Минувшее десятилетие отмечено значительным увеличением общего числа конкретно-исторических работ, лингвистических разысканий и археологических открытий. Это заметное расширение источниковедческой и историографической базы, так же как и внедрение новых прогрессивных методов исследования, способствовали повышению уровня научных исследований, а также появлению ряда новых дисциплин и направлений.

Древняя история как наука в Грузии традиционно развивается по двум основным направлениям: история древнего Востока, филология и археология древневосточного периода и история античной Грузии, классическая филология и археология античного периода.

В рассматриваемый период грузинские востоковеды продолжали интенсивные исследования в области ассириологии (в узком смысле), хурритологии, хеттологии, урартологии и египтологии. Итоги этих научных исследований систематически освещались в республиканских, всесоюзных и зарубежных изданиях.

По-прежнему большое внимание уделялось изучению проблем социально-экономической истории древнего Двуречья. Критическому анализу концепции И. Гельба о социальной структуре населения Южного Двуречья была посвящена одна из работ акад. АН ГССР Г. А. Меликишвили [1]. Дж. М. Шарашенидзе последовательно разрабатывал вопросы, касающиеся наемной рабочей силы в государственных хозяйствах эпохи III династии Ура. Специальные изыскания Дж. М. Шарашенидзе посвятил вопросу о рационе административного персонала той же эпохи (ВДИ. 1982. № 1), а также проблеме социального положения энгаров, gemé и dumú (ВДИ, 1984, № 4). В монографии того же автора исследуются формы

---

* Основными исследовательскими центрами истории древнего Востока и древней Грузии, древневосточной и античной филологии, археологии древневосточного и античного периодов как и прежде являются Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, Институт востоковедения им. Г. В. Церетели АН ГССР, Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашиа и Тбилисский государственный университет. Плодотворная работа ведется также и в отдельных научно-исследовательских учреждениях системы АН ГССР и на кафедрах пединститутов Грузии.

[1] *Меликишвили Г. А.* И. Гельб о социальной структуре населения Южного Двуречья // Мацне, серия истории... 1984, № 4.

эксплуатации рабочей силы в государственных хозяйствах Шумера второй половины III тыс. до н. э.[2]

Месопотамской мифологии посвящен ряд новых публикаций З. Г. Кикнадзе. Впервые с аккадского и шумерского языков на грузинский переведен полный текст эпоса о Гильгамеше. Впервые получил читатель и составленный им на грузинском языке «Мифологический словарь Двуречья» (Тбилиси, 1984). Во втором издании вышла в свет монография З. Г. Кикнадзе «Мифология Двуречья» [3]. В статье В. А. Гвахария новую интерпретацию получил вопрос о музыкальных системах древней Месопотамии [4].

Вопросам структуры хурритского глагола была посвящена монография Н. А. Нозадзе [5]. Ей же принадлежат, снабженные соответствующими комментариями, переводы хурритских текстов на грузинский [6]. На основе клинописных текстов из архивов Мари и Нузи Э. К. Астахишвили исследовал вопросы структуры и функций ближневосточных *хальцу* [7].

Опираясь на малоизученные группы «каппадокийских» клинописных текстов из древнего Каниша, П. Р. Рамишвили воссоздана картина купли-продажи рабов, рабынь и *цухарумов* в Анатолии начала II тыс. до н. н. э. [8]

Важным этапом в развитии древневосточной науки явилось фундаментальное исследование Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова по индоевропеистике [9]. Скрупулезный анализ фактического материала дает право авторам локализовать прародину индоевропейских племен в пределах древнего Ближнего Востока. Исследование содержит огромный материал для изучения развития и взаимодействия не только индоевропейских, семитских и картвельских языков, но также и по истории древневосточных стран, древневосточной культуры и религий.

Продолжалось исследование истории хеттов. Ряд работ Г. Г. Гиоргадзе посвящен изучению социально-экономической истории хеттского общества. Всесторонний анализ форм нерабского труда привел автора к заключению, что распространение получил «барщинный труд» («отработочная рента»), бывший основой производства хеттского раннеклассового общест-

---

[2] См. работы Дж. М. Шарашенидзе: Наемная рабочая сила в государственном хозяйстве эпохи III династии Ура // Кавказско-Ближневосточный сборник (далее — КБС). Тбилиси, 1980. VI. С. 32—47; Особенности оплаты труда рабочего персонала государственного хозяйства Шумера эпохи III династии Ура / Мацне, серия истории... 1981. № 4. С. 75—84; Еще раз о понятии рабочей силы у шумеров // КБС. 1984. VII. С. 48—56; Социальное содержание терминов gemé и dumú хозяйственных документов эпохи III династии Ура // Мацне, серия истории... 1985. № 2. С. 151—157; Формы эксплуатации рабочей силы в государственных хозяйствах Шумера II половины II тысячелетия до н. э. Тбилиси, 1986; Die «Träger» in der Zeit der III Dynastie Ur // Gesellschaft und Kultur in alten Vorderasien. B., 1982. S. 229—233.

[3] Эпос о Гильгамеше. Пер. с аккадского и шумерского на груз. яз. З. Г. Кикнадзе. Тбилиси, 1984; *Кикнадзе З. Г.* Мифология Двуречья. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

[4] *Гвахария В. А.* О двух музыкальных системах Месопотамии // Сборник, посвященный акад. АН ГССР Г. С. Читая. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

[5] *Нозадзе Н. А.* Вопросы структуры хурритского глагола. Тбилиси, 1978.

[6] Хурритские тексты. Пер. и коммент. Н. А. Нозадзе. Тбилиси: Армагани. 1982 (на груз. яз.).

[7] *Астахишвили Э. К.* Структура и значение *хальцу* по клинописным архивам из Мари и Нузи // Мацне, серия истории... 1987. № 1. С. 135—145.

[8] *Рамишвили П. Р.* «Каппадокийские» юридические документы о купле-продаже рабов и рабынь // Археологические изыскания. Тбилиси, 1985. С. 160—170; *он же.* Сведения «каппадокийских» документов о купле-продаже *цухарумов* // Археологические изыскания. Тбилиси, 1986. С. 147—156.

[9] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

ва [10]. Темой специальных изысканий Г. Г. Гиоргадзе стала проблема генезиса частной земельной собственности и ареала ее функционирования в хеттском государстве [11]. Новые исследования автора посвящены хетто-картвельским филологическим и мифологическим параллелям, а также проблемам, связанным с древнеанатолийской металлургией [12].

Объектом исследований И. М. Татишвили явились структура и назначение строительных ритуалов, строительная терминология и географическая номенклатура, встречающиеся в этих источниках [13]. Хеттский погребальный ритуал рассмотрен в одной из работ М. Т. Бериашвили [14]. Н. А. Бендукидзе перевела на грузинский и снабдила комментариями хеттские мифологические тексты [15]. Выяснение хронологических рамок функционирования бустрофедона, а также характеристика особенностей словоразделительных знаков в лувийской иероглифике были темой статьи Э. К. Астахишвили [16].

Этнолингвистическим, историко-географическим, социально-экономическим и другим вопросам истории Малой Азии позднехеттской эпохи посвящены две монографии и ряд статей Н. В. Хазарадзе. Комплексно изучена проблема этногенеза мушков (мусков) в контексте этнической истории картвельских племен [17].

---

[10] См. Труды Г. Г. Гиоргадзе: Some Forms of Non-Slave Labour in the Hittite Society // Seventh International Economic History Congress. Edinburg, 1978. P. 185—190; Некоторые формы нерабской эксплуатации в хеттском обществе // КБС. 1980. VI. С. 48—56; É$^{(MEŠ)}$ LUGAL in den hethitischen Keilschrifturkunden // Gesellschaft und Kultur im Alten Vorderasien. B., 1982. S. 77—82; Two Forms of Non-Slave Labour in the Hittite Society // Labour in the Ancient Near East. Illinois, 1987; Дом(а) царя в хеттских клинописных источниках // Культурное наследие Востока. М., 1985. С. 78—83. См. также работы общего характера: *Гиоргадзе Г. Г.* Хеттское царство // История древнего мира. Т. I. М., 1982. С. 197—216; *он же.* Хеттские исторические источники // Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984. С. 153—168.

[11] *Он же.* Купля-продажа земли по данным § 47B хеттских законов // Ближневосточный сборник. Тбилиси, 1983. С. 30—36 (на груз. яз.); *он же.* Об одном источнике происхождения частной земельной собственности в хеттском государстве // КБС. 1984. VII. С. 85—92.

[12] См. работы: О характере хеттско-грузинских (картвельских) языковых параллелей (По данным хеттского языка) // Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979. С. 62—69; «Руно» в хеттских источниках и его античные параллели // Труды ТГУ. Т. 227. 1982. С. 287—293 (на груз. яз.); Хеттско-Армазские «триады» // Мнатоби. 1985. № 7. С. 147—157 (на груз. яз.); Производство и применение железа по хеттским клинописным текстам // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1987; К вопросу об обозначении серебра в хеттских клинописных текстах // ВДИ. 1987. № 3. С. 132—138.

[13] *Татишвили И. М.* Храмовый строительный ритуал у хеттов // Мацне, серия истории... 1983. № 1. С. 123—133; *она же.* Хеттский ритуал установления очага (KUB XXIX 1 III 37 — IV 29) // Археологические изыскания. Тбилиси, 1985. С. 142—151 (на груз. яз.); *она же.* Новый хеттский храмовый строительный ритуал (KBo XV 24) // Археологические изыскания. Тбилиси, 1986. С. 133—146.

[14] *Бериашвили М. Т.* Хеттский погребальный ритуал // Вестник Государственного музея Грузии. 1984. XXXVI — B (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[15] Хеттские мифологические тексты. Пер. Н. А. Бендукидзе. Тбилиси: Армагани, 1982 (на груз. яз.).

[16] *Астахишвили Э. К.* Направления чтения и словоразделительные знаки в хеттской (лувийской) иероглифической письменности // Археологические изыскания. Тбилиси, 1985. С. 152—159 (на груз. яз.).

[17] См. работы Н. В. Хазарадзе: Этнические и политические объединения Восточной Малой Азии I половины I тысячелетия до н. э. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.); Royal Power in Late Hittite Political Entities // Gesellschaft und Kultur im alten Vorderasien. B., 1982. S. 121—126; Царская власть в позднехеттских политических образованиях // Труды ТГУ. 1982. Т. 227. С. 180—187 (рез. на груз. и англ. яз.); Some Remarks about the Late-Hittite Official Ideology // XXXI International Congress of Human Sciences in Asia and Africa (Abstracts of Papers). Tokyo, 1983;

В области урартологии появился ряд новых работ Г. А. Меликишвили [18]. Синхронное изучение урартской эргативной конструкции, установление типа и характерных ее особенностей стало темой одной из статей И. Г. Мачавариани [19]. Проблема урартского глагола и имени рассмотрена в монографии В. А. Гвахария. Им же на грузинском языке опубликован корпус ассиро-вавилонских сведений об Урарту [20].

В грузинской историографии работами М. Г. Хведелидзе впервые представлена египтология. Ею опубликован и снабжен соответствующими комментариями русский перевод Мемфисского трактата, а также исследован ряд важных аспектов древнеегипетской религии [21].

Р. С. Рцхиладзе в ряде своих статей обратилась к изучению представлений Аристотеля, Ксенофонта и Лукиана о странах и народах древнего Востока [22].

Среди теоретических разработок проблем истории древневосточных государств особо следует отметить работы Г. А. Меликишвили о социально-экономическом строе раннеклассовых обществ древнего Закавказья и древнего Востока. По его мнению, раннеклассовые горские общества типологически относятся к «дофеодальным» («протофеодальным») и являют собой «тупиковый» путь развития [23]. Г. А. Меликишвили дан глубокий анализ отдельных этапов развития древнеближневосточных обществ III—I тыс. до н. э. и выделены характерные для каждого из этих этапов социальные структуры [24]. Новые исследования Г. В. Коранашвили посвящены изучению взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на сущность восточного (азиатского) общества; автор сделал попытку проследить характер их эволюции [25]. Рассматривая вопрос о предпосылках развития рабовладель-

---

К истории термина «Табал» ассирийских письменных источников // КБС. 1984. VII. С. 93—101 (рез. на англ. яз.); К местонахождению «Хате» и «Халиту» урартских источников // Грузия и Восток. Тбилиси, 1984. С. 176—184 (на груз. яз., рез. на русск. яз.); Этнополитические проблемы древней истории Грузии (мосхи). Тбилиси, 1984 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.).

[18] См. труды Г. А. Меликишвили: К чтению одного места в летописи урартского царя Аргишти I // Переднеазиатский сборник. 1979. III; Urartu und das südliche Transkaukasien // Georgica. 1980; Экономика и внешняя политика в период расцвета Урарту // Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980; Урарту и Закавказье. Ассирийские источники. Урартские надписи // Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984.

[19] *Мачавариани И. Г.* О типологии субъективно-объективных отношений в урартском языке // КБС. 1980. VI. С. 5—18 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[20] *Гвахария В. А.* Глагол и имя в урартском языке. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); *он же.* Ассиро-вавилонские сведения об Урарту. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).

[21] См. работы М. Г. Хведелидзе: Мемфисский трактат и его место в религии древнего Египта // Мацне. 1978. № 3. С. 124—135; Мемфисский трактат. Пер. текста и комментарии // Мацне, серия истории... 1979. № 1; Заметки о древнеегипетской драме эпохи Древнего царства // КБС. 1980. VI. С 19—31; Проблема «бога» в изучении древнеегипетской религии // КБС. 1984. VII. С. 35—48; Два понятия вечности в космогониях древнего Египта // Мероэ. М., 1985. Вып. 3; Babylonian and Egyptian Triads // Gesellschaft und Kultur im alten Vorderasien. B., 1982.

[22] См. работы Р. С. Рцхиладзе: L'Orient dans les euvres de Xenophone //KLio. 1980. 62.2; Воззрения Аристотеля о Востоке // КБС. 1980. VI. С. 72—86; Восток в позднеантичной греческой литературе. Лукиан // КБС. 1984. VII. С. 123—133.

[23] *Меликишвили Г. А.* К характеристике социально-экономического строя грузинских горцев // Мацне, серия истории... 1979, № 1 (на груз. яз.); *он же.* К характеристике социально-экономического строя раннеклассового общества грузинских горцев // ВДИ. 1984. № 1.

[24] *Он же.* Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества // ВДИ. 1985. № 4; *он же.* Некоторые черты развития ближневосточного общества в первой половине I тыс. до н. э. // Мацне, серия истории... 1986. № 3.

[25] См. работы Г. В. Коранашвили: К вопросу об эволюции взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на восточное общество // КБС. 1980. VI. С. 87—104; Morgan's Influen-

ческого способа производства, Г. В. Коранашвили пришел к выводу, что «рабство как способ производства функционировало лишь в античном, греко-римском обществе», отсутствуя на древнем Востоке [26].

Грузинская археологическая наука продолжала интенсивное изучение памятников древности на территории республики. В последнее десятилетие значительные масштабы новостроек Грузии во многом обусловили небывалый размах археологических изысканий. Ограниченный объем данного очерка, к сожалению, заставляет нас ограничиться упоминанием лишь обобщающих монографических исследований по археологии.

Общеизвестно, что на территории совр. Грузии засвидетельствованы почти все этапы развития палеолита (исключая шелль), что, естественно открывает широкие перспективы для реконструкции начальной истории человеческого общества [27]. Продолжалось изучение ранее известных памятников эпохи палеолита Западной Грузии (Причерноморье, Колхидская низменность, Риони-Квирильский бассейн) и Квемо Картли. В 70-е годы впервые были выявлены синхронные им памятники и в Восточной Грузии (ущелье р. Арагви, окрестности оз. Базалети). Выяснилось, что последние существенно отличаются от комплексов каменного века Западной Грузии и свидетельствуют о более высоком уровне развития материальной культуры данного региона [28]. В монографии Л. Д. Небиеридзе, посвященной исследованию Даркветского многослойного (ранняя бронза, неолит, мезолит) навеса, констатируется генетическая связь между позднемезолитской и раннепалеолитической культурами Грузии. В свете данных Даркветского археологического материала на территории Грузии впервые прослеживается сложный процесс зарождения и перехода к производящей экономике [29]. В том же Арагвском ущелье (Млашегора, Кайшаурское плато) впервые был обнаружен локальный вариант неолитической культуры Восточной Грузии [30]. Добыты новые данные об открытой еще в 60-х годах раннеземледельческой культуре Грузии V—IV тыс. до н. э., знаменующей собой заключительный этап «неолитической революции». Ее анализу был посвящен ряд работ Т. Н. Чубинишвили и Л. А. Челидзе [31]. Объектом исследования М. В. Менабде и Т. В. Кигурадзе явился новый археологический памятник IV тыс. до н. э., обнару-

---

ce on Marx: The Question of Asiatic Society // Dialectical Anthropology. 1980. № 6; Morgan's Influence on Engels: The Question of Asiatic Mode of Production // Ibid. 1982. № 7.

[26] *Коранашвили Г. В.* К проблеме уровня производительных сил в докапиталистических классовых формациях // Мацне, серия истории..., 1980. № 2; *он же.* О предпосылках развития рабовладельческого способа производства // КБС. 1984. VII. С. 34; *он же.* Философско-исторические этюды. Тбилиси, 1985.

[27] О наиболее крупных археологических работах на территории Грузии в 50 — 70-х годах см. *Лордкипанидзе О. Д.* Археология в Грузинской ССР. Тбилиси, 1982.

[28] *Церетели Л. Д.* Первые находки памятников каменного века в Душетском районе // (Жинвали, I. Тбилиси, 1983. С. 40—51 (на груз. яз., рез. на русск. яз.). Впервые на территории Грузии обнаружены петроглифы, часть которых датируется эпохой мезолита,— *Габуния М. К.* Петроглифы Патара храми. Тбилиси, 1980 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[29] *Небиеридзе Л. Д.* Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[30] *Церетели.* Ук. соч. С. 46.

[31] *Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М.* К вопросу о некоторых определяющих чертах раннеземледельческой культуры VI—IV тыс. до н. э. // Мацне, серия истории... 1978. № 1 (на груз. яз., рез. на русск. яз.); *Чубинишвили Т. Н.* Ведущие черты производящей экономики в раннеземледельческой культуре Южного Кавказа // Древний Восток и мировая культура. М., 1981, и др.

женный в с. Сиони (в 6—7 км к юго-западу от Шулавери). Памятник свидетельствует о существовании на территории Грузии еще одной своеобразной раннеземледельческой культуры, отличающейся от шулавери-шомутепинской и имеющей много общего с синхронными культурами Восточной и Западной Грузии [32]. Засвидетельствованное на территории города Тбилиси Делисское поселение V—IV тыс. до н. э. содержит весьма ценную информацию о взаимосвязи раннеземледельческой и куро-аракской культур, а также об отношении шулавери-шомутепинской культуры и синхронных с ней памятников Западной Грузии [33]. Археологическим памятникам Западной Грузии эпохи энеолита и ранней бронзы посвящены работы И. И. Цвинария [34].

Опубликован ряд исследований о куро-аракской культуре, в настоящее время засвидетельствованной почти во всех регионах Грузии. Публикации нового археологического материала Самцхе-Джавахети эпохи ранней бронзы и его интерпретации был посвящен труд А. З. Орджоникидзе [35]. Беденские курганы ранне- и среднебронзовых эпох всесторонне рассмотрены в изданной (посмертно) монографии их первооткрывателя — Г. Ф. Гобеджишвили [36]. Также в посмертно изданном исследовании Ш. Ш. Дедабришвили впервые опубликованы археологические материалы курганных погребений Алазанской долины эпохи ранней бронзы. В этой культуре автором выделен алазано-беденский этап, являющийся, по его мнению, заключительным, для которого характерны высокоразвитая металлургия, златокузнечество, гончарное дело и «подспудно зревшая социальная дифференциация» общества [37]. Р. М. Рамишвили, Н. И. Гигуашвили и К. К. Кахиани [38] опубликовали ценный археологический материал из Дманисского района (с. Грмахевистави), датируемый эпохами энеолита — ранней бронзы и поздней бронзы — раннего железа.

В свете материалов археологических культур Кавказа IV—III тыс. до н. э. О. М. Джапаридзе выдвинул новую концепцию раннего этногенеза кавказских племен [39]. Опираясь на радиоуглеродный анализ и показания релятивной хронологии, Г. А. Кавтарадзе уточнил даты целого ряда памятников Кавказа и Ближнего Востока эпох энеолита и бронзы, удревнив абсолютную хронологическую шкалу археологических культур Грузии этих эпох на 200—1000 лет [40].

Большое внимание уделялось выявлению и изучению новых очагов триалетской культуры Кавказа. В этой области важное значение имеет исследование О. М. Джапаридзе, И. А. Киквидзе, Г. Б. Авалишвили,

---

[32] *Менабде М. В., Кигурадзе Т. В.* Археологические памятники с. Сиони. Тбилиси, 1981 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[33] Тбилиси I. Археологические памятники. Тбилиси, 1978. С. 14 слл.

[34] *Цвинария И. И.* Культура энеолита и ранней бронзы в Абхазии. Сухуми, 1978; *он же.* Поселение Гуандра (Новый памятник энеолита и ранней бронзы в Абхазии). Тбилиси, 1978.

[35] *Орджоникидзе А. З.* Самцхе-Джавахети в эпоху ранней бронзы. Тбилиси, 1983 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.).

[36] *Гобеджишвили Г. Ф.* Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси, 1981 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[37] *Дедабришвили Ш. Ш.* Курганы Алазанской долины. Тбилиси, 1979.

[38] Археологические памятники Грмахевистави. Под ред. Р. М. Абрамишвили. Тбилиси, 1980 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[39] *Джапаридзе О. М.* К раннему этногенезу кавказских племен. Историко-филологические разыскания. Ч. I. Тбилиси, 1980. С. 7—36.

[40] *Кавтарадзе Г. А.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983; *он же.* Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси, 1981 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

А. Т. Церетели, в котором дан научный анализ археологических материалов курганов эпохи средней бронзы, открытых еще в начале 70-х годов за пределами собственно Триалетской области, в Месхет-Джавахети. Сделан ряд важных выводов о социальной стратификации месхетского общества изучаемой эпохи [41].

В целом ряде работ, вышедших в свет в последнее десятилетие, широко были представлены археологические памятники Кахетии эпохи средней и поздней бронзы. В этой связи особо следует отметить монографию К. Н. Пицхелаури, в которой констатируется непрерывность развития материальной культуры Восточной Грузии, начиная с эпохи средней бронзы вплоть до первых веков нашей эры, определяются ареалы распространения отдельных культур, показан характер их взаимосвязей, уточнены этапы развития, внесены определенные коррективы в ранее существующую хронологическую шкалу развития материальной культуры Восточной Грузии [42].

Под редакцией акад. АН ГССР А. М. Апакидзе вышли в свет три тома (IV, V, VI) серии «Мцхета» (1980—1982), содержащие подготовленный А. И. Каландадзе археологический материал погребальных комплексов Самтаврского могильника эпохи поздней бронзы, которые имеют значение эталонных для синхронных памятников Кавказа. Объектам Ховлегоры той же эпохи посвящена монография Д. Л. Мусхелишвили [43]. Б. В. Техов опубликовал, сопроводив научным анализом, комплексы Тлийского могильника XVI—X вв. до н. э. и IX — первой половины VII в. до н. э. [44]

Анализ художественного стиля и символики декора специфических памятников искусства Центрального Закавказья эпохи раннего железа — бронзовых гравированных поясов — позволил М. Ш. Хидашели проследить генезис некоторых идеологических воззрений означенной эпохи [45].

Продолжалось изучение памятников эпох поздней бронзы и раннего железа Западной Грузии. О. М. Джапаридзе исследовал важную для этнокультурной истории проблему западногрузинской (колхской) культуры [46]. Материалы раскопок поселений Носири-Мухурчской группы (эпоха поздней бронзы и раннего железа) опубликовал Э. М. Гогадзе [47]. Опи-

[41] *Джапаридзе О. М., Киквидзе И. А., Авалишвили Г. Б., Церетели А. Т.* Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции (1970—1977 гг.). Тбилиси, 1981 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[42] *Пицхелаури К. Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979; см. также *Майсурадзе В. Г.* Археологические раскопки в с. Тетрицклеби. Тбилиси, 1980 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[43] *Мусхелишвили Д. Л.* Археологический материал поселения Ховлегора. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[44] *Техов Б. В.* Тлийский могильник (комплексы XVI—X вв. до н. э.). I. Тбилиси, 1980; *он же.* Тлийский могильник (комплексы IX — первой половины VII в. до н. э.). Тбилиси, 1981; см. также: Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. Тбилиси, 1980.

[45] См. работы М. Ш. Хидашели: Некоторые вопросы символики художественного декора бронзовых поясов // Мацне, серия истории... 1978. С. 148—162 (на груз. яз.); Вопросы художественного стиля поясов Центрального и Восточного Закавказья // КБС. 1980. VI. С. 105—125 (на груз. яз.); Religious Beliefs of the Caucasian Society of the Early Iron Age // Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. 15. S. 127; Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1983 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[46] *Джапаридзе О. М.* Западногрузинская культура эпохи поздней бронзы // Мацне, серия истории... 1982. № 1. С. 61—82; № 2. С. 41—62 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[47] *Гогадзе Э. М.* Культура поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа. Тбилиси, 1982 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

раясь на новые археологические данные, Н. Д. Хахутайшвили изучила вопросы социально-экономической, политической и культурной истории причерноморской зоны Юго-Западной Грузии эпохи раннего железа [48]. В недавно вышедшей в свет монографии Д. А. Хахутайшвили обобщены результаты археологического изучения древнеколхидского центра железной металлургии, представленного пятью основными производственными очагами, локализуемыми в предгорной полосе Восточного и Юго-Восточного Причерноморья [49].

Объектом новых исследований Т. К. Микеладзе явились могильники (Урекский и Нигвзианский) Колхиды эпохи раннего железа. Зафиксирован ранее неизвестный погребальный обряд, выявлен ряд фактов, свидетельствующих о высоком уровне хозяйственного развития данного этнокультурного региона [50].

Завершая краткий обзор научных исследований в области истории древнего Востока, древневосточной филологии и археологии древневосточного периода, считаем необходимым отметить также вышедшие в свет за последние 10 лет такие важные издания, как «Кавказско-Ближневосточный сборник» (т. VI — 1980, т. VII — 1984; в печати т. VIII). Археологические сборники: «Тбилиси» (т. I — 1978), «Мцхета» (т. II—VII — 1978—1985), «Жинвали» (т. I — 1983), «Археологические памятники Кавтисхеви» (т. I — 1980), «Труды Кахетинской археологической экспедиции» (II—VII — 1979—1984), «Памятники Юго-Западной Грузии» (т. V—XV — 1977—1986), «Труды Колхидской археологической экспедиции» (т. II — 1985) и др.

Особого внимания заслуживает также активное участие грузинских ученых в республиканских, всесоюзных и международных научных форумах ученых. Так, например, грузинские востоковеды активно участвовали в работе VIII Всесоюзной конференции по древнему Востоку (Москва — 1979), выступили с докладами на Всесоюзной конференции «Актуальные проблемы и основные направления изучения истории древнего и средневекового Востока» (Ленинград — 1981), на Международном симпозиуме, посвященном 100-летию Б. Грозного (Прага — 1979), на международных встречах ассириологов социалистических стран (Лейпциг — 1979, Прага — 1986), на международных встречах ассириологов (Вена — 1981, Лондон — 1982, Лейден — 1983, Ленинград — 1984, Париж — 1986, Стамбул — 1987) и др. Грузинские археологи не раз были организаторами всесоюзных и международных сессий по актуальным проблемам археологии и древневосточного периода (Душети — 1984, Телави — 1986).

Определенное внимание уделяли грузинские исследователи популяризации научных знаний по древней истории Кавказа и древнего Востока.

За истекшие 10 лет достигнуты значительные результаты в изучении древней Грузии. Этому способствовали углубленное исследование письменных источников (грузинских, армянских, греко-римских), открытие и опубликование новых ценных эпиграфических памятников, а также расширение планомерных археологических изысканий, которые сделали достоянием науки богатейшие материалы из древних городищ, селищ и хра-

---

[48] *Хахутайшвили Н. Д.* Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1986 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[49] *Хахутайшвили Д. А.* Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987. См. также *Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А.* Древнеколхидское поселение Намчедури. Тбилиси, 1985.

[50] *Микеладзе Т. К.* Колхидские могильники эпохи раннего железа (Урекский и Нигвзианский могильники). Тбилиси, 1985 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

мовых центров Грузии (Колхиды и Картли). Расширению источниковедческой базы во многом содействовало также появление обстоятельных публикаций обнаруженных ранее археологических памятников.

В исследовании древней истории Грузии несомненно центральное место отводилось проблеме социально-экономического строя обществ, обитавших на ее территории. Разработке этой проблемы был посвящен целый ряд трудов. Из их числа прежде всего следует выделить упомянутую выше статью Г. А. Меликишвили [51], в которой предметом исследования стал процесс перехода от доклассовой организации к классовой племен кавказских (в частности грузинских) горцев. Автор пришел к заключению, что эти общества могут быть рассмотрены как специфический вариант раннеклассовых, имеющих ограниченную экономическую базу. Эти раннеклассовые общества типологически могут быть отнесены к «дофеодальным», «протофеодальным», для которых характерным является наличие выполняющего в основном организаторские и военные функции верхушечного слоя; в то же время в целом общество было мало дифференцировано в социальном и экономическом планах.

Процесс классообразования в среде древнекартвельских племен и образование государства в Картли (Иберии) изучен Г. С. Мамулия [52]. Автор построил свою работу на анализе сохранившейся в древних грузинских источниках системы социальных терминов.

Большое внимание привлекали также вопросы социально-политического устройства древнеколхидского государства. Основываясь на анализе письменных источников (сведений древнегреческих авторов) и новейших археологических данных, М. П. Инадзе исследовала пути и условия формирования государства у колхов в раннеантичную эпоху, а также особенности его социальной и политической структуры, проявлявшей много общих черт с политическим и социальным строем раннеклассового государства фракийцев (Одрисского царства) [53].

Значительное место вопросам о социально-экономическом строе древней Колхиды отводится в монографии Г. А. Лордкипанидзе. В основу исследования положены новейшие археологические материалы (преимущественно из Ванского городища и Пичвнарского некрополя раннеантичной эпохи), а также разнообразные сведения письменных источников. Г. А. Лордкипанидзе приходит к заключению о патриархальном характере рабства в Колхиде античного периода, предполагая при этом рост использования рабского труда в экономике страны в эллинистическую эпоху [54].

Опираясь на тщательный анализ разнообразных источников (письменных, нумизматических и археологических памятников), О. Д. Лордкипанидзе создал интересную монографию об истории и культуре древней Колхиды, в которой рассмотрел ряд важнейших вопросов, касающихся причин возникновения древнеколхидской цивилизации и характере социально-экономической и политической организации Колхидского царства [55].

---

[51] *Меликишвили.* К характеристике социально-экономического строя раннеклассового общества грузинских горцев. С. 27 слл.

[52] *Мамулиа Г. А.* Формирование классового общества и государства в древней Картли (Иберии). Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

[53] *Инадзе М. П.* Исторические параллели возникновения и развития государства во Фракии и Колхиде античной эпохи // КБС. 1980. VI. С. 128 слл. (на груз. яз.).

[54] *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1978.

[55] *Лордкипанидзе О. Д.* Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси, 1979; *он же.* Древняя Колхида. София, 1985 (на болг. яз.).

Проблемы социально-политической организации колхов в раннеантичную эпоху, а также демографической ситуации в Колхиде в период Великой греческой колонизации были затронуты в ряде докладов и выступлений участников II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979). Большинство выступавших на симпозиуме (О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе, Г. Т. Квирквелия и др.) [56], используя археологические данные и сведения античных авторов (Страбона, Плиния Старшего и др.), обосновывало и развивало тезис о высоком уровне социально-экономического развития колхидского общества в период греческой колонизации. Для подтверждения этого положения они приводили многочисленные сведения, подтверждающие наличие развитой металлургии железа, отмечали исключительную многочисленность найденных металлических изделий, свидетельствующую о широких масштабах производства и о его высоком техническом уровне, а также приводили данные о массовом производстве однородной для всей Колхиды керамики.

Для изучения уровня экономического развития древних обществ Грузии и степени социальной дифференциации ее населения в предантичный и античный периоды важное значение имеют результаты новых археологических изучений древних поселений, могильников и очагов металлургии железа в Южной [57] и Северной [58] Колхиде, а также в низменных и центральных регионах страны [59]. Эти материалы демонстрируют достаточно высокий уровень хозяйственной активности на всех указанных территориях, а также обнаруживают следы достаточно далеко зашедшего процесса социального расслоения. Аналогичная картина прослеживается и в Восточной Грузии [60].

[56] См. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981: *Лордкипанидзе О. Д.*, *Микеладзе Т. К.* О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхида) в период Великой греческой колонизации; *Хахутайшвили Д. А.* Юго-Западная Грузия в VII—VI вв. до н. э.; *Квирквелия Г. Т.* Очамчире и его окружающие в VIII—V вв. до н. э.; ср. *Болтунова А. И.* К вопросу о социально-политической организации колхов; *Воронов Ю. Н.* Местное население Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э.

[57] *Микеладзе Т. К.*, *Хахутайшвили Д. А.* Древнеколхидское поселение Намчедури. Тбилиси, 1985; *Хахутайшвили Д. А.* Основные результаты работы археологической экспедиции Юго-Западной Грузии 1979 г. // ПЮЗГ. 1982. XI; *он же.* Юго-Западная Грузия VIII—VI вв. до н. э. //Материалы II Всесоюзного симпозиума... Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981. См. также: *Хахутайшвили Н. Д.* Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.); *Кахидзе А. Ю.* Восточное Причерноморье в античную эпоху. Батуми, 1981; *Вашакидзе Н. В.* Кувшинные погребения с. Земо Пархма // ПЮЗГ. 1985. XIII. С. 23 слл. (на груз. яз.).

[58] *Квирквелия Г. Т.* Погребение раннеантичного времени на горе Яштхва // ВАГ. 1978. I; *Хахутайшвили Д. А.* Материалы по истории ранней ступени производства железа в Северной Колхиде // ПЮЗГ. 1980. IX. С. 3 слл.; *Шамба Г. К.* Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984; *он же.* К истории Абхазии в раннеантичную эпоху // Материалы I Всесоюзного симпозиума... Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979; *Воронов Ю. Н.*, *Гумба М. М.* Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // СА. 1978. № 2.

[59] *Микеладзе М. К.*, *Барамидзе М. В.* О результатах полевых исследований на Колхидской низменности в зоне новостроек // Арх. исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1982; *Кигурадзе Н. Ш.* Колхидское село античной эпохи // ВАГ. 1978. 1. С. 53 слл. (на груз. яз.); *Гамкрелидзе Г. А.* Древние поселения Центральной Колхиды. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); *Гамбашидзе О. С.*, *Квижинадзе К. Д.* Материалы середины I тысячелетия до н. э. из Земо Имерети // Вопросы археологии Грузии. 1985. III. (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[60] Археологические памятники Кавтисхеви. Тбилиси, 1980 (Публикация результатов археологической экспедиции района Каспи в 1972—1978 гг.) (на груз. яз.); *Пицхелаури К. Н.* Памятники второй половины I тыс. до н. э. на территории Кахети // СА. 1977. № 3. С. 221 слл.; *Толордава В. А.* Из истории погребальных обрядов Грузии эллинистической эпохи. Кувшинные погребения. Тбилиси, 1982; *она же.* Погребения

В круг наиболее актуальных тем, изучаемых за истекшие годы грузинскими учеными, входит вопрос о взаимоотношениях между горными, предгорными и низменными районами древней Грузии. Их разработке посвящен целый ряд интересных исследований и публикаций археологических памятников из предгорных регионов: Иорского [61] и Арагвского [62] ущелий, Триалети [63], Квирильского ущелья [64], Цебельды [65] и т. д.

Результаты изучения открытых за последние годы на территории Западной Грузии (с. Вани-Ахвледианебисгора, Саирхе-Сабадурисгора) богатых погребений V и IV вв. до н. э.[66], остатков культовых сооружений и очагов VIII—VII и VI вв. до н. э., а также найденной в Вани греческой надписи позволили заново осмыслить важнейшие, до сих пор еще слабо разработанные вопросы о генезисе храмовых центров древней Грузии (Колхиды), роли храмов в социально-политической жизни общества в VI—III вв. до н. э. и др. Изучению этих вопросов посвящены книга О. Д. Лордкипанидзе [67], а также статья М. П. Инадзе [68]. В работе М. П. Инадзе показано, что культовые центры, выявленные на территории Вани и Саирхе-Ломинаури, возникали на местах древних святилищ; к V в. до н. э. с завершением процесса сложения раннеклассового общества в Колхиде эти центры принимают вполне развитые формы. В этой же статье автор пытается обосновать предположение о теократическом характере власти правящей верхушки колхидского государства. В другой статье [69] на базе тех же материалов М. П. Инадзе выявляются военные и жреческие функции представителей правящей верхушки храмово-политических центров Вани и Саирхе в раннеантичную эпоху.

В исследовании Ю. М. Гагошидзе [70] дан анализ сформировавшихся в Картли (Иберия) в раннеантичный период политико-административных

античного времени из сел. Улиановка // ВАГ. 1978. I. С. 81 слл.; *Нонешвили А. И.* Кувшинные погребения Закавказья (Материалы для археологической карты). Тбилиси, 1983; *Николаишвили В. В.* Памятники античного периода из Дигомского ущелья // ВАГ. 1978. I. С. 91 слл.

[61] *Рамишвили Р. М.* Археологические памятники Иорского ущелья. III. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); *Мамаиашвили Н. Ф.* Погребения со «скифским» инвентарем из Иор-Алазанского бассейна // ТКАЭ. 1980. IV.

[62] *Рамишвили Р. М.* Некоторые вопросы взаимоотношений между горными и низменными районами Восточной Грузии по новым археологическим материалам Арагвского ущелья. Жинвальская экспедиция // Материалы II научной сессии. Тбилиси, 1981. С. 70 слл.; *Цитланадзе Л.* Могильник Варсимаантқари // Жинвали, I. Тбилиси, 1983; *Мухигулашвили Н. З.* Предгорье Арагвского ущелья в VI—III вв. до н. э. // Душетская научная конференция. Тбилиси, 1984. С. 109 слл.

[63] *Гагошидзе Ю. М.* Триалетские могильники. Каталог. Т. III. Могильники античной эпохи. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); *Давлианидзе Ц. О.* Культура Квемо Картли (Триалети) во второй половине I тыс. до н. э. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).

[64] *Гогадзе Э. М., Давлианидзе Ц. О.* Горадзири. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

[65] *Воронов Ю. Н., Юмин В. Ю.* Ранний горизонт (IV—II вв. до н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. № 1. См. также *Джапаридзе В. М.* Рец. на кн.: Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975 // ВАГ. 1979. II (на груз. яз.).

[66] Саирхские богатые погребения обнаружены археологической экспедицией Квирильского ущелья (в 1982—1986 гг.) под руководством Дж. Надирадзе (Гос. музей искусства Грузии).

[67] *Лордкипанидзе О. Д.* Город-храм Колхиды. М., 1984.

[68] *Инадзе М. П.* Храмовые центры древней Колхиды // Мацне, серия истории... 1986. № 4. С. 33 слл.

[69] *Она же.* Некоторые вопросы социально-политической истории древней Колхиды // Там же. 1987. № 4.

[70] *Гагошидзе Ю. М.* Картли (Иберия) в V—I веках до н. э. Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Тбилиси, 1983 — см. рец.: *Лордкипанидзе О. Д.* О некоторых спорных вопросах истории Картли (Иберии) V—I вв. до н. э. // Мацне, серия истории... 1985. № 1. С. 142 слл.

образований предгосударственного или раннегосударственного типа. Автор показывает теократический характер власти правящей верхушки этих образований, а также обосновывает тезис о том, что резиденции правителей этих образований (Самадло, Цихиагора и др.) представляли собой одновременно и религиозные центры. Работа построена на анализе нового материала из городища Самадло [71] и некоторых других памятников.

Одной из наиболее актуальных и сложных проблем истории Грузии античного периода, в разработке которой за минувшие годы произошли значительные сдвиги, является проблема возникновения городов и развития городской жизни. Успеху в данной области во многом содействовало широкое развертывание археологического изучения античных городищ и селищ как в Восточной, так и в Западной Грузии и последующая публикация многочисленного нового материала (местной и импортной керамики, монет, надписей, памятников глиптики, строительной керамики, черепицы с буквенными знаками и т. д.) в виде серии книг, сборников, а также отдельных монографий и статей. Публикация и обобщение обнаруженных на территории древней столицы Картлийского государства — Мцхета археологических памятников даны в серийном издании «Мцхета. Итоги археологических исследований» (редактор акад. АН ГССР А. М. Апакидзе), где наряду с памятниками других периодов широко представлены материалы античного времени [72]. В серии книг под названием «Великий Питиунт» (ред. А. М. Апакидзе) публикуются научные отчеты о результатах систематических археологических раскопок и разведок, осуществляемых на территории «Пицундской земли» в течение двух десятилетий Пицундской археологической экспедицией [73]. Итоги археологических изысканий на территории античного городища Вани изданы в серии трудов «Вани. Археологические раскопки» (ред. О. Д. Лордкипанидзе). Отдельные тома этого издания посвящены публикации документальных отчетов о раскопках богатых погребений V—IV вв. до н. э., оборонительных и культовых сооружений и т. д. [74]

В продолжение последних десяти лет велись археологические изыскания в столице Эгрисского (Лазского) царства (Западная Грузия) Цихегоджи-Нокалакеви-Археополиса. Результаты раскопок этого городища за первые пять лет, обзор исторических источников о Нокалакеви и его окрестностях, а также история его изучения представлены в т. I сборника «Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки» (Тбилиси, 1981) (ред. проф. П. П. Закарая). II том этого сборника посвящен итогам раскопок 1978—1982 годов (Тбилиси, 1987).

В долине Настакиси, на территории городищ Саркине и Дзалиси, были выявлены ценнейшие для изучения истории Картли и ее городов античного периода археологические памятники. По предположению некоторых исследователей (Б. А. Бохочадзе, Ю. М. Гагошидзе), район долины Настакиси и горы Самадло являлся тем местом в Картли, где были заложены основы городской жизни, а после образования единого Картлийского царства (с III в. до н. э.) существовавший здесь город приобрел функции столицы [75].

---

[71] *Гагошидзе Ю. М.* Самадло (Археологические раскопки). Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

[72] Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. II—VII. Тбилиси, 1978—1985.

[73] Великий Питиунт. Т. II—III. Тбилиси, 1977—1978.

[74] Вани. Археологические раскопки. Т. IV—VII. Тбилиси, 1979—1983.

[75] *Бохочадзе А. В.* Вопросы локализации «древнего Мцхета» // Археологические памятники феодальной Грузии. III. Тбилиси, 1978. С. 5 слл.; *Гагошидзе Ю. М.* Са-

Возникший в эллинистическую эпоху город Дзалиси высшей ступени своего развития достиг в позднеантичный период, будучи одним из самых крупных и богатых городов Картлийского государства. Наряду с Дзалиси в Мухранской долине зафиксировано существование значительного торгово-экономического пункта на месте с. Агаиани [76].

Существенные результаты для исследования характерных черт городских центров Картли IV—III вв. до н. э. были достигнуты в процессе археологического исследования холма Цихиагора (на северной окраине с. Кавтисхеви). Лучше всего сохранились строительные остатки большого комплекса эллинистической эпохи, центральное место в котором занимает храм, обнесенный оградой [77]. Особого внимания заслуживает также обнаруженная на холме черепица IV в. до н. э. с буквенными знаками; как показали Н. В. Хазарадзе и Г. Г. Цкитишвили, знаки передают ионийскую буквенную систему нумерации, широко распространенную в Малой Азии этого периода [78].

Следует отметить результаты исследования Дедоплис Миндори (в Карельском районе), где на рубеже II—I вв. до н. э. был возведен по единому замыслу грандиозный храмовый комплекс, состоящий из восьми храмов, двух пропилеев и других объектов [79]. На материале Дедоплис Миндори Ю. М. Гагошидзе доказано, что в эллинистической Иберии существовали храмы и развитое храмовое хозяйство. Храмы возводились главным образом в домене картлийских царей и содержались за счет доходов с их земельных угодий. В течение последних лет объектом систематического археологического изучения также стал упомянутый Страбоном в Колхиде город-крепость Сарапанис-Шорапани [80].

Ценные материалы дали раскопки древних городищ прибрежных районов Колхиды (Очамчире, Эшера, Цихисдзири). Возникновение городов и развитие городской жизни в этой полосе страны тесно переплетается с греческой колонизацией, а именно, с основанием здесь ионийских и афинских поселений. Полученные археологические данные проливают свет на оба протекавших здесь процесса, поэтому результаты их анализа целесообразно излагать вместе.

Наибольшее значение придавалось исследованию вопроса о характере греческих поселений на Колхидском побережье и изучению форм сосуществования греческого и местного элементов. В этом отношении особо следует отметить новые археологические открытия на Эшерском городище [81], позволившие установить наличие здесь с VI в. до н. э. мощного поселения с аборигенным и греческим населением, тесно связанным с городом Диоскурией (занимавшим современную Сухумскую бухту и ее окрестности).

мадло. Тбилиси, 1979; *он же.* Самадло. Каталог археологического материала. Тбилиси, 1981.

[76] *Бохочадзе А. В.* Некоторые вопросы истории городов Картлийского царства античной эпохи (Дзалиса) // ВАГ. 1979. II (на груз. яз.); *он же.* Археологические раскопки в Агаяни и Дзалиси. Тбилиси, 1981.

[77] *Цкитишвили Г. Г.* Результаты работ на «Цихиагора» (1971—1974 гг.). КСИА, 1977. С. 87 слл.

[78] *Хазарадзе Н. В., Цкитишвили Г. Г.* Черепица Цихиагора // КБС. 1980. VI. С. 146 слл.

[79] *Гагошидзе Ю. М.* Дохристианские храмы Грузии. Тбилиси, 1983 (IV Межд. симп. по груз. искусству).

[80] *Джапаридзе В. М.* Археологическое изучение Сарапанис-Шорапани // ДТК. 1983. 63.

[81] *Шамба Г. К.* Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970—1977 гг.). Тбилиси, 1980. См. также *Логинов В. А.* Новые материалы по археологии Диоскуриады // СА. 1983. № 2.

В последующую эпоху это поселение входит в состав хоры Диоскурии, играя немаловажную роль в ее политической и экономической жизни.

Для исследования протекавших на Колхидском побережье процессов огромное значение имели также систематические раскопки на городище Пичвнари. Они дали ценные сведения, позволившие установить два этапа греческой колонизации Восточного Причерноморья, а также выявить характерные особенности этого городища, его экономики, ремесленного производства, культуры, его взаимоотношения с античным миром [82] и т. д.

В 1978—1987 годах большое внимание уделялось также проблеме местонахождения древнего города Фасиса. В результате археологических и геологических работ, проведенных с этой целью в районе устья р. Рионн (Фасиса), были обнаружены остатки нескольких поселений, самое древнее из которых было зафиксировано на холме Зурга. Значение этих памятников важно для истории Фасиса, так как они создают определенное представление о той области, центром которой впоследствии становится Фасис, и о предпосылках возникновения последнего [83].

Достижения в области исследования истории прибрежных городов Колхиды и вопросов греческой колонизации подытожены в монографии М. П. Инадзе [84], а также в статьях О. Д. Лордкипанидзе, Г. А. Лордкипанидзе и др. [85]

Новейшие археологические открытия на античных городищах прибрежных районов Колхиды выдвинули ряд важных проблем по греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья, требующих координации их научной разработки. С этой целью был проведен I Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья в Цхалтубо (1977 г.) [86]. На симпозиуме большинством исследователей было принято положение о торговом характере греческих поселений Восточного Причерноморья и о своеобразии процесса протекавшей здесь греческой колонизации.

В круг наиболее актуальных проблем, изучаемых исследователями, входят вопросы о путях и степени проникновения эллинистической культуры в Колхиду и Иберию, вопросы инновации в материальной культуре в IV—II вв. до н. э. Изучению этих проблем был посвящен III Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье», организованный Центром археологических исследований АН ГССР совместно с Институтом археологии АН СССР и Институтом всеобщей истории АН СССР (в работе принимали участие и ученые из зарубежных стран). На симпозиуме были заслушаны доклады грузинских ученых, посвященные исследованию отдельных вопросов истории эллиниз-

---

[82] *Кахидзе А. Ю.* Археологические раскопки Пичвнари и некоторые вопросы греческой колонизации Восточного Причерноморья // Материалы I Всесоюзного симпозиума... Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979. С. 311 слл.; *он же.* Древнегреческий могильник Пичвнари (IV в. до н. э.) // СА. 1979. № 1. С. 171 слл.; *он же.* Ионийский и античный этапы греческой колонизации Восточного Причерноморья // *ПЮЗГ. 1982. XI.*

[83] *Микеладзе Т. К.* Археологические исследования в низовьях р. Рионн. Материалы к истории древнего Фасиса. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).

[84] *Инадзе М. П.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

[85] *Лордкипанидзе Г. А.* Греко-колхское взаимоотношение в VI—IV вв. до н. э. // ВДИ. 1982. № 2; *Лордкипанидзе О. Д.* Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980; *он же.* Древняя Колхида. Тбилиси, 1979.

[86] См. Материалы I Всесоюзного симпозиума... Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979.

ма в древней Грузии [87], а также обсуждались проблемы теоретического плана [88].

В последнее десятилетие интенсивно разрабатывались вопросы развития экономики городских центров Колхиды и Иберии, особое внимание уделялось формам городского хозяйства, основным отраслям ремесленного производства (изготовление керамики [89], черепицы [90]).

Большая, трудоемкая работа была проведена также для изучения в новом аспекте ряда культурно-исторических проблем древней Грузии [91]. Исследовалась материальная культура античной эпохи: художественная обработка металла [92], златокузнечество [93], архитектура фортификационных сооружений [94], изготовление перстней-печатей [95], а также малой пластики [96], мозаики [97].

Наряду с этим предметом специального исследования стали культурно-экономические связи и взаимоотношения Колхиды и Картли с античным

---

[87] *Личели В. Т.* Торгово-ремесленное поселение III—II вв. до н. э. во внутренней Колхиде; *Матиашвили Н. Н.* Эллинизм и религиозные верования древних колхов; *Толордава В. А.* Инновации в погребальных обрядах Колхиды эллинистического времени; *Хахутайшвили Д. А.*, *Кахидзе А. Ю.* Пичвнари в эллинистическую эпоху; *Чкония А. М.* Ювелирное искусство Колхиды в IV—II вв. до н. э.; *Вашакидзе В.*, *Кахидзе Ю. А.* Могильники эллинистического времени в Юго-Западной Грузии; *Лордкипанидзе О. Д.* Вани в IV—III вв. до н. э.

[88] *Лордкипанидзе О. Д.* «Эллинизм», «Эллинистический мир» (Причерноморье в эпоху эллинизма) // Материалы III Всесоюзного симпозиума... Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985.

[89] *Матиашвили Н. Н.* Из экономической истории городов Колхиды III—I вв. до н. э. (По керамическому материалу). Тбилиси, 1977 (на груз. яз.); *Лордкипанидзе О. Д.*, *Гиголашвили Е. Т.*, *Качарава Д. Д.*, *Личели В. Т.*, *Пицхалава М. С.*, *Чкониа А. И.* Колхидская керамика VI—IV вв. до н. э. из городища Вани (Типологическая и хронологическая классификации, каталог) // Вани V. Тбилиси, 1981. С. 5 слл.

[90] *Ахвледиани Д. В.* Некоторые вопросы производства черепицы // Мацне. 1986. № 1 (на груз. яз.).

[91] *Ломтатидзе Г. А.* Культура и быт населения Грузии I—XIII вв. Тбилиси, 1977; *Лордкипанидзе О. Д.*, *Микеладзе Т. К.*, *Хахутайшвили Д. А.* Гонийский клад. Тбилиси, 1980; *Личели В. Т.* К изучению материальной культуры Внутренней Колхиды III—I вв. до н. э. // Мацне. 1981. № 2 (на груз. яз.); *Апхазава К. И.* Материальная культура раннесредневековой Грузии. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); *Мирианашвили Н.* Из истории материальной культуры Шида Картли (Археологические памятники Агаиани). Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).

[92] *Мачабели К. Г.* Серебро древней Грузии. Тбилиси, 1983; *Немсадзе Г. М.* Серебряная чаша из Авгела // ВГМГ. 1979. XXXIV—В.

[93] *Гагошидзе Ю. М.* Из истории ювелирного дела Грузии // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985; *Чкония А. М.* Золотые украшения Ванского городища // Вани VI. Тбилиси, 1981. С. 5 слл.

[94] *Лежава Г. И.* Архитектурные памятники Грузии античного периода. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.); *Кипиани Г. Г.* Капители. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.); *Лордкипанидзе Г. А.* Фортификация Ванского городища. Археология, классическая филология, византинология. Тбилиси, 1978.

[95] *Лордкипанидзе М. А.* Древнейшие перстни-печати Иберии и Колхиды (на груз. яз.); *Рамишвили К. И.* Сасанидские геммы в Грузии. Тбилиси, 1979; *Рамишвили К. И.*, *Немсадзе Г. М.* Глиптические памятники из могильника Згудери // ВГМГ. 1982. XXXVI—В.

[96] *Джавахишвили Г. А.* Антропоморфная пластика в языческой Грузии. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).

[97] *Мацулевич Л. О.* Мозаики Пичвинты — Великого Питиунта; *Шервашидзе Л. А.* Пицундская мозаика; *Чкония А. М.* Фрагменты светской мозаики в Пицунде (Великий Питиунт, III); *Одишели М. Д.* Композиционная эволюция открытых в Грузии мозаик полов // Мацне, серия истории..., 1986. № 2 (на груз. яз.).

миром [98] и со странами Ближнего Востока [99], а также вопросы идеологии и религиозных представлений насельников древней Грузии [100].

В последнее десятилетие успешно разрабатывались вопросы нумизматики. Изучению многочисленных монет и монетных кладов, обнаруженных в разных пунктах Грузии, а также денежного обращения Колхиды и Иберии посвящен ряд монографий [101] и отдельных статей, в которых вновь большое внимание уделяется происхождению «колхидок» [102].

За последнее десятилетие большое внимание уделялось также разработке политической истории Колхиды и Иберии. Опубликован ряд трудов, монографий и статей, в которых на основании детального изучения сведений греко-римских авторов и их сопоставления с археологическими и нумизматическими данными рассматриваются политико-экономические взаимоотношения древней Грузии с Римом [103] и Понтийским царством [104]. Исследуется также вопрос о месте торговли в римско-парфянских и иберийских взаимоотношениях [105]. Проблемам внутриполитической истории Картли и Колхиды посвящены интересные работы Г. А. Меликишвили [106] и Д. Л. Мусхелишвили [107], а также статьи Г. А. Гамкрелидзе и В. В. Вашакидзе [108]. В этих же работах затрагивается важнейшая проблема достоверности сведений о деятельности царей Картли, сохранившихся в грузинских средневековых исторических памятниках. Следует отметить, что степень надежности этих сведений как источника для изучения истории Грузии III в. до н. э. и последующего времени исследователями

---

[98] *Брашинский И. Б.* Основные черты греко-варварской торговли в античном Причерноморье и ее особенности в Колхиде. Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980; *Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Качарава Д. Д., Матиашвили Н. Н., Толордава В. А. и др.* Античный (греческий) импорт в Вани и его окрестностях // Вани. VII. Тбилиси, 1983. С. 7 слл.

[99] *Мусхелишвили Д. Л.* К вопросу о связях Центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху // ВАГ. 1978. I; *Гагошидзе Ю. М.* Из истории грузино-иранских взаимоотношений (Храм II—I вв. до н. э. Дедоплис Миндори) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981; *Пирцхалава М. С.* К вопросу о распространении памятников скифской культуры в Грузии // ВАГ. 1978. I.

[100] *Лордкипанидзе Г. А.* К истории культуры Грузии античного периода (Идеология, религиозные представления) // Грузия и Восток. Тбилиси, 1984.

[101] *Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А.* Денежное обращение Центральной Колхиды. Тбилиси, 1983; *Дундуа Г. Ф.* Монетные клады Грузии (Монеты римского времени из с. Эка и Сепиети). Тбилиси, 1979; *Джалаганиа И. Л.* Монетные клады Грузии. Клад сасанидских и византийских монет из Цители Цкаро. Ч. I. Тбилиси, 1980.

[102] *Дундуа Г. Ф., Кахидзе А. И.* Вопросы происхождения «колхидок» // Мацне. 1978. № 4; *Дундуа Г. Ф.* Еще раз о происхождении колхидок // Материалы I Всесоюзного симпозиума... Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979.

[103] *Ломоури Н. Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч. I. Политические взаимоотношения. Тбилиси, 1981.

[104] *Он же.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979; *Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А.* Грузия и Митридат VI (По нумизматическим данным) // Материалы III Всесоюзного симпозиума... Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985; *Шелов Д. Б.* Колхида в системе понтийской державы Митридата VI // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980.

[105] *Гамкрелидзе А.* Проблемы торговли в римско-парфянских взаимоотношениях // Мацне, серия истории... 1985. № 4.

[106] *Меликишвили Г. А.* Список царей древней Картли (Иберии) // Культурное наследие Востока. Л., 1985.

[107] *Мусхелишвили Д. Л.* К вопросу о центре Эгрисского царства // Кавказ и Средиземноморье.

[108] *Гамкрелидзе Г. А.* К истории Колхиды времен Азо-Фарнаваза // Мацне. 1985. № 3; *Вашакидзе В. В.* Из истории внутриполитической борьбы на начальном этапе становления Картлийского царства // Мацне, серия истории... 1985. № 4. С. 144 слл. (на груз. яз.); *он же.* Значение древнегреческих источников для изучения истории Колхиды // Грузинское источниковедение. VII. Тбилиси, 1987.

оценивается по-разному [109]. Одновременно продолжалась работа по анализу сведений о древней Грузии, содержащихся в сочинениях Геродота, Страбона, александрийских поэтов — Ликофрона, Аполлония Родосского и др.[110] Вышли в свет интересные работы, в которых на основании сведений древнегреческих авторов и иных данных исследовались вопросы этногенеза древнегрузинских племен (Т. С. Каухчишвили [111], Н. В. Хазарадзе [112]). Т. С. Каухчишвили и М. П. Инадзе осуществили также исследование круга письменных источников, проливающих свет на процесс греческой колонизации Восточного Причерноморья [113].

Таким образом, исследование ряда аспектов древней истории Грузии протекало на базе тщательнейшего и всестороннего учета сведений античных авторов. Т. С. Каучишвили продолжала работу по изданию комментированных переводов ряда античных источников, содержащих сведения о Грузии [114]. Ценным вкладом в науку является осуществленные тем же автором издание и перевод найденных недавно на городищах Эшера и Вани греческих надписей [115], открывших новые возможности для изучения древней истории Грузии.

Следует отметить также работу, проведенную Г. Г. Гиоргадзе, по дальнейшей расшифровке и интерпретации Армазской билингвы [116].

Одним из важных достижений грузинской советской историографии следует признать подготовку к изданию на русском языке первого тома «Очерков истории Грузии», охватывающего древнейшую историю Грузии до античной эпохи включительно (до IV в. н. э.). В этой работе, выполненной авторским коллективом с участием акад. АН ГССР Г. А. Меликишвили и под его редакцией, суммированы достижения современной грузинской исторической науки в области изучения древней истории Грузии (книга находится в печати).

---

[109] *Ломоури Н. Ю.* К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории древней Грузии // Источниковедческие разыскания, 1982. Тбилиси; ср. *Мусхелишвили Д. Л.* Некоторые проблемы источниковедческой критики грузинских средневековых источников // Мацне. 1986. № 3.

[110] *Каухчишвили Т. С.* Античные источники для истории Батуми // Труды Батумского Института истории. 1987; *она же.* По поводу некоторых уточнений текста «Географии» Страбона // Византийские этюды. Тбилиси, 1978. С. 44 слл.; *она же.* О некоторых сведениях Ликофрона и его апостолов // Кавказ и Средняя Азия. Тбилиси. 1980; *она же.* «Персы» Эсхила и «История» Геродота // Грузинское источниковедение, V. Тбилиси, 1978; *Хазарадзе Н. В.* К интерпретации одного сообщения Страбона («География», XI, 2, 17) // Мацне, серия истории... 1984. № 1. С. 105 слл.; *Инадзе М. П.* К интерпретации одного сведения Геродота // ВЭ. 1978; *она же.* Первые сведения о городе Кутаиа // КБС. 1984. VII. С. 152 слл.

[111] *Каухчишвили Т. С.* О некоторых древнегреческих сведениях по вопросам этногенеза древнегрузинских племен // Проблемы античной истории и культуры. Материалы XIV Межд. конф. «Эйрене». Ереван, 1979; *она же.* Ахейцы // Мацне, серия истории... 1980. № 3; *она же.* Гениохи // Там же. 1980. № 4.

[112] *Хазарадзе Н. В.* Этнополитические проблемы древней истории Грузии (мосхи). Тбилиси, 1984 (на груз. яз.); *она же.* Античная традиция и вопрос о расселении мосхов в VI—V вв. до н. э. // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.

[113] *Каухчишвили Т. С.* Письменные источники по вопросу «колонизации» Восточного Причерноморья // Материалы I Всесоюзного симпозиума... Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979; *Инадзе М. П.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья, Тбилиси, 1982 (на груз. яз., рез. на русск. и франц. яз.).

[114] Сведения греческих писателей о Грузии. IV. Тбилиси, 1987; V. Тбилиси, 1983.

[115] *Каухчишвили Т. С.* Греческая надпись Эшерского городища // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1985. С. 218 слл.; *она же.* Новая греческая надпись из Вани // Грузинское источниковедение. VII. Тбилиси, 1987. С. 131 слл.; см. также *Инадзе М. П.* К интерпретации эшерской греческой надписи «Мнатоби». Тбилиси, 1987. № 8.

[116] *Гиоргадзе Г. Г.* Армазская билингва: «Фарнаваз» или «Фарнавазпани»? // Мнатоби. 1986. № 10.

В последнее десятилетие велась научно-исследовательская работа в области классической филологии — по исследованию античной литературы [117], переводу сочинений греческих авторов [118], составлению пособий по истории античной литературы и классическим языкам [119]. Ряд трудов был посвящен разработке отдельных проблем античной литературы, среди которых особое место занимают вопросы литературной обработки «Сказания об аргонавтах» (А. В. Урушадзе), а также истории греков и их языка [120]. Важное место отводилось и вопросам гомеровского эпоса, в частности проблеме исторической ценности его данных. В этой связи следует отметить интересную книгу Р. В. Гордезиани [121], а также его другие работы, в которых исследованы проблемы догреческо-картвельских [122] и эгейско-кавказских взаимоотношений [123]. В прошедшем десятилетии большое внимание уделялось исследованию истории античного мира. Монография Р. А. Гоголашвили посвящена исследованию важной проблемы положения освобожденных рабов (либертинов) в Риме времени конца республики и начала империи. В других работах того же автора дается анализ конкретных факторов, обусловивших характерные особенности восточного и античного рабства, изучаются источники рабства и т. д. [124] Следует также отметить научно-популярные работы по истории древнего мира, выполненные Л. Д. Саникидзе [125] и Г. Е. Кавтария [126].

Научная работа по изучению древней истории Грузии, археологии античного периода и классической филологии отнюдь не исчерпывается названными выше трудами: рамки нашего обзора, по необходимости краткого, смогли вместить лишь какую-то часть, отразившую, однако, наиболее заметные и характерные для грузинской историографии последнего десятилетия явления и процессы.

Хотелось бы также особо отметить большую работу грузинских ученых, занимающихся проблемами востоковедения и античности, по подготовке кадров, участию в республиканских, всесоюзных и международных сессиях, конференциях, конгрессах, а также в деле популяризации научных достижений.

---

[117] *Гараканидзе И. И.* Овидий «Метаморфозы». Тбилиси, 1980, 424 с.; *она же.* Античные сведения о пифагорейском методе исследования // Труды ТГУ, серия археологии, класс. филол., византинистики. 1984. Т. 249; *Пхакадзе Т. П.* Новонайденные комедии Менандра // Там же. 1978. № 183. С. 76 с.

[118] Сафо. Лирика. Пер., вступление, коммент. Н. М. Тониа. Тбилиси, 1977; Овидий. Метаморфозы. Пер. Н. М. Тонпа. Тбилиси, 1980.

[119] *Пхакадзе Т. Л.* Латинский язык. Тбилиси, 1984.

[120] *Урушадзе А. В.* Каталог аргонавтов // ВЭ. 1978; *он же.* Страна волшебницы Медеи // Кавказ и Средиземноморье. С. 21 слл.; *он же.* Некоторые вопросы истории греческого языка // Историко-филологические разыскания. I. Тбилиси, 1980.

[121] *Гордезиани Р. В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978; *он же.* Kriterien der Schriftlichkeit und Mündlichkeit in homerischen Epos. Frankfurt am Main, 1986. S. 151.

[122] *Он же.* Догреческий и картвельский. Тбилиси, 1985. С. 222 (на груз. яз., рез. на русск. и немецк. яз.); *он же.* Основные типы звуковых чередований в догреческом и картвельском // Труды ТГУ, Т. 249, серия археологии, класс. филол., византинистики, № 3—4. 1984. С. 149—167 (на груз. яз.).

[123] *Он же.* Об эгейско-кавказских взаимоотношениях в микенскую эпоху // Consilium Eirene. Proceeding of I6-th Int. Eirene Conf. V. 3. 1983. S. 85—90.

[124] *Гоголашвили Р. А.* Освобожденные рабы (либертины) в древнем Риме. Тбилиси, 1981. 239 с.; *она же.* О некоторых вопросах восточного и античного рабства // Труды ТГУ. Т. 243. 1983. С. 71 слл.

[125] *Саникидзе Л. Д.* Римская империя. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.); *он же.* Александр Македонский. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

[126] *Кавтария Г. Е.* Ганнибал. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

К. А. Ревяко, О. И. Ханкевич

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В БЕЛОРУСИИ

(Работа кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ в 1977—1987 годах)

Исторические исследования в области древней истории в Белоруссии ведутся главным образом в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина в г. Минске на кафедре древней истории и средних веков, а также в Государственном университете г. Гродно. Преподавание древней истории в педагогических институтах республики осуществляется силами кафедр всеобщей истории, древняя история не занимает в работе этих кафедр особого места. В университете г. Гродно наряду с преподаванием древней истории ведется также научно-исследовательская работа, главным образом в области античной философии. Это направление связано с исследованиями Б. Б. Виц-Маргулес, занимающейся вопросами философского наследия Демокрита и его влиянием на другие философские школы античности. На X Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ (3—5 июня 1987 г.) ею был сделан доклад о взглядах и жизни Диагора Мелосского (V в. до н. э.). Ее перу принадлежит также статья о влиянии софистической литературы на Геродота.

Но, как уже сказано, главное место в развитии научно-исследовательской работы в области древней истории занимает кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ, где сосредоточены специалисты востоковеды и античники.

В последнее десятилетие внимание историков древнего мира, работающих в БГУ, было сконцентрировано на исследовании классово-сословной и идейно-политической борьбы в рабовладельческих обществах Востока и античности. Проблематика научных работ кафедры БГУ посвящена исследованию истории хеттского государства, его связям с древнейшими обществами Восточного Средиземноморья, культурным и идеологическим контактам хеттов и их влиянию на поздние культуры бассейна Эгейского моря. В области римской истории изучалось развитие римской civitas в период республики, а также ее связи с соседними государствами Западного Средиземноморья, в частности с Карфагеном. Исследовались также проблемы классовой борьбы во время Пунических войн, политическая история Поздней республики, деятельность таких институтов плебса, как комиции. Немалое место в работе кафедры занимают вопросы идеологии, связанные с религиями древности и влиянием Востока на античное мышление. Особое внимание в научной и научно-популяризаторской работе кафедры уделяется истории христианства: изучению истоков происхожде-

ния христианства, его оценок в работах К. Маркса, а также русских революционеров-демократов, социально-политического развития христианства на протяжении I—V вв., формирования христианских символов и таинств, отношений между христианством и государственной властью Римской империи.

Последующая характеристика работы кафедры раскрывает содержание исследований сотрудников кафедры в последнее десятилетие, с 1977 по 1987 г.

В плане исследования истории древнего Востока Г. И. Довгяло занимался транскрипцией, переводом и интерпретацией неопубликованных хеттских текстов, скопированных во время научной командировки в Пергамон-Музеум (Берлин) в 1972 г. Итогом этой работы стали доклады, прочитанные на всесоюзных конференциях по истории древнего мира и истории культуры древнего Востока в 1974 —1979 гг. В основном они были посвящены проблеме уточнения интерпретации содержания классических древнехеттских текстов в свете недавно найденных аккадских и хеттоязычных источников, восходящих к древнейшему периоду государственности на территории Малой Азии.

В круге научных интересов Г. И. Довгяло находится и проблема влияния древнеанатолийской цивилизации на более поздние культуры бассейна Эгейского моря и Восточного Средиземноморья. В частности, он обратил внимание на присутствие в гораздо более поздних древнегреческих текстах не только анатолийских собственных имен, но и очень близких по содержанию, с сохранением ряда специфических особенностей сюжетов хеттского происхождения. В «Истории» Геродота, некоторых фрагментах труда Николая Дамасского легко узнаются наиболее драматические и трагические события реальной политической истории хеттов, имена и прозвища действующих лиц [1].

Наиболее полное отражение эти исследования Г. И. Довгяло нашли в его монографии «Становление идеологии раннеклассового общества (На материале хеттских клинописных текстов)» (Минск: изд-во БГУ, 1980). В последние годы им подготовлена к печати монография «Библия (Ветхий Завет) в свете хеттских клинописных источников» (15 п. л.). Основные ее положения были отчасти изложены в докладах на международных и всесоюзных конференциях 1980—1987 гг.[2]

В области истории древней Греции Ф. М. Нечай рассмотрел сообщения «Илиады» о возникновении частной собственности на землю, затронул также вопросы социального статуса греков эпохи Троянской войны, обосновал свою точку зрения по вопросу о численности греческих войск под Троей [3].

М. С. Корзун занимался исследованием социально-политической борьбы в греческих полисах. В гесиодовское время в основе этой борьбы лежала, по его мнению, эксплуатация не только родовой знатью, но и зажиточ-

[1] *Довгяло Г. И.* Данные хеттского текста Телепинуса (§ 10—12) и соответствующие им параллели у Геродота (I, 7—13) // Проблемы античной историп и культуры. Доклады XIV Международной конф. античников соц. стран «Эйрене». Ч. I. Ереван, 1979. С. 88—93.

[2] *Довгяло Г. И.* Хеттский текст KBo XXII 2 о предгосударственном состоянии общества и соответствующие ему параллели из других традиций // Тезисы докладов IX Всесоюзной авторско-читательской конф. ВДИ. М., 1984. С. 15; *он же.* Хеттское престолонаследие на фоне римского права // Тезисы докладов XXXI Международной конф. ассириологов. Л., 1984.

[3] *Нечай Ф. М.* Социальный статус греков эпохи Троянской войны и количество греческих войск под Троей // Вопросы истории древнего мира и средних веков/ Под ред. Ф. М. Нечая, Г. М. Лившица. Минск, 1977 (далее — ВИДМ). С. 29—38.

ными земледельцами «безволовых мужей», бездомных фетов, поденщиков и рабов [4]. В классический период концентрация рабов и накопление ценностей в руках частных лиц, подобных Никию, постоянно и неизбежно обостряли противоречия между ними и неимущими или малоимущими гражданами. Никий использовал в частных целях и полисную идеологию, основанную на религиозных представлениях, вопреки ее коллективистским официальным целям [5]. Разноотраслевой тип хозяйства Никия (как и других таких граждан) оказывал влияние на его колеблющуюся позицию в войне со Спартой [6].

Проблемой религии раннего Рима занимается Н. И. Миницкий. В частности, он провел исследование одной из древнейших юридических норм Римского государства — Lex sacrata. Первоначально эта правовая норма представляла волю класса-сословия плебеев, выраженную в форме обычая, превратившегося впоследствии в общегосударственный закон. Возникновение рассматриваемой нормы обычного права было обусловлено, по мнению ученого, возросшей экономической и политической мощью плебеев [7].

Доклад Н. И. Миницкого «Древнеримская мантика и влияние Востока на ее формирование» [8] посвящен одному из аспектов проблемы культурных связей между античностью и Востоком. Восточное влияние автор объясняет непосредственными контактами этрусков и греков с малоазийским населением, а также определенной степенью сходства социальной структуры. Сравнительно большое место мантики в религиозной системе, по мнению Н. И. Миницкого, подтверждает ритуально-магический характер религиозной идеологии древнего мира. Автор выделяет особенность религиозной идеологии римского полиса: общинная направленность религии формирующегося римского полиса проявлялась в участии плебеев в некоторых государственных культах, принятии плебейских культов в состав государственных, коллективной ответственности плебеев за религиозные преступления перед культом Юпитера [9].

Н. И. Миницкий предпринял попытку выяснить роль римских продигий (знамений) в политической жизни раннереспубликанского Рима [10]. По его мнению, толкование продигий было одним из религиозных средств идеологического оправдания политического и экономического господства патрициев. Путем преднамеренной интерпретации действительных природных явлений создавалось представление о воздействии богов на общественные отношения, причем это воздействие всегда было в интересах патрициев. Тем самым у плебеев воспитывался страх перед богами и

---

[4] *Корзун М. С.* Обучение классовому подходу при оценке явлений античной истории // Методика обучения и теория языка / Под ред. Н. А. Березовина, Л. Т. Шалышко. Минск, 1980. С. 110—113.

[5] *Он же.* Тип хозяйства и политическая позиция Никия // Вестник БГУ. Сер. 3. 1985. № 1. С. 23—25.

[6] *Он же.* Афинское посольство по заключению Никиева мира // Там же. Сер. 3. 1985. № 3. С. 19—22.

[7] *Миницкий Н. И.* Политический и правовой аспекты римского религиозного института lex sacrata // ВИДМ. С. 52—59.

[8] Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV конф. «Эйрене». Ч. I. С. 170—176.

[9] *Миницкий Н. И.* Особенности формирования религиозной идеологии римского полиса // Вопросы истории. Межвед. сб. Вып. 8 / Под ред. В. М. Фомина. Минск, 1981. С. 99—107.

[10] *Он же.* Продигии и социально-политическая борьба в раннереспубликанском Риме // Норция. Проблемы истории и культуры древнейших обществ Средиземноморья. Вып. 2. Воронеж, 1978. С. 89—96.

покорность перед господствующим классом-сословием — патрициями. Н. И. Миницкий обратил внимание на некоторые аспекты классовой оценки полисной идеологии: идея всеобщности или единства полиса в действительности представляла частный классовый интерес в качестве всеобщего, что приводило к идеализации действительности [11].

История Пунических войн — тема исследования К. А. Ревяко. По этой проблеме им опубликован ряд статей, депонирована монография «Роль римского и италийского плебса во второй Пунической войне» и прочитано несколько докладов на авторско-читательских конференциях ВДИ, «Сергеевских чтениях» и на XIV Международной конференции «Эйрене». Автор обратил внимание на то, что в истории Пунических войн немаловажную роль играла религия как средство идеологического воздействия на народные массы [12]. Религиозные новшества отвечали, по мнению К. А. Ревяко, насущным потребностям государства военного времени. Вводя ритуалы и культы новых божеств Греции и эллинизированного Востока, например культ Кибелы из Пергама, Рим утверждался как центр Средиземноморья. В статье «Причины побед и поражений Ганнибала во второй Пунической войне» [13] рассмотрены первые успехи Ганнибала на территории Италии, его победа при Каннах и взятие им Капуи. Используя сведения античных авторов и многочисленные специальные исследования, автор приходит к выводу о прочности римско-италийской федерации. Пополнение римской армии гражданами и союзниками-италиками, в противовес наемникам Ганнибала, обеспечило победу Рима. В центре внимания К. А. Ревяко находятся различные аспекты отношения к войне римских граждан и их союзников, комплектование легионов, изменение социального состава римской армии. Военное искусство римлян эпохи Пунических войн в оценке Ф. Энгельса рассмотрено К. А. Ревяко в отдельной статье [14].

Один из важнейших аспектов сословно-классовой борьбы в Римской республике — вопрос о выступлениях рабов К. А. Ревяко рассмотрел в связи с изучением заговора рабов во время похода Ганнибала по Италии (217 г. до н. э.). Он подчеркивает, что Ганнибал делал ставку на римских рабов в планах захвата города Рима [15]. Несколько статей и выступлений на конференциях были посвящены историографии Пунических войн. По мнению К. А. Ревяко, общим недостатком многих работ буржуазных ученых является защита римской агрессии, оправдание захватнического характера войн, стремление доказать их необходимость. Преувеличивается роль полководцев в войнах и недооценивается роль народных масс,

---

[11] *Он же.* Некоторые аспекты классовой систематизации полисной идеологии // VIII Всесоюзная авторско-читательская конф. ВДИ. Тезисы докладов. М., 1981. С. 63—64.

[12] *Ревяко К. А.* Религиозный аспект внутренней и внешней политики Рима в конце III в. до н. э. (Установление государственного культа Кибелы в Римской республике) // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV конф. «Эйрене», Ч. I. С. 242—248.

[13] *Он же.* Причины побед и поражений Ганнибала во 2-й Пунической войне // ВИДМ. С. 59—66.

[14] *Он же.* Роль римского и италийского плебса во 2-й Пунической войне. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 1454 от 28.06.1977; *он же.* Ф. Энгельс о военном искусстве древних римлян эпохи Республики // Вестник БГУ. Сер. 3. 1981. № 1. С. 23—24.

[15] *Он же.* О выступлениях рабов Римской республики (V—I вв. до н. э.) // Вопросы истории. Вып. 8. С. 107—113.

отрицается и роль экономических факторов в развязывании военных конфликтов [16].

О. И. Ханкевич занимается политической историей позднереспубликанского Рима и, в частности, проблемой деятельности таких институтов римского плебса, как народный трибунат и корпоративные собрания плебса по трибам. Вплоть до конца республиканской эпохи наряду с трибутными комициями (comitia populi tributa) в Риме существовали, по ее мнению, и чисто плебейские собрания триб (concilia plebis) [17]. Инкорпорирование плебеев в римскую политическую общину как равноправных ее членов повлекло за собой расширение сферы деятельности названных выше институтов. Сопоставив состав голосующих, функции и механизм деятельности различаемых античными авторами трибутных комиций с чисто плебейскими собраниями триб, О. И. Ханкевич пришла к заключению, что последние становятся после 287 г. до н. э. главным законодательным органом Рима. Все мероприятия II в. до н. э., включая и реформы Гракхов, были плебисцитами. Они касались важнейших вопросов жизни Римского государства — выведения колоний и ограничения землевладения знати, предоставления прав римского гражданства союзникам, реорганизации порядка прохождения магистратур, реформы голосования в комициях [18].

Изучая деятельность народных трибунов в начале II в. до н. э., О. И. Ханкевич стремилась проследить, как в ней отражались политическая борьба и столкновение различных группировок нобилитета. Просопографические данные указывают, по ее наблюдению, на невысокий социальный статус этих магистратов [19].

Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ имеет богатые традиции в изучении истории раннего христианства. Начало этому было положено трудами академика Н. М. Никольского. В дальнейшем проблемами истории раннего христианства занимался Г. М. Лившиц. Особое внимание он уделял вопросам происхождения христианства в связи с находками в районе Мертвого моря. В последние годы своей жизни Г. М. Лившиц занимался в основном историко-философской тематикой, тем не менее проблемы истории раннего христианства продолжали привлекать его внимание. В 1985 г. вышла последняя книга Г. М. Лившица, две главы которой посвящены исследованию изучения проблемы раннего христианства советскими учеными в 20—30-х годах [20]. Рассмотрены работы Н. М. Никольского, Н. А. Морозова, И. И. Скворцова-Степанова, Н. А. Куна, В. С. Рожицина, Е. М. Ярославского, А. В. Луначарского, П. Ф. Преображенского, Н. В. Румянцева, А. Б. Рановича, И. А. Крывелева и многих других, выявлен круг вопросов, на которых было сосре-

---

[16] *Он же.* Немецкая историография о Пунических войнах // Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 9832 от 20.04.1982. 47 с.; *он же.* Современная англо-американская историография о Пунических войнах // Вестник БГУ. Сер. 3. 1986. С. 30—33.

[17] *Ханкевич О. И.* Роль плебейских собраний триб в политической жизни Рима позднереспубликанского периода // Вторые Сергеевские чтения. 30—31 янв. 1981. Тезисы докладов. М., 1981. С. 30—31.

[18] *Она же.* К вопросу о процедуре голосования в законодательных трибутных комициях // Вестник БГУ. Сер. 3. 1980. № 3. С. 28—31; *она же.* Реорганизация магистратуры в Римской республике в начале II в. до н. э. // Вопросы истории. Вып. 8. С. 113—121.

[19] *Она же.* Роль народных трибунов в общественно-политической жизни Римской республики II в. до н. э. (до Гракханского движения) // Вестник БГУ. Сер. 3. 1977. № 1. С. 22—27.

[20] *Лившиц Г. М.* Очерки по истории атеизма в СССР: 20—30-е годы. Минск, 1985. С. 97—146.

доточено внимание советских исследователей (вопрос об историчности Иисуса, предпосылки возникновения христианства, датировка и авторство произведений Нового завета). Книга Г. М. Лившица позволяет составить весьма полное представление о том, как формировался марксистский подход к истории раннего христианства у советских историков, как преодолевались ошибочные и ненаучные концепции.

Отдельные вопросы истории раннего христианства, вызвавшие интерес русских революционеров-демократов 40—60-х годов XIX в., рассматриваются Г. М. Лившицем в книге «Атеизм русских революционных демократов» (Минск, 1979). Автор анализирует, в частности, диссертацию Д. И. Писарева об Аполлонии Тианском, где выдающийся революционер-демократ изложил свои взгляды на ряд религиозных систем, существовавших на древнем Востоке, в Греции и Риме.

Большое внимание Г. М. Лившиц уделял изучению критики идеализма и религии в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Этим вопросам посвящены две его монографии, в которых рассмотрены труды и отдельные высказывания классиков марксизма-ленинизма о происхождении христианства и его ранней истории [21]. В других книгах Г. М. Лившица освещается трактовка истории раннего христианства в работах Л. Фейербаха, Г. В. Плеханова [22]. Одна из последних его работ посвящена критике богословской интерпретации кумранских источников [23].

В настоящее время проблемами истории раннего христианства занимается В. А. Федосик. В монографии «Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств» (Минск, 1979) автор использовал широкий круг источников, в том числе и новых для советской науки. В книге рассматривается возникновение таинств в связи с социально-политической эволюцией христианства. В. А. Федосиком анализируется символическое содержание раннехристианских культовых трапез, обрядов крещения и причастия. По мнению автора, обряды крещения и причастия были возведены в ранг таинств в конце II — начале III в. Они были призваны (наряду с доктриной о том, что только клир является единственным распорядителем благодатью) служить обоснованию и закреплению господства клира над рядовыми членами церкви, привязывать их тем самым к церкви. Социально-политическая эволюция, которую претерпело христианство на протяжении I—V вв., нашла свое отражение и в культовой символике. Например, в обрядах крещения и причастия постепенно заглушаются мессианские и эсхатологические мотивы (причем изменяется и их характер), с течением времени все больший вес приобретают сотериологические, мистические элементы, идея греховности человека.

Продолжая исследование проблем христианского культа, В. А. Федосик показал, как вокруг таинства причастия складывалось сложное религиозно-драматическое действие — литургия, ставшая главным богослужением в христианстве [24]. Возникновение литургий в христианстве В. А. Федосик также связывает с социально-политической эволюцией христианства. По его мнению, первые литургии в этой религии появились

[21] *Он же.* Критика идеализма и религии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Минск, 1982; *он же.* Критика В. И. Лениным идеализма и религии. Минск, 1983.

[22] *Он же.* Критика идеализма и религии в трудах Г. В. Плеханова. Минск, 1981; *он же.* Атеизм Людвига Фейербаха. Минск, 1978; *он же.* Критика идеализма и религии соратниками К. Маркса и Ф. Энгельса. Минск, 1984.

[23] *Он же.* Критика богословской и буржуазной интерпретации данных кумранских текстов // Вопросы истории. Вып. 8. С. 92—99.

[24] *Федосик В. А.* В сладкогласии песнопений литургии. Минск, 1985.

не ранее конца III — начала IV в. Первый образец литургии содержит так называемый Египетский церковный ордер. Расцвет литургий связан с превращением христианства в господствующую религию Римской империи.

В монографии «Критика богословских концепций сущности христианского катехумената» В. А. Федосик исследовал проблему, которая не рассматривалась ранее в советской историографии. Автор собрал большое количество сведений из источников о христианском катехуменате. По его мнению, на начальном этапе христианства катехумената не существовало, катехуменат — церковный институт, он появился тогда, когда в христианстве складывается церковь — к концу II в. Церковь тогда не просто разделяла верующих на клир и мирян, но и внутри этих составных частей существовало свое деление. Если в среде клира сложилась целая иерархия степеней, то среди рядовых верующих существовало деление на «катехуменов» и «верных» [25]. Катехуменат, по мнению автора, был одной из поисковых форм организационной структуры раннехристианской церкви. Он просуществовал несколько веков и фактически отмер в результате превращения христианства в единственную государственную религию Римской империи, в результате массовой христианизации населения, проводившейся уже при опоре на государственную власть. Подвергая критике попытки теологов запутать вопрос о сущности катехумената, В. А. Федосик отмечает, что катехуменат был мощным средством влияния клира на массы рядовых членов христианской церкви. Он был необходим церкви на определенном этапе как для борьбы с религиозными соперниками христианства, так и для борьбы с многочисленными ересями (там же, с. 70—81).

В настоящее время коллектив историков-античников кафедры в научной работе продолжает исследование названных выше проблем, расширяя их круг. В частности, Г. И. Довгяло занимается вопросом борьбы за власть в высших слоях хеттского общества. М. С. Корзун, изучавший распространение первоначального христианства в России [26], разрабатывает проблему социальной и политической роли в древнегреческой религии. К. А. Ревяко продолжает исследование римской истории времени Пунических войн. О. И. Ханкевич обратилась к вопросу о функции римских комиций в период кризиса полиса. В. А. Федосик занимается проблемой отношений между христианской церковью и государственной властью Римской империи в III — начале IV в., критикой богословских концепций эволюции христианской церкви в III—V вв.

Перечень проблем и вопросов, которыми были заняты ученые и над которыми работают сейчас, показывает направление исследовательской работы кафедры древней истории и средних веков Белорусского гос. университета, достигнутые результаты и дальнейшие перспективы и пути развития исследовательской мысли белорусских историков — востоковедов и античников.

---

[25] *Он же.* Критика богословских концепций сущности христианского катехумената. Минск, 1983. С. 4—5, 39—40.

[26] *Корзун М. С.* Критика богословской концепции проникновения христианства на Русь // ВИДМ. С. 38—45; *он же.* Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. Минск, 1984. С. 6—8.

И. П. Вейнберг

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В РЕСПУБЛИКАХ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ (70—80-е годы)

Состояние и развитие любой отрасли современной науки теснейшим образом связаны с размещением и распределением данной науки по стране, с сочетанием сосредоточенности ее в крупных научных центрах и рассредоточенности ее по периферийным научным учреждениям, характером, степенью и направленностью такого сочетания или его отсутствием. Избыточная централизация науки, ведущая к сужению в ней горизонтов поисков и соревновательного начала, к утверждению в ней тенденций монополизации, столь же неблагоприятна, как и чрезмерная децентрализация, которая может иметь последствиями местническую обособленность и провинциализм, недостаточно высокий уровень научных исследований. Поэтому разумное сочетание сосредоточенности и рассредоточенности научных исследований при наличии координации научных интересов центра и периферии, при обеспечении двустороннего движения информации создает оптимальные условия для развития науки, в том числе и истории древнего мира.

Перечень участников различных научных конференций, семинаров и т. д. последних лет по древней истории, авторов новейших коллективных исследований, сборников и журналов, в том числе и «Вестника древней истории», убедительно доказывает, что наряду с признанными центрами востоко- и антиковедения — Москвой, Ленинградом, Тбилиси, Ереваном и другими — заметно активизируется исследовательская деятельность в области истории древнего мира в других городах и республиках, в том числе в Советской Прибалтике. Однако исследования литовских, латвийских и эстонских историков, часто написанные на родном языке и опубликованные в местных изданиях, остаются малоизвестными всесоюзной научной общественности. Данный обзор призван хотя бы частично восполнить этот пробел и ознакомить научную общественность с основными направлениями в изучении истории древнего мира в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР [1].

В развитии любой науки действенно сказывается наличие или отсутствие соответствующих научных традиций. В этом отношении предпосылки для развития в прибалтийских республиках востоко- и антиковедения весьма благоприятные, ибо в Тарту и Риге, Каунасе и Вильнюсе уже

[1] Выражаю искреннюю благодарность к.ф.н., доц. Е. Ульчинайте, к.и.н., доц. С. Сташайтису и к.и.н., доц. М. Тянава за любезно предоставленную детальную информацию о научной деятельности литовских и эстонских востоковедов и античников, использованную в данном обзоре.

в конце XIX в.— первой половине XX в. работали видные исследователи древнего мира — филологи, историки, искусствоведы и др. В Институте классических древностей Тартуского университета работали такие известные исследователи классической филологии, античной истории и культуры, как П. Халисте (1890—1944), В. Зюс (1882—1968) и др.; А. Придик (1864—1936) успешно разрабатывал различные аспекты египтологии и истории эллинизма. В Каунасе ученица Б. А. Тураева М. Рудзинскайте-Арцимавичене (1885—1941) написала единственный пока на литовском языке учебник по иероглифике и опубликовала ряд исследований по истории и культуре древнего Египта; В. Шилкарскис (1884—1960) известен как автор ряда монографических исследований по истории древнегреческой эпической литературы и античной философии. В Риге работали Р. Ю. Виппер (1859—1954), многогранная, почти универсальная научная деятельность которого охватывала как востоковедческую, так и особенно антиковедческую проблематику; видный египтолог, специалист в области древнеегипетского изобразительного искусства Ф. Балодис (1882—1947) и многие другие. Однако уже тогда преимущественное развитие в республиках получила местная, локальная история и археология, к изучению которой обращались также Р. Ю. Виппер, Ф. Балодис и другие исследователи истории древнего мира.

Преимущественная ориентация на местную, локальную историю, несомненно необходимая и целесообразная из-за неразработанности фундаментальных проблем, доступности малоосвоенной источниковедческой базы и т. д., стала принципом организации исторической науки в советских прибалтийских республиках. Соответственно республиканские академические институты сосредоточивают свое внимание на исследовании проблем истории, археологии, этнографии и т. д. своих республик, а изучением всеобщей истории, в том числе истории древнего мира, занимаются кафедры высших учебных заведений — кафедры всеобщей истории и классической филологии Вильнюсского гос. университета им. В. Капсукаса и кафедра всеобщей истории Вильнюсского гос. педагогического института, кафедра истории древнего мира и средних веков и кафедра классической филологии Латвийского гос. университета им. П. Стучки и кафедра истории СССР и всеобщей истории Даугавпилсского педагогического института им. Я. Э. Калиберзина, кафедра всеобщей истории Тартуского гос. университета (к сожалению, кафедра классической филологии этого университета в 1954 г. была объединена с кафедрой западноевропейской литературы, а с 1971 г. преподаватели древних языков входят в состав кафедры иностранных языков, что вряд ли может содействовать развитию востоко- и антиковедения в республике). Такое разделение и распределение сфер научных исследований по истории не могло не сказаться на характере и направленности изучения древнего мира. Связанность изучения истории древнего мира с главной задачей высшего учебного заведения — подготовкой историков и филологов, главным образом для школ республик, определяет три основных направления деятельности прибалтийских востоковедов и античников — переводческую, научно-методическую и научно-исследовательскую.

Активная переводческая деятельность — действенное средство преодоления языковой замкнутости и приобщения к общечеловеческим ценностям прошлого и настоящего. Поэтому переводы на литовский, латышский и эстонский языки древних текстов, главным образом античных — устойчивая традиция в прибалтийских республиках, получившая дальнейшее развитие в рассматриваемом десятилетии.

В Литовской ССР активную и многогранную переводческую деятельность осуществляют Й. Думчюс («Государство» Платона — 1981, «Сатирикон» Петрония — 1984, подготовлены к изданию «Этика Никомаха» и «Категории» Аристотеля, «История» Геродота, отдельные трагедии Эсхила, Еврипида, Сенеки, комедии Аристофана, Менандра, Плавта, Теренция и др.), А. Дамбраускас («Одиссея» — 1979, «Илиада» — 1981, ряд трагедий Софокла — 1984, «Энеида» — 1967 и «Буколики. Георгики» Вергилия — 1971, «Метаморфозы» Овидия — 1979, «Братья» Теренция — 1981 и др.), Л. Валкунас («Эфиопские рассказы» Гелиодора — 1960, «Басни» Эзопа — 1965, «Разговоры богов» Лукиана — 1975 и др.), Г. Забулис («Лирика» Катулла — 1969, «Лирика» Горация — 1977 и др.), М. Рачкаускас («О природе вещей» Лукреция Кара — 1964, «Диалоги» Платона — 1968 и др.), Е. Ульчинайте («Размышления» Марка Аврелия — 1984 и др.), Д. Дилите («Письма к Луцилию» Сенеки — 1986, вместе с Я. Мажюлене — избранное из произведений Тацита — 1972 и др.), Я. Мажюлене (избранное из Тита Ливия — 1976), А. Бендорюте («Сатиры» Ювенала — 1983), В. Казанскене (избранное из Эпиктета — 1986) и другие антиковеды. Своеобразной и важной страницей переводческой деятельности литовских ученых являются переводы латиноязычной литературы Литвы XVI—XVIII вв. Так, Б. Казлаускас переводил «Песню о зубре» поэта XVI в. Николая Гусовиана (1977), поэму «Кароломахия» поэта XVII в. Лауренция Бойеруса (1981) и др., Л. Валкунас — «Хронику земли Прусской» (1985) и др.

Этот далеко не исчерпывающий перечень показывает, что литовскому читателю — преподавателю, студенту, учителю, любому интересующемуся — на его родном языке доступен основной репертуар античной, особенно римской литературы, причем с учетом ее жанрового многообразия и исторического развития. Особенно важно то, что в Литовской ССР образовался, с одной стороны, стабильный, обширный и требовательный круг читателей античной литературы, а с другой стороны, оформилась, так сказать, «литовская школа» переводчиков античной литературы. Такое обозначение оправдано участием в переводческой деятельности представителей различных возрастных групп, наличием устойчивых переводческих традиций, высоким профессиональным филологическим и историко-культуроведческим уровнем подготовленности, сочетанием выразительной художественности со строгой научностью многих переводов. Последняя черта — научность — особенно наглядно проявляется в комментариях и вводных или заключительных статьях, как правило, принадлежащих перу самих переводчиков и нередко представляющих собой оригинальные научные очерки. Такими являются статьи Г. Забулиса «Гай Валерий Катулл» и «Лирический герой Горация» [2], статьи Б. Казлаускаса «Николай Гусовиан и его „Песнь о зубре“», «Лауренциюс Бойерус и его поэма „Кароломахия“» [3] и мн. др.

По сравнению с многогранной переводческой деятельностью литовских антиковедов вклад востоковедов республики намного скромнее: Р. Миронасом переведены, но пока не изданы, отрывки «Вед», «Махабхараты» и «Панчатантры», а в 1983 г. издан подготовленный поэтом С. Гедой

---

[2] *Zabulis H.* Gajus Valerijus Katulas // Gajus Valerijus Katulas. Lyrika. Vilnius, 1969, *idem.* Horacijaus lyrikos herojus // Horacijus. Lyrika. Vilnius, 1977, и др.

[3] *Kazlauskas B.* Nikolojus Husovianus ir jo «Giesme apie stumbrą» // Nikolojus Husovianus. Giesme apie stumbrą. Vilnius, 1977; *idem.* Laurencijus Bojeris ir jo poema «Karolomachija» // Laurencijus Bojeris. Karolius mūšis. Vilnius, 1981 и др.

(по подстрочнику) новый, в истории литовской литературы уже третий, перевод «Песни песней».

Подобная диспропорция между переводами античной и древневосточной литератур имеет место также в Латвийской ССР. Усилиями таких антиковедов-переводчиков, как А. Гиезен («Илиада»—1961, «Одиссея» — 1967, «Энеида» Вергилия — 1970, ряд трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида — 1975, комедий Аристофана — 1979 и др.), Г. Лукстынь (отрывки из «Истории» Геродота — 1969/1970, из Тита Ливия — 1973, «Записки о Галльской войне» Цезаря — 1977, «Государство» Платона — 1982 и др.), Х. Новацкий (некоторые трагедии Софокла — 1975, Еврипида — 1984), П. Зицан (комедия Менандра — 1979, и несколько трагедий Еврипида — 1984), А. Фельдхун (ряд трагедий Эсхила — 1975, Еврипида — 1984, ряд комедий Аристофана, Плавта и Теренция — 1979, басни Эзопа — 1978, «Разговоры богов, усопших и гетер» Лукиана — 1980, избранные судебные речи Лисия — 1984, сократовские тексты Платона, Ксенофонта, Плутарха, Элиана и Диогена Лаэрция — 1987, и др.) и других, создан обширный репертуар античных, преимущественно древнегреческих текстов на латышском языке. Для переводов латвийских антиковедов характерно проникновение в языковую фактуру и мировоззренческую основу переводимого текста, в социально-политическую и духовную атмосферу эпохи его создания и бытования, равно как и стремление к художественной полноценности перевода. Латвийские антиковеды снабжают свои переводы пространными комментариями, развернутыми предисловиями или послесловиями, содержащими исторические, религиоведческие, культуроведческие и другие экскурсы и нередко являющимися оригинальными очерками, как, например, написанные А. Фельдхуном «Аттическая трагедия», «Античная комедия», «Лисий и аттическое судебное красноречие» и др.[4], И. Вейнбергом «Сократ — загадка и трагедия» [5] и др. Отмечая несомненные успехи латвийских переводчиков-антиковедов, нельзя не упомянуть об их малочисленности и, что еще тревожнее, крайне медленном пополнении их рядов, что ставит под угрозу преемственность, продолжение и развитие накопленного немалого опыта.

Эта проблема не столь остра в Эстонской ССР, где вместе с антиковедами-переводчиками старшего поколения — Л. Пинтман (первая книга «Энеиды» Вергилия — 1947 и XXI книга Тита Ливия — 1949), А. Аннист («Илиада» — 1960 и «Одиссея» — 1963), К. Рейтав (руководство и участие в создании антологий древнегреческой — 1964 и древнеримской литературы — 1971), У. Мазинг («Первое письмо Климента коринфянам» — 1983/1984 и др.) и другими — активно работают также антиковеды среднего и младшего поколения — П. Кеэз («Тимон» Лукиана — 1970, «Дафнис и Хлоя» Лонга — 1972 и др.), Л. Метсар («Пир Трималхиона» Петрония — 1974 и др.), Я. Унт («Поэтика» Аристотеля — 1982, «Размышления» Марка Аврелия — 1983 и др.), А. Курисмаа (отрывки из «Истории» Геродота — 1983, «Пир» и «Апология Сократа» Платона — 1985 и др.), К. Касемаа («Похвала плеши» Синесия — 1984), И. Вене (отрывки из «Писем Луцилию» Сенеки — 1986) и др. Активизации переводческой деятельности содействует и то обстоятельство, что литературный журнал «Лооминг» («Творчество») печатает не только переводы античных авторов, но также и переводы некоторых древневосточных текстов (переведенные С. Стад-

[4] *Feldhūns Ā.* Atiskā traģēdija // Sengrieķu traģēdijas. Rīga, 1975; *idem.* Antīkā komēdija // Antīkā komēdija. Rīga, 1979; *idem.* Līsijs un atiskā tiesas daiļruna // Līsijs. Tiesas runas. Rīga, 1984.

[5] *Veinbergs J.* Sokrats — mīkla un traģēdija // Netveramais Sokrats. Rīga, 1987.

никовым фрагмент древнеегипетской летописи — «Первый азиатский поход Тутмоса III» — 1982 и «Сказка о потерпевшем кораблекрушение» — 1983). Известный эстонский востоковед и античник У. Мазинг перевел также ряд текстов с коптского («Евангелие Фомы», «Евангелие Филиппа» и «Песнопения манихейцев» — 1986) и с сирийского («Песня о жемчужине» — 1986) языков; таким образом, переводческая деятельность востоковедов в Эстонии несколько более активна, чем в других прибалтийских республиках. Эстонские античники и востоковеды, также как их литовские и латвийские коллеги, большое внимание уделяют комментариям, их строгой научности, чему наглядный пример — очерк Я. Унта к «Размышлениям» Марка Аврелия и другие работы [6].

Профессиональная связанность почти всех прибалтийских востоковедов и античников с высшими учебными заведениями и преподаванием обусловливает большой удельный вес научно-методического направления в их деятельности. Это направление осуществляется на двух уровнях: первый — переводы на латышский, литовский и эстонский языки вузовских учебников по истории древнего Востока, древней Греции и древнего Рима, по истории античной литературы и др.; второй — создание оригинальной научно-методической литературы, учитывающей местные интересы и запросы.

В Латвийской ССР изданы латинско-латышский словарь, учебники латинского и древнегреческого языков, античной литературы [7]. Кафедра классической филологии ЛГУ им. П. Стучки систематически издает различные учебные пособия для студентов по узловым проблемам классической филологии, материалы о творчестве отдельных античных, преимущественно римских авторов (например, «Предмет классической филологии. I—II» Л. Черфасе, Л. Бондаре и др.—1973/1975, где речь идет о становлении и оформлении классической филологии, о системе воспитания и образования, о письме и книге в античном мире и т. д., «Развитие эстетической мысли в произведениях древнегреческих авторов» (Т. Фомина — 1977) [8] — об эстетических концепциях Аристофана и Аристотеля, аналогичные работы посвящены творчеству Софокла (М. Ласе — 1979), Горация (Л. Черфасе — 1978), Овидия (В. Жукова — 1981), Цицерона (Т. Фомина — 1986), «Поэтике» Аристотеля (И. Кемере — 1986) и т. д.) [9].

Подобные пособия по некоторым узловым проблемам античной истории — по так называемому гомеровскому периоду (А. Свелпис — 1973), по аграрному вопросу в Италии II в. до н. э. (В. Павулане — 1986) и по проблеме возникновения и развития колоната (В. Павулане — 1976) [10] — создаются сотрудниками кафедры истории древнего мира и средних веков, а пособие «Рабовладельческое хозяйство в Италии II в. до н. э.—

---

[6] *Marcus Aurelius.* Issendale. Vanakreeka keelest tõlkinud ja kommenteerinud Jaan Unt. Tallin, 1983; *Унт Я.* «Размышления» Марка Аврелия как литературный и философский памятник // Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л., 1985. С. 94—115.

[7] Latīņu-latviešu vārdnīca / Red. G. Lukstiņš. Rīga, 1955; *Čerfase L. u. c.* Latīņu valoda. Rīga, 1974; *Rāta A.* Īss sengrieķu valodas kurss. Rīga, 1983; *Čerfase L., Fomina T.* Antīkās literatūras vēsture. Rīga, 1968.

[8] *Čerfase L. u. c.* Klasiskās filoloģijas prlekšmets I—II. Rīga, 1973—1975; *Fomina T.* Estētiskās domas attīstība sengrieķu autoru darbos. Rīga, 1977, и др.

[9] *Lase M.* Sofokls. Rīga, 1979; *Čerfase L.* Horācija dzīve un daiļrade // Odas. Rīga, 1978; *Žukova V.* Ovidija dzīve un daiļrade. Rīga, 1981; *Fomina T.* Marka Tūlija Cicerona dzīve un daiļrade. Rīga, 1986; *Ķemere I.* Aristotela «Poētika». Rīga, 1986, и др.

[10] *Svelpis A.* Grieķija XI—IX gs.pr.m.ē. Homēra periods. Rīgā, 1973; *Pāvulāne V.* Agrārais jautājums Itālijā II gs. 30.—20. gados p.m.ē. Rīga, 1986; *eadem.* Kolonāta izveidošanās un attīstība Romas impērijā. Rīga, 1976.

I в. н. э.» (В. Павулане — 1985) [11] представляет собой подборку переводов на латышский язык текстов Катона, Колумеллы, Варрона и других римских авторов. Такие издания необходимы в условиях, когда в прибалтийских республиках до сих пор нет хрестоматий по истории древнего Востока, древней Греции и древнего Рима на местных языках, что является серьезным препятствием в подготовке будущих историков. Этот пробел лишь в малой степени восполняется пособием «Тексты по истории древнего Востока. I, 1» (1981) [12], содержащем переводы древневосточных текстов III—II тыс. до н. э. Это нужное издание необходимо продолжить.

Необходимость создания оригинальной научно-методической литературы осознают также литовские исследователи, составившие учебники латинского языка для средней школы (К. Кузавинис, Л. Валкунас — 1985) и для высшей школы (Й. Думчюс, К. Кузавинис, Р. Миронас — 1986), краткий греко-литовский словарь (Р. Миронас — 1979) и др.[13] В Эстонской ССР создан фундаментальный латинско-эстонский словарь (1986). К. Кросс составила учебник древнееврейского языка (1985), Р. Клейс написал историю античной литературы (1980) [14], а Я. Унт опубликовал на страницах журнала «Викеркаар» («Радуга») ряд научно-популярных статей по вопросам античной культуры [15].

Малочисленность востоковедов и античников в прибалтийских республиках обусловила отсутствие привычного «разделения труда» между переводчиками, методистами и исследователями. Большинство прибалтийских востоковедов и античников работает во всех трех направлениях, что придает их переводческой и научно-методической деятельности научную основательность и глубину и освобождает их научно-исследовательскую деятельность от опасности «цеховой» замкнутости, от келейности. Это подтверждает тот отрадный факт, что в Эстонской ССР научные статьи по истории древнего мира публикуют не только преимущественно журнал «Ученые записки Тартуского гос. университета», но также ряд общественно-литературных журналов — «Лооминг» («Творчество»), «Кеэл я Киръяндус» («Язык и литература»), «Викеркаар» («Радуга») и др. На страницах этих журналов М. Тянава опубликовал свои интересные исследования об организации римской армии (до реформ Г. Мария) [16], Э. Тамм — свои работы, связанные с изучением образа Одиссея и его эволюции в греческой трагедии [17], А. Лилль — исследование о появлении греко-латинских терминов в эстонских медицинских текстах [18]. Ю. Маадла — статьи

---

[11] *Eadem.* Vergturu saimniecība Itālijā II gs. p.m.ē.— I gs. m.ē. Rīga, 1985.

[12] Teksti Seno Austrumu vēsturē. Sast. J. Veinbergs. Daugavpils, 1981.

[13] *Kuzavinis K., Valkunas L.* Vox latina. Kaunas, 1985; *Dumčius J., Kuzavinis K., Mironas R.* Elementa latina. Vilnius, 1986; *Mironas R.* Graikų-lietuvių, kalbų žodynas. Vilnius, 1979, и др.

[14] *Kleis R., Torpats Ü., Gross L., Freymann H.* Ladina-eesti sõnaraamat. Tallin, 1986; *Kross K.* Heebrea keel algajatele. Tallin, 1985; *Kleis R.* Antiikkirjanduse ajalugu. Tallin, 1980, и др.

[15] *Unt J.* Non omnis moriar // Vikerkaar. 1986. 2, 4, 6.

[16] *Тянава М.* О возникновении солдатского профессионализма в Риме // УЗТГУ. 1977. 416; *он же.* К вопросу об изменении социального состава римской армии (II в. до н. э.). // Там же, и др.

[17] *Тамм Э.* К вопросу о причинах изменения отношения к Одиссею в послегомеровские времена // УЗТГУ. 1974. 332; *она же.* О некоторых особенностях образа Одиссея как эпического героя // УЗТГУ. 1975. 357; *она же.* О некоторых особенностях образа Одиссея как трагического героя // УЗТГУ. 1982. 626, и др.

[18] *Лилль А.* Приход международных терминоэлементов в эстонскую медицинскую литературу // УЗТГУ. 1984. 684; *eadem.* Võõrast päritolu meditsiiniterminid vanemas eesti kirjakeeles // Keel ja Kirjandus. 1984. 4; *eadem.* Kreeka-ladina päritoluga terminite tulek eesti meditsiintekstidesse (1869—1914) // УЗТГУ. 1986. 728, и др.

о рецепции творчества Вергилия в эпоху заката античности, а также о современных попытках возродить латинский язык как язык международного общения [19] и др. Менее активны эстонские востоковеды, однако научной общественности хорошо знакомы фундаментальные исследования У. Мазинга в области библеистики и истории христианства, индоевропейского и восточного языкознания, мифологии и т. д.[20], а перу Л. Мялля принадлежат статьи по индийской мифологии и другим проблемам [21].

Преобладание антиковедческих интересов над востоковедческими характерно также и для деятельности исследователей Литовской ССР, где в антиковедении наметились два направления. К первому относятся научные исследования в области античной литературы, такие, как монография Г. Забулиса «Республиканские идеалы в золотой поэзии Рима», анализирующая противостояние и взаимодействие в римской поэзии I в. до н. э.— I в. н. э. староримских идеалов и новых тенденций, развитие индивидуализации творческого процесса, его статьи об атомистике Эпикура и Лукреция, о стоицизме и эклектике, о творчестве Вергилия, о новом представлении о человеческом достоинстве у Овидия и др.[22], исследование Й. Думчюса об Алкее и Сапфо, о диалогах Софокла и Еврипида и др.[23], работы Д. Дилите об элегиях Тибулла, о литературном творчестве времени заката античности и др.[24], статья А. Кудулите о мифе в творчестве Алкмана [25] и другие работы. Второе направление связано с изучением латиноязычной литературы Литвы и Польши XVI—XVII вв., и в этой области заметное явление — фундаментальная монография Е. Ульчинайте «Теория риторики в Польше и Литве в XVII в.», ее статья о влиянии античности на латиноязычное творчество литовского поэта XVI в. С. Раполёниса и др.[26] Изучение древнего Востока в настоящее время представлено только работами М. Янонайте в области индоевропеистики [27].

В Латвийской ССР И. Румниеце [28] разрабатывает проблемы древнегре-

[19] *Маадла Ю.* Судьба произведений Вергилия в эпоху заката язычества (IV в. н. э.) // УЗТГУ. 1979. 234; *он же.* О современных попытках «оживления» латыни как языка международного общения // УЗТГУ. 1984. 671, и др.

[20] *Masing U.* Fragmente über die Übersetzung einiger griechischer Wörter. Akkadisches MIKSU in Osteuropa // AAASH. 1974. XXII,1—4; *idem.* On the Influence of the Indo-German Pattern of Negation // УЗТГУ. 1973. 308; *idem.* Some Remarks on the Mythology of the people of Çatal Hüyük // УЗТГУ. 1976. 392, и др.

[21] *Мялль Л.* Абхирати. Акаништха. Майтрея и др. // МНМ. 1—2.

[22] *Zabulis H.* Respublikos idealai Romos aukso poezijoje. Vilnius, 1982; *idem.* Epikūro ir Lukrecijaus atomistines teorijos. Stoizismas ir eklektika // Filosofijos istorijos chrestomatija. Antika. Vilnius, 1977; *idem.* Appendix Vergiliana: Dirae // Philologus. 1978. 122; *idem.* Die neue Auffassung von der Menschenwürde in Ovids Ars amatoria // Klio. 1985. 67. 1, и др.

[23] *Dumčius J.* Sofoklio ir Euripido dialogu skirtingumai // Научные труды высших учебных заведений ЛитССР. Литература. 1983. XXV(3); *idem.* Alkajo-Sapfo dialogas // Literatūra. 1986. XXVIII(3), и др.

[24] *Дилите Д.* К вопросу об очередности создания элегий первой книги Тибулла // Literatūra. 1986. XXVIII(3); *eadem.* Paskutiniai antikinis literatūras puslapiai // Antikiniai romanai ir pasakečios (Pasaulinis literatūras biblioteka). Vilnius, 1987, и др.

[25] *Кудулите А.* История текста Алкмана в античные времена // Научные труды высших учебных заведений ЛитССР. Литература. 1983. XXV(3); *она же.* Древнегреческий миф в произведениях Алкмана // Literatūra. 1986. XXVIII(3).

[26] *Ulčinaite E.* Teoria retoryczna w Polsce i na Litwie w XVIII wieku. Wrocław, 1984; *eadem.* Antikos poveikis lotyniškai S. Rapolionio kūrybai // Stanislovas Rapolionis. Vilnius, 1986, и др.

[27] *Янонайте М.* Некоторые вопросы прародины балтов // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1981; *он же.* Некоторые замечания об индоевропейской прародине // Baltistica. 1981. 17(1), и др.

[28] *Румниеце И.* К вопросу об употреблении эпитетов у Пиндара // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. 1; *она же.* Сложный эпитет как стилеобразующий элемент в поэзии Пиндара: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1987, и др.

ческой хоровой лирики, главным образом специфику сложных эпитетов и их место и роль в поэтике Пиндара; опубликован ряд работ по различным аспектам истории древнего Ближнего Вотока, принадлежащих автору настоящего обзора. В них исследуются вопросы социально-экономического и политического развития Ближнего Востока I тыс. до н. э., особенно сущность феномена «гражданско-храмовая община», содержание и роль так называемого восточного предэллинизма [29], изучается Ветхий завет как важный религиозно-исторический памятник, в частности, генезис и особенности кн. Паралипоменон [30], большое внимание уделяется специфике древнеближневосточной исторической мысли [31] и другим аспектам культуры древнего Ближнего Востока [32].

Такая причастность к актуальным проблемам современного востоковедения послужила поводом тому, что кафедра истории СССР и всеобщей истории Даугавпилсского педагогического института им. Я. Э. Калнберзина стала организатором двух всесоюзных встреч: научно-методического семинара «Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах» (IX конференция по древнему Востоку) в 1981 г.[33] и всесоюзной научно-методической конференции «Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете» (X конференция по древнему Востоку) в 1985 г. [34], на которых востоковеды Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Баку, Орджоникидзе, Минска, Вильнюса, Новгорода, Даугавпилса и других городов выступали с докладами о ключевых проблемах древневосточной лингвистики и мифологии, древневосточной культуры, равно как и по вопросам преподавания истории в вузах.

Все вышеизложенное показывает, что в Советской Прибалтике ведется активная и многогранная переводческая, научно-методическая и научно-

---

[29] *Вейнберг И. П.* Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н. э. // Древний Восток. Города и торговля. (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973; *idem.* Das bēit ʾābōt im 6.— 4. Jr. v. Z. // VT. 1973. XXIII. 4; *он же.* Рабы и другие категории зависимых людей в палестинской гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н. э. // ПС. 1974. 25 (88); *idem.* Der ʿam hāʾāreṣ des 6—4 Jh. v.u.Z. // Klio. 1974. 56; *idem.* Die Agrarverhältnisse in der Bürger-Temple-Gemeinde der Achämenidenzeit // AAASH. 1974. XXII. 1—4; *idem.* Zentral- und Partikulargewalt im achämenidischen Reich // Klio. 1977. 59.1; *он же.* Предэллинизм на Востоке // ИДМ. II, и др.

[30] *Он же.* К вопросу об устной и письменной традиции в Ветхом завете // Переднеазиатский сборник. 1979. III; *idem.* Das Eigengut in den Chronikbüchern // OLP. 1979. 10; *idem.* Das Wesen und die funktionelle Bestimmung der Listen in I Chr. 1—9 // ZAW. 1981. 93.1, и др.

[31] *Он же.* К вопросу об особенностях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке // Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник. 1977. V; *idem.* Die Natur im Weltbild des Chronisten // VT.XXXI.1981. 3; *idem.* Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe // Klio. 1981. 63.1; *он же.* Структура понятийной системы в кн. Паралипоменон // AOF. 1982. IX; *idem.* Der Mensch im Weltbild des Chronisten: sein Körper // OLP. 1982. 13; *idem.* «Wir» und «sie» im Weltbild des Chronisten // Klio. 1984. 66.1; *он же.* Социальная группа в восприятии древнеближневосточного человека середины I тыс. до н. э. // Кавказско-ближневосточный сборник. 1984. VII; *idem.* Krieg und Frieden im Weltbild des Chronisten // OLP. 1985, 16; *он же.* Человек в хронистской картине мира: его психика // Переднеазиатский сборник. 1986. IV, и др.

[32] *Он же.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986.

[33] Вопросы древневосточной культуры (Тезисы докладов). Даугавпилс, 1982; см. *Вейнберг И. П.* Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах // ВДИ. 1982, № 3.

[34] Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете (Тезисы докладов). Даугавпилс, 1985; см. *Кондырева Н. Б.* Конференция по древневосточной культуре // ВИ. 1986, № 5.

исследовательская деятельность в области истории древнего мира, причем в каждой из трех республик эта деятельность отличается своими особенностями, имеет свои достоинства и недостатки. Но в изучении истории древнего мира во всех трех прибалтийских республиках имеется ряд сложных вопросов, от решения которых во многом зависит дальнейшее развитие там востоко- и антиковедения: подготовка и пополнение научных кадров по истории древнего мира, особенно по истории древнего Востока, расширение изучения истории древнего мира и в связи с этим — желательность в настоящее время включения республиканских академических исторических институтов в исследовательскую работу в области всеобщей истории в целом и в области истории древнего мира в частности.

Е. В. Антонова

К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИКИ АНТРОПОМОРФНЫХ СТАТУЭТОК ПЕРВОБЫТНЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

(На материале анауской культуры)

Антропоморфные изображения, находимые на всей территории древнеземледельческой ойкумены и относящиеся к разным этапам развития первобытной культуры, давно привлекают внимание исследователей как материал, позволяющий проникнуть в малодоступные области духовной культуры. Ушло в прошлое понимание женских статуэток, всех в целом, как изображений богини-матери; сейчас это лишь чисто условное их наименование [1], напоминающее о предшествующих этапах их исследований. Археологи, которые в основном и занимаются этой группой памятников, считают их изображениями божеств земли, растений, воды, покровителей деторождения и всяческого изобилия. Общий и неопределенный характер таких интерпретаций является следствием неполноты как самих комплексов статуэток, так и сведений об элементах мировоззрения носителей конкретных археологических культур. Опыт показывает, что исследования такого рода могут быть успешными только при наличии достаточно информативного материала, происходящего из хорошо (в археологическом смысле) изученной культуры при условии привлечения сведений о религии территориально более или менее близких цивилизаций древности и данных этнографии. Но на первом месте, разумеется, должен стоять хорошо изученный материал конкретной культуры.

Большие возможности для изучения семантики антропоморфных статуэток существуют в отношении обширной их коллекции, обнаруженной в памятниках одной из древнейших земледельческих культур на территории СССР — анауской в Южной Туркмении. Благодаря многолетним усилиям археологов она, несомненно, принадлежит к числу наиболее изученных изо всех ныне известных культур первобытных земледельцев Старого Света. Существуя на протяжении V—II выс. до н. э., она сохраняла преемственность развития от периода раннего энеолита до поздней бронзы (эпохи Намазга I—VI). Изменения форм статуэток на фоне развития всей культуры, реконструируемого общественного строя создавших ее людей позволяют наметить некоторые существенные моменты в истории этой характерной категории памятников первобытных земледельцев, причем те, которые пока невозможно проследить ни в одной из известных культур. Поэтому изучение анауских статуэток имеет значение, далеко выходящее за пределы проблематики истории развития мелкой скульптуры лишь одной, притом окраинной культуры древнеземледельческой ойкумены.

[1] *Ucko P. J.* The Interpretation of Prehistoric Anthropomorphic Figurines // JRAI. 1962. 92.

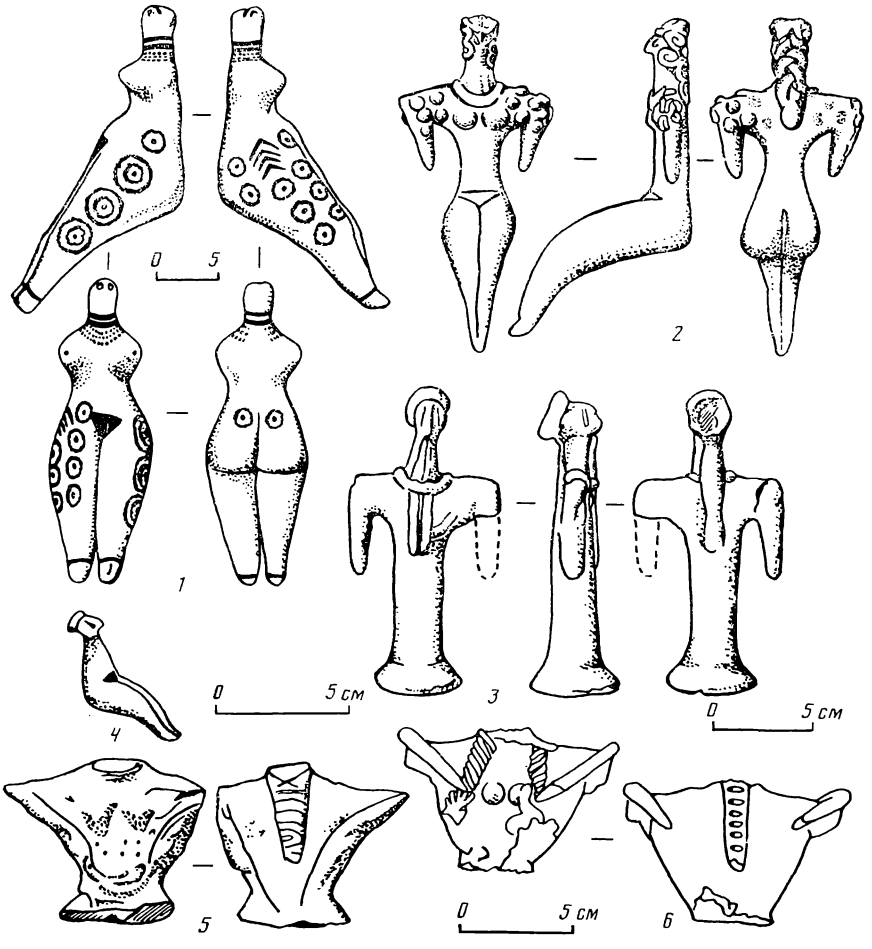

Рис. 1. Статуэтки времени Намазга II (1), Намазга III (2—4), Намазга IV (5—6)

Анауские статуэтки достаточно хорошо известны по многочисленным публикациям [2], поэтому здесь мы будем описывать их лишь в той мере, в какой это соответствует поставленной задаче — изучению их семантики и ее трансформации в процессе развития культуры. Мы не будем останавливаться на единичных экземплярах статуэток периода раннего энеолита (Намазга I — вторая половина V тыс. до н. э.), но сразу обратимся к достаточно многочисленным и информативным образцам периода развитого энеолита (Намазга II, первая половина IV тыс. до н. э.) (рис. 1).

Наибольшее число статуэток обнаружено при раскопках поселений так называемого Геоксюрского оазиса. Это небольшие (самые крупные — до 30 см) глиняные фигурки сидящих, реже — стоящих женщин. Статуэтки отмечены некоторым схематизмом, усиливающим ощущение массивной монументальности женской фигуры. На шее и груди краской нарисованы ожерелья, на ногах браслеты. Особый интерес представляют

[2] Библиографию см.: *Массон В. М., Сарианиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973; *Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

изображения на бедрах и верхней части ног некоторых статуэток — вертикальные ряды углообразных линий, круги с точками посредине, рогатый козел или коза. У одной полностью сохранившейся крупной статуэтки на бедрах и ногах помимо углообразных линий изображено 15 кругов с точками посредине [3] (рис. 1).

Для целей настоящего исследования существенно представить количество статуэток, существовавших на одном поселении, и выявить их местонахождение. На одном из наиболее изученных поселений этого периода, Ялангач-депе, найдено 35 экземпляров немногих разновидностей, почти исключительно фрагментов. Они обнаружены при раскопках построек двух строительных горизонтов и частично на поверхности. В I горизонте раскопано 14 помещений разного назначения, жилых и хозяйственных, во II — 20 помещений [4]. И. Н. Хлопин, обращавший особое внимание на условия обнаружения статуэток, отмечает, что большинство их происходит из заполнявшей помещения земли, т. е. они найдены в перемещенном еще в древности состоянии. Несмотря на это, их связь с домами представляется безусловной. Число статуэток позволяет предполагать, что они находились в разных домах. Кроме того, фрагменты статуэток найдены при разборке бытовых очагов в помещениях 16 и 19 II строительного горизонта. И. Н. Хлопин полагает, что они были специально заложены в основания очагов; в одном случае вместе с таким фрагментом лежало два костяных предмета — шило и лощило [5], вероятно орудия женского производства.

Большинство построек этого времени почти не имеет выраженных признаков, позволяющих видеть в них центры общественной жизни и культа; не ясно также, какие места в жилых домах предназначались для статуэток. В этом смысле исключениями являются большой дом на Ялангач-депе (площадью около 37 м^2) и несколько подобных ему на других поселениях оазиса. Первый представляет особый интерес, так как на одной из его стен обнаружен глиняный налеп в виде перевернутой буквы «Ш» высотой около 20 см (самая верхняя часть его разрушена). На поверхность налепа нанесено 14 конических углублений. И. Н. Хлопин отметил сходство формы этого налепа со схематичным изображением человеческой фигурки на несколько более позднем пряслице с Геоксюра I и с рисунками человеческих фигур на сосудах эпохи Намазга II [6]. Доказательством в пользу того, что налеп на стене антропоморфен (по его же, вероятно, справедливому мнению), служит совпадение числа углублений на нем с числом рисованных кругов на упоминавшейся статуэтке из этого же поселения. Таким образом, вероятно, в общественном здании находилось условное изображение женщины. Пока нет веских оснований видеть в кругах с точками солярные знаки [7] (их сходство с распространенным как в древности, так и в новое время условным изображением солнца не может служить безусловным доказательством). В то же время представляет интерес сходство этого знака с очертаниями верхнего основания небольшого переносного «жертвенника» из того же Ялангач-депе. Он имеет вид цилиндра с вогнутой стенкой, в верхнем его основании есть круглое углубление, окруженное бортиком [8]. Это явно обрядовый пред-

[3] *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Л., 1964. С. 107.
[4] Там же. С. 29.
[5] Там же. С. 162.
[6] Там же. С. 161—162.
[7] Там же. С. 106.
[8] Там же. С. 164.

мет, возможно, имеющий какое-то отношение к образу женского существа.

Результаты изучения небольших поселений, существовавших в это время, позволяют заключить, что их обитатели изготавливали однообразные (в пределах отдельных поселений) статуэтки. Так, на Ялангач-депе явно доминировал тип, представленный фигуркой сидящей женщины с нарисованными кругами. Это однообразие свидетельствует о принадлежности их небольшим коллективам, члены которых следовали одной общей традиции.

Статуэтки периода Намазга III, позднего энеолита (вторая половина IV тыс. до н. э.), становятся гораздо более многочисленными и разнообразными, но однотипными в пределах одного поселения или группы близлежащих поселений (в Геоксюрском оазисе они продолжают сохранять чрезвычайно большое формальное сходство). Вероятно, как показывают находки от Кара-депе на западе до Алтын-депе и Йилгынлы-депе на востоке, на всей территории анауской культуры бытуют два основных типа женских и мужских статуэток, один из которых выступает как типологически более ранний [9]. Статуэтки изображали, как правило, сидящих, реже — стоящих людей (рис. 1, *2—4*). Первая разновидность характеризуется более массивными формами, округлыми плечами; статуэтки второго вида отличаются некоторым изяществом: их талии тонки, плечи подчеркнуто широки, плавно очерчена линия бедер. Именно у статуэток второй разновидности обнаруживаются черты, связанные с дальнейшим развитием пластики в эпоху бронзы: налепные детали (прически, круглые «лепешечки» и полоски на плечах), тенденция к некоторой уплощенности, стоячая (у некоторых) поза. Рисованые детали представлены у статуэток первой разновидности; среди них — фигуры козлов и какого-то животного семейства кошачьих, встречающиеся на женских фигурках.

Семантику статуэток в ряде случаев помогают раскрыть некоторые их особенности. Так, одна из них изображает женщину с ребенком на груди, другая — женщину с множеством грудей. Многие фигурки второй разновидности имеют круглые налепы на плечах, значение которых не вполне ясно, однако существование многогрудой статуэтки дает повод предположить, что эти налепы могли быть условным изображением грудей. Вместе с тем известны мужские статуэтки (такие признаки, как бороды, шлемы и т. д., ясно указывают их пол), которые также имеют налепы. Видимо, налепы указывают вообще на причастность персонажей к сфере изобилия, свойство как женских, так и мужских персонажей [10].

В эпоху Намазга III появляется новый тип статуэток, существующий потом вплоть до эпохи поздней бронзы (рис.1, *4*). Это небольшие фигурки в сидячей позе, лишенные рук и часто признаков пола; лишь некоторые из них изображают женщин. Маленькие головки со схематичными чертами лица в отличие от голов статуэток других типов не имеют ртов. До сих пор остается неясным, кого они изображали. Можно предполагать, что их размеры и схематизм связаны с назначением — в отличие от круп-

[9] *Сариниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // Археология СССР. САИ Б 3—8. М., 1965. С. 32 сл.; *Антонова.* Ук. соч. С. 70 сл.

[10] Ряд признаков фигурок — их пропорции, налепы, шлемы, прически — свидетельствует о существовании связей между носителями анауской культуры и обитателями Двуречья и Юго-Западного Ирана. См. *Массон В. М.* Восточные параллели убейдской культуры // КСИА. 1962. 91; *Хлопин И. Н.* К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана (По материалам ЮТАКЭ 1956—1957 гг.) // СЭ. 1960. № 5; *Сариниди.* Ук. соч. С. 38; *Антонова.* Ук. соч. с. 73.

ных их могли носить при себе, но не подвешивая (так как они не имеют отверстий) в каких-то специальных вместилищах, например мешочках. Не исключено также, что это фигурки детей: на это указывают относительно неразвитые формы их тела, размер, отсутствие признаков пола.

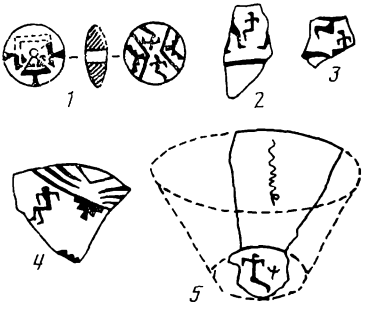

Рис. 2. Изображения статуэток на пряслице (1) и сосудах (2—5) эпохи Намазга III

Большинство статуэток этого времени найдено на поверхности поселений (где они оказались в результате развеивания культурного слоя), в культурном слое, в том числе в слоях мусора, некоторые — в заполнении помещений. В многокомнатных домах выявлены комнаты особого назначения с круглыми очагами; их трактуют как домашние святилища [11], однако здесь, насколько можно судить по публикациям, статуэтки не найдены. Очень схематичная каменная фигурка была в погребении девушки или молодой женщины на Кара-депе (слой Кара IБ, погребение 15). Она лежала сбоку от костяка в кучке из 6 камешков и 11 гипсовых поделок неизвестного назначения [12]. Одна статуэтка найдена в коллективном погребении на поселении Геоксюр I [13].

Итак, статуэтки этого времени предстают в основном вырванными из своего первоначального контекста. Тем не менее есть свидетельства обращения с ними как с обрядовыми предметами. На Кара-депе найдено несколько черепков сосудов с ясными изображениями сидящих человеческих фигурок с характерными широкими плечами и опущенными вниз короткими руками (рис. 2, *2—3*). В двух случаях перед ними нарисованы люди; на сосуде из Алтын-депе (рис. 2, *5*) человек имеет вид схематичной столбообразной фигурки с поднятыми вверх руками [14]. Статуэтки нарисованы и на пряслице этого времени, найденном на Алтын-депе (рис. 2, *1*) [15]. Здесь две фигурки сочетаются с изображениями сложного креста — знака, известного и на женских статуэтках периода развитой бронзы (см. ниже). Примечательно, что на пряслицах этого времени встречаются те же фигуры, что на статуэтках: полоски, зигзаги [16]. Эти переклички представляются симптоматичными, предполагающими связь женских персонажей с прядением — женским занятием, на что указывают находки пряслиц в их погребениях.

Схематичные изображения людей с поднятыми руками на сосудах проливают некоторый свет на довольно значительную группу схематичных фигурок, часто из необожженной глины. Они имеют цилиндроконическое основание, в верхней части слегка выделенную голову и короткие руки, имеющие разные положения. Особенно многочисленны они в слоях

---

[11] *Сарианиди В. И.* Культовые здания поселений анауской культуры // СА. 1962. № 1.

[12] *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // ТЮТАКЭ. 1961. Т. X. С. 330. Табл. XVI, 13.

[13] Устное сообщение В. М. Сарианиди.

[14] *Массон.* Кара-депе. . . Табл. XIV.

[15] *Курбансахатов К.* Антропоморфные изображения на пряслице энеолитического времени из Южного Туркменистана // СА. 1981. № 2.

[16] *Сарианиди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр // ТЮТАКЭ. 1961. X. Табл. XIII.

эпохи бронзы, но известны и в энеолите [17]. Их значение неясно, хотя антропоморфный облик несомненен. Не исключено, что они, как и изображения на сосудах, передавали фигуры людей, обращающихся к своим сверхъестественным помощникам. Они изготавливались в ходе обрядов, по их случаю, чем объясняется небрежность исполнения, и должны были служить напоминанием неким силам об обращении к ним. Такое предположение тем более вероятно, что статуэтки и скульптура адорантов широко распространены в Двуречье и Юго-Западном Иране, как и на всем древнем Востоке.

Статуэтки времени ранней бронзы (Намазга IV, 3000—2600 гг. до н. э.) известны пока недостаточно полно, что связано с относительно малой исследованностью соответствующих слоев поселений, но и имеющийся материал дает весьма информативные образцы (рис. 1, *5—6*). Продолжаются прежние традиции, но появляются и новые черты; формируются новые типы. Должна быть отмечена статуэтка беременной женщины, изображения мужчин в стоячей позе и эротическом состоянии [18], статуэтки двуполых персонажей с поселений западной группы [19]. Статуэтки западного района обнаруживают несомненные связи с пластикой поселений Северо-Восточного Ирана. На поселении восточного района Хапуздепе найдена женская сидящая статуэтка, на бедрах которой прочерчены зигзагообразные линии, весьма возможно, изображающие воду [20]. К эпохе ранней бронзы относится найденная на Алтын-депе чаша с изображением на дне сидящей статуэтки и человеческой фигурки с поднятыми руками перед ней. На стенке нарисована спираль,— вероятно, изображение змеи (рис. 2, *5*). Эти изображения указывают на связь мифологического женского персонажа, который несомненно передавала статуэтка, со змеей [21].

Статуэтки ранней бронзы дают ясные указания на связь изображаемых ими персонажей с водой, змеями, сферой плодородия, продолжения человеческого рода. Эти указания гораздо более явны, чем в предшествующие эпохи, что не может не предполагать усложнения системы коммуникаций в обществе, появления необходимости в дополнительных разъясняющих знаках [22]. Такие изменения и должны были происходить в культуре, где нарастают тенденции дифференциации, развивается металлургия бронзы, распространяется гончарный круг, появляются крупные поселения, усложняется общественная структура.

Большинство статуэток этого времени найдено в культурном слое поселений, причем в относительно небольших по площади стратиграфических раскопах или шурфах. Лишь несколько экземпляров происходят из комплексов, которые могут пролить свет на их функцию. Так, статуэтка беременной женщины найдена в погребении на Алтын-депе. На этом же поселении маленькая схематичная фигурка обнаружена в помещении с очагом особой формы, с нишей, при этом фигурка находилась под нею вместе с каменной мотыжкой и 11 глиняными лепешками. Вероят-

---

[17] *Массон, Сариниди.* Ук. соч. Табл. XX, XXI; *Сариниди.* Памятники позднего энеолита... Табл. XXV.

[18] *Массон, Сариниди.* Ук. соч. Табл. XI, *4*; XXVIII, *4*.

[19] *Ляпин А. А., Масимов И. С.* Обследование памятников ранней бронзы // Археологические открытия 1973 г. М., 1974. С. 507—509.

[20] *Массон, Сариниди.* Ук. соч. Табл. XXIV, *6*.

[21] *Кожин П. М., Сариниди В. И.* Змея в культовой символике анауских племен // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

[22] *Pentikäinen Z.* The Pre-literate Stage of Religion Tradition. Les religions de la prehistoire. Valcamonica Symposium '72. Capo di Ponte, 1975; *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 177 *сл.*

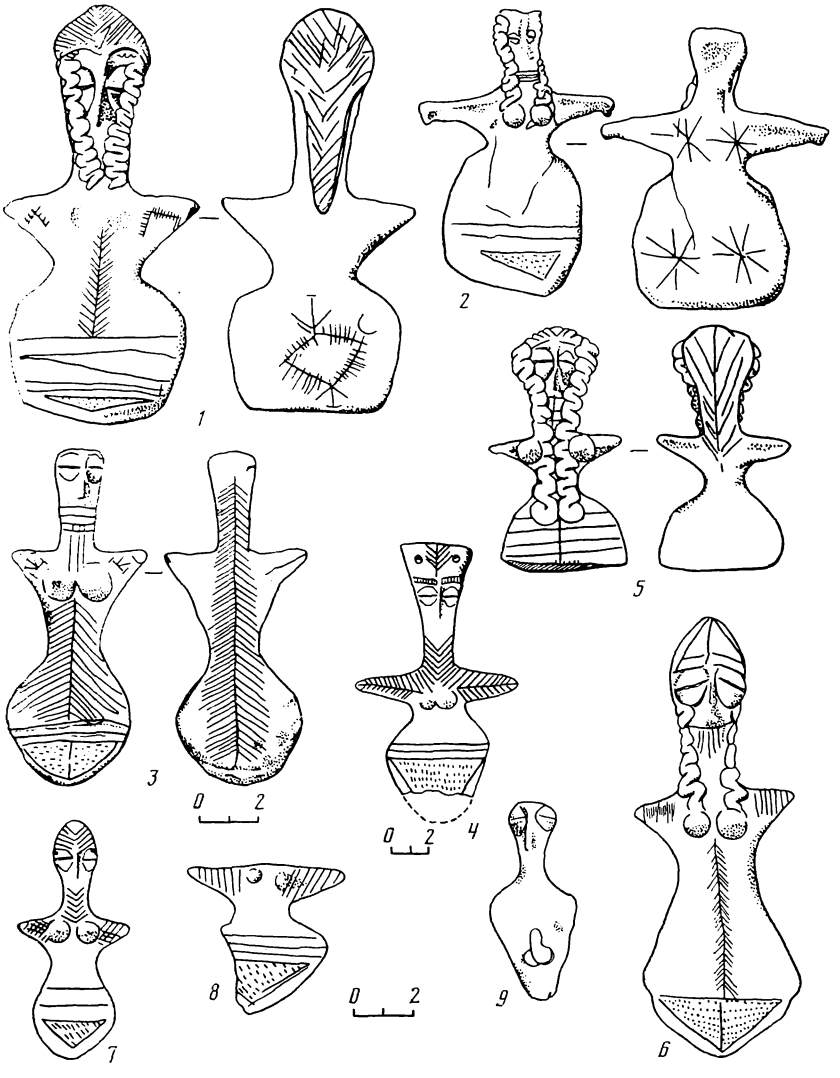

Рис. 3. Статуэтки времени Намазга V

но, помещение служило для ритуальных действий, элементом которых была и фигурка [23].

Поиски новых форм поры ранней бронзы завершились в эпоху Намазга V (2600—2200 гг. до н. э.) формированием статуэток нескольких типов, объединяемых общностью стиля. Это совершенно плоские фигурки женщин, редко — мужчин. Их руки разведены в стороны, нижняя часть отогнута вперед (у типологически ранних образцов), но затем почти совершенно выпрямлена, благодаря чему статуэткам, не имеющим ног, придается стоячая поза. Нижняя часть фигурки занята, как правило, преувеличенным знаком женского пола. При помощи налепов изображали

[23] *Кирчо Л. Б.* Раскопки слоев ранней бронзы на Алтын-депе в 1979—1980 гг. // КСИА. 1983. 176. С. 68.

различные прически и головные уборы, громадные глаза на безротых лицах. По сырой глине прочерчивали признак пола, растение, иногда занимавшее почти всю поверхность фигурки, наконец, условные знаки на плечах и детали причесок (рис. 3).

Бросается в глаза обилие растительных мотивов у этих статуэток, как женских, так и мужских: сходство с растением имеют верхние части причесок, плетеные косы на спине; «дерево» изображается не только впереди, но и сзади, передавая одновременно спускающуюся до земли косу. Из женских статуэток, найденных на поселениях подгорной полосы Копет-Дага, около 70% целых экземпляров и фрагментов торсов несут изображения растения или имеют прическу, имитирующую растение; около 30% фрагментов головок имеют прическу с элементами, изображающими растение. Завершающие традицию анауской пластики статуэтки, обнаруженные недавно на поселениях древней дельты Мургаба, отличаются от статуэток подгорной полосы почти полным отсутствием знаков, но изображения растений у них сохраняются[24].

В изучении семантики статуэток периода Намазга V особое место принадлежит анализу наносившихся на них знаков[25]. В работе, посвященной анауской пластике, В. М. Массон и В. И. Сарианиди разделили их на шесть групп: I — углообразные и ромбические знаки со штрихами на сторонах, II — восьмиконечная «звезда» (рис. 4, *4*), III — варианты знака, напоминающего «К» с поперечной перекладиной или «Ш» (рис. 4, *5*), IV — знак в виде ветви, V — волнообразные линии, спаренные углы, иногда двойные (рис. 4, *2—3*), VI — вертикальные штрихи (рис. 4, *6*)[26]. (К этому можно было бы еще добавить знак в виде расположенных по контуру руки точек). Авторы придавали большое значение этим условным фигурам, видя в них знаки различных божеств, которых, по их мнению, изображали статуэтки. Фрагментарный материал позволил В. М. Массону и В. И. Сарианиди связать с определенными знаками лишь некоторые характеристики фигурок, в первую очередь прически и головные уборы. В результате было высказано предположение о существовании нескольких типов статуэток и соответственно — образов нескольких духов и богинь, имевших свои символы. Статуэтки со знаком в виде угла со штрихами изображали, согласно этой интерпретации, «великую богиню — мать», местную параллель шумерской Нинхурсаг-Ниммах, может быть, локальное божество-покровительницу Алтын-депе; статуэтки со знаком звезды или креста — небесную богиню типа шумерской Инанны. Менее уверенно говорилось об образах, стоящих за статуэтками со знаком «ветви-зерна» и «зигзага-воды». Первые, по их предположению, изображали духа растительности, вторые — воды[27].

Разнообразие таких элементов статуэток, как прически и головные уборы, знаки, формы отдельных частей, очень велико, что затрудняет классификацию материала, к тому же достаточно фрагментированного. Накопившиеся с момента публикации В. М. Массона и В. И. Сарианиди

---

[24] *Sarianidi V. I.* Margiana in the Bronze Age; *Masimov I. S.* The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murghab // The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries / Ed. Kohl Ph. N.Y., 1981.

[25] *Массон В. М., Сарианиди В. И.* О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы // ВДИ. 1961. № 1; *Антонова Е. В.* К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры // СА. 1972. № 4; *она же.* Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

[26] *Массон, Сарианиди.* Среднеазиатская терракота... С. 90 сл.

[27] Там же. С. 121. сл.

данные хотя и позволяют систематизировать несколько большую его часть, все же вынуждают оставить за пределами классификации значительное количество образцов, в первую очередь фрагментов. При этом во внимание может быть принят материал лишь с Алтын-депе, где в течение многих лет ведутся систематические раскопки. Статуэтки с других поселений, при некотором своеобразии, имеют с ними значительное сходство.

В результате анализа как старых, так и вновь опубликованных материалов сейчас представляется возможным выделить девять типов статуэток, характеризуемых рядом признаков: особенностями трактовки нижней части фигуры, некоторых ее элементов (признак пола, грудь); формами причесок или головных уборов, украшений, знаков, растения. Приведем краткое описание этих типов, число которых в дальнейшем несомненно возрастет.

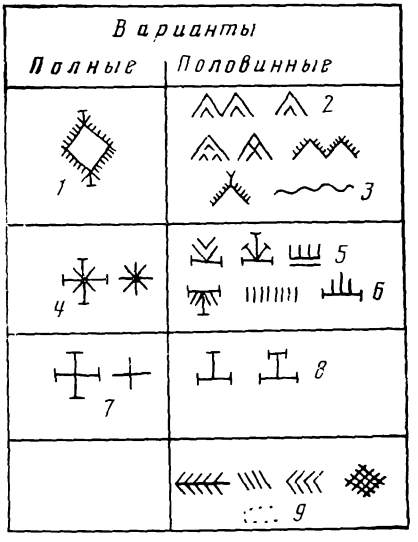

Рис. 4. Знаки со статуэток эпохи Намазга V

Тип I (рис. 3, *1*). Статуэтки с сильно отогнутой вперед нижней частью, прической в виде налепной косы сзади, двух прядей впереди и высокого «кокошника»; ожерелье и пояс из нескольких линий, признак пола — крупный треугольник. Впереди изображено «дерево»; знаки — углообразные со штрихами, ромб, сложный крест. *Тип II* (рис. 3, *2*). Близок к предыдущему, отличается особенностями прически, не имеет изображения «дерева», знаки в виде восьмиконечной звезды. *Тип III* (рис. 3, *3*). Налепная прическа отсутствует, впереди и сзади по всей поверхности прочерчено «дерево». Знаки в виде половины восьмиконечной звезды. *Тип IV* (рис. 3, *4*). Отличается от предыдущих слабо отогнутой нижней частью, полностью занятой крупным признаком пола. На трапециевидном головном уборе изображено «дерево», прочерченное также на руках и груди. *Тип V* (рис. 3, *5*). Статуэтки с сильно отогнутой вперед нижней частью, прической из налепных прядей впереди и прочерченной косы сзади; нижняя половина фигуры заполнена горизонтальными линиями, перечеркнутыми одной вертикальной; знаки не обнаружены. *Тип VI* (рис. 3, *6*). Статуэтки с сильно отогнутой нижней частью, налепными прядями впереди, подтреугольным головным убором, «деревом» и знаками в виде штрихов. *Типы VII — VIII* (рис. 3, *7—8*). Объединяют статуэтки со слабо отогнутой нижней частью, головным убором овальной формы с заполнением из углообразных линий, «сеткой» или штрихами на плечах и углообразным многорядным ожерельем. *Тип IX* (рис. 3, *9*). Сюда входят схематичные фигурки, восходящие к условным статуэткам энеолитического времени, лишенным рук. Они представляют собой головку на длинной шее, тулово овальное, сужающееся книзу. Знаки в виде буквы «Ш», углообразных фигур, штрихов. Только среди статуэток этого типа зафиксированы мужские.

Мужские статуэтки продолжают оставаться немногочисленными. Знаки на них никогда не встречаются, но почти всегда в нижней части изображается «дерево» — одно, два или три. Эти персонажи всегда изображены в эротическом состоянии.

Остановимся на местонахождении статуэток по материалам Алтын-депе. Из всех найденных в определенном контексте 50% происходят из различных помещений — жилых и, возможно, хозяйственных, 30% найдено на улицах и дворах, 20% — в погребениях и погребальных комплексах, т. е. не непосредственно с костяками, а в пределах погребальных сооружений. В домах первоначальное местонахождение статуэток пока не установлено, хотя возможно, что они могли помещаться в стенных нишах. Две целые статуэтки были обнаружены в фундаментах домов [28]. В коллективных погребениях связь статуэтки с определенным костяком, если она существовала, не всегда удается установить из-за перемещения останков в древности. Тем не менее в некоторых случаях обнаруживается их принадлежность женщинам. Две статуэтки разных типов находились в левой руке женского костяка с большим набором украшений и серебряной печатью (раскоп 5, погребение 60) [29]. В коллективной гробнице в помещении 11 (раскоп 5) находилось пять женских костяков, один мужской и два детских [30]. Исходя из преобладания женских костяков, можно предполагать, что найденные здесь две статуэтки, на этот раз одного типа, первоначально находились при женщинах. Аналогична ситуация в коллективной гробнице в помещении 125 (раскоп 5), где одна статуэтка была при четырех женских, одном мужском и одном детском костяках [31]. В гробнице в помещении 124 женская статуэтка находилась при скелете женщины 15—16 лет [32]. Три статуэтки одного типа найдены в коридоре коллективной гробницы 9 (раскоп 5). Рядом с ними стояли три миниатюрных сосудика [33].

Весьма примечательно распределение статуэток на поселении, как оно рисуется по раскопкам, захватившим, правда, только его часть. Симптоматично, что в месте расположения предполагаемого культового комплекса, где находилась какая-то монументальная постройка, а также гробница с разнообразными ритуальными вещами, найдена всего одна статуэтка, да и то в забутовке двора [34]. Раскопки проводились на нескольких холмах, образованных, по всей вероятности, постройками, составляющими кварталы, населенные членами отдельных общин. Попытка связать с этими отдельными комплексами статуэтки определенных типов привела к следующим выводам. На так называемом «Холме стены» найдены статуэтки типов II, III, V, VI; на «Холме вышки» — типов I, II, IV, VII, VIII, IX; на «Холме ремесленников» — типа V. Из этих данных пока рано делать окончательные выводы, однако примечательно, что статуэтки некоторых типов встречаются в одних местах и не встречаются в других. Сопоставимы комплексы, найденные на «Холме стены» и «Холме вышки». В обоих местах встречаются разные типы, кроме одного — типа II. В то же время в месте сосредоточения гончарных горнов, где производился обжиг керамической посуды и, быть может, ее делали, не обнаружено статуэток типов, встречающихся на «Холме стены» и «Холме вышки», кроме типа V. Найденные здесь статуэтки своеобразны.

Возможно, такое распределение — следствие некоторой разновременности вскрытых жилых комплексов: типы I, II, III, V VI представляются несколько более архаичными, чем прочие. Нет оснований думать, что

[28] *Массон, Сариниди.* Среднеазиатская терракота... С. 84.
[29] *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981. С. 42.
[30] Там же. С. 52.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же. С. 71. Мужские статуэтки ни разу не встречены в погребениях.

статуэтки всех типов изготавливали обитатели предполагаемого центра керамического производства, где сосредоточены горны. Очевидно, дальнейшие раскопки внесут ясность в эти вопросы.

Знаки разных форм встречаются по преимуществу на типологически ранних статуэтках, особенности которых — отогнутая вперед нижняя часть, посредством чего имитировалась сидячая поза, иногда — рудименты опущенных вниз рук, пышные налепные прически. Типологически поздние образцы, особенно четко выявляющиеся в мургабских памятниках (относящихся и к последующей эпохе Намазга VI), почти выпрямлены, имеют не прически, а головные уборы, на их телах и руках изображаются растения (другие знаки представлены единичными образцами). Такая линия развития позволяет высказать предположение, что и ранние разнообразные знаки в основном, хотя и не исключительно, тоже передавали растения, часто в сочетании с землей, их породившей. Знаком земли выступает с полной очевидностью треугольник — признак пола, из которого поднимается растение, иногда изображавшееся и непосредственно на треугольнике.

Сопоставление знаков с орнаментами эпохи Намазга IV позволило выявить их «полные» и «половинные» варианты (рис. 4) [35]. К «полным» относится ромб и разновидности знаков кресто- и звездообразной формы. Сравнение с орнаментами, включающими помимо геометрических фигур изображения растений, показывает, что «полные» и «половинные» варианты знаков представляют соответственно условные изображения растений, направленных в четыре стороны или их же, поднимающихся из треугольника — горы. Четырехугольные фигуры, как нам кажется, являются знаком земли с ее четырьмя главными направлениями, земли, покрытой растениями, которые в период Намазга V передаются штрихами на сторонах ромба или лучами звездообразных фигур [36]. К «половинным» вариантам мы относим разные «К» и «Ш»-образные знаки. Штрихи, волны и точки могут рассматриваться как выродившиеся знаки, наносившиеся по традиции, которая затухала, подобно традиции росписи сосудов в более раннее время.

Обращает на себя внимание четкость системы размещения знаков. «Полные» варианты изображаются обычно в нижней части фигурок и на спине, «половинные» — на плечах, т. е. наверху. Таким образом, ромб или многолучевая звезда ассоциируется по местонахождению с треугольником — признаком пола (которому они близки семантически), знаки на плечах — с головой, увенчанной «растительной короной». Женщина отождествляется с землей и растениями, поднимающимися из ее глубин. Но кого же она изображает?

Сложность выяснения семантики статуэток дописьменных культур заключается, в частности, в том, что их особенности, взятые сами по себе, могут в равной мере свидетельствовать как о том, что они изображали богов или одно божество, так и о том, что они передавали образы существ гораздо менее определенных по своим функциям, менее могущественных, чем боги, смертных и более тесно связанных с явлением, которое они персонифицируют, в частности, демонов или духов. Выход из этого положения, вероятно, можно искать в расширении источнико-

---

[35] *Антонова.* Орнаменты . . . С. 10 сл.; *она же.* Божества земли и растений в представлениях древних обитателей Средней Азии и Двуречья // Бюллетень МАИКЦА, 7. М., 1984.

[36] Более подробно о символе земли см. *Антонова.* Очерки культуры древних земледельцев... С. 59 сл.

ведческой базы, в анализе статуэток в контексте развития определенной культуры, реконструируемого уровня общественного развития, в привлечении исторически и типологически близких аналогий. Однако и здесь есть свои сложности. В. М. Массон и В. И. Сарианиди, привлекая аналогии, взятые из обрядов и религиозной практики разных народов — от обитателей Двуречья III—I тыс. до н. э. до насельников Сибири XIX — начала XX в., пришли к выводу, что анауские статуэтки периода Намазга V «...потреблялись в церемониях обрядов и заклинаний, а наиболее тщательно выполненные представляли собой, скорее всего, домашних идольчиков. При этом в терракотовых фигурках могли быть персонифицированы самые различные духи и божества» [37]. Соглашаясь с этим выводом в целом, надо отметить, что в последней своей части он, вероятно,— следствие привлечения слишком широкого круга сопоставлений, при подборе которых не в полной мере учитывается уровень развития религиозных представлений и социального развития обществ, которым принадлежали заинтересовавшие исследователей данные.

Исследователи духовной жизни первобытных народов Передней и Средней Азии постоянно обращаются к материалам Двуречья, однако там в III—II, а тем более в I тыс. до н. э., от которых дошли многочисленные и разнообразные документы, существовали не только развитые религиозные, но и формирующиеся философские системы. Для реконструкции представлений первобытных земледельцев следовало бы обращаться к низовой религии, типологически и исторически близкой религии первобытной поры. Изображения демонов, известные по раскопкам и письменным свидетельствам, бытовали в более развитом, чем первобытное, обществе с естественно более развитой культурой, религиозными представлениями и изобразительной традицией. Они принадлежат вполне определенной системе, и для того, чтобы привлекать данные такого рода для интерпретации явлений безусловно менее развитой в общественном отношении культуры, они должны быть расслоены, в них необходимо выделить архаический пласт. Такая работа, по словам А. Л. Оппенхейма, еще не произведена ни ассириологами, ни историками религии [38].

В архаических культурах, исследуемых этнографией, и в древних культурах периода письменной истории встречаются изображения многочисленных и разнообразных духов и богов. В архаических обществах, сохранивших элементы родового строя, разнообразие изображаемых существ не столь велико, как в древних государствах, например Двуречья, хотя в представлениях первых их было также достаточно много. Так, народы Сибири изготавливали в основном изображения семейно-родовых покровителей, среди которых преобладали образы предков [39]. Даже в столь развитой системе, как религия бурят, находившихся, по словам С. В. Иванова, на патриархально-феодальной стадии развития, в изображениях на онгонах над относительно немногочисленными изображениями богов преобладали изображения предков или реальных людей, сородичей, в жизни и смерти которых были обстоятельства, связывающие их с точки зрения соплеменников с миром сверхъестественного [40].

Духи, в существование которых верили древние и первобытные люди,

---

[37] *Массон, Сарианиди.* Среднеазиатская терракота... С. 87.

[38] *Оппенхейм А. Лео.* Древняя Месопотамия. М., 1980. С. 176.

[39] *Иванов С. В.* Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.

[40] *Он же.* К семантике изображений на старинных бурятских онгонах // МАЭ. 1937. Т. XVII.

многочисленны и разнообразны, но отнюдь не всех их стремились изображать. Древняя скульптура и изображения на плоскости, известные для эпохи первых цивилизаций, данные этнографии говорят о том, что большое число образов сверхъестественных существ фиксировалось лишь словесно в различных текстах. Там они описываются, как ведущие себя подобно людям. В изобразительных же формах воплощались по преимуществу люди.

На печатях Двуречья IV — первой половины III тыс. до н. э. встречается много антропоморфных персонажей, преимущественно имеющих облик реальных людей, а не фантастических существ. Изображения явно определяемых рядом особенностей богов появляются систематически только в аккадской глиптике; в раннединастическое время их крайне мало. В таких обширных комплексах храмовой скульптуры, как обнаруженные в Телль Асмаре и Хафадже, безусловные статуи богов так и не выделены. Статуи изображают адорантов, их присутствие в храме служило гарантией благоволения богов, исполнения обращенных к ним просьб [41].

Эта ситуация не уникальна в древнем мире. Достаточно обратиться к более поздним, чем шумерская, цивилизациям Передней Азии, а также к культуре Египта, чтобы прийти к выводу: люди предпочитали изображать не столько богов, сколько смертных, занимающих особое положение посредников между миром людей и сверхъестественным. Тонкий знаток архаичной (традиционной) культуры С. В. Иванов пишет: «Изготовляя ту или иную скульптуру, человек создавал вокруг себя как бы второй, ощутимый и зримый мир людей, животных и других существ, которые всегда или длительное время были при нем, будь то небожители, духи нижнего мира или тени предков. Мир конкретных образов „облегчал" человеку общение с теми невидимыми существами, которые казались ему то доброжелательными и полезными, то вредными и опасными» [42]. При этом необходимо помнить, что скульптура в отличие от двумерных изображений конкретна и телесна, возможность передачи в ней символов имеет определенные ограничения.

Средствами скульптуры — наиболее жизнеподобного из всех изобразительных искусств — стремились запечатлеть человеческие существа, что соответствовало конкретности восприятия первобытных и древних людей. Их изображение было необходимо для совершения обрядов, в которых они играли роль своего рода посредников или объектов действий. Явления природы, если они и антропоморфизировались на словесном уровне, визуально все-таки были иными. Недаром все народы даже письменной древности часто при изображении богов прибегали к различным символам, образам животных и т. д., обращались к стихиям — земле, воде, небу непосредственно. Расцвет изобразительного, визуального антропоморфизма связан только с античной культурой со свойственной ей пластичностью мировосприятия. В ней статуи богов стали не только явлением религиозной жизни, но принадлежностью более широкой сферы культуры, в частности, обособившегося искусства.

До сложения государства земледельцы, у которых в разной степени, но всегда достаточно существенную роль играли связи по родству, наиболее близких себе представителей в мире сверхъестественного имели

[41] *Frankfort H.* Sculpture of the Third Mill. B. C. from Tell Asmar and Khafajah. Chicago, 1939.

[42] *Иванов С. В.* Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979. С. 153.

в лице умерших родичей, среди которых выделялись фигуры предков, относимых к мифологическому прошлому. На этом этапе развития они в большей степени, чем духи — предшественники богов — постоянные участники всех ситуаций жизни людей. Живые свидетельства этого дает этнография народов, в частности Средней Азии, региона, интересующего нас в рамках данной работы. К умершим, предкам обращались, прося дождь или стремясь отвратить падеж скота, желая получить потомство и мечтая освободиться от болезней. Места их почитания — многочисленные мазары, и исламская оболочка не затмевает их древнего, доисламского происхождения [43].

Обитатели Двуречья опасались своих умерших, причисляя их к опасным духам Мира мертвых, но считали их и заступниками за живых родственников, разумеется, при условии совершения соответствующих обрядов в их честь, в первую очередь снабжения их пищей и водой. Известны документы, свидетельствующие о том, что передача имущества по наследству совершалась при условии отправления наследником заупокойного культа завещающего. В домах были специальные помещения для отправления заупокойного культа [44].

Посредниками между миром богов и людей считали умерших и древние египтяне. Они «отвращали» от живых зло и способствовали их благу. К ним обращались с разнообразными просьбами, известными благодаря письменной фиксации некоторых из них (защита имущества, забота о потомстве, здоровье родственников умершего). На статуэтке обнаженной женщины с ребенком, найденной в погребении, была сделана надпись: «Да будет дано дитя дочери твоей Сэх» [45]. В этом случае статуэтка, вероятно, служила указанием на характер просьбы, которую надпись конкретизировала или дублировала.

Умершие, будучи для живых людьми вполне реальными, когда-то известными лично или по рассказам стариков, наделяются чертами того мира, которому они принадлежат после смерти, в частности чертами духов природы [46], набор функций которых определялся различными потребностями людей, в том числе хозяйственными, неотделимыми в это время от восприятия мира, «идеологии». У земледельцев очевидно, они не могли не связываться с землей, водой, миром растений, с поселением и жилищем, основанными этими умершими, предками. Эти персонажи, как вообще персонажи религий, а не философских систем, не были абстрактными символами, результатами лишь осмысления мира, обстоятельств

---

[43] Приведем лишь несколько примеров, число которых можно было бы умножить до бесконечности. Горные таджики во время празднования Нового года зажигали светильники в честь предков; одно из мест их установки — ткацкий станок — связано с женскими покровителями. В то же время около мазаров (впрочем, не только там) устраивали общественные трапезы, носившие характер жертвоприношений. Во время сбора урожая духам предков давалось угощение; у мазаров совершали обряды вызывания дождя, а для его прекращения сжигали палки с могил (*Рахимов М. Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (Историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957. С. 199, 208, 210—212).

[44] Наиболее полной и новой сводкой представлений о смерти и умерших в Двуречье является сборник: Death in Mesopotamia / Ed. B. Alster. Copenhagen, 1980.

[45] *Guilmot M.* Les lettres aux Morts dans l'Egypt anciene // RHR. 1966. CLXX. 1.

[46] Ср. в религиях народов Африки: «Культ предков сочетается всюду в автохтонных религиях Африки с культом природы и стихий. Сплошь и рядом процесс контаминации манов с духами природы заходит столь далеко, что невозможно установить теперь, возник ли данный религиозный персонаж в качестве духа предка, духа природы или одновременно того или другого» (*Шаревская Б. И.* Старые и новые религии тропической и южной Африки. М., 1964. С. 207).

человеческой жизни. Они представляли интерес постольку, поскольку выступали с точки зрения древних как активные и совершенно необходимые участники их жизни, одни из гарантов ее существования и продолжения. Особенность этих персонажей — полифункциональность [47].

Характер религиозных представлений неотделим от уровня общественного развития, от социальной структуры общества, показателем чего в археологии является, в частности, архитектура построек и размер поселений. Судя по ним, в эпоху позднего энеолита кроме небольших поселений размером в 1—2 га существовали уже крупные центры до 9—10 га и более [48]. В период развитой бронзы размеры поселений настолько вырастают, а уровень развития материальной культуры так поднимается, что некоторые из них, такие, как Алтын-депе (площадь холма 46 га) или Намазга-депе, приобретают некоторые признаки протогородов. В эпоху позднего энеолита жилые дома представляют собой многокомнатные комплексы, где жили члены общин, объединяющих, по всей вероятности, не одно поколение сородичей. Многокомнатные дома продолжают существовать и позже. В эпоху бронзы четко прослеживается имущественная дифференциация между различными общинами.

Вероятно, среди населяющих крупные поселения эпохи бронзы общин были не только те, предшественники которых жили здесь искони, но и пришлые с других поселений, в первую очередь той же анауской культуры. Легкость этих переселений, вероятно, обеспечивалась тем, что «коренные» жители и переселенцы были одноэтничны и осознавали свое родство. Одно из свидетельств их единства — бытование статуэток сходных форм. В то же время разнообразие типов и обилие вариантов, как можно думать, свидетельствуют о том, что статуэтки изготавливали в отдельных коллективах мастера, следовавшие различным традициям в пределах одной общей. Их изделия распространялись иногда довольно широко: статуэтки одного типа обнаруживают и на поселениях, разделенных многими десятками километров (например, на Алтын-депе и Намазга-депе). Факт нахождения двух статуэток разных типов в погребении молодой женщины на Алтын-депе (см. выше) показывает, что различные по форме образцы могли принадлежать одному человеку.

Кого же изображали статуэтки? Предположения на этот счет могут быть сделаны не только на основе их внешнего облика, но и при учете условий их местонахождения — в отдельных жилых домах, в погребениях, их предполагаемой принадлежности женщинам. Все это, как и сказанное выше о специфике древней скульптуры и уровне развития общества носителей анауской культуры, заставляет видеть в статуэтках изображения семейно-родовых покровителей, в первую очередь связанных с женской половиной общин и той сферой жизни, которая была наиболее близка женщинам — продолжения рода, здоровья всех и детей

---

[47] Характерно, что функции такой связанной с хозяйством богини, как Деметра, олицетворявшей хлебное поле, были весьма разносторонни и охватывали не только землю и ее порождения — растения, но и сферу культуры, и общественную жизнь. Около полей находились ее храмы, ее связывали с током и амбаром, а также с приготовлением хлеба и муки. Она была богиней подземного мира, которой приносили жертвы во время жатвы и сооружали храмы около трещин, уводящих в глубь земли, но она же была и покровительницей детей и домашних животных; ей принадлежали и брачные установления. Вряд ли все эти функции были результатом контаминации разных образов, но если это было и так, то она происходила в рамках структур полифункциональных образов.

[48] Сводку сведений см. в книге: *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

в особенности, женскими занятиями — прядением, приготовлением пищи. Обнаружение их в основаниях очагов в пору Намазга II показывает, что они связывались с этим средоточием жизни дома. Весьма вероятно, что этими покровителями были умершие, которые рассматривались как способные оказывать благотворно влияние на жизнь общины, поэтому их постоянное присутствие в домах считалось необходимым.

Эти покровители обладали признаками и свойствами женщин-матерей, кормилиц, приобретших связь и с миром природы, свидетельство чего — изображения на них диких животных. Возможно, они сближались с образами «хозяев» природных явлений. Судить об их более конкретных характеристиках позволяют данные этнографии народов Средней Азии, представляющие уникальный интерес для интересующей нас темы. К сожалению, они редко привлекаются исследователями первобытной скульптуры, не только зарубежными, но и отечественными.

Остановимся на некоторых из этих материалов. У таджиков существовало представление о «момо» — «матерях», патронессах бабок-повитух. В их числе были умершие и давно, и недавно — те, которые передали свое служение, считавшееся сакральным, ныне здравствующим женщинам [49]. Такая мифологизация реальных образов характерна для архаической формы мышления. Присутствие этих духов считалось необходимым для рождения ребенка, для чего их привлекали, возжигая светильники. Отношение участниц обряда к этим светильникам показывает, что их понимали как изображения духов,— вероятно, как полагает О. А. Сухарева, это отзвук древней традиции, когда действительно существовали такие изображения. «Момо» не были изолированы от других духов, в том числе духов предков — «арвохов». Духи «момо» имели свои мифологические «биографии», т. е. были существами вполне конкретными. Вероятно, столь же конкретны были и персонажи, которых изображали статуэтки анауской культуры, на что указывают некоторые признаки их внешности: многогрудость одной статуэтки или изображение фигурки ребенка у другой (период Намазга III). Неправомерно видеть в этих деталях проявление одного образа, это несвойственно представлениям людей интересующей нас эпохи. Множественность образов при сходстве одних признаков и своеобразии других и при этом общая структурная основа — вот что их определяет.

Несмотря на запреты ислама у народов Средней Азии в некоторых местах сохранялась традиция изготовления кукол. Обращение с ними позволило предположить, что они восходят к изображениям семейных покровительниц, передаваемых по женской линии. В играх с куклами прослеживаются прежние функции этих покровителей — забота о семейном благополучии, браке, деторождении. Игра с ними девочек поощрялась старшими женщинами и была особенно активной в некоторые времена года, в частности весной [50].

С тем, что куклы принадлежали женщинам и специфически женской сфере, связана немногочисленность кукол-мужчин. Куклы изображали взрослых, в том числе матерей с детьми, в то время как куклы-отцы почти не встречались. Девочки играли с куклами в различные игры, в том числе в свадьбу, а также кормили их. Так же кормили, несомненно, и анауские статуэтки, так как известны (в эпоху Намазга V) маленькие сосудики,

[49] *Сухарева О. А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

[50] *Пещерева Е. М.* Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // МАЭ. 1956. XVII.

иногда несущие изображения тех же знаков, что встречаются на статуэтках.

Замечательно, что одно из кукольных кормлений называлось «угощение джинов», т. е. духов. Дети приносили продукты, из которых готовили похлебку для кукол, которых уговаривали поесть, а потом сами дети съедали похлебку, воспроизводя тем самым ритуальное пиршество. Угощение духов в виде кукол осуществляли и женщины-узбечки и таджички, принося кукол на мазар и ставя перед ними пищу. Делали это, в частности, для излечения больных детей [51].

Все эти обрядовые действия (или в детских играх — выродившиеся обряды) демонстрируют, зачем нужны были изображения: с ними манипулировали, к ним обращались, их кормили, ожидая помощи. Е. М. Пещерева слышала, как девочка, кормя куклу, говорила: «Съела ты, не съела, ничего мне не говори ни на этом свете, ни на том» [52], что явно имело цель обезопасить себя от гнева духа, воплощавшегося в кукле, власть которого простиралась и на посмертное существование. Естественную параллель этому представляют обряды в честь предков, кормление которых должно было гарантировать их благоволение.

Появление в период позднего энеолита статуэток мужчин и, быть может, детей указывает на некоторые изменения в представлениях (напомним, что в период Намазга II известны только женские статуэтки). Характерно, что изображения мужчин появляются одновременно с формированием многокомнатных домов — жилищ большесемейной общины, в которой, как можно думать, роль мужчин была достаточно велика и таковой осознавалась. Если мифологические женщины выступают в качестве носительниц изобилия, связанного с миром дикой природы, животными и, возможно, растениями, то мужчины предстают воинами, вызывающими в памяти образы воинственных богов Двуречья, обладавших и способностью приносить плодородие (Энлиль, Нингирсу). Все эти признаки покровителей прослеживаются и по пластике раннего бронзового века. Возможно, что статуэтки детей (если условные изображения передают именно их) служили не только магическим средством помощи при деторождении, но были и покровителями детей.

Схематизм и условность статуэток периода развитой бронзы справедливо связывались с изменениями в понимании образов, которые они передавали [53]. Плоскостность, обилие деталей, явно имеющих символический смысл,— все это указывает на усиление абстрактных черт в образах женских и мужских существ. Пышный убор статуэток, украшения, поднимающееся из лона дерево — все это предполагает, что изображаемые существа показаны в определенный, кульминационный момент своего существования. Характер этого момента прямо указывают статуэтки мужчин [54]. Все особенности статуэток позволяют заключить, что женские и мужские персонажи явно представлены в брачной ситуации. Все сопровождающие их знаки — растений и земли, изобилия, являющегося следствием этого брака, находят отражение в текстах песнопений обряда священного брака в Двуречье, исследованных и опубликованных С. Н. Крамером [55].

---

[51] Там же. С. 87.

[52] Там же. С. 57.

[53] *Массон, Сариниди.* Среднеазиатская терракота... С. 138.

[54] Там же. Табл. XIX.

[55] *Kramer S. N.* Cuneiform Studies and the History of Literature: the Sumerian Sacred Marriage Texts // PAPS. 1963. V. 107. №. 6; *idem.* From the Poetry of Sumer. Los Angeles — London, 1979.

Есть ли основания видеть в изображенных на статуэтках растениях злаки и на этом основании считать, что они передавали образ «богини зерна»? Таким божеством, полагают, олицетворением хлебного поля, была у шумеров Ашнан, описываемая в текстах как «стоящая в поле» [56]. В таком же — стоячем — положении находится и большинство статуэток анауской культуры периода развитой бронзы и более поздних. Однако нет никаких признаков, позволяющих утверждать, что изображали именно злак; более того, некоторые фигурки снабжены явно иными растениями, например венком из цветов [57]. Поэтому предположение, что некоторые статуэтки изображают божество или дух зерна, не кажется пока убедительным. Почитание злаков наверняка имело место у носителей анауской культуры, но они могли не изображать его духа в антропоморфном облике, обращаясь в определенных ситуациях к пучку или снопу колосьев, к сделанной из них кукле, как это было у других земледельческих народов в новое время. Особенности оформления статуэток скорее указывают на образы более широкого круга, когда в обрядах фигурируют разные растения, деревья, цветы, как это было в обрядах священного брака в Шумере и как свидетельствуют такие тексты, как знаменитая библейская «Песнь песней».

Это тяготение образов, стоявших за статуэтками периода Намазга V, к растениям, земле, брачным обрядам, возможно, несколько ослабило их связь с предками и умершими, но вряд ли она совершенно исчезает. Члены общин, осознающие свое родство и родственную связь со своими мифологическими покровителями, вероятно, в условиях протогорода создают на основе существовавших прежде образов образы более широкого «диапазона действия» [58].

Данные долгое время существовавшей анауской культуры позволяют наметить некоторые признаки перехода от обрядов и представлений позднепервобытнообщинного строя к собственно религии формирующегося дифференцированного общества. Но вопрос в том, можно ли видеть в образцах антропоморфной пластики изображения богов, сопоставимых с известными в древнейших государствах? Или это реалии, присущие более раннему этапу?

Для характеристики образов ранних богов-покровителей большое значение имеют данные Двуречья. В городах-государствах III тыс. до н.э. бытовали представления о божествах-хозяевах этих городов, обитавших со своими семьями в храмах. Они обладали чертами божеств плодородия, что было необходимо для продолжения существования подвластных им людей [59], но они также были связаны с различными стихиями, растениями, культурными реалиями [60]. Сведения, хотя и немногочисленные, показывают, что такие подразделения городов, как кварталы, имели своих богов-покровителей, культ которых отправлялся в специальных «часовнях» [61].

---

[56] *Крамер С.* История начинается в Шумере. М., 1965. С. 135.

[57] *Массон.* Алтын-депе. Табл. VIII, *4*.

[58] Ср. ситуацию в Африке, где был столь развит культ предков. Он отступает на второй план в раннегосударственных образованиях. Вместе с тем функции божеств становятся более определенными, а также происходит «разрыв локальности верований, включение в сонм божеств иноплеменных» (*Львова Э. С.* Этнография Африки. М., 1984. С. 192).

[59] *Frankfort H.* Cylinder Seals. L., 1939. P. 112.

[60] *Jacobsen T.* Toward the Image of Tammuz and Other Essays on Mesopotamian History and Culture. Cambr., 1970. P. 21—23.

[61] *Gadd C. J.* Ideas of Divine Rule in the Ancient East. L., 1948. P. 64—65.

Свои покровители были и у отдельных семей — это были божества более или менее высокого ранга в зависимости от общественного положения семьи. Почитанием пользовались также умершие. Таким образом, каждая общественная единица имела своего божественного покровителя, служившего наряду с прочим олицетворением этого единства. Так было в городах, население которых объединялось территориальными связями и только в низовых ячейках — родственными. Следует подчеркнуть, что, имея представление о многих богах, люди регулярно отправляли культ лишь тех, с которыми считали себя связанными непосредственно, кого считали своими покровителями или заступниками перед богами более высоких рангов.

Убедительно аргументированный вывод об отсутствии в Двуречье до аккадского периода целостного пантеона или пантеонов богов сделал на основании исследования глиптики П. Амье [62]. Он считает, что до урукского периода на юге Месопотамии вообще нет сведений о существовании богов антропоморфного облика, но они появляются в урукское время. В течение всей доаккадской эпохи жители различных городов почитали многих богов, но, как полагает П. Амье, они были изолированы друг от друга, не связаны определенными отношениями. Есть лишь свидетельства существования супружеских пар. Быть может, единственное исключение представляет Квадратный храм Телль Асмара, где как будто почитали нескольких божеств. В расплывчатых образах выражались присущие народной религии представления не о богах, олицетворяющих определенную сферу космоса, а о существах с широкими и расплывчатыми функциями, лежащими в пределах потребностей почитавшего их коллектива. В эту пору почитали богов, «растворенных» в космических явлениях, и только для «хозяев» городов или отдельных общин сооружали храмы. Их и могли изображать в антропоморфном облике.

Только на аккадских печатях появляются фигуры, предполагающие существование развитого изобразительного антропоморфизма и пантеона. Это, как можно думать, результат в первую очередь изменившейся политической ситуации, сложения обширного государства. Складывается иерархия и определяются отношения между богами-покровителями отдельных городов. Она, однако, оставалась только относительно стабильной, меняясь в дальнейшем в зависимости от изменений политической ситуации.

Все сказанное, как кажется, позволяет заключить, что ни о каком пантеоне у носителей анауской культуры периода развитой бронзы не может быть речи. Вряд ли существовала и четкая связь между определенным образом и тем или иным типом изображений. Образы различных покровителей, существовавшие в пределах отдельных семейных общин, могли передаваться статуэтками разного облика. Условность изображений позволяла пользоваться в целом сходными статуэтками для передачи образов разных персонажей, семейно-родовых покровителей, прародителей. При всем их различии они, однако, обладали существенно сходными чертами — принадлежностью к женскому полу, подчеркнутыми признаками матери и кормилицы, связью с миром природы и миром мертвых.

Можно полагать, что при сохранении традиций почитания семейно-родовых покровителей в анауской культуре поры развитой бронзы идет

---

[62] *Amiet P.* Introduction à l'étude archéologique du Panthéon systématique et des Panthéons locaux dans l'Ancien Orient // Orientalia. 1976. V. 45. N.S. F. 1—2.

формирование образов более широкого значения, покровителей не только родственных, но и территориальных коллективов. Но множественность образов должна была существовать еще очень долго. Проблема единственности или множественности даже сформировавшихся образов богов не решается однозначно даже во вполне развитых религиях, включая мировые. Есть сведения, что разные женщины у греков имели своих богинь рождения — Илифий: имя Илифия часто употребляется во множественном числе. У всех людей были и разные Ники. В Риме каждая женщина имела свою Юнону и Венеру, о чем пишет Тибулл: «Хоть бы своими клялась обманщица даже очами, // И Юноной своей, да и Венерой своей, // Верности нечего ждать...» [63]. Разобщенность отдельных людей или отдельных коллективов, осознание их членами своей изолированности или своеобразия влечет за собой изоляцию образов почитаемых богов. Так, Роман Католик ощущал разницу между Богоматерью Лурдской и Девой Марией, почитаемой в Париже [64].

Сопоставление анауской пластики с пластикой Двуречья показывает, что в условиях относительно медленного общественного развития на периферии древнеземледельческой ойкумены не только сохраняются, но и продолжают развиваться в условиях протогородской цивилизации древние образы первобытной эпохи. В Двуречье другая картина: статуэтки, существовавшие с неолитического времени, прекращают изготавливать в период сложения классового общества. Стоящие за ними образы претерпевают изменения, сначала вытесняются на периферию религиозного комплекса, а затем частично заменяются богами, действующими в системе сформировавшейся религии классового общества.

В анауской культуре этого не происходит: недавние исследования в древней дельте Мургаба показали, что статуэтки продолжали изготавливать и на самом позднем этапе культуры, в эпоху Намазга VI (прежде считали, что они в это время исчезают). В то же время обращает на себя внимание факт отсутствия статуэток в предполагаемом культовом центре Алтын-депе. Если он действительно размещался здесь, это обстоятельство может свидетельствовать в пользу архаичности тех образов, с которыми связывались статуэтки, так как культовый центр, по всей вероятности, принадлежал уже территориальному объединению, а не коллективу родичей.

Облик статуэток анауской культуры развитой бронзы — их вертикальное положение, акцентируемое вертикалью растения, изображаемого впереди и иногда сзади, расположенные симметрично на плечах знаки, иногда повторяющиеся четырежды (в этом случае они изображаются и внизу), сам характер этих знаков — все это показывает, что статуэтки передавали облик существ, находящихся в центре организованного, упорядоченного космоса, разумеется, в том понимании, которое могло существовать на этом этапе развития. Их низ — земля, из которой поднимается растение, символизирующее изобилие. Средняя часть — наземный мир, где источником существования живущих предстают груди женского персонажа, из которых иногда также исходят ветви растения. Верх символизируют знаки земли-горы с растениями и растения, завершающие прическу. Четкость структуры отличает их от более ранних образцов.

---

[63] *Лосев А. Ф.* Античная религия в ее историческом развитии. М., 1957. С. 58—59.
[64] *Frankfort.* Cylinder Seals. P. 112.

Сакральность статуэток и в эту эпоху не была постоянной, как это свойственно обрядовым реалиям первобытных народов, отношению сохраняющемуся и в низовой народной культуре (ср. отношение к иконам: «Годится — молиться, не годится — горшки покрывать»). Поэтому так невелико число целых экземпляров, что резко отличает эти статуэтки от каменной скульптуры храмов, например, Телль Асмара и Хафаджи, которые тщательно сохраняли, закапывали, когда они становились не нужны.

Статуэтки и по своим функциям в обрядах, и по функциям изображаемых ими существ находились в «пограничной» ситуации. Персонажи принадлежали двум мирам — человеческому и внечеловеческому, природному. В них сочетались черты реальных людей, наделенных особыми силами, умерших сородичей, но и мифологических существ, для людей не менее реальных. В свойствах этих существ видели те же проявления, что в земле и растениях — способность рождать и кормить, но было бы упрощением, как кажется, считать их персонификациями земли и растений: эти образы более расплывчаты и полисемантичны. И Инанна в священном браке с земным заместителем Думузи не была персонификацией земли и природы, хотя наделялась их свойствами, как и они — свойствами женского организма.

Сами статуэтки — объекты обрядов, так как им адресованы определенные действия, их кормят, к ним обращаются с просьбами. Но они — и субъекты, обладающие способностью воздействовать на окружающее в желаемом для людей направлении.

LA SÉMANTIQUE DES STATUETTES ANTHROPOMORPHES DES AGRICULTEURS PRIMITIFS (*D'APRÈS LA CULTURE D'ANAU*)

Je. V. Antonova

L'article est consacré à l'évolution de la sémantique des statuettes de la culture d'Anau, en Turkménie méridionale (V^e—IIe mill. av. n. è.). Outre les figurines elles-mêmes, l'auteur fait appel à des données ethnographiques et à l'histoire des convictions religieuses des habitants de la Mésopotamie ancienne. Etudiant les modifications de l'aspect des statuettes dans le contexte du développement de la structure sociale des porteurs de la culture d'Anau, elle conclut que ceux-ci croyaient à l'existence de protecteurs familieux et claniques représentés justement par ces figurines. Aux étapes les plus reculées, ces protecteurs tenaient beaucoup des ancêtres, des morts. A l'âge du bronze, ces traits faiblissent un peu, ceux d'esprits de la nature liés à la fécondité de la terre, à la végétation fructifiante, au contraire, se renforcent. L'auteur ne juge pas possible, sur la foi des statuettes, d'affirmer l'existence, chez les «Anauites» de l'âge du bronze évolué (Namazga V), d'un panthéon de divinités féminines, et elle invoque la situation religieuse dans les Etats mésopotamiens de la période pré-Akkad: à cette époque, les traits des divinités commençaient seulement à se dessiner.

Ю. В. Андреев

АРХАИЧЕСКАЯ СПАРТА: КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

Спарта — одно из самых странных государств древности. Уже сама ее история заключает в себе некий парадокс, поражающий каждого даже не особенно вдумчивого наблюдателя. В самом деле, находясь в зените славы и могущества и пользуясь благодаря своему огромному военному потенциалу и вместе с тем удивительной стабильности своей политической системы почти непререкаемым международным авторитетом, это государство пребывало тем не менее в состоянии затяжной экономической стагнации, свело к минимуму все свои контакты с внешним миром и, казалось, было обречено на абсолютное творческое бесплодие во всех сферах культурной деятельности. После Алкмана и Тиртея, живших еще в VII в. до н.э., Спарта не дала миру больше ни одного сколько-нибудь известного поэта, философа, ученого или оратора. Греческие историки усматривали в этой странной ситуации результат сознательного выбора самих спартанцев, добровольно подчинившихся тягостному, но мудрому решению своего великого законодателя Ликурга.

В течение длительного времени Спарта и законы Ликурга оставались неразделимыми понятиями. В законодательстве Ликурга древние видели краеугольный камень спартанской государственной системы. Сам акт законодательства, к какому бы времени ни относили его античные историки [1], воспринимался ими как важнейшее событие во всей истории Спарты, а из ряда выходящее своеобразие ее общественного и политического строя ставилось в прямую зависимость от божественной мудрости законодателя, его сверхчеловеческой изобретательности и хитроумия. В соответствии с этим вся ранняя история Спарты (до начала Греко-Персидских войн) четко делилась на два основных периода: период смут и беззакония (аномии или каконomии) и период установленного Ликургом «благозакония» (евномии). Этой схемы придерживались уже основоположники классической греческой историографии Геродот и Фукидид, а вслед за ними и многие историки более позднего времени [2].

Историческая наука нового времени подвергла предание о великом законодателе беспощадному критическому анализу, не оставив буквально «камня на камне» от всей посвященной ему античной традиции. Одним из первых выразил сомнения в исторической реальности Ликурга еще в 20-е

[1] О крайнем разброде мнений во всем, что касается жизни и деятельности Ликурга, времени проведения его законов и их характера, удрученно говорит Плутарх, приступая к своему жизнеописанию спартанского законодателя (*Plut.* Lyc. 1).

[2] Обстоятельный разбор античной традиции о Ликурге см. в работе Эд. Мейера (*Meyer Ed.* Lykurgos von Sparta // Forschungen zur alten Geschichte. Bd 1. Halle, 1892. S. 213—286. См. также *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Stockholm, 1965. P. 70 ff.

годы прошлого века известный немецкий исследователь античности К. О. Мюллер [3]. Ему же принадлежит и ставшая впоследствии весьма популярной мысль о том, что так называемые «законы Ликурга», в сущности, гораздо древнее самого законодателя, даже если допустить, что он когда-либо существовал как реальная личность, ибо в действительности это не столько законы в собственном значении этого слова, сколько древние народные обычаи, уходящие своими корнями в самое отдаленное прошлое дорийцев и всех других эллинов.

Идеи Мюллера прижились в европейской, особенно в немецкой историографии, и к концу XIX столетия предание о Ликурге было окончательно зачислено в разряд тех псевдоисторических легенд или новелл, которыми была так богата греческая литература начиная уже с эпохи Геродота [4].

Такие крупные ученые, как У. Виламовиц, Эд. Мейер, Ю. Белох, расценивали сохранившееся в нескольких вариантах жизнеописание спартанского законодателя как позднюю рационалистическую переработку мифа о древнем лаконском божестве Ликурге [5]. Античная историческая традиция засвидетельствовала существование в Спарте особого культа Ликурга (Herod. I.66; Strabo. VIII C 366; Plut. Lyc. 31). Отталкиваясь от этого факта, все три названных выше исследователя пришли к выводу, что бог Ликург исторически предшествовал человеку Ликургу. Их научный авторитет в то время был столь велик, что, несмотря на возражения некоторых других исследователей, например Топфера и Бузольта [6], отношение к Ликургу как к реальной исторической личности в дальнейшем расценивалось многими как явная нелепость.

Покончив с великим законодателем, приверженцы гиперкритического направления, естественно, должны были поставить под сомнение и сам факт законодательства как поворотный момент в истории Спарты. «Для... жизненного нерва спартанского космоса,— писал Виламовиц,— νομοθεσία была бы смертельной» [7]. В свою очередь Эд. Мейер столь же решительно объявил подделкой, сочиненной в IV в., так называемую «Большую ретру», считавшуюся важнейшим из законодательных актов Ликурга [8]. Спартанский космос, т. е. свод обычаев и правил, регулировавших повседневную жизнь спартиатов, Мейер квалифицировал как законсервированный и приостановленный в своем развитии житейский уклад дорийской племенной общины (Wehrgemeinde), из которой, не претерпев сколько-нибудь существенных изменений, собственно и выросла классическая Спарта, известная нам по описаниям Ксенофонта и Плутарха [9].

Мысль о реликтовом характере спартанских институтов, об их глубокой генетической связи с различными формами и видами первобытной социальной организации довольно широко распространилась в научной литературе первых десятилетий XX в. Широкое привлечение этнографических

---

[3] *Müller K. O.* Die Dorier. Bd 2. Breslau, 1824. S. 5 ff.

[4] Подробный обзор литературы по этой теме см. в книге П. Оливы (*Oliva P.* Sparta and her social Problems. Prague, 1971. P. 63 ff.).

[5] *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Homerischer Untersuchungen. B., 1894. S. 267 ff.; *Meyer.* Op. cit. S. 269 ff.; *Beloch J.* Griechische Geschichte. Bd 1, 2. Strassburg, 1913. S. 253 f.

[6] *Töpffer J.* Die Gesetzgeburg des Lykurgos // Beiträge zur griechischen Altertumswissenschaft. B., 1897. S. 358; *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd 1. Gotha, 1893. S. 578.

[7] *Wilamowitz-Möllendorff.* Op. cit. S. 277.

[8] *Meyer.* Op. cit. S. 261 ff.

[9] *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd 3. Stuttgart, 1937. S. 259, 294 f.

параллелей в работах Нильссона, Фергюсона, Жанмэра и некоторых других авторов позволил найти вполне приемлемое объяснение для целого ряда отмеченных уже в древности аномалий спартанского образа жизни и всякого рода курьезных обычаев вроде криптии или бичевания эфебов у алтаря Артемиды Орфии[10]. Таким образом, как будто подтвердилась высказанная задолго до этого догадка К. О. Мюллера о спонтанном, независимом от воли законодателя происхождении всего комплекса спартанских учреждений и жизненных норм.

Благодаря упорной работе нескольких поколений исследователей ранняя история Спарты была в значительной мере демифологизирована. Ореол загадочности, окружавший в древности «государство Ликурга», начал постепенно рассеиваться. Однако на этом пути были и свои потери. Дальнейшая разработка спартанской темы в европейской историографии показала, что ясность, которую, казалось бы, удалось внести в этот круг вопросов таким исследователям, как Эд. Мейер, Белох, Нильссон и др., была во многом достигнута за счет существенного упрощения сложной диалектики реальных исторических процессов. В сущности, на место одной схемы, выводившей спартанское государство со всеми его законами и учреждениями в уже готовом виде из головы великого законодателя, была подставлена другая схема, согласно которой общественный и государственный строй Спарты возник абсолютно самопроизвольно, без чьего-либо постороннего вмешательства, в результате постепенной адаптации племенной общины завоевателей в условиях хронической военной опасности. Приверженцы этой последней схемы были уверены в том, что Спарта очень рано, практически еще до начала так называемых Мессенских войн как бы выпала из общего русла истории Греции и превратилась в особый, наглухо изолированный от всего остального греческого мира микрокосм[11].

Между тем еще в начале нынешнего столетия науке стали известны некоторые новые факты, которые при внимательном ознакомлении с ними породили настоятельную потребность в пересмотре уже сложившихся представлений о древнейшем периоде истории Спарты и вместе с тем послужили поводом к частичной реабилитации античного предания о законодательстве Ликурга. Непосредственным толчком, вызвавшим эту реабилитацию, стали сенсационные открытия, сделанные в Спарте в 1906—1910 гг. английской археологической экспедицией под руководством Докинза. Английские археологи исследовали святилище Артемиды Орфии — один из самых древних спартанских храмов. Во время раскопок было обнаружено множество художественных изделий местного лаконского производства, датируемых преимущественно VII—VI вв. до н. э. Среди этих изделий были замечательные образцы расписной керамики, лишь немногим уступающие лучшим произведениям коринфских и афинских мастеров того же времени, уникальные, нигде более не встречающиеся терракотовые маски, разнообразные предметы, изготовленные из бронзы, золота, янтаря и слоновой кости[12]. Весь этот материал наглядно свидетельст-

[10] *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens // Klio. 1912. Bd 12; *Ferguson W. S.* The Zulus and the Spartans // Harward African Studies. 1918. V. 2; *Jeanmaire H.* La Cryptie Lacédémonienne // REG. 1913. 26; *idem.* Couroi et Courètes. Lille, 1939. P. 490 suiv.

[11] Этого мнения придерживался уже крупнейший английский историк XIX в. Дж. Грот (*Grote G.* A History of Greece. V. 2. L., 1869. P. 391). См. также *Nilsson.* Op. cit. S. 340.

[12] Основные публикации см. в изданиях: *Dawkins R. M. et al.* Excavations at Sparta // BSA. 1906—1910. №. 13—16; *Dawkins R. M.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. L., 1929.

вует о том, что архаическая Спарта по праву может считаться одним из самых значительных центров художественного ремесла в тогдашней Греции. В то же время в большинстве своем находки, сделанные в святилище Орфии, совершенно не вяжутся с обычными представлениями о суровом и аскетичном образе жизни спартиатов, о почти абсолютной изоляции их государства от всего остального мира. Объяснить это странное противоречие можно было, лишь предположив, что в VII—VI вв., т. е. в то время, к которому относится основная часть археологического материала, собранного экспедицией Докинза, нивелирующий механизм «законов Ликурга» еще не был пущен в ход и социально-экономическое и культурное развитие Спарты шло в общем по тому же самому руслу, что и развитие большинства греческих государств [13].

В эти годы в специальной литературе утвердилось мнение, согласно которому своей высшей точки эволюция лаконской художественной школы достигла в первой половине VI в. Во второй половине того же столетия начинается быстрый и внешне как будто ничем не мотивированный упадок. Заметно снижается качество ремесленных изделий, ухудшается их художественная отделка. В это же время резко сокращается экспорт лаконской ремесленной продукции за пределы Спарты, в другие районы Средиземноморья [14]. С другой стороны, в самой Лаконии почти совершенно исчезают изделия чужеземных мастеров. Спарта явно замыкается в себе и, видимо, только теперь, к концу VI в., превращается в то государство-казарму, каким ее знали греческие историки V—IV вв.

Впервые мысль о существовании прямой зависимости между упадком спартанского искусства во второй половине VI в. и установлением «Ликургова строя» была высказана Г. Диккинзом еще в 1912 г. под непосредственным впечатлением раскопок в святилище Орфии [15]. В дальнейшем эта гипотеза была принята и поддержана многими другими учеными в различных европейских странах. В 20—30-е годы приверженцами новой концепции объявили себя Уэйд-Гери и Андруз в Англии, Вилькен, Эренберг, Леншау и Хазебрёк в Германии, Глоц, Олье и Жанмэр во Франции, С. Я. Лурье в нашей стране [16]. Все названные авторы (а мы перечислили далеко не всех сторонников гипотезы Диккинза) сходились на том, что где-то около середины VI в. или, может быть, несколькими десятилетиями раньше в Спарте произошли события, оказавшие определяющее воздействие на все дальнейшее развитие этого государства. Согласно широко распространившимся в те годы представлениям, упадок спартанского искусства был прямо обусловлен перерождением самого спартанского об-

---

[13] В какой-то степени эту догадку подтверждают и свидетельства древнейших спартанских поэтов, особенно Алкмана. В дошедших от него стихотворных отрывках изображается житейский уклад, еще весьма далекий от казарменного аскетизма классической Спарты. См. *Janni P.* La Cultura di Sparta Arcaica. R. I. Roma, 1965. P. 85 sg.

[14] Большие скопления расписных ваз лаконского происхождения (в основном датируемых VI в.) были обнаружены, кроме самой Спарты, также в Таренте, Катане, Кирене, на Самосе, в Навкратисе и некоторых других местах. См. *Lane E. A.* Lakonian Vasepainting // BSA. 1934. № 34. P. 99 ff.

[15] *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy // JHS. 1912. 32. P. 18 ff.

[16] *Wade-Gery H. T.* The Growth of Dorian States // CAH. V. III. Cambr., 1925. P. 558 ff.; *Andrewes A.* Eunomia // CQ. 1938. 32. P. 100 ff.; *Wilcken U.* Griechische Geschichte. München — Berlin, 1924. S. 75 f.; *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates. München, 1925. S. 8 ff.; *Lenschau Th.* Die Entstehung des Spartanisches Staates // Klio. 1937. 30. S. 288; *Hasebröck J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931. S. 208 ff.; *Glotz G.* Histoire Grecque. T. I. P., 1925. P. 349 suiv.; *Ollier Fr.* Le mirage spartiate. T. 1. P., 1933. P. 16 suiv.; *Jeanmaire.* Couroi... P. 492 suiv.; *Лурье С. Я.* История Греции. Л., 1940. С. 176 сл.

щества. В свою очередь, это перерождение было вызвано двумя обстоятельствами: 1) искусственным выравниванием житейского уклада спартиатов в связи с введением «законов Ликурга» и 2) сознательной самоизоляцией Спарты от всего внешнего мира. Обе эти меры были ответом правящей элиты спартанского общества на ту взрывоопасную, чреватую угрозой илотского мятежа обстановку, которая сложилась в Спарте после завоевания Мессении, когда численность порабощенного населения резко превысила численность полноправных граждан [17].

В рамках этой гипотезы получила свое в общем достаточно правдоподобное объяснение и легенда о Ликурге. Инициаторы серии реформ, посредством которых в Спарте были заложены основы «нового порядка», могли прибегнуть, как это нередко бывало в древности, к авторитету какого-нибудь древнего героя или божества, которому ad hoc было приписано проведение аналогичных преобразований в самом отдаленном прошлом, еще на заре спартанской истории. На эту роль в силу каких-то неизвестных нам причин был избран Ликург [18]. Начиная с этого момента он мало-помалу стал превращаться из божества, каким он был первоначально, в человека-законодателя, хотя представления о его божественной природе не были полностью изжиты еще и во времена Геродота (I.65). Таким образом, согласно этой концепции, сам «Ликургов космос» был осмыслен его устроителями как возрождение древних, искони заведенных в Спарте, но потом забытых порядков.

Многие приверженцы теории «переворота VI в.» полагали, что так оно и было в действительности: древние дорийские обычаи, пришедшие за давностью времен в забвение и упадок, были планомерно восстановлены ставшей у власти партией ревнителей старины и с тех пор приобрели в Спарте силу настоящих законов. Такого мнения придерживался, в частности, уже Г. Диккинз, впервые выступивший с этой концепцией [19]. В литературе 20—30-х годов встречается, однако, и другая точка зрения на эти события. В представлении некоторых авторов реставрационные и охранительные лозунги, провозглашенные «хранителями заветов Ликурга», в действительности использовались ими лишь в качестве прикрытия для самых радикальных преобразований как политического, так и социального характера [20].

---

[17] На связь реформ, утвердивших «Ликургов строй», с завоеванием Мессении во II Мессенской войне и окончательным закреплением режима илотии указывают многие авторы, в том числе: *Wade-Gery*. Op. cit. P. 538 ff.; *Ehrenberg V.* Sparta // RE. 1929. Hlbd 6. Sp. 1380; *Wilcken*. Op. cit. S. 76 ff.; *Лурье С. Я.* О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты // ВДИ. 1939. № 1. С. 101.

[18] Согласно оригинальной гипотезе В. Эренберга (Neugründer des Staates. S. 13, 30, 49), легенда о Ликурге была впервые пущена в ход эфором Хилоном, который, скорее всего, и был действительным автором конституции Ликурга и большей части приписываемых ему законов. См. также *Wade-Gery*. Op. cit. P. 562. Not. 2; *Lenschau*. Op. cit. S. 271 f., 279; *Andrewes*. Op. cit. P. 100 f.; *Wells J.* Studies in Herodotus. V. 1. Oxf., 1923. P. 47; *Jeanmaire*. Couroi... P. 585 suiv. Все названные авторы, кроме Леншау, включают в общий комплекс приписываемых Ликургу преобразований также и так называемую «Большую ретру» (*Plut*. Lyc. 6), датируя этот документ VI или же, самое раннее, концом VII в., что едва ли соответствует действительности.

[19] *Dickins*. Op. cit. P. 19; *Ehrenberg*. Neugründer... S. 22 ff.; *idem*. Der Damos im archaischen Sparta // Hermes. 1933. Bd 68. Ht 3. S. 301; *Andrewes*. Op. cit. P. 101.

[20] Так, Хазебрёк (Op. cit. S. 201 f.), подобно некоторым другим историкам, связывает переворот VI в. с реорганизацией спартанской армии и введением гоплитской фаланги и, таким образом, ставит это событие в один ряд с так называемыми «гоплитскими реформами», проводившимися в этот же период во многих других греческих государствах. Ср. *Wilcken*. Op. cit. S. 78; *Ehrenberg*. Sparta. Sp. 1380; *Lenschau*. Op. cit. S. 288.

Несмотря на известную расплывчатость ее основных положений и возникавшие в связи с этим расхождения во взглядах между ее сторонниками, в предвоенные годы теория «переворота VI в.» занимала в целом господствующее положение в литературе по истории ранней Спарты [21]. Однако в послевоенный период ситуация существенно изменилась. В 50—60-е годы выходит ряд работ, в которых взгляды Диккинза и его последователей были подвергнуты критическому пересмотру, а предлагаемое им объяснение культурного упадка Спарты в VI столетии признано несостоятельным [22]. В некоторых из этих работ указывалось, что вырождение спартанского искусства и художественного ремесла во второй половине VI в. могло быть вызвано чисто экономическими причинами и не нуждается для своего объяснения ни в каких политических революциях или реформах. Одной из таких причин могла быть, например, особая приверженность правительства Спарты к архаическим денежным единицам в виде железных спиц (оболов) в то время, когда другие греческие государства уже широко использовали как во внутренней, так и во внешней торговле серебряную монету. Это обстоятельство могло отпугнуть от лаконских рынков и гаваней чужеземных купцов, что, в свою очередь, должно было неблагоприятно сказаться на судьбах местного ремесленного производства [23].

Другие авторы, выступившие с критикой теории «переворота VI в.», видят главную причину упадка лаконского художественного ремесла в разрыве торговых контактов между Спартой и малоазиатским побережьем Эгейского моря в связи с захватом этого района персами во второй половине VI в.: лишившись своих основных рынков сбыта, находившихся в Ионии и в Лидии, лаконские художественные промыслы будто бы быстро захирели [24]. Наконец, еще один и, пожалуй, наиболее распространенный вариант экономического объяснения упадка спартанского искусства ставит во главу угла вытеснение лаконских ремесленных изделий, и прежде всего керамики, как на внешних, так и на внутренних рынках более совершенной продукцией афинских мастерских. При этом отмечается, что подобная же участь постигла примерно в это же самое время (вторая половина VI в.) коринфскую керамику, в производстве и распространении которой наблюдается заметный спад [25].

Из этих трех контраргументов два первых не имеют большой доказательной силы и могут быть довольно легко парированы [26]. Более серьезного отношения заслуживает, пожалуй, лишь третий аргумент — указание на неконкурентоспособность лаконской расписной керамики в борьбе за внешние рынки с более ходовой афинской продукцией, что могло быть основ-

---

[21] Ср., однако, *Blakeway A.* The Spartan Illusion (рец. на книгу: *Ollier F.* Le Mirage Spartiate // CR. 1935. V. 49. Pt. 5. P. 185 и *Berve H.* Sparta // Historische Vierteljahrschrift. 1929. 25. S. 12.

[22] *Hammond N. G. L.* The Lycurgean Reform at Sparta // JHS. 1950. 70. P. 42 ff.; *Stubbs H. W.* Spartan Austerity: a possible explanation // CQ. 1950. 54. P. 32 f.; *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. Manchester, 1952. P. 305 ff.; *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology // CQ. 1962. 12. Ht 1. P. 156 ff.; *Huxley G. L.* Early Sparta. L., 1962. P. 64 ff.; *Boer W. den.* Laconian Studies. Amsterdam, 1954. P. 93. Not. 1; 214. Not. 2.

[23] *Blakeway.* Op. cit. P. 184. См. также *Chrimes.* Op. cit. P. 307.

[24] *Stubbs.* Op. cit. P. 32 f.; *Chrimes.* Op. cit. P. 307; *Huxley.* Op. cit. P. 73.

[25] *Cook.* Op. cit. P. 156; *Huxley.* Op. cit. P. 73; *Forrest W. G.* A History of Sparta. 950—192 B. C. L., 1968. P. 57; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. Oxf., 1969. P. 291. Not. 5.

[26] См. особенно *Holladay A. J.* Spartan Austerity // CQ. 1977. V. 27. Pt 1. P. 111 ff.; также *Kiechle Fr.* Lakonien und Sparta. München — Berlin, 1963. S. 247 ff.; *Oliva.* Op. cit. P. 135.

ной причиной, вызвавшей упадок этого вида художественного ремесла. Заняв такую позицию, мы едва ли, однако, сумеем объяснить, почему начиная примерно с последней четверти VI в. производство расписных ваз в Лаконии совершенно прекратилось (местные гончары переключились теперь целиком и полностью на монохромную посуду). Ведь, не находя сбыта на внешних рынках, они могли обеспечивать хотя бы внутренние потребности самого населения Лаконии. Это тем более странно, что столь резкое сокращение ассортимента отечественной ремесленной продукции ни в коей мере не компенсировалось ввозом изделий чужеземных мастеров (чернофигурная афинская керамика на территории Спарты почти не встречается) [27]. Прямо противоположную ситуацию наблюдаем мы в Коринфе. «Посудный дефицит», образовавшийся здесь так же, как и в Спарте, вследствие упадка местного гончарного производства, был быстро ликвидирован благодаря массовому подвозу чужеземной, главным образом афинской, керамики. Да и вообще Коринф продолжал оставаться еще и в V в. довольно значительным центром художественного ремесла и искусства, чего никак нельзя сказать о Спарте [28].

Внимательное изучение имеющегося археологического материала, сопровождавшееся известной передатировкой основной его части, показало, что эволюция спартанского художественного ремесла в VII—VI вв. была довольна сложным и во многом неравномерным процессом [29]. Расцвет и упадок различных его видов и жанров оказались далеко не синхронными явлениями. Так, лучшие образцы лаконских изделий из слоновой кости (резные рельефные пластинки и фигурки людей и животных) датируются в основном второй половиной VII в. В начале следующего, VI столетия их общая численность заметно сокращается, а спустя короткое время (где-то около 590—580 гг.) они и совсем исчезают [30]. Одновременно исчезают и предметы, изготовленные из золота, серебра и янтаря, хотя в предшествующий период они были довольно широко представлены среди вотивных приношений в святилище Артемиды Орфии [31]. Однако в это же самое время начинается быстрый подъем лаконской школы вазовой живописи, которая достигает своего акмэ примерно в 565—550 гг. Затем наступает упадок и в этой области прикладного искусства, и к 520—510 гг. производство расписной керамики в Лаконии совершенно прекращается [32]. Приблизительно в это же время прекратилось и производство бронзовых сосудов: гидрий и кратеров, изготовлявшихся так же, как и керамика, в основном на экспорт [33]. Несколько дольше продержались лишь мастерские, выпускавшие бронзовые статуэтки (в основном это были довольно примитивно выполненные изображения гоплитов и атлетов обоего пола, предназначавшиеся для посвящений в храмы, а также женские фигурки, служившие ручками для зеркал). Их производство прослеживается вплоть до начала V в. [34].

---

[27] *Holladay*. Op. cit. P. 117.

[28] *Benson J. L.* Geschichte der Korintischen Vasen. Basel, 1953. S. 106 f.

[29] *Blackway*. Op. cit. P. 185; *Huxley*. Op. cit. P. 62 ff.; *Boardman J.* Artemis Orthia and Chronology // BSA. 1963. № 58; *Kiechle*. Op. cit. S. 247 f.; *Häfner U.* Das Kunstschaffen Lakoniens im archaischer Zeit. Münster, 1965. S. 79 f.; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City — States c. 700—500 B. C. L., 1976. P. 127 ff.; *Rolley C.* Le problème de l'art laconien // Ktema. 1977. T. 2; *Holladay*. Op. cit. P. 115.

[30] *Marangou E. L. I.* Lakonische Elfenbein und Beinschnitzereien. Tübingen, 1969. Ср. *Dawkins*. The Sanctuary. P. 204.

[31] *Dawkins*. The Sanctuary. P. 381 f. Ср. *Huxley*. Op. cit. P. 65.

[32] *Rolley*. Op. cit. P. 128; *Lane*. Laconian Vasepainting. P. 150.

[33] *Rolley*. Op. cit. P. 131 suiv. Ср. *Cook*. Op. cit. P. 156; *Huxley*. Op. cit. P. 65.

[34] *Rolley*. Op. cit. P. 129.

Все эти факты в известной мере компрометируют теорию «переворота VI в.», ставя под сомнение научную состоятельность ее основного тезиса о стремительной, почти внезапной трансформации архаической Спарты в замкнутое милитаристское государство. В пылу полемики некоторые из авторов, касавшихся этой проблемы, впадают в противоположную крайность, утверждая, что между архаической Спартой Алкмана и Тиртея и той угрюмой классической Спартой, о которой писали Ксенофонт и Плутарх, в сущности, не было никакого разграничительного барьера и, следовательно, нет никакого смысла спорить о причинах и характере так называемой «спартанской революции». Так рассуждает, например, английский археолог и искусствовед Р. Кук [35]. В его понимании античные писатели, рассказывающие о спартанском образе жизни, о его необычайной простоте и суровости, чрезмерно сгустили краски: в действительности житейский уклад спартиатов был подчинен примерно тем же бытовым нормам и стандартам, которые действовали повсеместно в Греции, возможно, лишь с некоторыми поправками на экономическую отсталость Спарты.

Другие авторы признают, что в истории Спарты был некий переломный момент или даже целый переломный период, отмеченный интенсивной преобразовательной деятельностью, но в отличие от Диккинза и его последователей не ставят его в прямую связь с угасанием спартанского искусства и культуры в целом. Такова позиция, занятая известным английским историком М. Финли [36]. Принимая «революцию VI в.» как бесспорный исторический факт, он характеризует ее как «сложный процесс, который включал в себя некоторые нововведения, но вместе с тем значительную долю модификации и реинституционализации тех элементов, которые производят впечатление пережитков, сохранившихся без всяких изменений». «Я использую слово „революция“, — продолжает Финли,— в более широком смысле, чем это обычно принято, но в этом нет никакого каприза. Это слово имеет самое широкое значение, ибо я ни на минуту не допускаю и не верю, что вся классическая спартанская система была создана в одно мгновение или даже в течение одного царствования» [37].

В своей работе Финли совершенно обходит стороной проблему культурного упадка Спарты. Остается, в сущности, неясным, признает ли он его историческую реальность или же полностью отрицает, подобно тому как это сделано в статье Кука. Во всяком случае, он выказывает явное пренебрежение к тому археологическому материалу, который послужил факти-

---

[35] *Cook.* Op. cit. P. 158.

[36] *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. N.Y., 1975. P. 161 ff. См. также *Starr Ch. G.* The Credibility of early Spartian History // Historia. 1965. XIV. 3. P. 266 ff. *Forrest.* Op. cit. P. 57 ff.; *Toynbee.* Op. cit. P. 290 ff. Три последних автора переносят постулируемый ими переворот из VI в VII столетие, помещая его либо во вторую половину этого века (Тойнби), либо даже в первую (Старр, Форрест), т. е. еще до II Мессенской войны, и, таким образом, резко увеличивают дистанцию, отделяющую это событие от начала культурного упадка. Многие историки, однако, как и прежде, рассматривают культурное оскудение Спарты как прямое следствие введения «Ликургова строя». См. *Michell H.* Sparta. Cambr., 1952. P. 22 ff.; *Andrewes A.* The Greek Tyrants. L., 1958. P. 73 ff.; *Roussel P.* Sparte. P., 1960. P. 41 suiv.; *Kiechle.* Op. cit. S. 247 ff.; *Tigerstedt.* Op. cit. P. 68 ff.; *Oliva.* Op. cit. P. 132 ff.; *Mossé C.* Sparte Archaique // La Parola del Passato. 1973. 28. P. 12 sgg.; *Weber C. W.* Die Spartaner. Enthüllung einer Legende. Düsseldorff — Wien, 1977. S. 208 ff.

[37] Тем не менее Финли (Op. cit. P. 161, 164) находит возможным отнести «решающий поворотный пункт спартанской истории» ко времени правления царей Леона и Агасикла (где-то вскоре после 600 г.). Это убеждение основано на неправильном понимании слов Геродота (I.65—66) о переходе Спарты от «какономии» к «евномии».

ческой основой для воссоздания картины «переворота VI в.» в работах целого ряда его предшественников. «Если оставить в стороне, — пишет Финли, — скорее проблематичное исчезновение слоновой кости из археологических отложений, я не нахожу, что Артемида Орфия снабжает нас данными, с помощью которых можно было бы что-либо доказать. В сущности, эти „данные", на которые модно было делать упор еще каких-нибудь десять или двадцать лет тому назад, включают в себя немногим больше, чем крайне субъективные суждения о качестве лаконской керамики различных периодов, относительно которого специалисты так и не пришли к единому мнению» [38].

Этот тотальный скептицизм по отношению к археологическим источникам едва ли можно признать оправданным. Сколь бы велики ни были разногласия между специалистами-археологами и искусствоведами в оценках возраста и художественных достоинств различных типов лаконской вазовой живописи, факт остается фактом: начиная по крайней мере с конца VI в. как местная лаконская, так и чужеземная расписная керамика исчезает не только из святилища Артемиды Орфии, но и из всех мест на территории Лаконии и Мессении, где производились какие-либо раскопки. Практически то же самое происходит и со всеми остальными видами прикладного и изобразительного искусства, за очень немногими исключениями. Исчезают изделия из кости, терракотовые маски, бронзовая и мраморная скульптура (едва ли не самым последним ее образцом считается так называемый «Леонид» — погрудное изображение воина, датируемое началом V в.) [39]. Лишь два вида археологических находок позволяют судить о возможностях спартанских мастеров и вкусах их заказчиков на протяжении большей части V в. Это — свинцовые фигурки гоплитов, которые в это время так же, как и раньше, продолжали использоваться в качестве вотивных приношений, и крайне примитивные по исполнению рельефы на каменных надгробных стелах [40]. Факт столь полного отмирания почти всех основных видов художественного производства не находит никаких аналогий, по крайней мере в истории Греции, и нуждается поэтому в особом объяснении.

Интересно сравнить это впечатление, основанное целиком и полностью на археологических данных, с тем немногим, что нам известно о развитии спартанского зодчества в этот же период. Основным источником, из которого могут быть почерпнуты некоторые сведения по этому вопросу, служат соответствующие разделы «Описания Эллады» Павсания. Сопоставляя свидетельства Павсания о наиболее примечательных архитектурных сооружениях, которые ему удалось повидать во время его визита в Спарту, можно сделать вывод, что периодом наиболее интенсивной строительной деятельности было в истории этого города VI столетие [41].

[38] *Finley*. Op. cit. P. 162. См. также *Starr*. Op. cit. P. 265 f.; *Clauss M*. Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983. S. 24.

[39] *Holladay*. Op. cit. P. 120. Уже в VI в. производство основной массы художественных изделий было, по всей видимости, сосредоточено в руках ремесленников-периеков. Резкое сокращение их производительной активности во второй половине VI в. можно объяснить лишь тем, что они одновременно или с определенным интервалом лишились возможности сбывать свою продукцию как внутри государства (в связи с изменением образа жизни самих спартиатов), так и за его пределами, поскольку лаконские гавани и рынки были закрыты для чужеземных купцов. См. *Rolley*. Op. cit. P. 132, 137. Ср. *Cook*. Op. cit. P. 156; *Holladay*. Op. cit. P. 122 f.; *Cartledge P*. Sparta and Laconia. A Regional History 1300—362 B. C. L., 1979. P. 182 ff.; *Clauss*. Op. cit. S. 181.

[40] *Dawkins*. The Sanctuary. P. 262 ff.; *Jeffery*. Op. cit. P. 128 f.

[41] *Huxley*. Op. cit. P. 65; *Holladay*. Op. cit. P. 120. Ср. *Cook*. Op. cit. P. 157.

Именно в это время здесь были воздвигнуты такие постройки, как храм Афины Меднодомной на акрополе, портик Скиада неподалеку от агоры, сооружен так называемый «трон Аполлона» в Амиклах. В работе над этими сооружениями участвовали как местные лаконские, так и прославленные чужеземные мастера. Так, Скиада считалась творением мастера Феодора с острова Самоса (Paus. III. 12.10). Сооружение трона Аполлона приписывалось Бафиклу из Магнезии (Paus. III. 18.9). Храм Афины Меднодомной был построен лаконским зодчим и поэтом Гитиадом (Paus. III. 17.2). С началом V в. строительная деятельность в Спарте и ее окрестностях замирает. Наиболее поздним из числа архитектурных сооружений, упоминаемых Павсанием, если исключить постройки эллинистической эпохи, может считаться, по всей видимости, так называемая «Персидская стоя», воздвигнутая вскоре после 479 г. в память о победе над персами (Paus. III. 11.3) [42]. Неудивительно, что на Фукидида, видевшего Спарту своими глазами где-то в последней четверти V в., этот город произвел самое безотрадное впечатление (Thuc. I. 10.2). На фоне роскоши и величия афинского зодчества века Перикла Спарта могла показаться невзрачным провинциальным поселком.

И еще одна характерная деталь: говоря о статуях богов, которые ему довелось увидеть в спартанских святилищах, Павсаний чаще всего употребляет слово ξόανον, что указывает на глубокую древность этих изображений (см., например, III. 13.9; 14.4; 14.7; 15. 10; 16.7; 17.5). Не боясь прослыть старомодными, спартанцы продолжали поклоняться архаическим деревянным или каменным идолам уже в те времена, когда в других местах создавали свои скульптурные шедевры Фидий, Мирон, Поликлет и другие выдающиеся ваятели [43]. Вообще упорная приверженность к архаичным, давно изжившим себя формам была, судя по всему, важнейшей отличительной особенностью культурной жизни спартанского общества. В известной эпиграмме Иона Самосского, вырезанной на пьедестале статуи Лисандра, Спарта была названа «городом прекрасных хоров» (Diehl. Anthol. Lyr. I: 1. P. 87). Очевидно, репутация крупного центра музыкальной культуры прочно закрепилась за Спартой и не покидала ее даже в те времена (около 400 г.), к которым относится эта эпиграмма. Однако сама спартанская музыка должна была восприниматься другими греками как некий анахронизм, разве что сохранивший прелесть пережитка седой старины, т. е. примерно так же, как мы теперь воспринимаем концерты ансамблей старинной музыки или фольклорных коллективов. К концу V в. знаменитые спартанские хоры, по-видимому, давно уже успели выйти из моды. Их репертуар в основной своей части был создан музыкантами и поэтами VII—VI вв. и в последующее время, скорее всего, не обновлялся. Среди тех, кому Спарта была обязана славой самого музыкального города Эллады, первое место по праву принадлежит чужеземцам: Терпандру с острова Лесбос, Полимнесту из Колофона, Сакаду из Аргоса, Фалету из критской Гортины, Ксенокриту из Локр, Стесихору из Гимеры и, наконец, Алкману, называющему себя «уроженцем высоких Сард» (Fr. 13 Diehl), хотя он, по-видимому, навсегда поселился в Лаконии [44]. Спартанская хоровая лирика складывалась, таким образом, в процессе активного взаимодействия местных дорийских традиций с привнесенными извне музыкальными и поэтическими новшествами. Однако

[42] *Holladay*. Op. cit. P. 120.
[43] Ibid. P. 120.
[44] *Tigerstedt*. Op. cit. P. 40 ff.

к концу VI — началу V в. эти конакты были, по-видимому, надолго прерваны. Поэтому и музыканты из других греческих городов теперь обходят Спарту стороной [45].

Все эти факты, взятые в совокупности, создают впечатление постепенного угасания и омертвения спартанской культуры, которые становятся все более очевидными по мере приближения к концу архаического периода. Можно предполагать, что эта агония длилась в течение целого ряда десятилетий и прошла в своем развитии несколько этапов. За это время некоторые виды художественного творчества (вазовая живопись, резьба по кости, ювелирное дело) исчезли в Спарте практически полностью, другие (скульптура из металла и камня) были сведены к самому жалкому минимуму, третьи (хоровое пение, музыка и танцы) подверглись искусственной консервации и были приостановлены в своем развитии, так сказать, «на точке замерзания». Все это сопровождалось и, видимо, еще более усугублялось непрерывным нарастанием изоляционистских тенденций, что нашло свое выражение, во-первых, в почти абсолютном прекращении ввоза в Лаконию чужеземных ремесленных изделий и произведений искусства и в соответственном прекращении вывоза за пределы государства изделий лаконских ремесленников и, во-вторых, в прекращении или, по крайней мере, в резком сокращении посещений Спарты мастерами, музыкантами и поэтами из других греческих государств.

Эту картину логически дополняет еще один любопытный штрих (впервые на него обратил внимание уже Диккинз) [46]: во второй половине VI в. наступает заметное охлаждение спартанцев к Олимпийским играм, в которых до этого времени они принимали самое активное участие. Данные по просопографии олимпиоников архаического периода позволяют сделать вывод, что по сравнению с VII и первой половиной VI в. число спартанских атлетов — участников игр резко сократилось после середины того же VI столетия. Если в промежутке с 720 по 576 г. спартанцы составляли свыше половины победителей во всех основных видах состязаний (46 человек из 81), то за все время с 548 по 480 г. победу одержал только один представитель Спарты — царь Демарат и только в одном виде состязаний — скачках на ипподроме [47]. Также и в последующее время Спарту представляли на играх в основном лица, принадлежавшие к аристократической элите государства и участвовавшие преимущественно в конских ристаниях [48].

Возвращаясь к вопросу о причинах и характере культурного оскудения Спарты, следует признать, что ответ на него может быть найден все же скорее в сфере политических или социально-политических отношений, нежели в области чистой экономики. Это положение, которое можно, по-видимому, считать главным «краеугольным камнем» теории «переворота VI в.», неизменно присутствует или хотя бы угадывается в любых ее вариантах и модификациях. На одной из таких модификаций, предложенной сравнительно недавно А. Холлэдэем (на его статью нам приходилось неоднократно ссылаться уже и до этого), мы хотели бы теперь остановиться специально с тем, чтобы потом, отталкиваясь от нее, попытаться более

---

[45] По-видимому, в числе последних посетил Спарту Феогнид Мегарский (Fr. 783—85). О Пиндаре, несмотря на его известный панегирик Спарте (Fr. 189. Bowra), этого уже нельзя сказать с уверенностью.

[46] *Dickins*. Op. cit. P. 19. Not. 1. См. также *Ehrenberg*. Neugründer des Staates. S. 10.

[47] Ср. *Lenschau*. Op. cit. S. 270.

[48] *Holladay*. Op. cit. P. 119.

четко определить свою собственную позицию в этой затянувшейся дискуссии.

Подобно Финли и некоторым другим авторам, специально касавшимся этой проблемы [49], Холлэдэй настаивает на неприемлемости широко распространенного представления о решительной и почти мгновенной переориентации всей внутренней жизни спартанского государства с помощью ряда принудительных мер. Решение проблемы культурного упадка Спарты заключается, как полагает Холлэдэй, не в «серии законов против роскоши», а в «возврате к строгой системе воспитания, пришедшей в упадок после завоевания Мессении»: «Дети были снова отделены в раннем возрасте от их родителей,— пишет он далее,— и отец должен был посещать обеды за общим столом. Здесь не было места для изящной посуды и иных украшений жизни. Тяга к таким вещам рассматривалась теперь как антиобщественная и неприличная для спартанца. То, что Спарта перестала ввозить красивые вазы и поэтов, было следствием не бедности ее, а опасения ослабить суровую дисциплину посредством чувственных и развращающих внешних влияний» [50]. И несколько ниже: «Возрождение ἀγωγή, конечно, не возымело мгновенного эффекта, но, по мере того как молодежь взрослела, ее влияние влекло за собой те изменения, которые мы находим в классической Спарте. Именно потому, что эти изменения были постепенными и не было создано никаких новых законов или учреждений, они оставили так мало следов в исторической традиции» [51].

Нам представляется, что сформулированная таким образом концепция Холлэдэя при всей убедительности ее основной посылки страдает все же известной однобокостью. Исследователь явно упускает из вида некоторые важные аспекты проблемы, без учета которых ее окончательное решение едва ли возможно. Конечно, трудно не согласиться с тем, что знаменитое «спартанское воспитание» представляло собой мощное средство обработки общественного сознания и что результаты этой обработки должны были рано или поздно сказаться на всем житейском укладе спартиатов, а в равной степени и на их психологии и культурных запросах. Нельзя, однако, забывать о том, что само по себе воспитание подрастающего поколения было в Спарте лишь частью (пусть одной из наиболее важных) гораздо более широкой и сложной системы контроля над повседневной жизнью граждан. Поэтому Холлэдэй едва ли прав, когда ставит читателя перед альтернативой, предлагая ему выбирать одно из двух возможных объяснений причины упадка спартанской культуры: либо серия законов против роскоши, либо изменение методов и форм воспитания. В действительности, как то, так и другое было, по-видимому, звеньями одной цепи. Система ἀγωγή, вероятно, не смогла бы действовать достаточно эффективно, если бы она не подкреплялась всевозможными ограничениями и запретами, направленными к предотвращению и искоренению опасных последствий, судя по всему, никогда не исчезавшего в Спарте социального неравенства [52].

---

[49] См. также *Toynbee*. Op. cit. P. 296 ff.; *Cartledge*. Op.cit. P. 156.

[50] *Holladay*. Op. cit. P. 124. На определяющую роль системы воспитания в формировании спартанского образа жизни и соответствующей ему идеологии указывают также *Finley*. Op. cit. P. 163 ff.; *Toynbee*. Op. cit. P. 317 ff., хотя, в сущности, все эти авторы лишь повторяют то, что задолго до них писали Диккинз и некоторые из его ближайших последователей (см. *Dickins*. Op. cit. P. 19).

[51] *Holladay*. Op. cit. P. 126.

[52] На отсутствие реального имущественного равенства среди спартиатов указывают *Kiechle*. Op. cit. S. 210; *Toynbee*. Op. cit. P. 307 ff.; *Mossé*. Op. cit. P. 17; *Finley*. Op. cit. P. 168; *Weber*. Op. cit. S. 242 f. и многие другие авторы, еще ранее касавшиеся

Известно, как легко забывали уже взрослые спартанцы, прошедшие полный курс муштры в агелах, все внушения своих строгих наставников, лишь только им удавалось вырваться на свободу из-под контроля домашней «полиции нравов», как дорожили они поэтому любой возможностью «заграничных поездок»[53]. Античные авторы, начиная с Ксенофонта, недвусмысленно свидетельствуют о широко практиковавшихся в Спарте запретах на выезд за пределы государства и о систематическом выдворении из страны нежелательных элементов из числа чужеземцев — так называемых «ксенеласиях» (Xen. Resp. Lac. XIV. 2—4; Thuc. II. 39.1; Plut. Lyc. 27)[54]. Еще одним звеном в той же цепи фактов можем считаться изъятие из обращения всей иностранной валюты — мера, при помощи которой спартанское правительство, очевидно, рассчитывало создать мощный заградительный барьер на пути проникновения в Лакедемон вредоносных чужеземных влияний и одновременно (при фактическом отсутствии собственного денежного чекана) ограничить возможности личного обогащения граждан (см. Xen. Resp. Lac. VII. 6; Plut. Lys. 17; Lyc. 9)[55].

Все эти факты воспринимаются как проявления вполне продуманной и достаточно последовательной политической линии, основной сутью которой могут считаться сознательный изоляционизм и искусственно насаждаемая ксенофобия. Конечной целью этого отгораживания от внешнего мира было, по всей видимости, создание и сохранение внутри государства особого психологического климата, в котором нормой и идеалом сделалась абсолютная унификация быта и в то же время подвергалась суровому осуждению и даже гонениям любая экстравагантность в одежде и пище, домашней утвари, устройстве жилищ и т. д.[56] Обычной стала мелочная регламентация хозяйственной и всякой иной деятельности спартиатов, их досуга[57]. Власти бесцеремонно вмешивались в частную жизнь граждан и даже в их семейные отношения. Очевидно, правящие круги

этой проблемы. Отсюда не следует, однако, что вся античная традиция об уравнительном землепользовании в Спарте и других мерах, направленных к искусственному насаждению равенства внутри гражданского коллектива, представляет собой всего лишь позднюю псевдоисторическую фикцию. Ср. *Cartledge*. Op. cit. P. 168 ff., 309.

[53] Ср. *Holladay*. Op. cit. P. 125.

[54] Как справедливо подчеркивает Холлэдэй (Op. cit. P. 119 f.), все имеющиеся в источниках сведения о выездах спартанцев за границу относятся к «небольшой» кучке людей, которые обычно действовали в качестве военачальников, послов и проксенов. Все эти люди передвигались без ограничений, имея особые привилегии. Возможности рядовых спартанцев были в этом плане весьма ограничены.

[55] Как считает П. Олива (Op. cit. P. 135 f.), факт выживания в Спарте древней железной «монеты» в виде так называемых «оболов» невозможно объяснить одними только административными мерами: в конечном счете он коренится в общей экономической отсталости спартанского общества. С этим мнением, однако, трудно согласиться. В своем экономическом развитии дорийские полисы Крита едва ли сильно опережали Спарту. Тем не менее серебряные и золотые деньги были здесь в большом ходу, о чем свидетельствуют надписи и монетные находки. См. *Казаманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н.э. М., 1964. С. 81.

[56] Намеки на такое положение вещей можно встретить уже у Фукидида (I.6.4): «Лакедемоняне первыми стали носить скромную одежду на современный манер, да и в остальном люди имущие более всего сблизились у них с толпой по своему образу жизни». См. также некоторые места в «надгробной речи» Перикла (особенно *Thuc.* II. 37.2), где историк явно намекает на всеобщую подозрительность, царящую в Спарте, и строгий взаимоконтроль в отношениях между гражданами.

[57] Важнейшим средством регламентации свободного времени граждан были, по всей видимости, общеобязательные коллективные трапезы, или сисситии, хотя и помимо них повседневная жизнь спартиатов была обставлена множеством всевозможных «табу». Некоторая их часть отлилась в форму так называемых «ретр», или устных законов (Плутарх в «Биографии Ликурга» упоминает, по-видимому, лишь о некоторых из них — см. Lyc. 13). Другие существовали лишь как выражение опирающегося на традицию общественного мнения. См. *Finley*. Op. cit. P. 165.

спартанского общества надеялись, что таким способом им удастся положить предел демонстративному потреблению богатства [58] и навсегда внедрить в сознание рядовых спартанцев иллюзию «всеобщего равенства» вопреки реальной неосуществимости этого принципа.

В своей статье Холлэдэй явно склоняется к преуменьшению роли рационального начала, или, говоря иначе, роли сознательных усилий людей, стоявших у кормила государственного правления в процессе трансформации, пережитой спартанским обществом в течение VI в., хотя против этого говорят сами используемые им факты. В его понимании достаточно было одного лишь первого толчка — ужесточения дисциплины в агелах и сисситиях. Все дальнейшее развитие спартанской социальной системы шло целиком и полностью по инерции, пока не привело к тем результатам, которые с большим опозданием зафиксировали в своих сочинениях греческие писатели V—IV вв. С этим выводом непосредственно связан другой, который мы, так же как и первый, никак не можем разделить с автором этой в целом весьма интересной работы. Следуя логике его рассуждений, мы должны были бы признать, что «переворот VI в.» не внес ничего принципиально нового в развитие спартанского общества и государства, не создал никаких новых законов и учреждений и именно поэтому остался совершенно незамеченным в соседних греческих государствах. «Они узнали о том, что произошло, лишь по конечному результату — еще более грозной военной машине» — такими словами Холлэдэй завершает свою статью [59].

Вполне вероятно, что другие греки очень смутно представляли себе характер происходивших в Спарте перемен. Ведь еще и в гораздо более поздние времена внутренняя жизнь этого государства оставалась загадкой даже для его ближайших соседей. Лишь немногие, из ряда вон выходящие ее эпизоды, вроде расправы эфоров с победителем персов Павсанием или великого землетрясения 464 г., попали в поле зрения историков V—IV вв. О событиях более раннего времени они располагали, что само собой разумеется, еще более скудной информацией и поэтому вполне могли «упустить из вида» даже и наиболее важные среди них [60]. Отсюда, однако, вовсе не следует, что сами эти события не несли в себе ничего нового. Высказывая такую мысль, Холлэдэй лишь разделяет со многими другими историками давнее заблуждение, суть которого состоит в том, что история архаической Спарты якобы шла по замкнутому кругу и при ближайшем рассмотрении так называемая «революция VI в.» оказывается всего лишь реставрацией древних обветшавших учреждений [61].

[58] Единственными «дозволенными законом» формами демонстрации богатства оставались в Спарте содержание скаковых лошадей и выезды на них во время состязаний (*Holladay*. Op. cit. P. 118 f.), а также угощения, которые устраивали зажиточные спартиаты для своих сотрапезников в сисситиях (*Xen*. Resp. Lac. V. 3).

[59] *Holladay*. Op. cit. P. 126. Холлэдэй связывает возрождение системы ἀγωγή с «военным кризисом», пережитым Спартой между 580—570 гг. в связи с затяжной и тяжелой войной против Тегеи (Ibid. P. 125 f.; см. также *Finley*. Op. cit. P. 161, 164). Другие историки относят эту реформу, так же как и тесно связанную с ней реорганизацию спартанской армии на базе гоплитской фаланги, к гораздо более раннему времени, помещая ее где-то во второй или даже в первой половине VII в. См. *Forrest*. Op. cit. P. 51 ff.; *Toynbee*. Op. cit. P. 258 ff.; *Cartledge*. Op. cit. P. 135; ср. *idem*. Hoplites and Heroes // JHS. 1977. 97. P. 27.

[60] Нам представляются весьма убедительными те доводы, с помощью которых Холлэдэй оспаривает противоположное мнение Кука (*Holladay*. Op. cit. P. 126; ср. *Cook*. Op. cit. P. 158).

[61] См. работы, указанные в прим. 19, а также *Kiechle*. Op. cit. S. 249. Более верный взгляд на существо проблемы мы находим в уже неоднократно упоминавшейся работе Финли (Op. cit. P. 163).

Перенасыщенность общественного строя Спарты пережитками всевозможных архаических институтов, чему придают особое значение приверженцы этой концепции, не должна заслонять от нас тот весьма существенный факт, что все эти реликтовые учреждения выполняли здесь функции, по природе совсем им несвойственные [62]. Так, знаменитые спартанские криптии в первоначальном своем варианте представляли собой, по всей видимости, лишь одну из разновидностей первобытных посвятительных обрядов или инициаций. В классической Спарте они использовались главным образом как оружие слежки и террора, направленное против илотов [63]. Аналогичные метаморфозы претерпели агелы, сисситии и, вероятно, многие другие элементы «Ликургова строя» [64]. Приспособление всего этого комплекса первобытных обычаев к потребностям рабовладельческого государства, разумеется, не могло обойтись без коренной ломки и преобразования традиционных устоев спартанской социально-политической системы. Вопреки широко распространенному представлению о неизменности этой системы чуть ли не с самого момента дорийского вторжения в Лаконию, «Ликургов строй» явно не мог быть просто «вторым изданием» древнего дорийского космоса, приостановленной в своем развитии племенной общиной завоевателей и, бесспорно, заключал в себе целый ряд принципиально новых элементов. Сама застойность спартанского общества была явлением вторичного порядка, вызванным целенаправленным вмешательством государства в естественный процесс социально-экономической эволюции. Сознательно поставленный на пути этого процесса барьер «Ликургова законодательства» несет на себе ясно выраженные признаки рациональной, логически выверенной конструкции [65].

Внимательное изучение этой конструкции уже само по себе (даже вне зависимости от показаний археологических и всяких иных источников) наталкивает на мысль о некоем историческом скачке или перевороте. Скорее всего, к признанию реальности такого скачка и сводится тот допустимый минимум исторической достоверности, который может заключаться в античной традиции о Ликурге. Все остальное содержание предания, т. е. все, что касается личности самого законодателя, времени и обстоятельств учиненных им преобразований, по-видимому, выходит за пределы этого минимума [66].

Солидаризируясь с Финли и некоторыми другими авторами, разделяющими его точку зрения на эту проблему, мы готовы представить сам переворот как довольно длительный поэтапный процесс трансформации традиционных социальных структур. Вполне возможно, что известное нам

---

[62] См. *Finley*. Op. cit. P. 164; «Классическая Спарта могла производить впечатление сугубо архаического или даже доархаического общества. Но главное значение здесь имеет функция „пережитков", а не просто сам факт пережитка». Также *Toynbee*. Op. cit. P. 320.

[63] *Jeanmaire*. La Cryptie; *idem*. Couroi...P. 550 suiv.

[64] *Nilsson*. Op. cit. S. 340; *Toynbee*. Op. cit. P. 320; *Андреев Ю. В.* Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 34 сл.

[65] См. *Tigerstedt*. Op. cit. P. 75 f.; «Спартанский „космос"... отмечен неоспоримой логической последовательностью, настолько восхитительной, что она не могла быть делом случая, но только результатом сознательной политики... Эта Спарта, представляющая собой произведение искусства, должна была иметь своего создателя». См. также *Nilsson*. Op. cit. S. 430.

[66] Нам представляются совершенно неприемлемыми попытки реабилитировать античную традицию о Ликурге как серьезный исторический источник, предпринятые авторами ряда работ, опубликованных в послевоенный период. См. *Hammond*. Op. cit. P. 57; *Chrimes*. Op. cit. P. 305 ff. 346; *Boer den*. Op. cit. P. 89, 93, 126, 154; *Michell*. Op. cit. P. 22 f., *Huxley*. Op. cit. P. 7, 42, и др. Ср. *Toynbee*. Op. cit. P. 274 ff.; *Tigerstedt*. Op. cit. P. 70 ff.; *Oliva*. Op. cit. P. 69 f.

«Ликургово законодательство» было продуктом коллективного творчества нескольких или даже многих реформаторов и что эта их деятельность растянулась на ряд десятилетий, может быть, даже на целое столетие [67]. Хочется думать, однако, что процесс этот не был беспорядочным и стихийным, что отдельные его этапы или стадии были логически связаны между собой и подчинены одной общей задаче постепенного развития и усовершенствования однажды возникшей системы социального контроля. Отсюда не следует, конечно, что все детали этой системы были заранее продуманы и запрограммированы. Многие из них, вероятно, возникли экспромтом, сообразно с требованиями того или иного конкретного исторического момента. Но все вместе взятые они были пронизаны одной идеей, одним общим принципом консолидации гражданского коллектива Спарты ценой максимального самоограничения и выдержки всех его членов. В этом проявила себя определенная преемственность, или, может быть, лучше сказать, определенный стереотип политического мышления, выработанный у спартанской правящей элиты под воздействием той критической обстановки, которая сложилась в Спарте в период, последующий за II Мессенской войной. С течением времени эта политическая доктрина персонифицировалась и обрела самостоятельное существование в образе Ликурга. История стала легендой.

LA SPARTE ARCHAÏQUE: CULTURE ET POLITIQUE

Ju. V. Andrejev

L'originalité marquée de la structure sociale et étatique de Sparte a servi de prétexte à l'invention de la légende de Lycurge, le grand législateur. La science européenne du XIXe et du début du XXe s. a adopté une attitude foncièrement critique et, dans l'ensemble, négative vis-à-vis de cette tradition antique. Cette tendance a finalement abouti à une négation totale de l'historicité non seulement de la personne du législateur, mais encore de la législation elle-même, indépendamment de sa datation.

Au début de ce siècle, la science a appris certains faits nouveaux qui ont donné le signal d'une révision des notions d'ores et déjà admises sur la période initiale (jusqu'à la fin du VIe s.) de l'histoire de Sparte et d'une réhabilitation partielle de la légende antique sur l'activité législative de Lycurge. Les fouilles anglaises du sanctuaire d'Artemis Orpheia (1906—1910) ont révélé qu'aux VIIe—VIe ss. av. n. è. Sparte avait été un des centres les plus considérables de l'artisanat d'art en Grèce archaïque et entretenait des contacts étroits aussi bien avec les autres régions du monde grec qu'avec des pays d'Orient. La décadence subséquente de l'art spartiate (2e moitié du VIe s.), qui s'est accompagnée d'un isolement progressif croissant de Sparte vis-à-vis du monde extérieur, fut interprétée par nombre d'historiens (tout d'abord par G. Dikkins en 1912) comme

---

[67] Едва ли кому-нибудь удастся определить с достаточной точностью хронологические рамки этого периода или его основных этапов, основываясь на той крайне скудной фактической информации, которой мы сейчас располагаем. Важнейшей хронологической вехой в спартанской истории VI в. остается пока дата эфората Хилона (556/555 г.), при котором эта магистратура достигла особенно большого могущества (*Diog. Laert.* I. 68). За этой датой следует окончательный упадок спартанского искусства. Примерно в это же время (около середины VI в.) был, по-видимому закрыт ввоз в Спарту чужеземной монеты (первые денежные чеканы в европейской Греции: эгинский, коринфский и афинский — сейчас датируются первой половиной VI в.— см. *Starr Ch. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977. P. 109. f.). Все это позволяет предполагать, что центральные события спартанской «революции» разыгрались в промежутке с 600 по 550 г.

Ю. К. Колосовская

МУНИЦИПАЛИЗАЦИЯ РУДНИЧНОГО ОКРУГА ДАКИИ

Римская провинция Дакия явилась последним территориальным приобретением империи. В 106 г., когда при Траяне закончились тяжелые и кровопролитные войны римлян с даками, занимаемые ими области были присоединены к Риму. К империи отошла довольно большая область на левом берегу Нижнего Дуная. Романизация провинции и развитие городского строя началось при Траяне, и продолжался этот процесс до времени правления Северов.

Особое место в хозяйственной жизни провинции занимал горнорудный округ Дакии — и по своей организации и вследствие его колонизации. В результате войн Траяна с Децебалом Дакия, по свидетельству древних, была сильно опустошена. Евтропий сообщает, что Траян переселил туда множество колонистов со всего римского мира (ex toto orbe Romano) для возделывания полей и заселения городов (ad agros et urbes colendas. — Eutr. VIII. 6). И хотя все население страны не могло быть ни уничтожено, ни уведено в плен, опустошение Дакии было весьма значительным. Даже находящиеся в нашем распоряжении немногочисленные примеры (обычно из эпитафий) указаний на происхождение колониста показывают интенсивность колонизации и направление потока переселенцев, а таже их этнический состав. Данные свидетельствуют о притоке в Дакию населения действительно едва ли не со всего римского мира. Преобладают уроженцы восточных провинций: Сирии, Вифинии, Понта, Галатии, Каппадокии, Египта, Пальмиры, Азии. В надписях названы Пергам, Александрия в Троаде, Гиераполь, Гелиополь, Анкира, Филадельфия, Эризия, Тавий. Колонисты обозначают себя также как domo Asiae, cives Bithyniae, ex Kharaeorum (из Карр в Месопотамии), domo Amasia, domo Palmyra, Nilotica ripa, Galatae consistentes [1]. Известны колонисты из Африки, Германии, Реции, Норика, Паннонии, Далмации, Мезии. В надписях мы находим civis Norica, Trever, domo Augusta Treverorum, Batava, ex Moesia Inferiore, ex Moesia Superiore, domo Viminacio, domo Aequo, ex municipio Splono, oriundus Vindobonae [2]. Колонисты прибывали и из Италии. Ономастический материал из провинции, относящийся к дакам римского времени, редок [3].

---

[1] CIL. III. 859, 860, 871, 1222, 1234; 1503 = IDR. III/2. № 112; IDP. II. № 56; IDR. III/1. № 174; III/2. № 164, 166, 348, 350, 382, 446.

[2] CIL. III. 864, 914, 942, 1214, 1223, 1262, 1323, 1324, 1524 = IDR. III/2. № 418; IDR. III/1. № 168; IDR. II. № 22, 36; *Russu I. I.* Inscripţii din Dacia // MCA. 1959. VI. C. 882. № 18.

[3] *Russu I. I.* Onomasticon Daciae // AISC. 1941—1943. IV. Cluj, 1944. P. 209—215, № 1—67; 1944—1948. V. P. 282—286. Ср. *Kerenyi A.* Die Personennamen von Dazien. Budapest, 1941. S. 151—154, № 1759—1798.

К этим колонистам относится и такая группа свидетельств, из которой становятся известными переселенные в Дакию правительством для работы в золотых рудниках горнорабочие из Галатии и Вифинии, а также из Далмации. Из Дакии происходит группа надписей, свидетельствующая о статусе рудничных поселков, а также о многообразии происходившей в них жизни, что было связано с работой золотых рудников и добычей золота в провинции. Естественные богатства Дакии и прежде всего золотые рудники, которые стали императорской собственностью, были не последней причиной ее завоевания. Экономическая жизнь в провинции приобрела вследствие этого интенсивный характер. Центрами экономической жизни в провинции оказались не только города, но и рудничные поселки. Мы не касаемся здесь статуса и особенностей хозяйственной и муниципальной жизни городов Дакии. Все, что мы знаем о горнорудном округе Дакии, показывает, что жизнь здесь приобрела полумуниципальный характер и отличалась большой хозяйственной активностью населения. Горнорудное дело было одной из наиболее важных отраслей экономики провинции.

Горнорудный округ Дакии был выкроен из земель племенных общин, о которых из Дакии нет сведений. Не исключено, что золотые рудники до римского завоевания находились в собственности царя и с учреждением римской власти в провинции они перешли в собственность императора. Юридический статус этого округа (territorium metalli) был подобен положению императорских имений в провинциях. Рудники Дакии управлялись во время Траяна императорским отпущенником. В ведении такого прокуратора находился штат младшей отпущенническо-рабской администрации [4].

Главная роль в добыче золота отводилась свободным горнорабочим. Чтобы наладить работу золотых рудников, Траян переселил в Дакию горнорабочих из Далмации — Sardeates, Pirustae, Baridustae, как они называются в надписях, а также из Вифинии и Галатии. Об этом свидетельствуют несколько посвящений с надписями из Альбурна Большего (ныне Рошиа Монтана), поставленных Зевсу лицами, прибывшими в Дакию из Галатии и Вифинии. Это были уроженцы сельских местностей. Такие посвящения исходят от лиц, носивших греческие имена, и сделаны они были на греческом языке. Дион, сын Лукиана, поставил посвящение Зевсу Ситтакомику. Из Свиды известно, что в Малой Азии был полис Σίττα и существовала ἱερὰ κώμη Ἄζιττα, где был храм Великой Матери богов [5]. Аналогичное посвящение сделал некий Мирон Зевсу Кимистенскому. Деметрий, сын Арса, поставил алтарь Зевсу Наренскому. Несколько надписей исходит от коллегий, почитавших Зевса Сарвендена и Зевса Нарена [6]. И тот и другой эпитеты Зевса ведут нас в Галатию. Известно посвящение Юпитеру Солнцу Бусуригию, поставленное Публием Элим Децембром. Это было божество кельтского происхождения. В Дакию его культ был принесен переселенцами из Галатии [7].

Эти алтари принадлежат перегринскому населению поселков. В Альбурне Большем они имели собственные объединения — коллегии, куда входили и иллирийцы. Диане Августе посвятил алтарь Панес, сын Эпика-

---

[4] *Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К.* Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III веках. М., 1977. С. 191 слл.

[5] *Daicoviciu C.* Neue Mitteilungen aus Dazien // Dacia. 1937—1940. VII—VIII. Bucarest, 1941. S. 303.

[6] Ibid. S. 301—303.

[7] Ibid. S. 307 f.

да, по прозвищу Суттий. Иллирийские имена коллегиатов Суттий и Сутта засвидетельствованы в Дакии [8]. В надписи из Ампела (ныне Златна), центра горнорудного округа провинции, упомянут принцепс Тит Аврелий Афр, далмат, прибывший в Дакию из муниципия Сплонума (Delmata, princeps, adsignatus ex municipio Splono — CIL. III. 1322). Этот принцепс получил римское гражданство уже в провинции не ранее времени правления Марка Аврелия, о чем свидетельствует его nomen. В Дакии Тит Аврелий Афр оказался потому, что лица из племени сардеатов были поселены здесь во II в.

Относительно далматского племени сардеатов известно, что они входили в число тех общин Далмации, которые были отнесены Плинием к conventus Salonitanus, где сардеаты составляли 52 декурии (Plin. HN. III. 142). Их племенным центром был Сплонум близ Салоны. Известно, что во время Панноно-далматского восстания 6—9 гг. Сплонум был одним из значительных пунктов восставших и играл важную роль в восстании. В Далмации Сплонум был одним из центров горнорудного дела и городское право получил от Адриана [9]. В Дакии сардеаты образовали, видимо, некую самостоятельную общину во главе со своим принцепсом. Тит Аврелий Афр был скорее всего из числа знати сардеатов, т. е. прежним старейшиной племени, но круг его обязанностей в Дакии был несомненно другим. В Дакии он стоял во главе поселка и работавших в провинции рудокопов из племени сардеатов и был ответствен за население одного или нескольких таких поселков.

Пирусты также принадлежали к иллирийским племенам. Согласно Страбону, пирусты занимали большую область (Stabo. VII. 5, 3). Их земли помещают на юге современной Черногории и Северной Албании. Страбоном они отнесены к самым значительным из паннонских племен. Пирусты также принимали участие в Панноно-далматском восстании и были с трудом побеждены в горной и труднодоступной местности (Vell. Pat. II. 115, 4). У Плиния пирусты не названы, но упомянуты три новые общины, входившие в юрисдикцию Нароны и принадлежавшие к conventus Naronitanus. Птолемеем пирусты отнесены к далматским племенам. Им названо племя пирустов и три общины — керавнии, сикулоты и скиртоны (Ptol. Georg. II. 15. 2), созданные после подавления восстания, когда пирусты были разделены на три группы, названия которых были образованы от мест их поселения [10]. Под собственным именем — пирусты — они известны из Дакии, из Альбурна Большего.

Нам известны несколько рудничных поселков в Дакии — Альбурн Больший, Имменоз Больший, Кавиереций, Карт, Аннезийцы Андунокнаты, Марциний, а также такие названия, как Склайеты, Нокнеты, Товеты, Гельдоны, относительно которых нельзя с уверенностью сказать, были ли это племенные группы или названия поселков [11]. Названия Альбурн Больший и Имменоз Больший указывают на то, что поселки с подобными названиями были и меньших размеров. Названия некоторых таких поселков были образованы от мест поселений, существовавших в Далмации. Так, collegium castellum Baridustarum в Дакии получила свое название от из-

---

[8] Ibid. S. 301; *Krahe H.* Lexicon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929. S. 22, 109.

[9] *Alföldi G.* Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965. S. 158, 178, 183, 301, 204.

[10] Ibid. S. 52—56.

[11] *Krahe.* Op. cit. S. 6—7, 37, 72—73, 75, 103, 125.

вестного в Далмации поселения Bariduum [12]. Сенека, сын Бизона, поставил посвящение гению коллегии баридустов в Дакии [13]. Некоторые поселки, такие, как Девзара, Гермисара (CIL. III. 1359), а также Рескул близ Альбурна имели фракийские или иллирийские названия [14].

Переселенные Траяном пирусты, а также прибывшие в Дакию галаты и вифинцы сохранили в провинции свои этнические наименования и какие-то черты своей внутренней организации. В Дакии они образовали собственные села и кастеллы, организованные администрацией рудников, где жили работавшие в рудниках перегрины и римские граждане [15]. Переселенцы из дунайских провинций известны и в других городах Дакии. Так, из Ромулы (ныне Решка) известно посвящение богине Дарданике, поставленное неким Аврелием Дарданом, происходившим из Верхней Мезии [16].

Эти рудничные поселки, названные в надписях vicus, statio, castellum, не имели статуса города и находились на территории рудничного округа. Подобно селам, они имели магистров и декурионов. Их население обозначается как castellani (CIL. III. 7821). Во главе рудничного поселка стояли лица с правом латинского или римского гражданства. Известны декурионы поселков иллирийцев, действовавшие одновременно с принцепсами. В поселке Кавиереций латинское гражданство отличало принцепса Максима Венета, а Мазурий Месс был декурионом Аннезийцев Андунокнетов. К администрации рудничного поселка принадлежал и упомянутый выше принцепс Тит Аврелий Афр, римский гражданин.

Этим иллирийцам и переселенцам из восточных областей империи принадлежат документы II в.: договоры о купле-продаже рабов, а также некоторые другие документы, раскрывающие финансово-ростовщическую деятельность их населения. Эти договоры написаны латинским курсивным шрифтом и представляют собой деревянные таблички, скрепленные как триптихи, не превышающие размером 20 см в длину и 14—15 см в ширину. Одновременно эти надписи являются свидетельством многообразной хозяйственной жизни поселков.

Договор о продаже рабыни-девочки Пассии заключен в 139 г. между лицами, живущими в рудничном поселке. Названы — Кавиереций, Карт, Аннезийцы Андунокнеты, декурионом которых, как уже упоминалось был Мазурий Месс. В числе свидетелей сделки названо лицо с правом латинского гражданства — Максим Венет принцепс. Остальные лица — перегринского права с иллирийскими именами: Дазий, сын Верзона, продавец девочки, и Максим, сын Батона,— ее покупатель. Сделка совершена в присутствии свидетелей — Максима Венета принцепса, Мазурия Месса, декуриона Аннезийцев Андунокнетов, Плания, сына Верзона, Склайета, Ликкая, сына Эпикада, Марцинийца, Эпикада, сына Пларента, названного также Миконом [17].

Употребленное в договоре выражение — emit mancipioque accepit — предполагает, что сделка совершена между лицами, имеющими ius commer-

---

[12] *Wilkes J. J.* Dalmatia. L., 1969. P. 184, 244.

[13] *Daicoviciu.* Neue Mitteilungen... S. 302 f.

[14] *Thomaschek W.* Die alte Thraker (Nachdruck). Wien, 1980. S. 69. 71, 88.

[15] *Daicoviciu C.* Les «castlla Delmatarum» de Dacie // Dacia. N. S. II. 1958. P. 260—263.

[16] *Tudor D., Vladescu C.* Dardani la Romula Malva // Apulum. 1972. X. P. 183 f., 189.

[17] CIL. III. P. 936. № VI; IDR. I. № 36. P. 212—217; ИЛН // ВДИ. 1956. № 1. С. 195. № 500 (пер. Е. М. Штаерман).

cii, т. е. между латинскими гражданами или римскими гражданами. Согласно римским законам право манципации имели лица с правом римского гражданства, лица с латинским гражданством в колониях, латины-юнианы и те из перегринов, которым было дано право заключения торговых сделок с римлянами [18]. По римскому праву приобретаемая вещь поступает в этом случае в полную собственность на основании dominium ex iure Quiritium. Из определения вещей, относящихся к res mancipi, следует, что оно предполагает гражданский статус и имеет место на италийской земле. В Италии к res mancipi принадлежат поместья, к которым могут быть отнесены имения как сельские (villa rustica), так и городские (villa urbana), и отдельные дома, а также рабы и рабочий скот [19].

В нашем договоре речь идет о продаже-покупке рабыни. Поселки Кавиереций и Карт не имеют статуса города и находятся на рудничной территории, как бы изъятой из провинции. Как императорская собственность они подлежали управлению императорской администрации. Совершающие же покупку и продажу — лица перегринского права, а сама сделка оформлена по римскому праву. Очевидно, мы можем видеть влияние римских отношений, пронизывавших все стороны экономической жизни, коль скоро речь шла о продаже и покупке рабыни в рудничном поселке.

Аналогичен договор от 16 мая 142 г. Речь идет о покупке и приобретении в собственность Дазием Бревком мальчика Апалавста за 600 денариев у Беллика, сына Александра. Договор заключен в канабе XIII Сдвоенного легиона, стоявшего в Апуле (ныне Альба Юлия). Его свидетелями и гарантами являются римские граждане: Аппий Прокл, ветеран легиона, Антоний Целер, Юлий Виатор, Ульпий Северин, Луций Фирмий Примитив, Марк Вибий Лонг. Покупатель раба, как и сам продавец, не имеют римского гражданства. Однако сделка также оформлена по римскому праву (emit mancipioque accepit). Сходного содержания третий из договоров о продаже женщины-рабыни по имени Тевдота. Покупающий и продающий рабыню — римские граждане (CIL. III. P. 959. XXV).

К населению рудничных поселков относится документ из Альбурна Большего о продаже половины дома (от 6 мая 159 г.) [20]. Из текста договора следует, что Андуейя приобрела в собственность в Альбурне Большем, в квартале пирустов (Alburno Maiori vico Pirustarum) половину дома со всем к нему относящимся: заборами, изгородями, границами, входами, замками, окнами (cum su[is s]aepibus saepimentis finibus aditibus claustris fienestris) у Ветурия Валента за 300 денариев. Эта половина дома соседствует с домами Платора Акцептиана и Ингенуя, сына Каллиста. И тот и другой — лица перегринского права. При продаже дома было оговорено, что его бывший владелец, Ветурий Валент, будет вносить за этот дом налог — tributum до проведения следующего очередного ценза: convenitq(ue) int[e]r eos, [uti] Veturius Va[lens pro ea] domo tributa usque ad recensum dep[e]n[dat] [21]. Договор составлен по форме римского права. Пе-

---

[18] Ulp. Reg. XIX, 4: mancipatio locum inter cives Romanos et Latinos coloniarios, Latinosque Iunianos eosque peregrinos, quibus commercium data est (Фрагменты Домиция Ульпиана. Пер. Е. М. Штаерман // ВДИ. 1972. № 2).

[19] Gai Inst. II. 16; Ulp. Reg 19, 1.

[20] CIL. III. P. 940—943. VII = IDR. I. № 37. P. 216—223.

[21] CIL. III. P. 945. VIII = IDR. I. № 39. P. 226—231: «Андуейя, дочь Батона, купила и приобрела в собственность половину дома, правую от входа, который находится в Альбурне Большем, в квартале пирустов, между соседями Платором Акцентианом и Ингенуем, сыном Каллиста, или если будут другие соседи или пройдет общественная дорога, за 300 денариев у Ветурия Валента. Половину дома, о котором идет

регринка Андуейя покупает дом и находящуюся возле него землю посредством акта манципации: в тексте договора стоит та же римская формула — emit mancipioque accepit. Купившая половину дома Андуейя вряд ли имела ius commercium, дававшее ей право приобретения вещи в собственность. Относительно пирустов считают, что они не имели этого права в Далмации до того, как были переселены Траяном в Дакию, и не получили этой привилегии здесь [22]. Поселок, в котором жила Андуейя,— Альбурн Больший, не имел статуса города, и вся область находилась под управлением прокуратора рудников. Даже в том случае, если бы поселок находился на территории одного из ближайших городов — Ампела, где было управление рудниками, или Апула, то в 159 г., когда был составлен этот контракт, ни один из них не имел статуса города и италийского права, гарантировавшего бы приобретение дома и земли в полную собственность [23].

Считают, что Ветурий Валент, продавец половины дома, носивший римское имя, не имел римского гражданства: его nomen Veturius могло быть заимствовано от nomen какого-то оставшегося неизвестным наместника Дакии. К тому же его соседями были лица перегринского права — Платор Акцептиан и Каллист, сын Ингенуя [24]. Не исключено, однако, что Ветурий Валент был римским гражданином. Из Нижней Мезии, из Капидавы известна некая Ветурия Ульпия из семьи дако-фракийского происхождения, получившая римское гражданство от Траяна. Имя Ветурия встречается в надписях Нижней Мезии и считается принадлежащим местной семье [25].

Тот трибут, который причитался за дом и находившуюся вблизи него землю в виде сада или огорода, был налогом на землю. В провинциях сенатских он назывался stipendium, в императорских — tributum. Дакия была провинцией императорской. Земля здесь не могла приобретаться в полную собственность, тем более лицом перегринского права. Налог за землю платило все население провинции, кроме городов италийского права, земля которых, согласно этому праву, считалась как бы частью Италии. Она не облагалась налогом и была полной собственностью владевшего ею. Даже в отношении римских граждан и городов, не имевших италийского права, земля считалась лишь переданной во владение (possessio). Между тем в договоре из Дакии земля приобретается посредством манципации в собственность лицом перегринского права и оформляется этот до-

---

речь, со всеми его заборами, изгородями, границами, входами, замками, окнами, как это наличествует и как это зафиксировано, позволено Андуейе, дочери Батона, иметь на законном основании. А если кто-либо предъявит судебную претензию на половину этого дома или какую-либо ее часть, чтобы Андуейя, дочь Батона, или тот, кому это имущество будет принадлежать, не мог иметь, владеть и пользоваться на законном основании, тогда ту сумму, какую спросит дать Андуейя, дочь Батона, эту же сумму обещал отдать Ветурий Валент. И за эту половину дома Ветурий Валент получил от Андуейи, дочери Батона, 300 денариев и сказал, что имеет их. Между ними было также условлено, что Ветурий Валент будет вносить за этот дом трибут до проведения следующего ценза. Совершено в Альбурне Большем накануне нон мая, в консульство Квинтила и Приска. Договор скрепил печатью Луций Васидий Виктор в присутствии свидетелей: Тита Флавия Феликса, Марка Лукания Мелиора, Платора, сына Карпа, Тита Аврелия Приска, Батона, сына Аннея, Ветурия Валента, самого продавца».

[22] *Pólay E.* Hauskaufvertrag aus dem römischen Dakien (Ein Beitrag zum provincialen Bodeneigentum der Römer) // Oikumene. 1979. 1. S. 199—203.

[23] Ibid. S. 201. Anm. 13, 203.

[24] *Pólay E.* Verträge auf Wachstafeln aus dem römischen Dakien // ANRW. Principat. 1982. II. 14. S. 517—519.

[25] *Florescu Gr.* Fouilles archéologique de Capidava // Dacia. VII—VIII. P. 346—347.

говор по римскому праву. В литературе было предложено несколько объяснений этому казусу, не единственному в провинциях: или во II в. практически стерлось различие в статусе земель на территории Италии и земель провинциальных, или в условиях реальной жизни была упрощена процедура при совершении торговых сделок перегринов с римлянами. Не имея ius commercii, перегрины могли приобретать в собственность землю, а также рабов.

В нашем случае речь идет о рудничном поселке, находившемся на территории, изъятой из управления провинциальной администрации, подчинявшейся прокуратору императора. Объяснение этому лежит, очевидно, в том, что население поселка было смешанным — в нем жили римские граждане, латинские граждане и перегрины, вступавшие в различные деловые, хозяйственные и семейные связи. Их имущественное и правовое положение было различным и при совершении сделок мог не учитываться их правовой статус. Из Альбурна Большего известен римский гражданин Луций Ульпий Валерий, который сдавал в наем свой труд кондуктору золотых рудников Сократиону, сыну Сократа. Этот кондуктор не имел права римского гражданства, но вступил в арендные отношения с римским гражданином, нанявшимся на работу в руднике. Как сказано в контракте, этот Луций Ульпий Валерий неграмотен и за него в его личном присутствии написал некий Адъютор, сын Макара. Нанимается он на работу в руднике на год [26]. Договор был составлен в 163 г.

Из золоторудного округа происходят договоры о сдаче в наем свободного труда. Эти договоры датируются 163 и 164 г.[27] Из них следует, что государством сдавались в аренду частным лицам отдельные шахты или галлереи, а также участки золотоносных рек. Между нанимателем и нанявшимся на работу заключалось частное соглашение типа locatio conductio. Кондукторами были в большинстве случаев лица перегринского статуса, как уроженцы греческого Востока, так и иллирийцы: Сократион, сын Сократа, Тит, сын Бевсанта, именуемый также Брадуа, Аврелий Адъютор. Нанявшимися на работы оказываются и перегрины и римские граждане: уже называвшийся Луций Ульпий Валерий, Меммий, сын Асклепия, Реститут по прозвищу Старший. В качестве писцов названы Флавий Секундин и Адъютор, сын Макара. Эти контракты показывают, что существовало тесное переплетение хозяйственных связей различных групп населения поселков.

Из Альбурна мы располагаем и некоторыми другими документами, датирующимися 162 и 167 г. Они позволяют увидеть ростовщическую деятельность некоего Юлия Александра. Этот эллинизированный уроженец греческого Востока прибыл в Дакию как римский гражданин. Его должниками здесь оказались иллирийцы и выходцы с греческого Востока, жители рудничных поселков. Они выступают в качестве занявших деньги под проценты и в качестве свидетелей совершения сделок, как Андуенна, дочь Батона, из Девзары или Батон из Товет. Свиделями при получении денег в долг являются римские граждане: Луций Васидий Виктор, Тиций Примитив. Так, у Юлия Александра некто Луп, сын

---

[26] CIL. III. P. 948. IX; IDR. I. 40. P. 231—232.

[27] CIL. III. P. 948. IX; IDR. I. 40. P. 231—232; CIL. III. P. 948. X; IDR. I. № 41 = = ИЛН // ВДИ. 1955. № 4. С. 225. № 449; CIL. III. P. 949. XI; IDR. I. № 42 = ИЛН // ВДИ. 1955. № 4. С. 225. № 450; *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1957. С. 88—89; *Mrozek St.* Die Goldbergwerke in römischen Dazien // ANRW. Principat. 6. B.— N. Y., 1977. S. 95 ff.; *idem.* Über die Arbeitsbedingungen in römischen Bergwerke des 2. Jahrhunderts u. Z. // Das Altertum. 1968. 14. Ht 3. S. 167—169.

Карента, занял в долг 500 денариев, которые он обязуется возвратить в срок [28]. Этот же Юлий Александр дал в долг 60 денариев Александру, сыну Каррика, на месяц под условием уплаты 1% [29]. Юлий Александр и Кассий Фронтин, оба римские граждане, составили в Девзаре заемно-ссудное товарищество на таких условиях, что все убытки в этом деле или вся прибыль от него распределялись между ними в долях, отвечающих суммам внесенных в это товарищество задатков. Юлий Александр внес в кассу 500 денариев, Секунд, раб-актор Кассия Палумба,— 267 денариев. Некоему Коссе они должны были выдать 50 денариев [30]. Общая касса насчитывала 767 денариев. Из Девзары происходит и документ, из которого известно, что этот Юлий Александр дал в долг уже упоминавшейся Андуенне, дочери Батона, 140 денариев с уплатой 12% годовых [31]. Все денежные суммы невелики — 60, 140, 500 денариев, но в сравнении с ценами на продающуюся половину дома, а также на рабов, известными из горнорудного округа, они оказываются почти равны им. Известно, что шестилетняя девочка-рабыня стоила 205 денариев, 10—15-летний мальчик — 600 денариев и 20—30-летняя женщина продавалась за 420 денариев [32], а половина дома в Альбурне стоила 300 денариев.

Относительно практики работы на золотых рудниках Дакии можно считать, что здесь была распространена система колоната на участки земли — шахты или копи, находившиеся в распоряжении собственника рудников, в нашем примере — императора и передававшие в наем отдельным арендаторам (conductor). В надписи из Альбурна Большего назван некий legulus, Марк Аврелий Максим, поставивший алтарь Юпитеру (CIL. III. 1260). Очевидно, он был колоном-арендатором в рудничном поселке. Из Ампела известно посвящение императрице Аннии Луцилле, дочери Марка Аврелия и жене его соправителя, императора Луция Вера, поставленное отпущенническо-рабской администрацией рудников, а также колонами-арендаторами: lib(erti) et familia et leguli aurari-ar(um) (CIL. III. 1307). Для времени более позднего — IV в. средя паствы Никеты Ремесианского в правобережной Dacia Ripensis были горнорабочие — auri leguli, работавшие в золотых рудниках в области Ремесианы [33]. Коллегия золотодобытчиков (Collegium aurariarum) в Ампеле, состав которой был, вероятно, смешанным, объединяла колонов-арендаторов, а также императорскую администрацию в лице рабов и отпущенников. Эта коллегия посвятила алтарь Юпитеру за здоровье императора (его имя в надписи не названо) (CIL. III. 941).

Некоторой аналогией тому, что отличало практику в золотых рудниках Дакии, являются данные из Испании и Верхней Мезии. В Испании времени Адриана в аренде медных и серебряных рудников в Випаске (ныне Ажуштрел в Португалии) действовали те же условия, что и в Дакии. Лица, разрабатывавшие шахты, названы как coloni или occupatores. Мог быть и один колон, арендовавший шахту, и несколько колонов могли составить товарищество (societas) для добычи металла. Каждый из колонов нес расходы в соответствии с той частью шахты, которую он согласился разрабатывать. Колонам разрешалось продавать друг другу

[28] CIL. III. P. 949. XII; IDR. I. № 43 = ИЛН // ВДИ. 1956. № 2. № 971.
[29] CIL. III. P. 934—935. V; IDR. I. № 35 = ИЛН // ВДИ. 1956. № 2. № 970.
[30] CIL. III. P. 950—951. XIII; IDR. I. № 44 = ИЛН // ВДИ. 1956. № 2, № 972.
[31] CIL. III. P. 930—933. III; IDR. I. № 33.
[32] *Штаерман, Смирин, Белова, Колосовская.* Ук. соч. С. 176. сл.
[33] *Dišanić S.* Aspectes of Roman Mining in the Pannonia, Noricum, Dalmatia and Moesia Superior // ANRW. Principat. 6. B.— N.Y., 1977. P. 74.

шахты или их часть. Желающий продать или купить участок земли или шахту в рудничном поселке, должен был сделать заявление прокуратору рудника [34]. На руднике имелись ремесленные мастерские, цырульня, баня, а также школы. Все они были обязаны удовлетворять потребности населения рудника, гарантируя, что никто не может заниматься соответствующими профессиями, кроме тех лиц, которые арендовали их у прокуратора.

Исходя из надписей, известных для золотых и серебряных рудников Верхней Мезии, можно считать, что колоны арендовали у императора, соответственно у государства, шахты и отдельные копи на рудничной территории. Такие колоны-арендаторы имели на эти шахты и соответственно на эти участки земли нечто вроде частновладельческих прав. Из Верхней Мезии из текста надписи конца I — начала II в. известно, что Вецилия, жена императорского отпущенника Тиранна, прокуратора рудников (procurator metallorum), построила на свои средства храм Юпитеру и Гераклу. Место для храма было дано Аппеем Гермесом и тремя Фабиями (ab Appaeo Hermete et Fabis tribus). Земля, на которой был построен этот храм, находилась в совместном владении четырех колонов-арендаторов [35]. Эти колоны-арендаторы не были людьми богатыми, но были в состоянии дать место для храма на своей земле и восстановить храм в рудничном поселке. Очевидно, Марк Аврелий Максим, legulus из Дакии, был фигурой, подобной этим колонам.

Уже упоминавшаяся надпись о collegium aurariarum из Дакии, а также данные о коллегиях в Альбурне Большем свидетельствуют о том, что в рудничных поселках существовали коллегии. Мы уже говорили о том, что работавшие в рудниках Дакии имели коллегии: коллегия, почитавшая Зевса Сарвендена, коллегия Зевса Наренского, коллегия Баридустов, коллегия в Ампеле, почитавшая Юпитера как Sol Bussurigius. Эти данные, а также документ о погребальной коллегии из Альбурна Большего имеют в виду население рудничных поселков. Надпись представляет собой решение руководства коллегией о ее роспуске от 9 февраля 167 г.[36]. Коллегия находилась под покровительством Юпитера Цернена, божества кельтского происхождения, и насчитывала 54 человека. В момент составления решения о роспуске коллегии в ней находилось 17 человек. У руководства стояли лица перегринского статуса, которые, как свидетельствуют их имена, были уроженцами греческого Востока: Артемидор, сын Аполлония, магистр коллегии, его сомагистр Юлий, сын Юлия. Квесторами коллегии были Валерий, сын Никона, и Оффа, сын Менофила. Как сказано в документе, со дня своего избрания магистром коллегии Юлий, сын Юлия, не находился ни в Альбурне Большем, ни в коллегии. Свидетели опубликования этого решения в подавляющем большинстве — римские граждане: Луций Васидий Виктор, уже известный при заключении купчей о продаже дома, Гай Секундиний Легитим, Стертиний Рустик, Элий Платор, сын Гельдона, Ульпий Феликс, Септембр, сын Платора.

Эта погребательная коллегия, по-видимому, имела свои декурии в других рудничных поселках. Документ был выставлен в Alburno Maiori

[34] *Штаерман, Белова, Смирин, Колосовская.* Ук. соч. С. 54 сл.; *Буриан Я.* Управление императорскими рудниками в Испании в эпоху Ранней империи // ВДИ. 1959. № 3. С. 129 слл.

[35] *Mócsy A.* Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970. S. 139; Inscriptions de la Mésie Supérieure. I. Beograd, 1976. P. 100—103. 127—128, № 103.

[36] CIL. III. P. 924—927. I; IDR. I. № 31. P. 192—198; ИЛН // ВДИ. 1956. № 3. С. 238—239. № 1206.

ad statione Resculi. Это было село (или станция) Рескул, находившееся на часто посещаемой дороге, и поэтому решение о роспуске коллегии было выставлено здесь. Известно о R[es]cul(um) vicus An(artorum) в надписи времени Максимина Фракийца, где Рескул является селом иллирийского племени анартов (CIL. III. 8060).

Аналогичные данные известны из Верхней Мезии. Они также свидетельствуют об интенсивности жизни в этих поселках и их большой хозяйственной роли в провинции. Из рудничного округа Верхней Мезии на северо-западе провинции, в районе Космай и Рудник (римские названия этих мест не сохранились), известно посвящение, поставленное Юпитеру Наилучшему Величайшему неким Марком Аврелием Кресцентионом «за себя, своих близких и римских граждан». Этот Кресцентион получил римское гражданство от Марка Аврелия и благодарственной надписью почтил граждан поселка [37]. Римские граждане поселка (в надписи они называются cives) составляли его обособленную часть, довольно значительную и влиятельную. Некий Авлоксаний поставил посвящение Зевсу за себя и коллегию (ее название не сохранилось). Аврелий Бардибал, декурион ремесленной коллегии центонариев, его жена и мать упомянуты в надгробии декуриона [38]. Существовала также и ремесленная коллегия кузнецов. Аврелий Валерий поставил посвящение Юпитеру в качестве декуриона коллегии; ее название дано в сокращении — ABH: это могли быть argentarii — серебряных дел мастера, bratteарii — позолотчики; могло быть какое-то этническое наименование или теоним [39].

Это сходство, которое обнаруживается в общественной и экономической жизни Дакии и Верхней Мезии, где были также рудничные округа, показывает, что рудничные поселки сравнительно поздно урбанизировались. Серебряные и золотые рудники на горе Космай и Рудник в Верхней Мезии называются в надписях как metalla Ulpiana, metalla Dardanicum и Aureus Mons. Статус муниципия они получили от Траяна, Марка Аврелия и в середине III в. Те рудничные территории, которые не были включены в состав городских земель, в правление первых Северов еще управлялись прокураторами [40].

Относительно времени, когда императорские рудники Дакии были переданы в управление прокураторов, назначавшихся из всадников, считается, что они перешли под контроль всадников в правление Адриана. Это выразилось в существовании со времени Адриана системы двойного прокураторского надзора, когда один прокуратор рудничного округа был императорским отпущенником (procurator metallorum), а вторым прокуратором (procurator augusti) было лицо из всаднического сословия [41]. В правление Каракаллы прокуратор золотых рудников Элий Сострат (procurator augusti) поставил в Ампеле алтарь за здоровье, победу и безопасность императрицы Юлии Домны [42]. В строительной надписи из Верхней Мезии времени Септимия Севера назван прокуратор рудников Кассий Лигурин (procurator augusti) и колоны-арендаторы: Публий Фунданий Евтих и Публий Элий Муциан. Они по собственной инициативе и на свои средства восстановили пришедший в ветхость храм

---

[37] Inscriptions de la Mésie Supérieure. P. 123. № 94.
[38] Ibid. P. 132. № 113, 132; P. 136—137. № 121.
[39] Ibid. P. 123—124. № 95.
[40] *Mócsy*. Gesellschaft und Romanisation... S. 33—40.
[41] *Mrozek St.* Die kaiserliche Bergwerksprokuratoren in der Zeit des Principats // Historia. IV. Torun, 1968. S. 51.
[42] *Macrea M.* Viaţa în Dacia Romană. Bucureşti. 1969. P. 87.

(*Вклейка к статье Е. Н. Ходза см. стр. 100*)

Рис. 1. Статуэтка юноши с петухом раннего типа. Инв. Г. 1906

Рис. 3. Статуэтка юноши с петухом. Инв. Г. 698

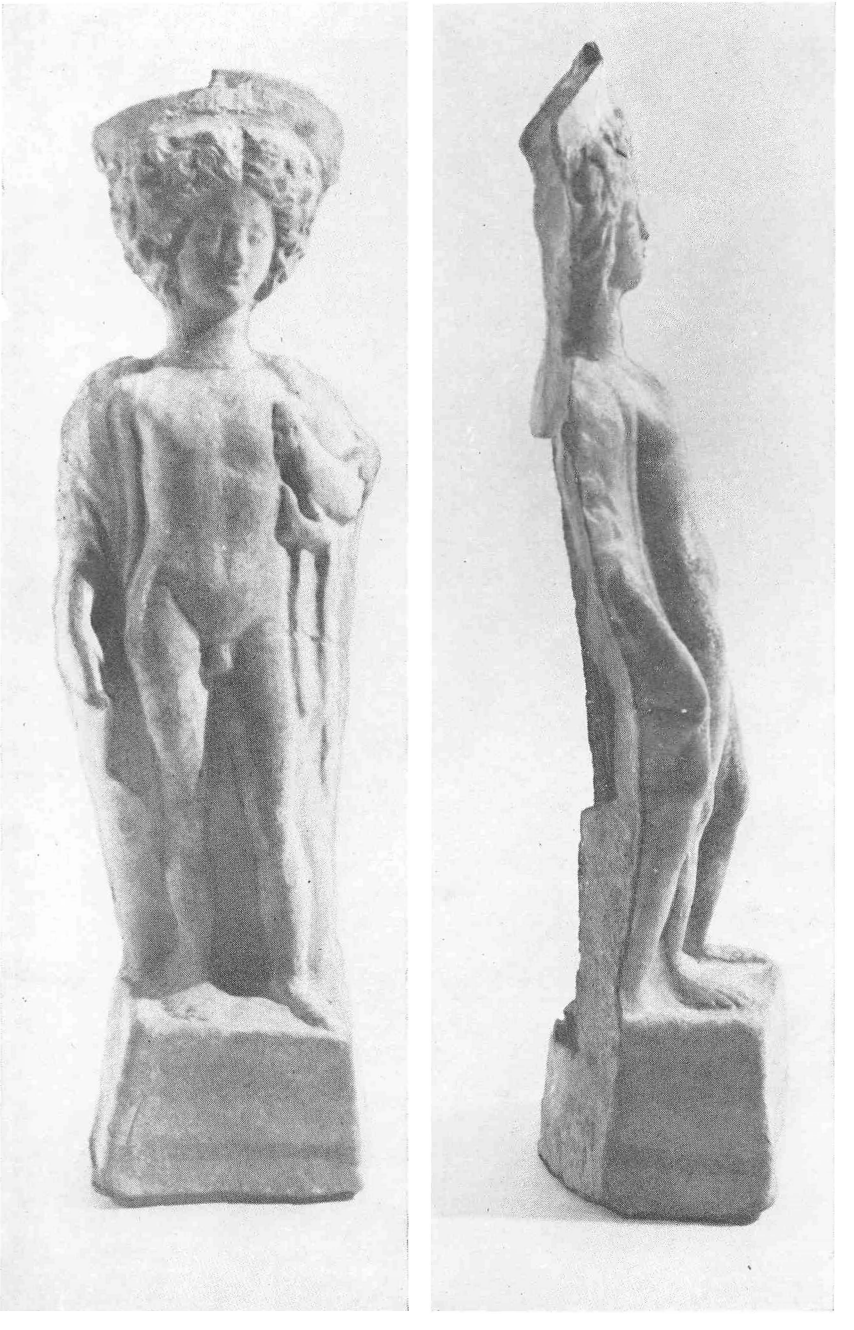

Рис. 4. Статуэтка юноши с петухом. Инв. Г. 2685

(*Вклейка к ст. А. Б. Никитина и А. Ю. Согомонова см. стр. 118*)

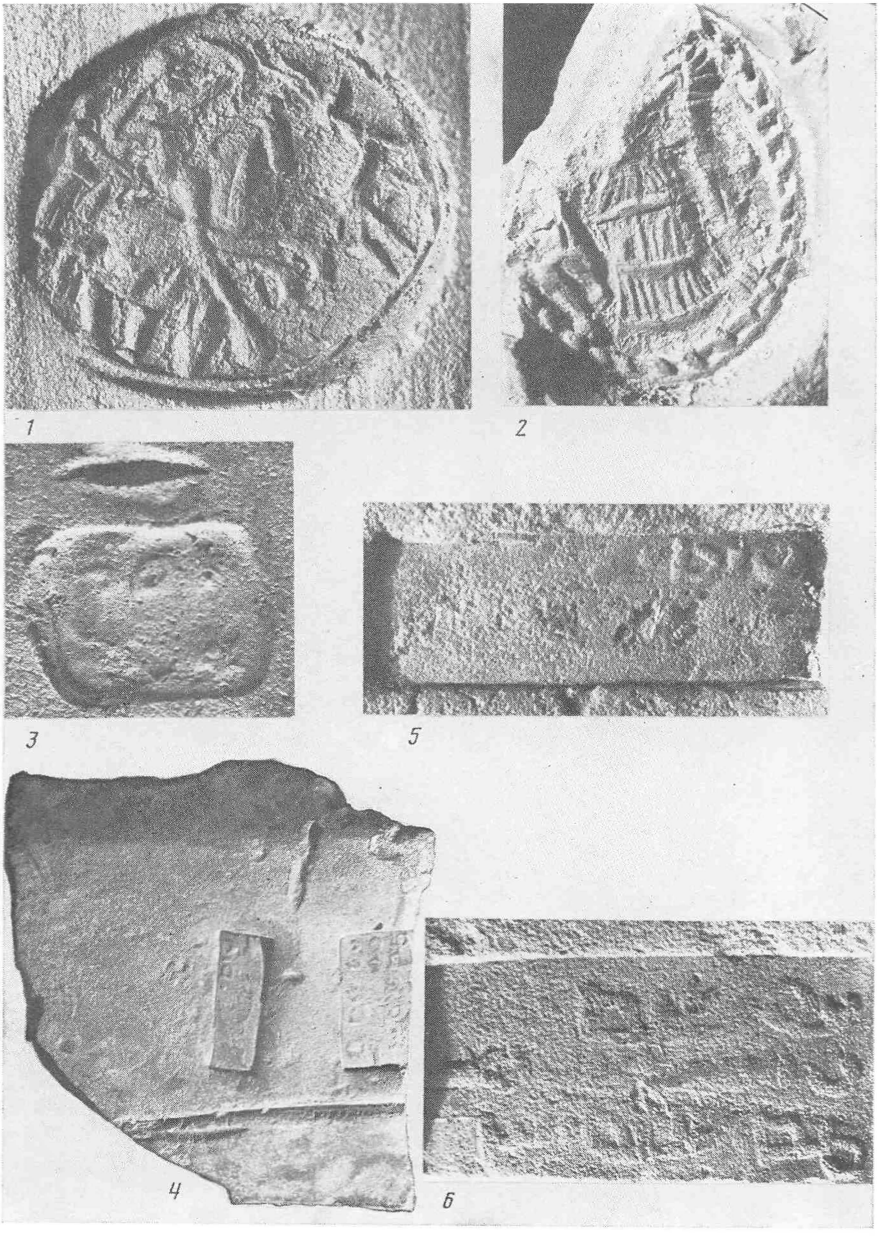

Таблица I. *1* — оттиск печати на венчике хума с Гёбеклы-депе; Сцена царской охоты; *2* — оттиск печати на венчике хума с Гёбеклы-депе. Ника с венком; *3* — оттиск эпиграфической печати на донце кувшина с крепости Дингли Кишман; *4* — фрагмент венчика хума из окрестностей крепости Дурнали; *5* — первое клеймо на венчике хума из окрестностей Дурнали; *6* — второе клеймо на венчике хума из окрестностей Дурнали

Матери-Земли, покровительницы и защитницы рудокопов. Храм был восстановлен в связи с прибытием Септимия Севера в Верхнюю Мезию в 196 г.[43]

Муниципализация рудничного округа в Дакии началась при Северах, когда Ампел получил в 200 г. городское право и статус муниципия [44]. Наместник трех Дакий, Луций Октавий Юлиан в 200—202 гг. был удостоен почестей от сословия декурионов Ампела (ordo Ampelensium). Надписи указывают на образование гражданской общины во главе с сословием декурионов и, соответственно, земельной территорией (CIL. III. 1293, 1308). У нас нет соответствующих данных о территории этого нового муниципия, но поскольку Ампел находился рядом с Альбурном, можно считать, что последний вошел в его состав. Община Ампела конституировалась как община римских граждан и ставила алтари и посвящения Церере Августе в 215 г., Фортуне, которая была богиней-покровительницей города и почиталась как Fortuna Supera — Фортуна Всевышняя (CIL. III. 1106). В Ампеле была почитаема также Terra Mater, покровительница рудокопов [45]. Известно посвящение Castores Augusti, под которыми подразумевались Диоскуры [46]. Из Ампела происходит посвящение Диане и Матери-Земле. Связь культа Дианы с культом Артемиды-Гекаты обнаруживается в посвящениях из серебряных рудников Мезии и Далмации [47].

Бóльшую часть населения Ампела составляли уроженцы греческого Востока. Так, Асклепий Асклепиад и Александриан были cives Bithyni (CIL. III. 1324). Алтарь Юпитеру поставил сирийский гражданин Опелей Сура [48]. Юпитера Долихена и бога Коммагены почтили уроженцы Сирии — Аврелий Марин, Аддебар, сын Семея, и Океан, сын Сократа, жрецы бога (CIL. III. 13016b(= 7835). Юпитеру Наилучшему Вечному, «богу Коммагены», поставили алтарь за себя и всех своих близких жрецы бога — Марин, сын Марина, и Басс (CIL. III. 7835 (= 1301a). Консульский бенефициарий Аврелий Гай поставил алтарь Юпитеру Долихену за вечное процветание императора Гордиана III [49].

Предоставление центру рудничного округа городского права означало одновременно дарование права римского гражданства населению рудничных поселков, а также Ампела. В немногих надписях этого времени лица с правом римского гражданства носят имена Аврелиев: Аврелий Критон, Аврелий Зосимиан, Аврелий Зосим, cognomina которых указывают на их греческое происхождение [50].

С горнорудным делом в Дакии были связаны семьи из других городов провинции — Антонии и Опеллии. Марк Антоний Сатурнин, декурион в Сармизегетузе, столице провинции, оставил в Ампеле несколько посвящений: Юпитеру Наилучшему Величайшему, Эскулапу и Гигии, Диане, а также Матери-Земле (CIL. III. 1281—1285). Марк Опеллий Адъютор упоминается в надписях из Сармизегетузы и Ампела [51]. В Сармизегетузе

---

[43] Inscriptions de la Mésie Supérieure. P. 157. № 168; *Mócsy*. Gesellschaft und Romanisation... S. 37.

[44] *Macrea*. Op. cit. P. 131—132.

[45] Ibid. P. 367.

[46] CIL. III. 1287; *Macrea*. Op. cit. P. 364.

[47] *Dušanić*. Op. cit. P. 58—59.

[48] *Russu I. I.* Elementele syriene în Dacia Capatică şi rolul lor în «colonisazarea» şi romanizarea provinciei // AMN. 1959. VI. P. 179.

[49] *Macrea*. Op. cit. P. 370.

[50] *Russu*. Elementele syriene... P. 167; *idem*. Inscripţii din Dacia. № 18.

[51] IDR. III/2. № 116, 117; CIL. III. 942, 1323; 8075.

он прошел все городские магистратуры и был удостоен почетной мраморной стелы, поставленной на деньги, собранные городской общиной. Он прибыл в Дакию из Далмации, из колонии Эквум. Наследник некоего Публия Цельзения Константа, декуриона в Эквуме, Марк Опеллий Адъютор стал декурионом также в Сармизегетузе [52]. Он был и декурионом в Нижней Мезии, в муниципии Монтана (ныне Михайловград) [53], где поставил алтарь Гераклу за благополучие граждан пага Акв на территории колонии Сармизегетузы (IDR. II, № 142). Его предпринимательская деятельность проходила в трех провинциях — в Дакии, Далмации и Мезии. Этому же Марку Опеллию Адъютору принадлежало керамическое производство в Ампеле: клеймо на черепице MOA читается как M(arcus) O(pellius) A(diutor).

Центр золоторудного района Дакии Ампел всегда имел большое экономическое и военное значение, связанное с охраной рудников. Здесь во II в. стоял отряд XIII Сдвоенного легиона. Прокуратор Апулийской Дакии Гай Семпроний Урбан поставил в Ампеле в 181 г. алтарь Юпитеру (CIL. III. 1298). В Ампеле был дислоцирован также воинский отряд Мавров из Испании (numerus Maurorum Hispaniensium), стоявших здесь со времени Маркоманнских войн [54]. Алтарь из Ампела был поставлен префектом этого отряда Аврелием Редуксом Фортуне Возвращающей и Гению отряда (CIL. III. 1149). Префект Мавров из Испании Тит Флавий Кресценций назван в другом памятнике из Ампела. Алтарь был поставлен воспитанником префекта за его здоровье Домашнему Сильвану (CIL. III. 1294).

На территории Ампела еще до его муниципализации производился воинский набор в легионы. Лица дакийского происхождения (natione Dacus) упоминаются при отставке легионеров V Македонского легиона, когда из 27 легионеров, набранных в Дакии, двое называют в качестве места набора Ампел. Легионеры вступили в римскую армию в 145 г. и в 170 г. были уволены в отставку [55]. Все это позволяет считать, что уже ранее на рудничной территории набирались войска в легионы, а это обычно отличало территории городов.

Провинция была тесно связана в хозяйственном и военном отношениях с дунайскими областями империи, особенно с Мезией и Далмацией. Документы из рудничных поселков свидетельствуют о развитой хозяйственной деятельности различных слоев населения провинции и о том, что на рудничной территории действовало то же право, что и на городских землях,— право передачи земли во владение другому лицу или ее продажи. В городах, возникших на рудничной территории, со временем оказалось возможным занятие земледелием, а развитие торговой и финансовой деятельности вовлекло в различные деловые связи как римских граждан, так и перегринов. Предоставление городского самоуправления рудничному центру показывает, что в правление Северов хозяйственная жизнь и общественная деятельность на рудничной территории достигли большого размаха. Существование ремесленных и культовых коллегий, наличие посвятительных надписей, а также надписей в честь императорского дома Северов и Гордиана указывают на то, что городская община здесь

---

[52] *Alföldi*. Op. cit. S. 119—121.
[53] *Fluss M.* // RE. S. v. Montanenses; IDR. II. P. 82.
[54] CIL. III. 1149, 1294, 1316; *Macrea*. Op. cit. P. 77, 186, 208, 242—244.
[55] CIL. III. 7505; *Macrea*. Op. cit. P. 196.

давно уже сформировалась. С преобразованием Ампела в муниципий муниципальное землевладение получило возможность для дальнейшего развития уже на городской земле.

LA MUNICIPALISATION DE LA RÉGION MINIÈRE DE DACIE

Ju. K. Kolosovskaja

La région minière de Dacie fut taillée dans les terres de communes tribales à propos desquelles nous manquons de données. Depuis l'instauration de la domination romaine dans la province, les mines d'or étaient propriété de l'*imperator*. L'administration des mines se trouvait, jusqu'à l'époque des Sévéres, entre les mains d'affranchis des empereurs et les charges les moins importantes étaient remplies par des esclaves et des affranchis. La population des cités de mineurs était bigarrée tant du point de vue ethnique que du point de vue social. Les plus nombreux étaient les Illyriens de la tribu des Pirustes (*pirustae*) déportés par Trajan et des colonistes originaires de l'Orient grec. L'existence d'une vie économique active est attestée par divers documents: contrats de vente et achat d'esclaves, de fondation de sociétés de prêt et de crédit, d'embauche de main d'oeuvre pour les mines. Les cités minières avaient un mode de vie semi-municipal, ce qui s'est traduit par l'existence de divers collèges. Sous les Sévères, le centre de la région minière, Ampelum, s'est constitué en commune de citoyens romains. L'octroi à Ampelum du statut de ville témoigne avant tout de ce que celle-ci a reçu un territoire. Les autels et les consécrations d'Ampelum indiquent que la ville avait des rapports économiques et sociaux étroits avec les autres villes de Dacie et les autres provinces danubiennes.

ПУБЛИКАЦИИ

Е. Н. Ходза

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ ЮНОШЕЙ С ПЕТУХАМИ В СОБРАНИИ Гос. ЭРМИТАЖА

(К проблеме типологии и интерпретации)

В собрании Гос. Эрмитажа хранятся пять целых экземпляров и три фрагмента беотийских терракотовых статуэток юношей с петухами. Этот материал позволяет выявить типы таких терракот, их взаимосвязь и изменения на протяжении их существования. Наиболее рациональным представляется деление на ранний и поздний типы, внутри которых прослеживаются несколько вариантов. (Рис. 1, 3, 4, см. вклейку.)

Ранний тип, возникший приблизительно к 450 г. до н. э., представлен двумя экспонатами. Прекрасный экземпляр хорошей сохранности был опубликован в свое время в каталоге выставки «Античная коропластика»[1] (рис. 1). Обнаженный юноша изображен стоящим в спокойной позе. Тяжесть тела падает на правую ногу, левая, слегка согнутая в колене, немного выдвинута вперед. Голова чуть склонена. Длинные волосы спускаются на уши, пряди их надо лбом стянуты в узел. Плотный плащ с серой каймой закрывает плечи, частично — руки и спускается почти до щиколоток. Правой рукой юноша его придерживает, левой, согнутой в локте, прижимает к себе петуха. Статуэтка покрыта хорошо сохранившейся белой обмазкой, по которой были нанесены краски: ярко-розовая покрывала обнаженное тело и лицо, коричневая разных оттенков (от нее уцелели отдельные косые мазки) использовалась для волос. Высокая четырехугольная база статуэтки, постепенно расширяющаяся к низу, украшена двумя темно-красными горизонтальными полосами.

Другой образец раннего типа — верхняя часть статуэтки почти до пояса (рис. 2)[2],— вероятно, имел в целом виде высоту 21—22 см, т. е. значительно меньше предыдущего. Голова юноши немного сильнее наклонена вперед, чем у первой статуэтки. Отличается также и раскраска: поверхность тела и лицо — темно-красные, такая же краска сохранилась местами и на волосах. Плащ — желтый. Любопытно, что на значительные колористические градации от розового до темно-красного при изображе-

[1] Античная коропластика. Каталог выставки. Л., 1976. № 70. С. 27. Г. 1906. Статуэтка поступила в 1930 г. из бывшего Музея Общества поощрения художеств. Высота 27,1 см. Глина светло-оранжевая. Терракота полая. Передняя сторона оттиснута в форме, задняя сглажена, с большим прямоугольным отверстием. Снизу статуэтка открыта. В такой же технике исполнены все остальные фигурки.

[2] Г. 2212. Фрагмент поступил в 1931 г. из Академии наук СССР (собрание Археологического института в Константинополе). Высота 7,7 см.

нии обнаженного тела в коропластике обращала внимание еще Г. Рихтер, полагавшая, что здесь отражается аналогичное варьирование тонов при раскраске обнаженных частей тела мраморных статуй [3].

Этот тип юноши с петухом [4] пользовался в Беотии очень большой популярностью, судя по обилию дошедших до нас его образцов. В Британском музее хранятся шесть экземпляров таких статуэток, все по размерам уступающие нашей Г. 1906. Три из них, выполненные в одной форме, происходят из Феспий, возможно, из полиандриона [5]. Около Копаидского озера и в Фивах найдены две другие терракоты [6]. К ним по размерам, наверно, приближалась в целом виде статуэтка, от которой у нас уцелел лишь фрагмент.

Рис. 2. Фрагмент статуэтки юноши с петухом раннего типа. Инв. Г. 2212

В Музее Ашмола в Англии можно видеть другой вариант того же типа [7]. Фигурка более коренастая, приземистая, с большой головой, отличается тщательностью работы. Особенно хорошо исполнено лицо юноши с отчетливо пластически переданными веками, прямым носом, низким лбом и круглым подбородком. Статуэтка крупная и на фотографии выглядит весьма монументально.

В Копенгагене находятся две терракоты интересующего нас типа. И если экземпляр Датского Национального музея [8] существенно отличается от эрмитажного Г. 1906 размерами (он на 2 см ниже) и в деталях (наклон головы, более низкая база и т. д.), то статуэтка из частного собрания совпадает с нашей и по размерам и в деталях. К сожалению, Поулсен при публикации не дает никаких сведений о ее происхождении [9].

Аналогии имеются и в собраниях ФРГ: в Музее Кестнера (Ганновер) и в частном собрании [10]. Следует также упомянуть статуэтку из Музея изящных искусств в Бостоне. Она опубликована в статье Х. Хоффма-

---

[3] *Richter G. M. A.* Were the Nude Parts in Greek Marble Sculpture Painted? Metropolitan Museum Studies. V. I. Pt I. N. Y., 1929. P. 25—26.

[4] *Winter F.* Die Typen der figürlichen Terrakotten. Bd III. Tl I. Berlin — Stuttgart, 1903. S. 182. Anm. 1.

[5] *Higgins R. A.* Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities British Museum. V. I. Oxf., 1969. № 825—827. Их высота 25,5 см. На 1 см ниже терракота, обозначенная под № 824, возможно, за счет более низкой базы. Ее происхождение неизвестно.

[6] *Higgins.* Op. cit. № 822—823. Их высота, соответственно, 22 и 21,5 см.

[7] *Vafopoulou-Richardson C. E.* Greek Terracottas. University of Oxford, Aschmolean Museum. Oxf., 1981. № 17a. P. 19. Высота 28,8 см.

[8] *Breitenstein N.* Danish National Museum. Catalogue of Terracottas, Cypriote, Greek, Etrusco-Italian and Roman. Copenhagen, 1941. № 291. Pl. 33.

[9] *Poulsen V. H.* Der strenge Stil // Acta Archaeologica. V. VIII. København, 1937. Abb. 49. S. 77—78.

[10] *Liepmann U.* Griechische Terrakotten. Bronzen. Sculpturen. Bildkataloge des. Kestner-Museums. Hannover, 1975. S. 62. T. 47; *Lullies R.* Eine Sammlung griechischer Kleinkunst. München, 1955. № 152. S. 54.

на [11], но автор не приводит о ней никаких данных. По фотографии можно лишь отметить, что петух очень тщательно проработан пластически, чего не встречается в других известных мне экземплярах этого типа. Что касается Луврского собрания, то там есть статуэтка юноши, правда, не с петухом, а с зайцем, и база ее украшена не красными, а черными полосами. Но так как она совпадает с эрмитажной по размерам и пластическому решению, эта терракота, несмотря на различия в деталях, может быть привлечена как аналогия [12]. Экземпляр из коллекции Родена [13], плохой работы и сохранности, не заслуживает особого внимания.

Следует специально остановиться еще на двух статуэтках. Первая из них хранится в Историческом музее в Берне. В каталоге указано, что она происходит из погребения в Фивах, а также сообщается, что она была получена по обмену из Афинского Национального музея в 1899 г. Фигурка эта представляет особый интерес как своеобразный вариант раннего типа. В прическе юноши также пряди над лбом стянуты в узел, но прическа значительно длиннее и волосы вдоль щек проработаны горизонтальными вмятинами. Б. Шмальц, публикующий аналогичный экземпляр из фиванского Кабириона, полагает, что, создавая такой вариант, коропласт опирался на более древний образец, чем при создании нашего варианта [14]. По-видимому, за пределами Кабириона этот вариант не нашел распространения.

Вторая терракота принадлежит музею университета Тенри в Токио [15]. В каталоге выставки, где она опубликована, стоит датировка: III в. до н. э. Между тем этот тип статуэток тогда уже не изготовлялся. Его хронологические рамки — середина — третья четверть V в. до н. э. Пропорции фигурки с узкими плечами, широкими бедрами, толстыми ногами, текучесть ее очертаний, трактовка плаща не соответствуют канонам V в. до н. э. Все это в сочетании с жесткой примитивностью линий, которыми проработаны детали, наводит на мысль о подделке.

Естественно, особый интерес для сопоставления представляют экземпляры, опубликованные в отчетах и информациях об археологических раскопках. Работы в фиванском святилище Кабиров, прошедшем четыре строительных периода, на протяжении которых было воздвигнуто три храма (самый ранний датируется VI—V вв. до н. э.), дали богатейший материал, в том числе сотни терракот. По данным, приведенным в статье П. Волтерса, вышедшей еще в 1890 г. [16], там было обнаружено около 200 статуэток юношей с петухами — типа, о котором идет речь. Их высота колеблется между 28 и 18 см. Раскраска по белой обмазке, в основном одна и та же — светло-красное тело, красновато-коричневые волосы, по краю белого плаща — светло-синяя полоса и на базе — красновато-коричневые полосы. Наиболее характерные экземпляры публикует Б. Шмальц, среди них есть близкий к нашему Г. 1906 [17].

---

[11] *Hoffmann H.* Hahnenkampf in Athen. Zur Ikonologie einer attischen Bildformel // RA. 1974. Fasc. 2. S. 211. Abb. 16.

[12] *Mollard-Besques S.* Catalogue raisonné de figurines et reliefs en terre cuite grecs, etrusques et romains. V. I. P., 1954. C68. Pl. LXVII. P. 95.

[13] Rodin collectioneur. P., 1967. № 284. Pl. 105.

[14] *Jucker I.* Aus der Antikensammlung der Bernischen Historischen Museums. Bern, 1970. № 124. Anm. 126. Taf. 48; *Schmaltz B.* Terrakotten aus dem Kabirenheiligtum bei Theben. Das Kabirenheiligtum bei Theben. B. V. B., 1974. № 117. Taf. 8. S. 49—50.

[15] Exhibition of Arts and Crafts of Ancient Greece in the Collection of Tenri University Museum. Tokyo, 1963. № 39.

[16] *Wolters P.* Das Kabirenheiligtum bei Theben // AM. 1890. № 15. S. 359.

[17] *Schmaltz.* Op. cit. Taf. 7. № 104. S. 45—49; № 168. Taf. 13. S. 69.

Материалы раскопок некрополя Хале опубликованы Х. Гольдманом и Ф. Джоунсом. Экземпляр, датируемый 450—420 гг. до н. э., представляющий по классификации исследователей группу «D», близок к нашей терракоте Г. 1906 по размерам (27,5 см) и по раскраске [18]. Следует упомянуть также головку статуэтки юноши, найденную при раскопках святилища Аполлона в Птойоне [19].

Появившийся позднее новый тип юноши с петухом безусловно возник на основе только что рассмотренного, хотя головы статуэток этого типа, отличающиеся пышными, иногда даже утрированно пышными, прическами, трактованы совсем иначе. Лучшая в Эрмитажном собрании такая статуэтка (Г. 698) также была экспонирована на выставке «Античная коропластика» и вошла в каталог, правда, без воспроизведения (рис. 3) [20]. По белой обмазке фигурка была покрыта темно-красной краской. Ее следы видны на диадеме, волосах, лице и во многих местах на теле юноши. Этим же цветом нанесена горизонтальная полоса на базе. Очень незначительные следы голубой краски на плаще позволяют предположить, что он был украшен голубой каймой. Пышные длинные вьющиеся волосы, разделенные на прямой пробор, обрамляют лицо с правильными чертами и тяжелым округлым подбородком. В отличие от статуэток раннего типа фигура петуха вылеплена очень отчетливо.

Аналогичная статуэтка в Лувре происходит из Феспий. Она уступает нашей в высоте, но явно за счет более низкой базы. Сама же фигурка, очевидно, совпадает с эрмитажной по размерам и по пропорциям. Форма головы, овал и черты лица, прическа, пластическая проработка поверхности тела, трактовка плаща с рельефно выделенной каймой, передача кистей рук настолько совпадают с нашей статуэткой, что эти два экземпляра можно считать продукцией одной мастерской. Правда, у луврского юноши диадема покрыта насечками и выглядит скорее как венок, в то время как у нашего юноши она — гладкая и выделялась лишь цветом. Так в мелких деталях проявлялась индивидуальная фантазия мастера, хотя не исключено, что такие различия обусловливались различным культовым назначением статуэток. С. Моллар-Беск датирует статуэтку из Парижа второй половиной V в. до н. э. [21]

Статуэтку из гамбургского Музея искусства и ремесел также можно считать аналогией нашей Г. 698, хотя кисть левой руки юноши и фигурка петуха развернуты здесь совершенно не типично. Создается впечатление, что они вылеплены от руки и прилеплены к фигуре. К сожалению, фотография нечеткая, а в кратких данных, приведенных Х. Хоффманном, отсутствуют сведения о размерах, сохранности и раскраске терракоты. Указано только время создания — вторая половина V в. до н. э. [22], т. е. дается та же датировка, что и у Моллар-Беск.

Более позднюю датировку — первая половина IV в. до н. э.— предлагает Н. Сабо, имевший возможность изучить на месте в Греции большой неизданный археологический материал. Исследователь посвятил специальную статью вопросу определения центров производства позд-

---

[18] *Goldman H., Jones F.* Terracottas from the Necropolis of Halae // Hesperia. 1942. V. XI, 4. Pl. XIV, *111 — b — 1*. P. 389.

[19] *Guillon P.* Les offrandes et terre cuite et le culte de la terrasse superieure de Castraki (Ptoion) // BCH. 1936. V. 60. Pl. XLVII, *29*.

[20] Античная коропластика. Каталог выставки. № 73, с. 28. Г. 698. Поступила статуэтка из собрания А. Д. Блудова в 1888 г. Высота 33,7 см. Глина светло-оранжевая.

[21] *Mollard-Besques.* Op. cit. Pl. LXVIII, C69.

[22] *Hoffmann H.* Collecting Greek Antiquities. N. Y., 1971. P. 162. Fig. 137.

него типа статуэток юношей с петухами [23]. В 1973 г. появилась еще одна публикация Сабо — дополнение к этой статье [24]. Н. Сабо издал шесть терракот из будапештского Музея изобразительных искусств, из которых две — Т. 66 и Т. 735 — очень близки к нашей статуэтке Г. 698 [25]. Собственно, если не знать, что эрмитажная терракота на 1,8 см ниже будапештской Т. 66, можно было бы предположить, что они исполнены в одной форме. Во всяком случае, есть достаточно веские основания говорить об их принадлежности одной и той же мастерской. Сабо полагает, что так как большое количество аналогичных экземпляров, хранящихся в Афинском Национальном музее, происходит из некрополя Танагры, то именно там находился центр производства таких статуэток. Он даже условно называет их произведениями «мастера из Танагры» [26].

Другая эрмитажная статуэтка юноши с пышной прической, держащего петуха, также неплохо сохранила раскраску [27] (рис. 4). Создается впечатление, что белая обмазка была изначально нанесена не по всей поверхности. На волосах, лице, торсе, почти на всей левой ноге хорошо сохранилась темно-красная краска, но под ней не прослеживается никаких остатков белого покрытия, следы которого отчетливо видны на плаще, диадеме, фигурке петуха, руках, правой ноге и базе. Этот прием частичного наложения краски без обмазки сближает ее с ранним фрагментом Г. 2212, так же как и использование темно-желтой краски: ею нанесена одна из горизонтальных полос на базе. Явно прослеживается на примере этой терракоты другой технический прием, который Сабо отмечает как одну из отличительных черт танагрских коропластов,— после формовки из хорошо отмученной глины поверхность покрывалась под роспись слоем жидко разведенной глины [28].

Статуэтки Г. 2685 и Г. 698 безусловно однотипны, поэтому и здесь вполне уместно привести в качестве аналогии будапештскую Т. 66. Бросается в глаза даже совпадение такой детали, как длинные вьющиеся пряди вдоль щек. Однако Г. 2685 имеет и существенные особенности, сближающие ее с ранним типом. У фигурки иные пропорции — шея тоньше, плечи значительно шире, ноги тоньше и стройнее. Кроме того, у нее, так же как и на ранних статуэтках, на боках место соединения передней и плоской задней стенок обозначено резкой гранью, в то время как у Г. 698 стык сглажен, почти не заметен, и задняя стенка более выпуклая. Таким образом, очевидно, проявлялась индивидуальная манера отдельных коропластов при строгом следовании общему определенному образцу.

Один из эрмитажных фрагментов представляет собой почти целую статуэтку: не хватает только ступней ног и базы (рис. 5) [29]. Фигурка была покрыта сохранившимся во многих местах толстым слоем белой обмазки. На правом плече и еще в нескольких местах видны следы красной краски. Голову юноши венчает треугольная диадема. Терракота уступает

[23] *Szabó N.* Contribution à la question des ateliers de terre cuite beotiens de l'epoque classique tardive // Bulletin du Musée Hongrois des beaux-arts. Budapest, 1971. № 37. P. 9—17.

[24] *Idem.* Contributions à l'histoire des éphebes au coq béotiens du IV siècle av. n. é.// Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1973. № 25. P. 359—361.

[25] *Idem.* Contribution à la question... P. 11. Figs. 4—5.

[26] Ibid. P. 11—12. Suppl. 7—9.

[27] Г. 2685. Статуэтка поступила в 1948 г. через закупочную комиссию. Высота 33,2 см. Склеена из фрагментов. Глина светло-коричневая.

[28] *Szabó.* Contribution à la question... P. 13—14.

[29] Г. 1910. Поступил в 1930 г. из бывшего Музея Общества поощрения художеств. Высота 19,2 см. Глина темно-оранжевая.

Рис. 5. Статуэтка юноши с петухом. Фрагмент. Инв. Г. 1910

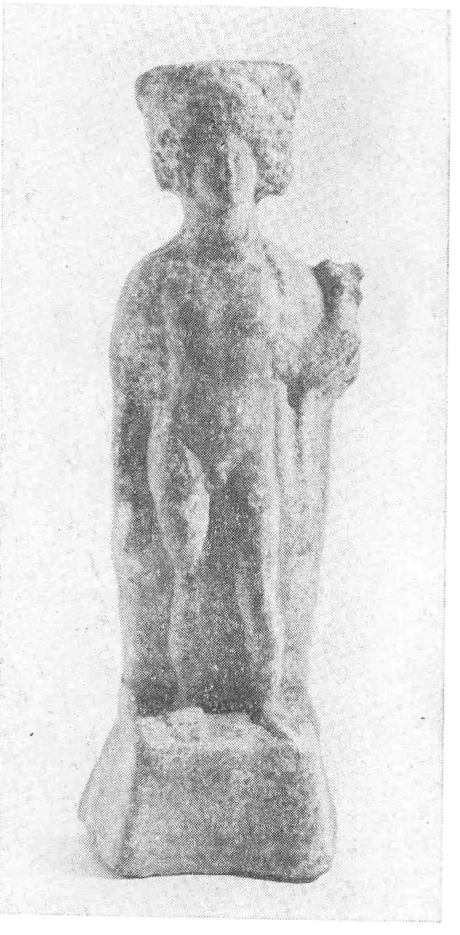

Рис. 6. Статуэтка юноши с петухом. Инв. Г. 1901

по качеству исполнения всем предыдущим экземплярам. Пластическая проработка деталей сведена до минимума, что особенно заметно в трактовке плаща. На правом плече край его вообще не обозначен, а свисающий под кистью правой руки конец выглядит как округлый выпуклый предмет. Вдоль левого бока — сплошная масса, нет никакой попытки изобразить ткань. Совершенно очевидно, что фигурка создавалась в другом беотийском центре производства терракот.

В Национальном музее в Белграде хранится аналогичная (хотя и более крупная — высота 23,7 см) статуэтка. М. Великович в каталоге греческих и римских терракот музея лишь как предположение (так как вещь была куплена из частной коллекции) называет местом находки Фивы, ссылаясь на то, что большое количество фигурок этого варианта обнаружено в фиванском Кабирионе. Он датирует терракоту второй половиной V в. до н. э. [30]

[30] *Veličović M.* Katalog Grčkih i Rimskih terakota. Narodni muzej Beograd. Beograd, 1957. № 11. Pl. V. P. 77.

Рис. 7. Головка от статуэтки юноши с петухом. Инв. Г. 2684

У. Зинн опубликовал статуэтку из Государственных художественных собраний в Касселе, хотя и уступающую по размерам эрмитажной, но несомненно очень близкую к ней. Происхождение терракоты неизвестно. Зинн определяет ее просто как беотийскую и, ссылаясь на упомянутую работу Б. Шмальца, датирует экземпляр первой половиной IV в. до н. э., исходя из датировок находок в Кабирионе Фив [31].

Так же определяет время создания аналогичной статуэтки Т. 783 из будапештского Музея изобразительных искусств Н. Сабо [32]. Отмечая, что ближайшие известные ему аналогии — в основном не опубликованные, из Афинского Национального музея — происходят из фиванского Кабириона, он предлагает условное обозначение «мастер Кабириона» для их автора. Веским подтверждением такой точки зрения служит терракота из раскопок Кабириона в Фивах, опубликованная А. Керамопулосом [33].

Еще один вариант позднего типа юноши с петухом представлен в Эрмитажном собрании двумя терракотами. Целая фигурка (рис. 6) [34] была покрыта толстым слоем белой обмазки, во многих местах сохранившейся. Лицо и тело юноши выкрашены красной краской оранжеватого оттенка. В отличие от всех предыдущих экземпляров петух повернут головой вправо. От аналогичной статуэтки, но значительно больших размеров, уцелела до наших дней головка (рис. 7) [35]. Она ярко раскрашена по плотному слою белой обмазки: лицо — ярко-розовое, волосы — темно-красные. Следует заметить, что несмотря на принадлежность к одному варианту, не только нюансы раскраски, но и приемы трактовки локонов у Г.1901 и Г. 2684 различны.

От предыдущих статуэток юношей с пышной прической этот вариант отличается своеобразным овалом лица, сильно расширяющимся к низу, сложным убором в виде венка, переплетенного лентой, по бокам петлями выступающей над венком и спускающейся вниз. Ценнейший материал

---

[31] *Sinn U.* Antike Terrakotten. Staatliche Kunstsammlungen Kassel. Kassel, 1977. № 54. Taf. 19.

[32] *Szabó.* Contribution à la question... P. 12. Fig. 7. P. 17. Suppl. 22.

[33] *Keramopoullos A.* Η' Νεώτεροι τάφοι // Αρχαιολόγικον Δελτίον, 1917. № 3. Табл. 155, *3*. С. 217. В Национальном музее в Праге есть два фрагмента (верхние части) статуэток юношей с петухом, близкие к нашей терракоте Г. 1910. Они упомянуты Н. Сабо как образцы продукции фиванской мастерской: Contribution à l'histoire... P. 359; Antické umění v československých sbírkách. Národni galerie v Praze. Praha, 1979. № 182 (2125).

[34] Г. 1901. Статуэтка поступила в 1930 г. из бывшего музея Общества поощрения художеств. Высота 26,8 см. Глина красновато-коричневая. Склеена из фрагментов.

[35] Г. 2684. Головка поступила в 1948 г. через закупочную комиссию Гос. Эрмитажа. Высота 9,8 см. Глина коричневая, с белыми вкраплениями, плохо отмученная.

для определения центра производства и датировки на сей раз дают раскопки погребений в Фивах. Исходя из обнаруженных здесь аналогий, можно утверждать, что терракоты Г. 1901 и Г. 2684 были созданы, скорее всего, в фиванской мастерской первой четверти IV в. до н. э. [36]

В Британском музее есть более крупный, чем Г. 1901, экземпляр того же варианта, приобретенный в Феспиях [37]. Но хотя его высота — 33 см, он все-таки уступал бы по размерам статуэтке, головка которой хранится в Эрмитаже.

У последней, восьмой статуэтки юноши с петухом из Эрмитажного собрания [38] светлая обмазка особенно хорошо видна на плаще (рис. 8). На волосах, лице и ногах сохранилась красная краска. Ею же сделаны две горизонтальные полосы на базе. Убор юноши из венка, переплетенного лентами, так же как и прическа из однообразных рядов круглых локонов, напоминает статуэтку Г. 1901, но склад его лица совершенно иной: овал более вытянут и твердо очерчен, нет пухлости щек и подчеркнутой округлости подбородка, черты правильны и соразмерны. Он похож в этом отношении на юношу из Британского музея, изображенного с собакой у ног и со щенком в правой руке [39]. По данным Волтерса в фиванском Кабирионе было обнаружено 30 фигурок собак ручной лепки [40]. Такое количество не дает оснований считать собаку животным, имеющим специфическое

Рис. 8. Статуэтка юноши с петухом. Инв. Г. 1232

[36] *Keramopoullos.* Op. cit. P. 211, 221. Pl. 158(2). P. 222. Pl. 159. Шмальц (Op. cit. № 2, 150—151. S. 67) считает, что датировка — ближе к середине IV в. до н. э.

[37] *Higgins.* Op. cit. № 870. Pl. 124.

[38] Г. 1232. Статуэтка поступила в 1908 г. в дар от В. С. Голенищева. Высота 35,7 см. Глина коричневая. Фигурка склеена из кусков, фрагменты задней стенки утрачены. В процессе реставрации в 1982 г. все старые склейки были ликвидированы, терракота собрана и дополнена заново. Необычный блеск всей поверхности фигуры, кроме базы, и желтоватый оттенок обмазки, как показали расчистка и химический анализ, объясняются тем, что еще в древности терракота, за исключением базы, была с какой-то целью покрыта воском. Подлинность статуэтки не вызывает сомнений. Приношу свою глубокую благодарность реставратору Эрмитажа Л. П. Гаген, проделавшей большую и сложную работу по реставрации фигурки и поделившейся со мною соображениями по этому поводу.

[39] *Higgins.* Op. cit. № 871. Pl. 124. Происхождение статуэтки неизвестно, и Хиггинс не причисляет ее к изделиям какого-то конкретного центра Беотии.

[40] *Wolters.* Op. cit. S. 557.

значение в культе Кабиров. Однако довольно часто изображение собаки встречается на расписной керамике из Кабириона в Фивах [41]. Возможно также, что статуэтка Британского музея отражает обряд, упомянутый Плутархом: «... собаку, коль скоро праздник очистительный, приносят, можно полагать, в очистительную жертву: ведь и греки на очистительные обряды приносят щенят и нередко совершают так называемые перискилакисмы» [42]. Лондонская статуэтка отличается от эрмитажной прической, наличием круглого украшения в центре венка, иной формой ног, толстых и коротких, и другими пропорциями базы. Наиболее близка к нашей фигурке статуэтка юноши с лебедем из Датского Национального музея [43]. Она куплена в Афинах и по сведениям Брайтенштайна происходит из Фив.

Итак, восемь эрмитажных терракот дают прекрасную возможность для изучения одной из граней коропластики Беотии классической эпохи. Ранний тип юноши, имевший хождение с середины V в. до н. э. и существовавший еще в 424 г. до н. э. (см. ниже), представлен двумя экземплярами. Остальные шесть, с пышными прическами — образцы позднего типа в разных его вариантах. Некоторые исследователи (Хоффманн, Моллар-Беск, Великович, иногда Хиггинс) склонны датировать этот тип концом V в. до н. э. [44] Сабо на основании своих очень доскональных штудий пришел, как и Шмальц, к выводу, что производство статуэток юношей с пышной прической падает на первую половину IV в. до н. э. С ними согласен У. Зинн. Вероятно, так и следует датировать эрмитажные фигурки юношей с петухами позднего типа. Кстати, еще П. Н. Юр, анализируя материал раскопок некрополя Ритсоны, обратил внимание на то, что женские и мужские статуэтки с одинаковыми пышными прическами, которые археолог назвал поэтому «братьями и сестрами», различны по времени, судя по найденным вместе с ними вазам. «Сестры» старше «братьев» и датируются обычно концом V в. до н. э., тогда как мужские статуэтки были обнаружены и в погребении, датируемом, возможно, даже позднее, чем 350 г. до н. э. [45]

Вопрос о том, кого могли изображать статуэтки юношей с петухами,— сложный, и вряд ли здесь возможен однозначный ответ. Это объясняется чрезвычайно широким спектром культовых, религиозных и прочих значений, которые могли вкладываться в изображение петуха, пришельца из Персии, игравшего с рубежа VIII—VII вв. до н. э. весьма существенную роль в идейном мире греков. Ведь уже на ранней ступени, судя по вазовой живописи, петух выступает наравне со столь могущественными персонажами, как сфинкс, сирена, пантера или змея [46].

Одним из возможных толкований, особенно в тех случаях, когда статуэтка найдена при раскопках храма или святилища, представляется

---

[41] *Wolters P., Bruns G.* Das Kairenheiligtum bei Theben. Bd I. B., 1940. Taf. 10, 16(1—2), 22(3), 26(1—4).

[42] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. I. М., 1961. С. 42.

[43] *Breitenstein.* Op. cit. Pl. 33. № 293.

[44] Хиггинс предлагает рассматривать как переходный между типом ранним, о котором речь шла в начале статьи, и поздним, с пышной прической, вариант, представленный в его каталоге терракот Британского музея статуэткой под № 852. Он основывается на том, что подобные фигурки, найденные при раскопках некрополя Хале, датируются 420—390 гг. до н. э. Однако такая переходная ступень, по-видимому, если и существовала, то далеко не всюду.

[45] *Ure P. N.* Aryballoi and Figurines from Rhitsona in Boeotia. Cambr., 1934. P. 74.

[46] *Hampe R.* Neue Funde aus Olympia // Die Antike. 1939. Bd 15. S. 28.

следующее: перед нами фигурки адорантов, приносящих петухов в жертву соответствующим богам. Круг таких богов был обширен. Он включал Афродиту, Артемиду, Персефону, Гермеса, Асклепия, Диоскуров, Зевса, Аполлона-Гелиоса и т. д. [47] В монументальной пластике V в. до н. э. картина такого жертвоприношения запечатлена на восточном фризе гробницы Гарпий из Ксанфа. Перед сидящим на троне бородатым богом предстает юноша-адорант, протягивая ему петуха и плод [48].

Как известно, причастность петуха к культу Афродиты подтверждается частым его появлением на бронзовых зеркалах наряду с зайцами, собаками, голубями. Американская исследовательница Л. О. Кин Конгдон в работе, посвященной зеркалам с кариатидами, специально останавливается на этих символах Афродиты [49]. Перечень зеркал с фигурками петухов приводит в своей статье Ф. Брюно [50]. Его можно дополнить экземплярами, опубликованными Р. Тёлле-Каштенбайн [51].

По одной из своих ипостасей — хтоническое божество плодородия — Афродита сближается с Персефоной. Обе богини многократно фигурируют как главные действующие лица на знаменитых локрских пинаках [52]. На них сюжет с жертвоприношением петуха Афродите и Персефоне повторяется много раз, и если говорить о коропластике, то, пожалуй, здесь этот ритуал кажется особенно значительным.

Вслед за рельефами из Локр нужно упомянуть довольно редкую терракотовую женскую фигурку, держащую петуха в вытянутой вперед правой руке. Она исполнена приблизительно в 500 г. до н. э. и находится в частном немецком собрании [53]. Диадема и спадающее на плечо покрывало позволяют видеть в ней Персефону или Афродиту, подобную тем, что мы находим на локрских пинаках, а не просто смертную женщину, совершающую жертвоприношение. В целом, однако, женские изображения с петухами были распространены в классическом греческом искусстве значительно меньше, чем мужские, причем на пинаках петухов в дар Афродите и Персефоне подносят другие богини, а не смертные женщины [54].

Причастность петуха к хтоническим культам вряд ли подлежит сомнению. Как одно из ее подтверждений можно привести набор предметов, обнаруженных при раскопках святилища Аполлона и Артемиды в Фокиде. Типично беотийская статуэтка петуха начала V в. до н. э. находилась вместе с бронзовой статуэткой юноши 500—490 гг. до н. э. и, главное, с женской терракотовой маской также беотийского типа, лишенной прикрепительных отверстий. Такая маска клалась горизонтально и имела, по мнению опубликовавших ее исследователей, хтонический смысл [55].

---

[47] *Keller O.* Die antike Tierwelt. Bd II. Lpz, 1913. S. 133—140.

[48] *Pryce F. N.* Catalogue of Sculpture in the Department of Greek and Roman Antiquities of the British Museum. V. I. Pt I. L., 1928. P. 125 f. Pl. XXIII. В том же Ксанфе в стене акрополя был обнаружен целый фриз из нескольких плит с изображением петухов и куриц (*Pryce*. Op. cit. P. 137, B299—B306. Fig. 1983).

[49] *Keen Congdon L. O.* Caryatid Mirrors of Ancient Greece. Mainz am Rhein, 1981. P. 16—17. Not. 63. Pl. 32. 38, 41, 48, 51.

[50] *Bruneau Ph.* Le motif des coqs affrontés dans l'imagerie antique // BCH. 1965. V. 89. 1. P. 99. № 45—46. Figs. 5—7.

[51] *Tölle-Kastenbein R.* Frühklassische Peplosfiguren Originale. Mainz am Rhein, 1980. Taf. 3b, 8—10a, 12, 18, 25, 31, 64a, 75, 93, 105a.

[52] *Prückner H.* Die lokrischen Tonreliefs. Mainz am Rhein, 1968. Taf. 5(5—6), 6(1), 7(6), 10(3, 5), 16(3, 8), 17(2), 22(1), 23(1), 24(7), 25(5), 26(3, 4), 28(3), 30(4).

[53] *Lullies.* Op. cit. № 142. Taf. 58.

[54] *Frückner.* Op. cit. S. 78.

[55] *Felsch R. C. S., Klienast H. J., Schuler H.* Apollon und Artemis oder Artemis und Apollon? Bericht von Grabungen im neu endeckten Heiligtum bei Kalapodi 1973—1977 // AA. 1980. Ht I. S. 94. Abb. 77.

Вызывает удивление, что О. Келлер в своем капитальном труде «Античный мир животных», давая подробный перечень богов, с которыми как священная птица мог быть связан петух, не упоминает Диониса. Между тем именно из Беотии, места создания и распространения интересующих нас типов статуэток, происходит чрезвычайно интересный, прекрасно сохранивший раскраску памятник, изображающий Диониса с петухом. Речь идет о протоме Диониса из Британского музея [56]. Дионис держит в правой руке петуха, а в левой — яйцо. Терракота датируется началом IV в. до н. э., т. е. временем, когда был в ходу поздний тип статуэток юношей с петухом. По мнению Прюкнера, женственные формы тела юного бога, предстающего безбородым и в женском покрывале, спускающемся до плеч, подчеркивают его главную функцию как божества плодородия [57] и, соответственно, хтонического бога [58].

Как известно, Дионис почитался прежде всего в качестве бога вина, покровителя виноградарства, а потому здесь, вероятно, уместно напомнить свидетельство Павсания, что и петух обладал в этом плане некими магическими свойствами. «Ливийский ветер,— пишет Павсаний,— начиная дуть с Саронийского залива, когда распускается виноград, губит их нежные ростки. И вот, как только этот ветер начинает дуть, два человека, взявши петуха, совершенно белого, и разрезав его пополам, направляются в противоположные стороны, обегая виноградники каждый со своей половиной петуха; вернувшись в то место, откуда они двинулись, они там и зарывают обе части этого петуха. Вот что они придумали против ливийского ветра» [59]. Таким образом, есть определенные основания предположить, что в некоторых случаях терракотовые юноши с петухами могли изображать почитателей Диониса.

Культ Диониса был очень тесно связан с культом Кабиров, которые также являлись защитниками виноградников, покровителями животного и растительного плодородия. Эта близость прослеживается на Самофракии, Имбросе и в других местах [60]. Но нигде близость Кабиров и Диониса и дионисийский характер культа Кабиров не выявлялся так отчетливо, как в Беотии в фиванском Кабирионе. Достаточно ознакомиться с найденной там специфической расписной керамикой, которая датируется 440—420 гг. до н. э., т. е. как раз интересующим нас периодом [61]. У. Липман также справедливо замечает, что о дионисийском характере культа Кабиров свидетельствует большое количество обнаруженных в Кабирионе Фив фигурок скорчившихся силенов [62]. Хемберг даже пришлось в своем исследовании о Кабирах посвятить специальный пассаж доказательству того, что ассимиляция Диониса Кабиром здесь все-таки не происходила. Однако на основании изучения вазовой живописи ученый пришел к выводу об отсутствии в изобразительном искусстве твердо установленного типа Кабира, которого иногда изображали также как Диониса [63].

---

[56] *Higgins R. A.* Greek Terracottas. L., 1967. P. 79. Pl. C (цветное воспроизведение).

[57] *Prückner.* Op. cit. S. 144.

[58] *Metzger H.* Dionysos Chtonien d'après les monuments figurés de la période classique // BCH. 1944—1945. № 68—69. P. 304 suiv.

[59] *Павсаний.* Описание Эллады. II. 34.2 (Пер. С. П. Кондратьева. Т. I. М.: Искусство, 1938. С. 198).

[60] *Hemberg B.* Die Kabiren. Uppsala, 1950. S. 41—42, 88, 97, 196, 231.

[61] *Wolters, Bruns.* Op. cit. Taf. 6—8.

[62] *Liepmann.* Op. cit. S. 19.

[63] *Hemberg.* Op. cit. S. 195.

Роль культа Кабиров и соответственно их святилища под Фивами в религиозной жизни Беотии была очень велика. Отголоски этого мы находим в повествовании того же Павсания, описывающего страшную кару, обрушившуюся на иноземных святотатцев, которые дерзнули осквернить святилище [64]. Хемберг, анализируя этот отрывок из Павсания, утверждает, что в нем безусловно есть историческое зерно. По его мнению, в сочинении Павсания отразилась борьба местного населения против новых пришельцев за сохранение своего исконного культа Кабиров [65].

Какой же вывод можно сделать на основании материала, извлеченного в столь значительном святилище, откуда, вполне вероятно, происходят и некоторые эрмитажные статуэтки? Обратимся снова к данным статьи Вольтерса. Всего там было обнаружено (к моменту публикации Вольтерса) около 700 статуэток юношей раннего типа и около 50 — позднего, с пышными прическами. Вольтерс не уточняет, какие предметы держат в руках юноши позднего типа. Но из 700 ранних статуэток только 200, т. е. меньше одной трети, были с петухами. Остальные держат зайцев, чаши, кувшины, лиры. Среди терракотовых фигурок животных насчитывается более 600 быков, 250 овец, более 200 свиней и только 36 петухов. Их изображения не появляются на вазах с соответствующей тематикой (хотя вообще на вазах V в. до н. э. они достаточно часты). При этом быков, лебедей, зайцев, собак можно видеть то и дело. Таким образом, петух, по-видимому, не был особой священной птицей Кабиров [66].

При таком обилии статуэток юношей возникал соблазн рассматривать их как изображения молодого Кабира, Паиса. Вольтерс, хотя и с оговорками, высказывает соответствующее предположение [67], не нашедшее, однако, поддержки у других исследователей. Хемберг, со своей стороны, также пытался объяснить многочисленность статуэток юношей в фиванском святилище Кабиров. Он довольно убедительно связывает это явление с той особой ролью, которую, по его мнению, играли в культе Кабиров именно юноши и мальчики, обязательные участники жертвоприношений и ритуальных пиршеств. Во время последних некий юный адорант мог изображать виночерпия Ганимеда, и даже тем самым отождествляться с Паисом, ибо на вазовых росписях Паис выступает как Ганимед возле пирующего старого Кабира [68].

Чрезвычайно распространенное значение петуха как любовного дара мужчин юношам, как известно, очень часто использовалось в вазовой живописи V в. до н. э., прежде всего в сюжете с Зевсом и Ганимедом. Так, С. Кэмпф-Димитриаду приводит в своем исследовании «Любовь богов в аттическом искусстве V в. до н. э.» около 20 памятников с этим сюжетом, в том числе и знаменитую терракотовую группу из Олимпии [69]. Не исключено, что именно поэтому Хиггинс специально упоминает о точке зрения на беотийские фигурки юношей с петухами как на Ганимедов [70]. И все-таки параллель Паис — Ганимед воспринимается как натянутая, когда имеются в виду терракоты.

---

[64] *Павсаний.* IX. XXV. 9—10.
[65] *Hemberg.* Op. cit. S. 204 f.
[66] *Wolters.* Op. cit. S. 359 ff.; *Hemberg.* Op. cit. S. 185 f.
[67] *Wolters.* Op. cit. S. 363.
[68] *Hemberg.* Op. cit. S. 194 f.; *Wolters, Bruns.* Op. cit. Taf. 5.
[69] *Kaempf-Dimitriadou S.* Die Liebe der Götter in der attischen Kunst des 5. Jahrhunderts v. Chr. Bern, 1979. S. 76—79.
[70] *Higgins.* Catalogue. V. I. P. 80.

Вообще нет достаточно веских оснований всегда усматривать в статуэтках юношей изображения Паиса, адорантов или мистов культа Кабиров. По-видимому, лишь в одном случае можно предположить, что они воплощали мистов этого культа. Речь идет о статуэтках юношей с пышными прическами, украшенными венками и лентами в виде петель, как, например, эрмитажные экземпляры Г. 1901, Г. 2684 и Г. 1232. Изучение вазовых росписей с сюжетами мистерий Кабиров подтверждает, что повязки или ленты и ветви, используемые как ритуальные головные уборы, были присущи культу Кабиров [71].

Прическа раннего типа статуэток с узлом волос, стянутым надо лбом, имеет достаточно много аналогий в пластике того же периода, причем ее едва ли можно ассоциировать с каким-либо определенным культом. Один из примеров — прическа атлета со стелы, найденной на мысе Сунион из Афинского Национального музея [72]. Из бронзовой пластики середины V в. до н. э. упомянем голову юноши из государственных музеев Берлина [73], статуэтку Диониса из Лувра [74] и статуэтку юноши из Национального музея в Афинах, происходящую из Птойона [75].

Не исключено, что представление об особой магической силе (в частности как амулета), которой, по представлениям древних, обладал вообще узел, распространялось и на узлы из волос или стягивающие головные повязки. Они могли служить своеобразными апотропеями. Можно напомнить, что Платон в «Законах» и «Государстве» находит нужным специально остановиться на так называемых магических узлах, приносящих в зависимости от сопровождающих их заклятий вред или пользу [76]. О роли узлов как амулетов пишут Дж. Фрезер и М. П. Нилссон [77]. То, что узел завязывался в данном случае из волос, возможно, придавало этому акту некий особый смысл, ибо волосы, как известно, играли существенную роль во многих культах. Они служили предметом жертвоприношения еще с гомеровских времен на алтарях богов во время свадебных и погребальных обрядов. С глубокой древности сохранялось народное представление о том, что в волосах находятся сила или даже душа человека. Человек, принесший божеству в жертву срезанные со своей головы волосы, попадал под защиту этого бога [78]. Магическое и апотропеическое значение причесок беотийских терракот, в частности позднего типа, предполагали Гольдман и Джоунс [79]. Исследователи правы: сложность и не-

[71] *Wolters, Bruns.* Op. cit. S. 107. Fig. 6. Taf. 9 (1, 3), 28(3), 30, 33 (1, 3, 4), 58(3); *Hemberg.* Op. cit. S. 199—200.

[72] *Ridgway B. S.* The Severe Style in Greek Sculpture. Princeton, 1970. P. 49—50. Fig. 70.

[73] *Langlotz E.* Frühgriechische Bildhauerschulen. Nuernberg, 1927. S. 70. № 28. Taf. 7 (Ланглотц датирует бронзу приблизительно 460 г. до н. э., местом ее создания называет Клеоны).

[74] Ibid. S. 56, 62—63. Taf. 4. Ланглотц относит статуэтку к аргосской школе и считает, что время ее создания совпало с началом творчества Поликлета. В. Фукс датирует ее приблизительно 455 г. до н. э. и соглашается с определением школы у Ланглотца (*Fuchs W.* Die Skulptur der Griechen. München, 1969. Abb. 76—77. S. 84—85). Несколько более ранним временем (470—460 гг. до н. э.) датирует Диониса Папаиоанну (*Papaioannou K.* Griechische Kunst. Freiburg, Basel, Wien, 1973. № 355).

[75] *Langlotz.* Op. cit. S. 70, 72, 79. Taf. 36a.

[76] *Платон.* Законы. XI, 933, a, e. Так, нищенствующие прорицатели «уверяют, что с помощью каких-то заклятий и узелков склоняют богов им помочь»,— пишет философ (цит. по изданию: *Платон.* Сочинения. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. Перевод А. Н. Егунова. См. также: *Платон.* Государство, II, 364, с.— издание то же, т. 3, ч. 1. М., 1971).

[77] *Frazer J. C.* The Golden Bough. A Study in Magic and Religion. Pt II. L., 1911. P. 299—310; *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1941. S. 185.

[78] *Nilsson.* Op. cit. S. 53, 125—127.

[79] *Goldman, Jones.* Op. cit. P. 393.

обычность, порой нарочитая утрированность этих часто дополненных определенными деталями (диадемами, венками, лентами) причесок наводят на мысль, что в них не только сказалось, как считает Н. Сабо, влияние так называемого роскошного стиля Мидия и Парасия [80], но был заложен некий религиозный смысл, пока, к сожалению, не поддающийся расшифровке.

Существует еще одно толкование статуэток юношей с петухами, причем достаточно убедительное, а именно: таким образом изображались героизированные умершие. Нилссон подчеркивает давность традиции, лежащей в основе культа героев, идентичного в своих первоначальных формах культу мертвых, и резко отделявшегося от культов богов [81]. Как наиболее возвышенную форму, «посредством которой религиозное чувство могло выразить свое уважение к мертвым», характеризует героизацию покойных Дж.-А. Хилд [82]. В этом плане очень интересны замечания Дж. Е. Харрисон относительно смысла, который греки вкладывали в понятие «герой». Она подчеркивает, что уже у Гомера живой герой обязательно силен и мощен в сражении. После смерти, когда он становится объектом культа, он к тому же приобретает особое духовное могущество [83].

Жертвенными животными героя были конь и петух [84]. Приношение петуха в дар героизированной супружеской паре можно видеть на известном рельефе, найденном недалеко от Спарты (в Хрисафе), который датируется приблизительно 540—530 гг. до н. э. Плита хранится в Государственных музеях ГДР, в Берлине [85]. Мужчина, возможно родственник покойных, принес им петуха и яйцо (то же сочетание, что и на беотийской протоме Диониса). На связь с хтоническим культом указывает змея за спинкой трона, на котором восседают мертвые [86].

Возможно, именно то, что петух символизировал героический дух, побудило изобразить его на монетах V в. до н. э. Коринфа, Дарданоса и Селембрии [87]. «Символ воинственного духа» воплощали, по мнению Дж. Д. Бизли, петухи, венчающие дорические колонны с двух сторон от фигуры Афины на панафинейских амфорах вплоть до начала IV в. до н. э. Аналогичное окружение могло быть около фигуры Гермеса [88]. Так же определяет в большинстве случаев смысл изображения двух петухов, стоящих друг против друга Ф. Брюно, написавший на эту тему специальное исследование [89].

Х. Хоффман, вслед за Брюно посвятивший статью тому же вопросу, отмечает, что в вазописи петух является символом идеального воина,

[80] *Szabó*. Contribution à la question... P. 15.

[81] *Nilsson*. Op. cit. S. 172.

[82] *Hild J.-A*. Heroes. Dans: *Daremberg Ch.* et *Saglio Edm.* Dictionnaire des Antiquites grecques et romaines. T. III. P., 1900. P. 146.

[83] *Harrison J. E*. Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambr., 1903. P. 334 f.

[84] *Früekner*. Op. cit. S. 42.

[85] *Fuchs*. Op. cit. S. 471 f.

[86] *Deneken F*. Heros. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Hrsg. von W. H. Roscher. Bd. I. Abt. 2. Lpz, 1886—1890. S. 2566—2568. Abb. 6.

[87] *Imhoof-Blumer F., Keller O*. Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen. Lpz, 1889. Taf. V, № 42, 43; *Richter G. M. A*. Animals in Greek Sculpture. Oxf., 1930. P. 39. Fig. 217; *Keller*. Op. cit. S. 137; Antike Kleinkunst in Winterthur. Vasen, Bronzen, Terrakotten und Münzen aus öffentlichem und privatem Besitz. Winterthur, 1964. S. 40. Taf. 16. № 226. Петух изображен также на монетах Химеры, но К. Шефольд объясняет это тем, что он являлся священной птицей божества горячих источников, расположенных поблизости от города (*Schefold K*. Meisterwerke griechischer Kunst. Basel — Stuttgart, 1960. S. 288 f. № 426).

[88] *Beazley J. D*. The Development of Attic Black Figure. L., 1951. P. 91; Kunstwerke der Antike. Auktion XXII, 13 Mai 1961. Basel, 1961. № 158.

[89] *Bruneau*. Op. cit. P. 90 suiv.

т. е. героя. По его мнению, именно такой смысл вкладывался в изображения петуха в качестве эмблемы на воинских щитах [90]. Как примеры можно привести рисунки на краснофигурной пелике и краснофигурном кратере из Британского музея и краснофигурного скифоса из Лувра [91]. Кроме олицетворения храбрости, полагает Хоффманн, очень существенно эротическое начало, которое также символизирует петух. Именно сочетание этих двух аспектов позволяет ему стать выражением единого понятия — мужественности. Исследователь выделяет кроме того социальный момент, присутствующий с его точки зрения в изображениях юношей с петухами и на вазах, и в терракоте, и на надгробных стелах. Так как в качестве одной из иллюстраций Хоффманн приводит терракотовую статуэтку юноши из Бостонского Музея изящных искусств, то этого положения здесь необходимо коснуться. Логика его рассуждения такова: петушиные бои, наряду со скачками и охотой, были излюбленным времяпрепровождением богатой «золотой молодежи», обладание боевым петухом свидетельствовало об определенном, достаточно высоком социальном положении. По мнению Хоффманна, именно это побуждало изображать на надгробных стелах юношей с петухами и класть в могилы соответствующие терракотовые фигурки [92]. Такое утверждение, вероятно, может быть уместно лишь в отдельных случаях и в форме предположения. Иначе как объяснить появление петуха на детских надгробных стелах, подобных найденной в окрестностях Смирны [93]? Что касается терракотовых статуэток, то петух часто бывает оттиснут нечетко или не имеет внешних особенностей боевого петуха. Беотийские захоронения с такими терракотами широко распространены и ничем не отличаются от других могил. Нет никаких оснований выделять их в социальном плане.

В Беотии, как замечает Хилд, судя по большому количеству надгробных стел с надписью ἥρως χαῖρε, культ мертвых героев нашел широкое распространение [94]. Любопытно, что именно в Беотии в связи с этим культом появляется некий гибрид из двух животных, непосредственно причастных к культу героев — коня и петуха — хиппалектрион. Его изображение есть на беотийском канфаре середины VI в. до н. э. из коллекции Гранси [95].

В 424 г. до н. э. произошел один из драматических эпизодов Пелопоннесской войны — битва между беотийцами и афинянами за святилище Аполлона в Делии, городе на границе Беотии и Аттики. Эти события

---

[90] *Hoffmann.* Op. cit. S. 201 f.

[91] *Rolley Claude.* Composition et tracés régulateurs dans les coupes attiques // RA. 1972. Fasc. I. P. 160. № 3. То, что петух служил эмблемой щита героя, подтверждается и описанием у Павсания щита статуи ахейского героя Идоменея работы Онатоса. Правда, Павсаний поясняет, что род Идоменея происходит от Гелиоса, которому посвящена эта птица, возвещающая своим пением восход солнца (*Павсаний.* V. 25. 9. 10). См. также эмблему бронзового щита из Олимпии (*Hampe.* Op. cit. Abb. 9).

[92] *Hoffmann.* Op. cit. S. 205 f.

[93] *Pfuhl E., Möbius H.* Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz am Rhein, 1984. S. 96. Abb. 38. S. 17—18. Taf. 7, № 26. (изображена девочка с петухом); Х. Бизантц, публикующий стелу с изображением Фекедамоса, держащего петуха, приводит в своем исследовании беотийскую терракотовую головку от статуэтки с пышной прической (из Копенгагена). По-видимому, Бизантц ошибочно полагает, что статуэтка была женской. Несмотря на плохую сохранность, видно, что убор головки состоит из венка, переплетенного лентами с характерными петлями по сторонам. Такие уборы встречаются именно у статуэток юношей (*Biezantz H.* Die thessalischen Grabreliefs. Mainz am Rhein, 1965. S. 16—17. Taf. 12, L132. Taf. 68. S. 117).

[94] *Hild.* Op. sit. P. 147. В Аттике культ мертвых героев, с точки зрения Хилда, был развит значительно слабее по политическим причинам.

[95] *Hampe P., Simon E.* Griechisches Leben in Spiegel der Kunst. Mainz, 1959. S. 13.

очень подробно описывает в IV книге своей «Истории» Фукидид, сообщая, что битва длилась 17 дней и в ней «беотийцы потеряли немногим меньше 500 человек» [96]. При раскопках могил погибших воинов были обнаружены терракотовые статуэтки юношей с петухами раннего типа [97]. Для определения времени бытования типа это очень важное обстоятельство. Павшие воины, вероятнее всего, почитались как герои, и фигурки юношей со священной птицей героя в руках могли восприниматься как их героизированные образы или как образы принесших им дары.

Таким образом, подводя итог попыткам интерпретации терракотовых статуэток юношей с петухами, следует заключить, что они могли воплощать адорантов самых разных божеств, в том числе и Кабиров, но более конкретные выводы возможны лишь в отдельных случаях, когда есть твердые доказательства — обстоятельства находки или характерные детали самой статуэтки. Другим, возможно не менее распространенным, назначением фигурок было изображение героизированных умерших или их почитателей, несущих им традиционную жертву.

Не подлежит сомнению, что беотийские статуэтки юношей возникли под влиянием монументальной пластики строгого стиля. А так как юноши с пышными прическами представляют собой лишь поверхностную переработку более раннего типа, то речь может идти об общем изначальном скульптурном прототипе. Поулсен предполагал, что таким образцом послужила не сохранившаяся бронзовая статуя Аполлона, дошедшая до нас в многочисленных римских копиях и, следовательно, широко известная в древности [98]. Наиболее известными повторениями статуи являются так называемые Аполлон на омфале из Афинского Национального музея и Аполлон Шуазель-Гуффье из Британского музея. Первая из них, датируемая II в., получила свое название из-за обстоятельств находки: статуя была обнаружена в театре Диониса в Афинах рядом с изображением омфала, некогда служившего базой скульптуры. Хотя позднее было доказано, что омфал не имел отношения к фигуре Аполлона, название закрепилось [99]. Вторая копия получила название по имени Г. А. Ф. Шуазель-Гуффье (1757—1817), посла Франции в Константинополе, чья коллекция древних памятников была широко известна. Часть ее погибла в Смирне, другая попала к англичанам, в том числе и статуя Аполлона. Третья часть собрания после смерти владельца досталась Лувру.

Поулсен полагал, что бронзовый оригинал был создан в Аттике около 460 г. до н. э.[100] В своей работе «Строгий стиль в греческой скульптуре» Б. С. Риджуэй дает сводку различных предположений о возможном авторе статуи. В этой связи назывались Пифагор и молодой Мирон, Агелад, Онатос, Каламид и др., а местом создания статуи соответственно считались Аттика, Эгина, Сикион и т. д. Большинство исследователей склонны приписывать авторство Онатосу или Каламиду. Датировка статуи колеблется от 470 г. до н. э. до середины V в. до н. э. Сама Риджуэй полагает, что вопрос об авторе этой статуи Аполлона, как и многих других памятников строгого стиля, не разрешим. Вместе с тем она подчеркивает ее значение как «краеугольного камня в изучении строгого стиля» [101]. Вряд ли можно с абсолютной уверенностью утверждать, что именно оригинал

---

[96] *Фукидид.* История. Л., 1981. Книга IV. 76—101.
[97] *Szabó.* Contribution à la question... P. 10. Not. 7.
[98] *Poulsen.* Op. cit. S. 78.
[99] *Ridgway.* Op. cit. P. 61.
[100] *Poulsen.* Op. cit. S. 67.
[101] *Ridgway.* Op. cit. P. 61—62.

Аполлона на омфале послужил непосредственным образцом для коропласта, создавшего тип юноши с петухом. Своеобразные пропорции скульптуры, подчеркнуто удлиненные, конечно, привнесены копиистами в соответствии со вкусами их времени. В то же время тектоническое решение у монументальной скульптуры и терракот сходно: опорная правая нога и слегка отставленная свободная левая обеими ступнями стоят на базе, фигура слегка изогнута в бедрах, линия же плеч остается на одном уровне.

Вполне возможно однако, что существовал еще ряд монументальных памятников, не дошедших до нас в более поздних повторениях, которые воплощали те же принципы тектонического построения. В их разработке отправной точкой принято считать статую мальчика, созданную незадолго до 480 г. до н. э. в мастерской Крития и Несиота [102]. Этот памятник не уникален по своей архитектонике [103]. Упорное стремление ваятелей строгого стиля овладеть новой формой, передающей иной духовный мир, мир человека эпохи классической, а не архаической, прослеживается в многочисленных дошедших до нас статуэтках бронзовых Аполлонов, атлетов и т. д. первой половины V в. до н. э. Они полны особой внутренней энергией, пронизывающей тело, в котором все члены, все мускулы неразрывно взаимосвязаны и существуют в едином ритме. Не ссылаясь на широко известные бронзы, собранные в работе Ланглотца, можно привести в качестве прекрасного примера не столь известную статуэтку из американского собрания [104]. Вышедшая из сикионской мастерской, она датируется 470—450 гг. до н. э.

Коропласты, как и мастера, создававшие мелкую бронзовую пластику, старались идти в ногу с монументалистами, чутко реагировали на стилистические преобразования. Своеобразие же терракотовых статуэток заключается в том, что в них отсутствует ощущение упругой силы, больше мягкости, покоя. Вероятно, в значительной мере это объясняется спецификой материала и техники изготовления. У более позднего типа юноши, с пышной прической, поза сохраняется, но нет столь заметного контраста между шириной плеч и бедер, мускулатура проработана менее четко, формы смягчены, линии более текучи. Здесь наблюдаются те же тенденции, которые в монументальной скульптуре наиболее яркое выражение находят в творчестве Праксителя.

LES STATUETTES EN TERRE CUITE DE L'ERMITAGE REPRÉSENTANT DES JEUNES GENS AVEC DES COQS (*TYPOLOGIE ET INTERPRÉTATION*)

Je. N. Khodza

Ces huit terres cuites que l'Ermitage a hérité de diverses collections donnent une idée des principaux types de statuettes représentant des jeunes gens avec des coqs répandus en Béotie à l'époque classique. Comme le révèlent les fouilles archéologiques, le type pré

---

[102] *Fuchs.* Op. cit. S. 47—48.
[103] *Schefold.* Op. cit. S. 55—56.
[104] Small Sculptures in Bronze from the Classical World. An Exhibit in Honor of Emeline Hill Richardson. The William Hayes Ackland Memorial Center and the Department of Classics of the University of North Carolina at Chapel Hill. Ackland, 1976. № 19.

coce, apparu au milieu du V^{e}s. av. n. è., cède la place à des types plus tardifs, avec leurs coiffures abondantes, populaires dans la première moitié du IV^{e}s. av. n. è.

La plurivocité des interprétations du rôle cultuel du coq ne permet pas d'identifier avec certitude les personnages représentés. Les statuettes pouvaient incarner des adorateurs d'un large éventail de divinités, notamment des Kabires. Quand nous sommes en présence de parures telles que les couronnes ornées de rubans qui forment des boucles originales, on peut supposer qu'elles représentent des mystes du culte des Kabires. Les figurines pouvaient également représenter des morts héroïsés ou leurs fervents porteurs de l'animal traditionnel des sacrifices.

L'archétype a subi l'influence de la sculpture monumentale de type sévère. La tectonique et le traitement des visages et des coiffures des statuettes du type précoce en témoignent.

А. Б. Никитин, А. Ю. Согомонов

ОТТИСКИ ПЕЧАТЕЙ И КЛЕЙМА НА КЕРАМИКЕ САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МЕРВСКОГО ОАЗИСА

В Средней Азии в древности и раннесредневековый период была распространена практика клеймения керамических сосудов. Клейма (в отличие от обычного орнамента, для нанесения которого использовались специальные штампы) представляют собой оттиски личных печатей, имевших чаще форму скарабеоида и носившихся на шнурке, либо форму плоских резных камней, вправлявшихся в перстень. Клеймились, как правило, крупногабаритные сосуды (хумы), на кувшинах и более мелких сосудах клейма встречаются гораздо реже. Оттиски печатей наносились, вероятнее всего, заказчиками, проверявшими перед обжигом качество заготовки [1]. Сосуды и фрагменты сосудов с клеймами встречаются во многих районах Средней Азии [2]. В настоящей статье публикуется несколько фрагментов сосудов с клеймами, которые были найдены в последние годы на территории Мервского оазиса [3].

Мервский оазис (древняя Маргиана) с конца II в. до н. э. входил в состав Парфянского государства. С середины I в. н. э. и до начала III в. н. э. в нем правила местная династия, зависимая от Аршакидов и, вероятно, родственная им. Мерв какое-то время при первых Сасанидах сохранял автономию: царь Мерва Арташир упомянут в списке придворных Арташира I (227—241 гг.) в надписи на «Каабе Зороастра» [4]. При Шапуре I (241—272 гг.) династия царей Мерва была упразднена и весь оазис вошел в состав владений Сасанидского Ирана. При Сасанидах Мерв стал военным форпостом на северо-восточной границе государства и одним из важнейших центров международной торговли, где скрещивались пути, соединявшие Иран, Среднюю Азию, Индию и Дальний Восток.

---

[1] Ср. *Беленицкий А. М.* Общие результаты раскопок городища Древнего Пенджикента. 1951—1953 гг. М.—Л., 1958 (МИА. № 66). С. 126.

[2] В Южном Туркменистане: *Крашенинникова Н. И.* Отвал битой тары середины I в. до н. э. из винохранилищ Старой Нисы // Известия АН ТССР. Отд. общ. наук. 1963. № 5. С. 96; *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975. С. 66 сл. На Средней Амударье: там же. С. 70; *он же.* Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985. С. 39. Рис. 7. В Бактрии: *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан). М.—Л., 1953 (МИА. № 37). С. 266; *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепан-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983. Табл. XX, *2*. В Согде: *Якубовский.* Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. I. М.—Л., 1950 (МИА. № 15). С. 34. Табл. 44. В Пенджикенте: *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя Пенджикента. М.—Л., 1964 (МИА. № 124). С. 268.

[3] Материалы раскопок и археологических разведок Мервского отряда ИА АН СССР 1980—1985 гг. Начальник — Г. А. Кошеленко.

[4] См. подробнее: *Луконин В. Г.* Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С. 39.

Культура раннесредневекового Мерва формировалась в основном под влиянием культуры Сасанидского Ирана, хотя очевидно, что многие элементы, присущие более ранней эпохе, связанные с парфянской и местной маргианской традицией, сохранялись здесь еще долгое время. Одной из местных традиций, по-видимому, является помещение оттисков печатей на венчиках хумов. В Иране этот обычай, вероятно, распространен не был. Некоторые изображения на оттисках печатей из Маргианы сочетают в себе элементы как сасанидской, так и парфянской иконографии.

I. Фрагмент венчика хума с оттисками двух печатей. Фрагмент был найден в 1982 г. при раскопках Гёбеклы-депе — крепости на северо-западной границе оазиса, примерно в 50 км от Старого Мерва. Крепость была заложена в парфянское время, а в раннесасанидское — подвергалась перестройке. Раскопки памятника дали большой комплекс керамики раннесасанидского времени, парфянские надписи на фрагментах сосудов, монеты — позднепарфянские «медные драхмы» маргианской чеканки, халки и драхму Шапура I, халки Шапура II (309—379 гг.), медные монеты сасанидского кушаншаха Варахрана II (по классификации В. Г. Луконина — сасанидо-кушанская серия, эмиссия 1/7 [5]).

Первый оттиск (табл. I, *1*) — овальный, размеры 18 × 16,5 мм. Изображен всадник вправо, с натянутым луком в руках и в диадеме с ниспадающими за спину лентами. Он преследует некое рогатое животное, предположительно козла или антилопу. За спиной всадника — фигурка крылатой Ники с венком в правой руке. Ее рука опущена вниз, хотя обычно в подобных композициях Ника держит венок над головой центрального персонажа; здесь же размеры печати не позволили резчику поместить ее фигуру немного выше. Важная для датировки печати деталь — кисти, свисающие по бокам коня, прикрепленные к седлу или к чепраку длинными ремнями или цепочками. Подобный конский убор воспроизведен на рельефах Арташира I (сцена инвеституры в Накш-и Рустам) [6], Шапура I [7], на рисунке из Персеполя (Арташир I на коне) [8], на сасанидских серебряных блюдах с изображениями сцен охоты правителей IV—V вв.[9] Сам сюжет, однако, для сасанидских печатей необычен: на них крайне редки изображения всадников [10], а изображения всадников, венчаемых Никой, напрочь отсутствуют. Отсутствуют также и сцены царской охоты на печатях, хотя часто встречаются на рельефах и изделиях торевтики. На рельефе Шапура I в Бишапуре, изображающем триумф над римскими императорами, Ника заменена фигурой летящего гения с венком в руках — там она помещена перед лицом сидящего на коне царя [11]. Изображения Ники, очевидно, заимствованные с эллинистических прототипов, более характерны для парфянского искусства. Они встречаются на монетах парфянских правителей и на парфянских печатях. Сюжеты нескольких оттисков парфянских печатей из Нисы, датируемые в пределах II—III вв., близки к изображению на оттиске с Гёбеклы. Среди них есть сцены охоты: всадник, по-видимому царь, вооружен-

[5] Там же. Табл. XVIII.

[6] *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 181.

[7] *Он же.* Культура... Рис. 8—10.

[8] Там же. С. 157.

[9] *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909. Табл. XXV, XXVI, XXIX—XXXIII.

[10] *Борисов Л. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1963. № 127—128; *Mordtmann A.* Studien über geschnittene Steine mit Pehlevi Inschriften // ZDMG. 1864. Bd. 18. Taf. III. № 13.

[11] *Луконин.* Искусство... С. 182.

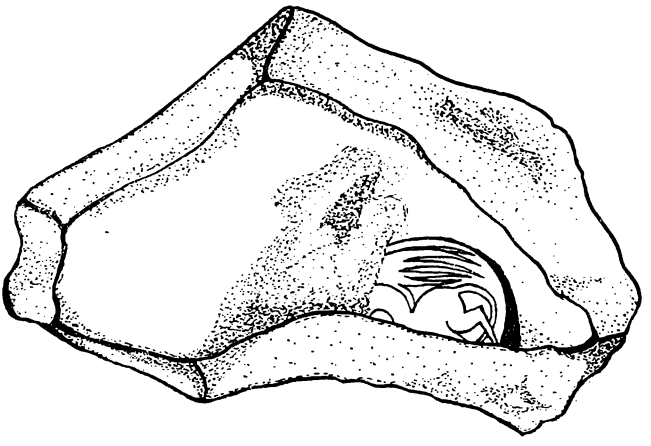

Рис. 1. Оттиск печати на стенке хума с Мунон-депе. Грифон

ный копьем или луком, охотится на оленей, антилоп, львов [12]. Встречаются также изображения Ники, протягивающей венок всаднику [13].

Изображение на оттиске с Гёбеклы как бы совмещает два сюжета — сцену царской охоты и вручение венка Никой. Наличие летящей Ники и ленты диадемы за спиной всадника указывают на то, что изображен царь. В целом всадник напоминает изображение на оборотных сторонах монет, чеканившихся между 40-ми и 60-ми годами III в. царем Мерва Арташиром — последним представителем зависимой от Сасанидов местной династии [14]. Печать, вероятно, следует датировать раннесасанидским временем — в пределах III—IV вв. Она представляет собой как бы переходную стадию от парфянских печатей, известных по оттискам из Нисы, к сасанидским геммам. Сюжет изображения связывает ее с парфянской традицией, а некоторые иконографические детали — с памятниками сасанидского искусства. Размеры оттиска больше, чем размеры оттисков из Нисы (овальные печати, обнаруженные там, от 9 × 6,5 до 14 × 11 мм), и соответствуют размерам сасанидских инталий. Характер отпечатка, вдавленного довольно глубоко, указывает на то, что это не вставленный в перстень резной камень — в противном случае неизбежно отпечатались бы следы оправы, а скорее печать скарабеоидной формы.

Второй оттиск на том же фрагменте (табл. I, *2*) также овальный, 17 × 15 мм, сохранился хуже, часть его обломана. Видна нижняя часть фигуры крылатой Ники с венком в руке, повернутой вправо. Складки одеяния переданы штрихами. Сюжет, столь же необычный для сасанидских резных камней, имеет прямые аналогии среди нисийских оттисков. Изображение Ники с венком, по-видимому, является одним из распространенных сюжетов в парфянской глиптике [15]. Однако на парфянских оттисках Ника всюду обращена лицом вправо. Скорее всего это тоже результат переосмысления парфянских традиций в Маргиане, только что

[12] *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Оттиски парфянских печатей из Нисы // ВДИ. 1954. № 4. С. 162. Рис. 2—8.

[13] Там же. С. 166. Рис. 42—48.

[14] *Логинов С., Никитин А.* Монеты Царя Мерва // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1984. № 1/37. С. 32.

[15] *Массон, Пугаченкова.* Оттиски... С. 165. Рис. 38—41.

включенной в состав сасанидского государства. Судя по характеру оттиска, эта печать могла быть вправленной в перстень.

II. Фрагмент стенки хума с оттиском печати был найден при обследовании Мунон-депе в 1982 г. (рис. 1). Памятник датируется на основании собранного на нем подъемного материала предварительно концом парфянского — сасанидским временем. Он расположен в 35 км к северу от Старого Мерва. Раскопки на Мунон-депе не производились, хотя велись в его округе, на некрополе парфянского времени [16]. Оттиск поврежден, часть изображения не сохранилась. Изображен крылатый грифон влево. Сюжет этот также не типичен для сасанидских гемм, встречается же на печатях ахеменидского времени [17]. Оттиск грифоноподобного существа или дракона был обнаружен в Нисе [18]. Учитывая особую устойчивость местных маргианских традиций, датировать оттиск пока представляется затруднительным.

III. Во внутреннем пространстве крепости Дингли Кишман (или Старый Кишман [19]) в 1985 г. было найдено донце сосуда с оттиском эпиграфической печати (табл. I, *3*). Диаметр донца — 12,5 см. Это типичное донце кувшина V—VI вв. н. э., так называемое «донце на подставной плитке» [20]. Оттиск расположен в нескольких миллиметрах от края. Он имеет подквадратную форму, со стороной 7 мм. Различима двустрочная пехлевийская надпись. Первая строка, состоящая из трех знаков, из которых читаются только второй и третий:]m/t k/d. Вторая строка, из трех или четырех знаков, не читается. Надпись, вероятнее всего, содержала имя владельца печати. На сасанидских печатях надписи чаще всего сопровождают изображения, чисто эпиграфические печати встречаются гораздо реже [21]. Рядом с оттиском на донце сосуда виден отпечаток ногтя владельца печати. (См. вклейку табл I, *1—6* стр. 97)

IV. Обломок венчика хума с двумя эпиграфическими клеймами был найден в 1981 г. на поселении сасанидского времени примерно в 100 м к юго-востоку от крепости Дурнали (табл. I, *4*). Комплекс Дурнали включает в себя крепость позднепарфянского времени (II—III вв. н. э.), расположенное к югу от крепости поселение сасанидского времени, а также кешк и усадьбы мусульманского периода [22]. Толщина венчика — 16,5 см. Судя по кривизне венчика, сосуд был очень большим — более 1 м в диаметре устья. Прямоугольные клейма расположены вертикально, в 4 см от края. Их конфигурация и размеры говорят о том, что это не просто личные печати, инталии, а скорее штампы, специально предназначенные для нанесения клейм на керамические сосуды.

---

[16] *Кошеленко Г. А., Оразов О.* О погребальном культе в Маргиане парфянского времени // ВДИ. 1965. № 4.

[17] *Boardman J.* Greek Gems and Signed Rings. L., 1970. Pl. 957—958; *idem.* Intaglias and Rings. Greek, Etruscan and Eastern from a Private Collection. L., 1975. №. 100.

[18] *Массон, Пугаченкова.* Оттиски... Рис. 25.

[19] *Дурдыев Д.* Городище Старого Кишмана // ТИИАЭ АН ТССР. 1959. Т. V. С. 136 сл.; *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // ТЮТАКЭ. 1966. Т. XIII. С. 86 сл.; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958. С. 54.

[20] *Рутковская Л. М.* Античная керамика древнего Мерва // ТЮТАКЭ. 1962. Т. XI. С. 100.

[21] *Gignoux Ph.* Intailles sassanides de la collection Pirouzan // Monumentum Nyberg. V. III. Téhéran—Liége, 1975. № 1.1—2.2.1.

[22] См. подробнее: *Пугаченкова.* Пути развития... С. 46; *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация // СА. 1963. № 2. С. 43; *Никитин А. Б., Согомонов А. Ю.* Археологические исследования в Мервском оазисе. Рекогносцировочные исследования // МАИКЦА. 1984. Вып. 2. С. 35.

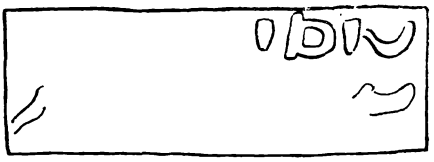

Рис. 2. Прорисовка первого клейма на венчике хума из окрестностей Дурнали

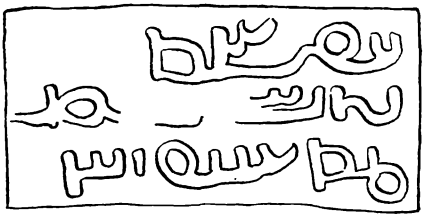

Рис. 3. Прорисовка второго клейма на венчике хума из окрестностей Дурнали

Первое клеймо 35 × 13 мм (табл. I, *5*; рис. 2) имеет надпись в две строки на пехлеви: $_1$ḫwṯw[ḫš] $_2$š[ ]y. Отчетливо читается только начало первой строки, а также первый и последний знаки второй строки, остальная часть надписи, видимо, плохо пропечаталась. Первое слово, очевидно,— ḫwṯwḫš — «мастер, ремесленник». Второе — имя собственное. Имен на Š в иранской ономастике много [23]. Можно предположить, что на клейме стояло имя Šḫpwḫly — Шапур. Наличие клейма мастера на изготовленном им сосуде вполне закономерно, хотя сасанидские эпиграфические штампы, специально предназначенные для клеймения керамики, до сих пор известны не были. Имена ремесленников иногда встречаются на керамике: обычно они процарапывались по сырой глине до обжига. Например, при раскопках раннесасанидского дворцового комплекса в районе Фирузабада был найден сосуд III—IV вв. н. э. с надписью w'tyn klty — «Ваден сделал» [24].

Рядом с первым клеймом расположено второе, также прямоугольное, размерами 36 × 19 мм (табл. I, *6*; рис. 3). По нижнему его краю идет скол венчика. Надпись в три строки на пехлеви: $_1$'pzwt $_2$hw/nb' [ ]t' $_3$mtr'spw'r. Первая строка представляет собой сокращенное написание традиционной иранской формулы GDH 'pzwt' — «фарн приумножен». Это отчасти благопожелание, отчасти магическая формула. В таком варианте она употреблялась в легендах сасанидских драхм VI — первой половины VII в. Обычно она помещалась на лицевой строне монеты за изображением правителя. Формула 'pzwt' позволяет датировать клеймо концом VI—VII в., поскольку на монетах 'pzwt' стали помещать только с начала правления Хосрова II (590—628 гг.), в то время как до этого на монетах и печатях писали 'pzwn' «приумножение» [25]. Вторая плохо сохранившаяся строка может содержать наименование должности — на сасанидских печатях, однако, обозначение должности обычно предшествует имени. Сама должность, по всей вероятности,— hnb'rpt' — «хамбарбед, господин амбаров» [26]. Имя собственное в третьей строке скорее всего следует читать как Михрасвар — mtr — «Митра» + 'spw'r — «всадник». Теофорные имена, содержащие имя бога Митры, были с древнейших времен распространены среди ираноязычных народов [27]. Близкое по начертанию имя встречается в надписи на оттиске печати на одной из саса-

[23] *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 268 f.

[24] *Huff D.* Ausgrabungen auf Qual'a-ye Dukhtar, bei Firuzabad. 1976; *Gignoux Ph.* Inscriptions // ANI. 1978. Bd. XI. S. 145. Taf. 44, *3*; S. 150.

[25] *Göbl R.* Sasanien Numismatics. Braunschweig, 1971. P. 52 f.

[26] *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975. S. 112.

[27] *Justi.* Op. cit. S. 207 f.; *Benveniste E.* Titres et noms propres en Iranien Ancien. P., 1966. P. 88.

нидских булл из коллекции М. Форуги. Р. Фрай читал его как mtrnsp [28]. Можно было бы ожидать, что имя Михрасвар как сложное слово будет писаться без долгого ā — mtrspw'r. Однако в позднесасанидский период было возможно и такое его написание, подобно тому как в манихейских среднеперсидских текстах эпитет 'mhrspnd — «бессмертный» — иногда писался с сохранением долгой гласной 'mhr'spnd [29]. Возможна и другая интерпретация имени: mtr «Митра» + 'sp «конь» + патроним 'n — «сын Михраспа». В этом случае вероятнее, что вторая строка содержит не обозначение должности, а имя собственное этого «сына Михраспа». Однако такое чтение менее вероятно.

Наличие клейм ремесленника-гончара и должностного лица, в ведении которого находились склады и, очень вероятно, контроль над производством тарной керамики, использовавшейся для хранения зерна или другого продукта, на венчике хума логически вполне оправдано. Подобные клейма на тарной керамике сасанидского времени ни в Иране, ни в Средней Азии до сих пор не встречались. Возможно, что клеймение керамики гончарами и контролировавшими производство чиновниками производилось далеко не во всех центрах.

---

[28] *Frye R.* Sassanian Clay Sealings in the Collection of Mohsen Foroughi // Archeologia Iranica. Leiden, 1970. P. 123.

[29] *MacKenzie D. N.* A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971. P. 7.

EMPREINTES DE SCEAUX ET TIMBRES SUR CERAMIQUE DE L'EPOQUE SASSANIDE TROUVES DANS L'OASIS DE MERV

A. B. Nikitin, A. Ju. Sogomonov

Suite à des fouilles (Göbekli'—depe) et à des reconnaissances archéologiques effectuées par l'Equipe de Merv de l'Institut d'archéologie de l'URSS sur le territoire de l'antique Margiane en 1980—1985, trois empreintes de sceaux et trois timbres épigraphiques ont été découverts. Les empreintes de sceaux (chasse royale, Nikè ailée avec couronne, griphon) combinent des traditions parthes et des détails de l'iconographie sassanide précoce et doivent apparemment être datées des IIIe—IVe ss. de n. è. Un des timbres épigraphiques, imprimé sous le fond d'une jarre, contient un nom propre. Les deux autres timbres épigraphiques, de forme rectangulaire, figurent sur la bordure d'un *khoum*. Le premier timbre, celui du potier, se compose, dans la première ligne, du mot «artisan» (*ẖwṯwhš*), dans la seconde, d'un nom propre. Le deuxième timbre, celui d'un fonctionnaire, contient le mot de *Hambārbed*, «maître des granges» (*hnb'rpt'*), et le nom de *Mihrāswār* (*mtr'spw'r*). Des parallèles numismatiques (la formule '*pzwt*') permettent de dater le second timbre de la fin du VIe ou du VIIe s. de n.è. L'usage consistant à doter les récipients de timbres du potier et du fonctionnaire chargé de contrôler la production n'avait pas jusqu'ici été attesté pour l'Iran et l'Asie centrale de l'époque sassanide.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

МОНЕТЫ-СТРЕЛКИ В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

Выпуск и обращение своеобразных бронзовых монетных знаков в форме двулопастных стрел архаического типа (монет-стрелок) были чрезвычайно интересной особенностью монетного дела античного Северо-Западного Причерноморья. Осмысление этих литых поделок как средства денежного обращения произошло сравнительно недавно. Хотя сами бронзовые стрелковидные слиточки из Ольвии и Березани были известны уже в начале нашего века [1], они не выделялись среди обычных бронзовых наконечников стрел и считались либо производственным браком, либо боевыми стрелами, обработка которых не была завершена [2]. Характерно, что эти монетные слитки даже не упомянуты в общем очерке монетного дела Ольвии, содержащемся в книге А. Н. Зографа «Античные монеты» [3]. Между тем еще в 1926 г. румынский исследователь Г. Севериану определил монетный характер подобных литых «стрелок», найденных в Нижнем Подунавье [4]. Его поддержал болгарский нумизмат Т. Герасимов, изучавший такие же «стрелки» из окрестностей Бургаса [5]. В применении к ольвийским находкам осторожное предположение об их монетном характере впервые было высказано Т. В. Блаватской, опиравшейся на исследование Т. Герасимова [6]. После публикации ольвийских монет-стрелок В. М. Скудновой [7] и их специального изучения Б. Н. Граковым [8] принадлежность этих находок денежному обращению стала ясна всем и в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений. Хотя монетам-стрелкам посвящено уже несколько специальных работ и отдельных разделов в более общих трудах [9], многое в их выпуске и обращении остается еще неясным.

---

[1] *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902—1903 годах // ИАК. 1906. Вып. 13. С. 183. Рис. 135; *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929. Taf. XIII, *I*, *K*; *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951. С. 60. Табл. XXI, *1*, *3*.

[2] *Rau.* Op. cit. S. 24 f.; *Граков Б. Н.* Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 39.

[3] *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.

[4] *Severianu G.* Sur les monnaies primitives des Scythes (lingots monnaies en form de pointes de flèche) // BSNR. 1926. № 57—58. P. 1—6.

[5] *Герасимов Т.* Съкровище от бронзови стрели-монети // ИБАИ. 1938. XII. С. 424 сл. Обр. 210, 211; *он же.* Колективни находки на монети през последните години // ИБАИ. 1946. XV. С. 240.

[6] *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э. М., 1952. С. 41. Прим. 1.

[7] *Скуднова В. М.* Монеты-стрелки из Ольвии // СГЭ. 1956. X. С. 38 сл.

[8] *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арианте (Геродот, кн. IV, гл. 81) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 104—108.

[9] *Лапин В. В.* Экономическая характеристика Березанского поселения // Античный город. М., 1963. С. 38 сл.; *он же.* Греческая колонизация Северного Причерно-

В последнее время по-новому решаются многие вопросы становления Ольвийского полиса и развития его округи. Это заставило исследователей вновь обратиться к таким своеобразным памятникам, как монеты-стрелки, и попытаться найти им место в развитии денежных отношений полиса. Нас здесь будут интересовать только монеты-стрелки, имевшие хождение в Нижнем Побужье. Аналогичные памятники, найденные в Нижнем Подунавье и на побережье Бургасского залива, мы рассматривать не будем. Но следует заметить, что все они чрезвычайно близки друг другу и условия их выпуска были, видимо, одинаковы во всех трех районах.

Прежде всего встает вопрос о времени выпуска и обращения монет-стрелок. Взгляды исследователей в этом вопросе эволюционировали в сторону все большего удревнения их. От первоначальной, безусловно ошибочной датировки болгарских находок, данной в 1939 г. Т. Герасимовым,— IV—III вв. до н. э.[10], пришлось вскоре отказаться. Сам Т. Герасимов позднее относил выпуск монет-стрелок к VI в. до н. э.[11] Ольвийские монеты-стрелки датировались Т. В. Блаватской, В. М. Скудновой и Б. Н. Граковым концом VI—V в. до н. э.[12], В. А. Анохиным — второй половиной VI и V в.[13], В. В. Лапиным — второй половиной VI в.[14], П. О. Карышковским, Т. Д. Златковской, А. Г. Загинайло — всем VI в. до н. э.[15] (может быть, даже концом VII в. до н. э.), В. В. Рубаном — только первой половиной VI в. до н. э.[16]

Сторонники ранней даты введения в обращение монет-стрелок приводят весьма убедительные соображения, касающиеся, с одной строны, их формы, соответствующей форме боевых скифских архаических стрел VII—VI вв. до н. э., а с другой — находок монет-стрелок в ранних археологических комплексах. Видимо, выпуск монет-стрелок был начат еще около рубежа VII—VI вв. и продолжался по крайней мере всю первую половину VI в., а может быть, и позднее. Сравнительная продолжительность выпуска этих денежных знаков засвидетельствована также наличием нескольких типов этих монет, выделенных П. О. Карышковским и А. Г. Загинайло [17].

Обычно монеты-стрелки сопоставлялись с ольвийскими монетами-дельфинчиками (или «рыбками»), причем считалось, что денежные знаки этих двух видов выпускались и циркулировали одновременно. Но П. О. Карышковский уже давно указывал на то, что «обращение монет-

---

морья. Киев, 1966. С. 142—146; *Карышковский П. О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.— IV в. н. э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Л., 1969. С. 20; *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971. С. 64—68; *Граков Б. Н.* Еще раз о монетах-стрелках // ВДИ. 1971. № 3. С. 125 сл; *Рубан В. В.* О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 15—20; *Загинайло А. Г.* Каменский клад стреловидных литых монет // Там же. С. 20—28; *Анохин В. А.* Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 68—89.

[10] *Герасимов.* Съкровище... С. 425.

[11] *Герасимов Т.* Домонетни форми на пари у тракийското племе асти // Археология. 1959. 1—2. С. 86.

[12] *Блаватская.* Ук. соч. С. 40; *Скуднова.* Ук. соч. С. 39; *Граков.* Легенда о скифском царе... С. 108, 111, 113.

[13] *Анохин.* Ук. соч. С. 78.

[14] *Лапин.* Греческая колонизация... С. 145 сл.

[15] *Карышковский.* Ук. соч. С. 20; *Златковская.* Ук. соч. С. 65; *Загинайло.* Ук. соч. С. 25.

[16] *Рубан.* Ук. соч. С. 17.

[17] *Загинайло.* Ук. соч. С. 23.

дельфинчиков и монет-стрелок представляет собою не единый процесс, а два разнородных явления», происходивших в разное время [18]. Частичное хронологическое несовпадение обращения двух видов монет отмечал и В. В. Лапин [19]. Это положение развил В. В. Рубан, убедительно показавший, что выпуск монет-стрелок был начат по меньшей мере на полстолетия раньше, чем эмиссия дельфинчиков, и закончился в основном до введения дельфинчиков в денежное обращение [20].

Вряд ли, однако, можно согласиться с утверждением В. В. Рубана о полном исчезновении монет-стрелок из обращения уже в середине VI в. до н. э. Надо полагать, что какое-то количество их удерживалось на денежном рынке и позднее, вплоть до начала, а может быть, и до середины V в. до н. э. Об этом свидетельствуют как отдельные (хотя и нечастые) находки монет-стрелок вместе с более поздними материалами, в том числе и с дельфинчиками [21], так и наличие прямого упоминания стрелок в качестве платежного средства в граффито на чернолаковом скифосе V в. из Ольвии [22]. В. В. Рубан предполагает, что ольвиополиты могли называть стрелками какие-то другие, более поздние деньги [23], но это предположение слишком искусственно и произвольно.

Зато весьма плодотворны наблюдения В. В. Рубана, касающиеся распространения монет-стрелок на территории Нижнего Побужья. Это прежде всего Березань, где они найдены в очень большом количестве [24], и поселения по берегам Березанского лимана: Викторовка I, Бейкуш, Большая Черноморка II, Каборга I [25]. Небольшой клад монет-стрелок найден в том же районе у с. Каменка, единичная находка сделана у с. Куцуруб [26]. Самыми восточными находками в этом районе являются стрелки из Ольвии и Закисовой Балки [27]. На восточном берегу Бугского лимана монеты-стрелки встречены не были [28]. Несколько монет-стрелок было найдено сравнительно далеко на западе — в Никонии (Роксоланское городище) и на поселении Надлиманское III [29], однако очень тесные связи Никония

---

[18] *Карышковский П. О.* О надписях на ранних монетах Ольвии // МАСП. 1962. 4. С. 221.

[19] *Лапин.* Греческая колонизация... С. 145 сл.

[20] *Рубан.* Ук. соч. С. 16 сл.

[21] *Загинайло.* Ук. соч. С. 25. Прим. 27; *Русяева А. С.* Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 56. Прим. 138.

[22] *Граков.* Легенда о скифском царе... С. 115; *он же.* Еще раз о монетах-стрелках... С. 126 сл.

[23] *Рубан.* Ук. соч. С. 18.

[24] *Лапин.* Экономическая характеристика... С. 39; *он же.* Греческая колонизация... С. 144 сл.; *Граков.* Легенда о скифском царе... С. 106. Рис. 3.

[25] *Рудык Ф.* Древнее поселение Викторовка I // МАСП. 1957. 1. С. 65; *Русяева А. С.* Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии // АИУ в 1967 г. Киев, 1968. С. 148 сл. Рис. 3, 4; *Ганджа А. И., Мошкова Л. В., Отрешко В. М.* Раскопки архаического поселения на Березанском лимане // АО 1977 г. М., 1978. С. 310; *Отрешко В. М.* Позднеархаические поселения Березанского лимана // Открытия молодых археологов Украины. Ч. 1. Киев, 1976. С. 33.

[26] *Загинайло.* Ук. соч. С. 21 сл.; *Рубан.* Ук. соч. С. 16.

[27] *Скуднова.* Ук. соч. С. 38 сл.; *Лапин.* Греческая колонизация... С. 143; *Рубан.* Ук. соч. С. 16.

[28] В. А. Анохин упоминает о находке трех монет-стрелок в Керкинитиде (Ук. соч. С. 80, прим.). Но это сообщение не очень надежно, не имеются ли тут в виду монетные знаки в виде рыбок, опубликованные недавно А. М. Золотаревым (Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI—V вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 2. С. 89—92).

[29] *Загинайло А. Г.* Монетные находки на Роксоланском городище (1957—1963 гг.) // МАСП. 1966. 5. С. 111 сл.; *он же.* К вопросу об экономических связях

с Истрией делают весьма вероятным попадание этих стрелок в Поднестровье не из Нижнего Побужья, а из второго района обращения этого сорта денег, из Нижнего Подунавья.

Определение границ района распространения монет-стрелок, эпицентром которого является Березань, заставило В. В. Рубана присоединиться к высказанному еще В. В. Лапиным [30] предположению об изготовлении этих денег в греческом поселении на о-ве Березань. Гипотеза В. В. Лапина в свое время встретила возражения [31], но новые материалы позволяют вновь вернуться к ней и признать ее достаточно основательной. Помимо уже упомянутого ареала распространения монет к ним относятся находки на Березани предметов, связанных с обращением стрелок. Мы имеем в виду известные уже В. В. Лапину свинцовую монету-стрелку и бронзовую гирьку с рельефным изображением монеты-стрелки [32], а также найденную позднее другую гирьку с изображением боевой трехгранной стрелы [33]. Все эти материалы, а также хронологические соображения — в первой половине VI в. до н. э. в Нижнем Побужье просто не было другого населенного пункта, где могла бы быть организована отливка монет-стрелок,— заставляют признать наиболее вероятным их березанское происхождение.

Выпуск монет-дельфинчиков, начатый во второй половине VI в. до н. э. [34] и продолжавшийся позднее, осуществлялся, видимо, в Ольвии. Об этом говорит, в частности, ареал находок дельфинчиков, значительно более широкий, чем область распространения монет-стрелок, и охватывающий и восточное побережье Бугского лимана [35].

Со времени обнаружения монет-стрелок и осознания их как средств денежного обращения в научной литературе ведутся споры о том, кем и для кого выпускались эти денежные знаки. Необычная для греческого монетного дела форма монет заставила сначала большинство исследователей видеть в них товаро-деньги, выпускавшиеся варварскими народностями Западного и Северо-Западного Причерноморья или по крайней мере для этих народностей. Характерно в этом отношении замечание П. О. Карышковского: «Обращение монет-стрелок зародилось, насколько можно судить, у фракийских племен еще до основания на Западном берегу Черного моря греческих городов, и эти монеты обращались в дальнейшем преимущественно среди местных племен...» [36].

Первооткрыватель монет-стрелок из Подунавья Г. Севериану считал эти монеты скифскими, основываясь на их форме, подражающей форме архаических боевых скифских стрел [37]. Так же определял их и Д. Берчу [38]. Фл. Преда, связывая распространение монет-стрелок со скифами,

---

Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. по нумизматическим данным // МАСП. 1976. 8. С. 71; *Мелюкова А. И.* Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана // Исследования по античной археологии юго-запада УССР. Киев, 1980. С. 19. Рис. 8, 12.

[30] *Лапин.* Греческая колонизация... С. 145.

[31] *Граков.* Еще раз о монетах-стрелках... С. 126.

[32] Там же. С. 125 сл. Рис. 1.

[33] *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 386; ср. *Анохин.* Ук. соч. С. 77.

[34] *Карышковский.* Монетное дело... С. 20.

[35] *Загинайло.* К вопросу об экономических связях... С. 70 сл.; *Рубан.* Ук. соч. С. 16.

[36] *Карышковский.* О надписях на ранних монетах... С. 221; ср. *он же.* Монетное дело... С. 26.

[37] *Severianu.* Op. cit. P. 6.

[38] *Pippidi D. M., Berciu D.* Din historia Dobrogei. V. 1. Bucureşti, 1965. P. 109.

полагала, что первоначально монеты выпускались греческими центрами Причерноморья для торговли с варварскими племенами, а позднее их стали отливать и сами варвары [39]. Т. Герасимов не сомневался в том, что все стреловидные монеты были выпущены в одном месте, на полуострове Атия, одним фракийским племенем астов, а находки их в более северных районах Западного и Северо-Западного Причерноморья объяснял торговыми связями [40]. Фракийскими, завезенными в район Нижнего Побужья с юга, считали эти монетки и советские исследователи — Т. В. Блаватская, В. М. Скуднова, А. Г. Загинайло, К. К. Марченко [41]. Б. Н. Граков также видел в монетах-стрелках Березани и Ольвии привозные монеты, хотя и допускал, что на Березани могли производиться «местные подражания» им [42]. Т. Д. Златковская указывала на бесспорное существование двух, а может быть, и трех центров производства монет-стрелок (Нижнее Побужье, полуостров Атия и, может быть, низовья Дуная), но и она безоговорочно связывала монеты-стрелки с возникновением денежных отношений у фракийцев и скифов и отвергала возможность их выпуска для обращения на внутренних рынках греческих городов [43].

Только В. В. Лапин последовательно отстаивал тезис о принадлежности монет-стрелок района Нижнего Побужья, как и монет-дельфинчиков, денежному обращению греческих поселений Березани и Ольвии, никак не связывая эти денежные знаки с варварской средой. Находки монет-стрелок в Нижнем Подунавье (о Южной Фракии он почему-то не упоминал) он объяснял либо экономическими и культурными связями греческих полисов Северо-Западного Причерноморья, либо даже существованием «первоначальной экономической и территориальной общности населения полисов Придунавья и Побужья с последующим территориальным разрывом (расселением)» [44]. В настоящее время представление о монетах-стрелках как о монетах, обращавшихся не столько среди варварских племен, сколько на рынках греческих городов, и даже как о деньгах, специально предназначенных для обращения на местном городском рынке, решительно отвергавшееся раньше, постепенно получило распространение среди советских исследователей [45]. Независимо от них к таким же выводам пришли и некоторые румынские и болгарские нумизматы относительно монет-стрелок, выпускавшихся и обращавшихся в Западном Причерноморье [46].

---

[39] *Preda Fl.* Vîrfuri de săgeti cu valoare monecară descoperite pe litoralul de nord-vest al Marii Negre // Analele Universităţi C. I. Parhon. Seria ştiinţe sociale. 1961. № 16. P. 14—16.

[40] *Герасимов.* Домонетни форми на пари... С. 85—87.

[41] *Блаватская.* Ук. соч. С. 40; *Скуднова.* Ук. соч. С. 39; *Загинайло.* Монетные находки... С. 111 сл.; *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э. // ВДИ. 1974. № 2. С. 155 сл.

[42] *Граков.* Легенда о скифском царе... С. 108, 112 сл.

[43] *Златковская.* Ук. соч. С. 66 сл.

[44] *Лапин.* Экономическая характеристика... С. 39; *он же.* Греческая колонизация... С. 145 сл.

[45] *Загинайло.* К вопросу об экономических связях... С. 77; *он же.* Предпосылки возникновения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев, Одесса, 1976. С. 171; *Анохин.* Ук. соч. С. 81. сл.

[46] *Preda C., Nubar H.* Descoperirile monetare 1914—1970 // Histria. III. Bucureşti, 1973. P. 17—19; *Aricescu A.* Tezaurul de semne de schimb premometare de la Enisala // SCN. 1975. VI. P. 22; *Димитров Б.* За стрелите-пари от Западното и Северното Черноморско крайбрежие // Археология. 1975. № 2. С. 46; *Poenaru-Bordea G., Oberländer-Târnoveanu E.* Contribution à l'étude de monnaies — points de flèche à lumière

Выпуск ионийскими греками, основавшими свои поселения в Западном и Северо-Западном Причерноморье, денежных знаков столь неожиданной для греческого монетного дела формы и из необычного для архаического времени металла — бронзы было явлением исключительным и беспрецедентным. Сама исключительность этого факта направила первоначально мысль исследователей по ложному пути, заставив их приписывать эту эмиссию варварским народам Причерноморья. Уверенно ответить на вопрос о причинах этого странного феномена мы пока еще не можем, но все же некоторые соображения могут быть высказаны.

В научной литературе обращалось внимание на то, что медь была единственным из монетных металлов, наличествующим в районах выпуска и обращения бронзовых монет-стрелок [47], а также на то обстоятельство, что медные изделия различных форм стали сравнительно рано приобретать значение всеобщего эквивалента у населения этих областей [48] (правда, последнее положение еще нуждается в дальнейшем подтверждении новыми фактами). Нельзя также сбрасывать со счетов и очень интересную гипотезу Б. Н. Гракова о денежных функциях, присущих боевым наконечникам стрел в архаической Скифии [49]. Весьма веским аргументом в пользу догадки Б. Н. Гракова является наличие в кладах из Журиловки и Енисалы в Нижнем Подунавье наряду с монетами-стрелками, предназначенными для денежного обращения, и боевых наконечников стрел. Большинство из стрел негодны для боевого употребления (у них залиты свинцом втулки или обломаны острия), но среди них есть и наконечники, сохраняющие все свои боевые свойства [50]. Преднамеренная «монетизация» боевых наконечников стрел отмечалась и для находок из Истрии и Томи [51]. Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что подлинные наконечники стрел рассматривались лицами, зарывшими нижнедунайские клады, как знаки ценности [52].

Если гипотеза Б. Н. Гракова верна и боевые скифские стрелы действительно помимо своих основных функций служили еще и средством обмена или накопления, это могло облегчить грекам Березани выпуск монет стреловидной формы. Во всяком случае греки, начавшие эмиссию денежных знаков в виде бронзовых стрелок, могли ориентироваться на какие-то представления о ценностном значении бронзовых поделок, существовавшие в этом районе ранее. Вряд ли, однако, из этого можно делать вывод о том, что сами монеты-стрелки, выпускавшиеся греками на Березани, предназначались преимущественно для торговли с окружающими варварами. Против этого говорит ряд фактов. Во-первых, монеты-стрелки совсем не встречаются на «туземных» территориях, их находят, как мы видели, только на Березани, в Ольвии или в ранних греческих поселениях, принадлежавших хоре этих центров. Во-вторых, очень мало

---

des Trésors de Jourilovca, dép. de Tulcea // Actes du II-e Congrès international de Thracologie. V. II. Bucureşti, 1980. P. 147. suiv.; *Scorpan C.* Vîrfuri de săgeti-semne premonetare si monede histriene cu «roata» descoperite la Tomis // SCN. 1980. VII. P. 33; *Oberländer-Târnoveanu E.* Aspecte ale circulatiei monedei greceşti in Dobrogea de Nord (Sec. VI.î.e.n.—I e.n.) // Pontice. 1978. XI. P. 62 suiv.; ср. *Wells H. B.* The arrow-money of Thrace and Southein Russia // SCN. 1978. IX. № 1. P. 6—9; № 2. P. 24—26.

[47] *Анохин.* Ук. соч. С. 81.

[48] *Загинайло.* Предпосылки возникновения денежного обращения... С. 165 сл.

[49] *Граков.* Легенда о скифском царе... С. 111 сл.

[50] *Preda.* Op. cit. P. 9. Fig. 2-b; *Aricescu.* Op. cit. P. 19. Pl. 1—10; *Poenaru-Bordea, Oberländer-Târnoveanu.* Op. cit. P. 143.

[51] *Preda, Nubar.* Op. cit. P. 18; *Scorpan.* Op. cit. P. 26.

[52] *Poenaru-Bordea, Oberländer-Târnoveanu.* Op. cit. P. 143.

вероятно, чтобы греки Березани начали выпускать монету для обслуживания товарообмена с соседними племенами раньше, чем для обращения на внутреннем рынке. В-третьих, использование монет-стрелок греками Березани и Ольвии засвидетельствовано находками этих монет в могилах в положении «обола Харона» [53] и упомянутым уже граффито на ольвийском чернолаковом скифосе. В-четвертых, сравнительно небольшая реальная стоимость монет-стрелок позволяет видеть в них скорее разменную мелкую монету, предназначенную для внутреннего городского рынка, чем платежное средство для закупок каких-то товаров извне, хотя бы и у соседних варварских племен. В-пятых, достаточно убедительной аналогией могут быть выпуск и использование в Ольвии литых монет-дельфинчиков, принадлежность которых ольвийской денежной системе ни у кого не вызывает сомнений.

Все приведенные соображения заставляют признать монеты-стрелки, найденные на территории Нижнего Побужья, необычной по форме городской монетой, выпущенной на Березани греческими поселенцами для обслуживания нужд местного рынка самого поселения и ближайшей сельскохозяйственной округи.

Что касается своеобразной формы, которую придали своей монете березанские греки, то представляется чрезвычайно заманчивой гипотеза о связи ее с культом Аполлона-Врача, предложенная А. С. Русяевой и В. А. Анохиным [54]. Действительно, если монеты-дельфинчики могли иметь семантическую связь с почитанием Аполлона-Дельфиния [55], логично искать подобную семантику и для монет-стрелок, А. С. Русяева детально и очень убедительно исследовала культ Аполлона-Врача — главный полисный культ в понтийских апойкиях Западного и Северо-Западного Причерноморья [56]. Представление об этом боге как о покровителе только что организованных полисов включало в себя и признание его функций как бога-стрелка, так что изображение стрелы могло прочно входить в культовую символику. Эта гипотеза, с одной стороны, хорошо объясняет возможность выпуска стреловидных монет в разных центрах Западного Причерноморья, где культ Аполлона-Врача был господствующим, а с другой — позволяет понять смену монет-стрелок монетами-дельфинчиками в Нижнем Побужье, связанную со сменой главного культа в этом районе — с переходом к преимущественному почитанию Аполлона-Дельфиния [57].

Согласно наиболее распространенным в настоящее время представлениям о взаимоотношениях Березанского поселения и Ольвии, наиболее четко выраженным в работах Ю. Г. Виноградова [58], оба эти центра принадлежали одному политическому организму, Ольвийскому полису. При этом Березанское поселение, возникшее раньше Ольвийского, первоначально играло роль основного центра, являвшегося зародышем будущего

---

[53] *Лапин.* Греческая колонизация... С. 144.

[54] *Русяева.* Ук. соч. С. 49; *Анохин.* Ук. соч. С. 83 сл.

[55] *Голубцов В. В.* Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. // ИАК. 1914. 51. С. 75 сл.; *Анохин.* Ук. соч. С. 83.

[56] *Русяева.* Ук. соч. С. 38—47.

[57] *Там же.* С. 47—49, 53—56.

[58] *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 80—82; *Vinogradov J.* Olbia // Xenia I. Konstanz, 1981. S. 18; *Виноградов.* Полис... С. 386—390; ср. *Копейкина Л. В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. 1979. С. 111.

полиса [59]. К середине VI в. до н. э. эта роль переходит к Ольвии, а Березанское поселение остается составной частью Ольвийского полиса, выполняя в основном функции эмпория. С этой реконструкцией ранней истории Ольвии хорошо согласуются известные нам нумизматические факты. Выпуск первой городской монеты в виде стрелок в первой половине VI в. до н. э. был осуществлен на Березани, в тогдашнем центре зарождавшегося полиса. Если согласиться с указанной концепцией о роли Березанского поселения в становлении Ольвийского полиса, то монеты-стрелки следует считать первыми ольвийскими деньгами. Существует и другая точка зрения, согласно которой Березанское поселение с самого начала было самостоятельным полисом, а Ольвийский полис возник позднее, независимо от Березани [60]. Во второй половине VI в. Ольвия стала главенствующим центром в Нижнем Побужье, и последующие эмиссии монет-дельфинчиков и литых круглых монет производились уже в Ольвии. Интересно отметить, что аналогичное явление наблюдается, видимо, и в другом центре выпуска и обращения монет-стрелок — в западнопонтийской Аполлонии. Там монеты-стрелки производились в древнем поселении (Антия?) на полуострове Атия, которое вошло затем в состав аполлонийского полиса [61]. Более поздняя чеканка аполлонийской монеты по общегреческому образцу производилась уже на монетном дворе самой Аполлонии. Таким образом, и здесь монеты-стрелки могут рассматриваться как древнейшая категория аполлонийской полисной монеты.

Д. Б. Шелов

---

[59] О Березанском поселении как о зародыше Ольвийского полиса писал уже В. В. Лапин (Греческая колонизация... С. 146).

[60] *Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 9—11.

[61] *Димитров.* Ук. соч. С. 45 сл.

LES MONNAIES-FLÉCHETTES DE LA RÉGION DU BAS-BOUG

D. B. Selov

L'émission de monnaies ayant la forme de fléchettes de bronze est un phénomène très intéressant et peu commun dans l'histoire du monnayage et de la circulation monétaire de la Région pontique pendant l'Antiquité. Les monnaies-fléchettes étaient frappées dans plusieurs cités de la Région pontique de l'Ouest et du Nord-Ouest, notamment sur le Bas-Boug. On peut affirmer aujourd'hui avec certitude qu'elles furent émises par les habitants grecs de l'île de Berezan' dans la première moitié du VIe s. av. n. è. Les fléchettes furent la première monnaie de la *polis* d'Olbia en voie de constitution, elles desservaient les besoins de la population grecque de Berezan', d'Olbia et des *poleis* voisines. Les émissions de monnaies en forme de flèches dans d'autres parties de la Région pontique, dans les zones des villes grecques d'Apollonie et d'Istria, devaient remplir des fonctions identiques.

ПИСЬМО ИЗ СЕЛЕВКИДСКОГО УРУКА

(К вопросу о «смерти» аккадского языка)

Среди клинописных текстов эллинистического времени, найденных при раскопках урукского святилища Бит-Реш, есть уникальный документ — частное письмо (BgM. Beih. 2.113). Это пока единственное известное нам письмо из селевкидского Урука, так как подобного рода тексты, сотнями насчитывающиеся для предыдущих периодов истории Вавилонии, почти совершенно иссякают в эпоху Селевкидов. Нижняя часть реверса таблички и концы некоторых строк повреждены, и это вместе с нестандартностью документа, упоминающего к тому же о неизвестных нам событиях, затрудняет его чтение, однако мы попытаемся дать здесь транслитерацию и перевод этого письма [1].

$_{1}$IM ^{md}DIŠ-⌜TIN-su⌝-[E]a-na ^{md}DIŠ-EN-šú-nu
$_{2}$u ^{m}NÍG.SUM.MU-^{d}DIŠ EN.MEŠ-ú-a
$_{3}$^{d}DIŠ u An-tum SILIM u TIN šá EN.MEŠ-ú-a
$_{4}$a-na u_4-mu sa-a-tú liq-bu-ú
$_{5}$EN U_4 15 KAM šá ITI-i a-ga-a
$_{6}$$DU_6$ a-ni šu-lum ^{kuš}ši-pir-re-e-tú
$_{7}$šá ŠEŠ-já AŠ ITI DU_6 ul-te-bil-lak
$_{8}$AŠ ŠU^{II} šá ^{m}EN-TIN-su ^{lú}E^{ki}-ú
$_{9}$ḫa-tan šá ^{m}Sal-la-a šá ul-tu
$_{10}$^{uru}kap-ri Su-qa-a-a ù
$_{11}$ul taš-ṭur-am [mi?]-in
$_{12}$ki-i tu-qí (?) bil (?)-[...]
$_{13}$u ki-i ja-a-nu[...]
$_{14}$^{uru}kap-ri Su-qa-a[...]
$_{15}$mé-du-ú li-tur-ak(?) a[...]
$_{16}$^{m}Ḫi-ru-tu-ú-su A šá ^{m}Zu[ʾi-lu-su][2]
$_{17}$na-za-qát AŠ nik-kas lìb-bi KI-šú [ēpuš?]
$_{18}$tat-tur-ú-ru 2 ITI.MEŠ a-ga-a
$_{19}$ra-ʾi-bi-i at-tu-šú-nu
$_{20}$iq-ti-ri-bu-ni a-na muḫ-ḫi-⌜in⌝-ni
$_{21}$u ni-it-tal-lak-ku-ni ta-mar-šu
$_{22}$u i-qab-bu-ú ma-a a-na $UNUG^{ki}$
$_{23}$ni-bak-šú at-tu-nu en-na a-ga-a
$_{24}$qí-ri-ba-a a-na muḫ-ḫi AD-šú
$_{25}$šá a-ni-ni a-su-us-su ni-⌜ip⌝-pu-uš
$_{26}$ki-i pa-ni-[šu?] šak-nu aš-ma (?) [...]

От последних двух строк письма сохранилось лишь несколько знаков.

«Письмо Ану-балассу-икби к Ану-бел-шуну и Нидинту-Ану, господам моим. Пусть Ану и Анту изрекут моим господам на вечные времена здоровье и жизнь.$_{5}$ До пятнадцатого дня этого месяца *ташриту* привет (и) послания брата моего в месяце *ташриту* я ведь послал тебе через Белубаллиссу, вавилонянина, зятя Цаллайи из $_{10}$деревни Сукайя, а ты не написал мне, чего ты ожидаешь (?) ... если нет ... . Деревня Сукайя... $_{15}$Пусть придет известие тебе (?) ... Хирутусу, сын Зоила, жаловался по

[1] Автор благодарит И. М. Дьяконова и Н. О. Чехович, предложивших прочтение ряда слов в публикуемом тексте.

[2] Имя восстановлено на основании текста BgM. Beih. 2. 114:4.

поводу расчета за землю (?) его. Он сердит на меня из-за доходов за эти два месяца.$_{20}$ Он приходил ко мне, и мы все время ходим друг к другу. Ты увидишь его, (ведь?) они говорят: в Урук мы его пошлем. Вы теперь идите к отцу его, $_{25}$которого мы будем лечить. Если он намерен (?) ...».

Судя по месту находки письма, оно могло относиться к архиву жреца kalû («певца») из святилища Бит-Реш Ану-бел-шуну, сына Нидинту-Ану, из рода Син-леке-уннинни. Нидинту-Ану, упомянутый в письме, по всей видимости,— сын Ану-бел-шуну [3]. Оба персонажа жили в конце III — начале II в. до н. э., к этому же времени, следовательно, относится и публикуемый документ. Ану-бел-шуну упомянут в качестве владельца таблички с текстом строительного ритуала для жрецов kalû (BgM. Beih.2. 12 : rev.5; 200 г. до н. э.), он же встречается в родословной своего внука Ану-балассу-икби, сына Нидинту-Ану (BgM. Beih.2. 6 : 43; 172 г. до н. э.).

В письме из Урука фигурирует некий персонаж с греческим именем Ḫi-ru-ṭu-(ú)-su, сын Zu-ʾi-lu-su (Зоила), который упоминается и в небольшом фрагменте другой таблички из Бит-Реша (BgM. Beih.2.114). Возможно, эти два документа как-то связаны между собой. Упоминание о Ḫirutūsu, который, вероятно, жил или временно находился в деревне Сукайя, заставляет нас по-новому взглянуть на положение греков в эллинистической Вавилонии и их взаимоотношения с местным населением. Большинство греков в селевкидское и раннепарфянское время жило в полисах с привычными им социально-политическими и культурными устоями, но некоторые из завоевателей осели в местных городах, таких, как Урук или Ларса, приобретали дома по соседству с местными жителями, участвовали в их деловой жизни и заключали браки с ними [4]. Однако, как видно из письма Ану-балассу-икби, отдельные смелые представители греческого племени пошли, вероятно, еще дальше, поселившись в сельской местности и активно взаимодействуя с коренным населением страны. В письме есть еще одна интересная деталь: намек на существование связей между различными городами эллинистической Вавилонии, не часто ощущаемых на основании других документов этого периода. Вавилонянин Бел-убаллис-су был родственником по браку человека из деревни Сукайя, и с ним же брат Ану-балассу-икби отправил послание в Урук.

Письмо из селевкидского Урука заставляет усомниться в справедливости распространенных представлений о том, что аккадский язык задолго до установления господства Селевкидов превратился в язык науки, культа и права, в разговорной же практике жителей Вавилонии был полностью вытеснен арамейским. Аккадский язык, действительно, еще с конца VIII в. до н. э. начал сдавать свои позиции арамейскому, который в эпоху эллинизма служил в качестве разговорного языка для основной массы населения Ассирии и Вавилонии [5] в отличие от официально-делового греческого. Однако широкое распространение арамейского языка не является еще бесспорным доказательством нежизнеспособности вытесненного им аккадского. Население Вавилонии в эллинистический период было неоднородным в этническом отношении, там находились греческие

---

[3] Сведениями об адресатах письма автор обязан Н. О. Чехович.

[4] О греках в эллинистической Вавилонии см.: *Саркисян Г. Х.* Греческая ономастика в Уруке и проблема Graeco-Babyloniaca // Древний Восток. 1976. 2. С. 181—217; *Дандамаева М. М.* Греки в эллинистической Вавилонии (По данным просопографии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 155—175.

[5] *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 314, 354.

полисы [6], вавилонские храмовые общины (из которых нам, по сути дела, известны лишь Урук и Вавилон) и, по-видимому, иудейские города [7]. Остальное население этого региона, судя по документам и надписям из Дура-Эвропос, Хатры и некоторых других городов, было арамейским (или арамеизированным), говорило на арамейском языке и носило по большей части арамейские имена. Арамеизация Вавилонии зашла достаточно далеко уже в конце VII в. до н. э.[8], а в ахеменидское и селевкидское время ассирийцы и вавилоняне постепенно сливались с арамейским населением страны [9]. Однако, если греки, жившие в полисах и окруженные чуждым им в этническом, культурном и языковом отношениях населением, на протяжении более чем четырех веков говорили на греческом языке, сохранив его почти таким же, каким был он в конце IV в. до н. э.[10], то можно допустить, что и жители оставшихся вавилонских общин в позднее время продолжали говорить по-аккадски. Судя по клинописным контрактам из Урука, население этого города в селевкидский период было однородным в этническом отношении. Большинство персонажей контрактов носят вавилонские (причем характерные именно для Урука) имена, даже ономастика рабов по большей части типично урукская [11]. Имена арамейского происхождения встречаются редко, особенно по сравнению с ахеменидским периодом [12]. Похожую картину можно наблюдать и в хозяйственных текстах из Вавилона, хотя репертуар имен (по преимуществу тоже вавилонских) уже совсем иной: в качестве теофорных элементов вместо Нанайи и весьма популярного в позднем Уруке Ану служат Бел, Мардук, Набу. Относящиеся к селевкидскому времени копии культовых и литературных текстов и хозяйственные документы свидетельствуют о том, что жители оставшихся вавилонских городов хранили традиции древней культуры, лишь по необходимости приспосабливаясь к новым порядкам. Вавилонские города пользовались самоуправлением и, возможно, занимали привилегированное положение в империи Селевкидов, служа, как и греческие полисы, опорой царствующей династии [13]. Относительная этническая чистота жителей вавилонских городов, их самоуправление, возможно, привилегированное положение и связанная с этим обособленность от прочего населения страны, верность традициям вавилонской культуры, привычному образу жизни служат достаточными предпосылками сохранения жителями этих городов разговорного аккадского языка. Доказательства же жизнеспособности аккадского следует искать в текстах (в ос-

---

[6] Свидетельства о греческих полисах на территории Месопотамии собраны в работе: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 81—113.

[7] Иудеев, живших на территории эллинистической Вавилонии, упоминает Иосиф Флавий (Ant. Jud. XII. 147—149; XVIII. 310—373).

[8] *Greenfield J. C.* Babylonian-Aramaic Relationship // Mesopotamien und seine Nachbaren: 25 Rencontre assyriologique internationale, Berlin, 1978. B., 1982. S. 471. Об арамеизации населения Месопотамии в селевкидское время см. *Funk B.* Uruk zur Seleukidenzeit. B., 1984. S. 25 f. Там же предшествующая литература по вопросу.

[9] *Дьяконов.* Языки... С. 354.

[10] *Welles C. B.* The Hellenism of Dura-Europos // Aegyptus. 1959. 39: Fasc. 1—2. P. 25.

[11] *Sarkisjan G. Ch.* Die Sklaven im Uruk der hellenistischen Zeit // AfO. 1982. Beih. 19. S. 139.

[12] *McEwan G. J. P.* Priest and Temple in Hellenistic Babylonia. Wiesbaden, 1981. P. 183. № 421.

[13] *Саркисян Г. Х.* Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1. С. 68, 81—83; *он же.* О городской земле в селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1. С. 60, 65.

новном частно-правовых контрактах) селевкидского времени. Язык этих документов крайне беден и однообразен, набор слов и знаков весьма ограничен и почти не варьируется от текста к тексту. В эпоху Селевкидов сокращается число видов документов и упрощается их формуляр (ставший почти одинаковым для всех видов сделок) [14], что еще больше сужает их лексический репертуар и силлабарий. Однако и этих текстов достаточно для того, чтобы увидеть, что аккадский позднего времени значительно отличается от литературного вавилонского. Прежде всего это выражается в нерегулярной передаче падежных, а иногда и глагольных окончаний, связанной с тем, что уже в нововавилонское время конечный гласный слова в живой речи не произносится, поэтому его начинают произвольно передавать на письме [15]. В текстах селевкидского (как и ахеменидского и нововавилонского) времени окончание винительного падежа почти не встречается, существительные в именительном падеже стоят там, где с точки зрения классического языка следует ожидать косвенного падежа, при согласовании прилагательного с существительным нередко не совпадают их род и падеж [16]. Эти «ошибки», постоянно встречающиеся в селевкидских документах, иногда приводятся в доказательство того, что аккадский давно уже был мертвым языком, которым плохо владели даже писцы [17]. Однако причину нерегулярной передачи падежных окончаний и других отклонений от классической грамматики скорее, как нам кажется, следует объяснять тем, что тексты отражали изменения, происходившие в языке. Но если язык продолжал развиваться, пусть даже в сторону упрощения и своего рода деградации, то он еще был жив. О жизнеспособности аккадского в ахеменидское и селевкидское время говорят и некоторые изменения, произошедшие в фонетике (š после n переходит в z или s) и грамматике поздневавилонского языка по сравнению с нововавилонским [18]. Другим свидетельством того, что аккадский язык был жив в селевкидское и даже раннепарфянское время, служат так называемые тексты Graeco-Babyloniaca, на которых мы подробно остановимся ниже. Большинство табличек этой серии содержат на лицевой стороне клинописный текст, на оборотной — транскрипцию этого же текста греческими буквами. Посредством греческого алфавита передается не письменный вариант слова, а его реальное произношение, только этим можно объяснить отсутствие в греческом варианте конечных гласных, вставные гласные, не изображавшиеся на письме, но произносившиеся, по-видимому, в живой речи (šapliš — σαφαλις [19], ikleti — ιχιλειθ, qabri — χαβαρ [20], и такие соответствия, как mu-šir-ri — οσειρ, na-ma-ri — ναμαρ, u_4-mu-ω, mu-uḫ-ḫi-oξ [21]. Греческая транскрипция аккадских слов со всей очевидностью свидетель-

[14] О формуляре и видах клинописных контрактов селевкидского времени см.: *Krückmann O.* Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Weimar, 1931; *Doty L. T.* Cuneiform Archives from Hellenistic Uruk: Diss. Yale Univ., 1977. P. 50—118.

[15] *Hyatt J. P.* The Treatment of Final Vowels in Early Neo-Babylonian. New Haven, 1941; *Дьяконов.* Языки... С. 317.

[16] Подробному анализу встречающихся в селевкидских текстах отклонений от классического аккадского языка посвящена работа: *Goossens G.* L'Accadien des clercs d'Uruk sous les Séleucides // Muséon. 1942. 55. P. 61—86.

[17] *Idem.* Au déclin de la civilisation babylonienne: Uruk sous les Séleucides // Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques. 1941. Sér. 5. T. 27. P. 226.

[18] *Soden W. von.* Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952. S. 246. § 193.

[19] *Sollberger E.* Graeco-Babyloniaca // Iraq. 1962. 24. P. 65.

[20] *Geller M. J.* More Graeco-Babyloniaca // ZA. 1983. Bd. 73. Hlbd 1. S. 144 f.

[21] Ibid.

ствует о разнице в их традиционном, исторически обусловленном написании и реальном произношении, а тем самым о жизнеспособности аккадского языка в селевкидское — раннепарфянское время.

Что касается арамейских пометок на полях табличек, делавшихся, как нередко считают, потому, что клинописный текст бы плохо понятен самим чиновникам [22], то они характерны для ахеменидского периода и почти совершенно исчезают в селевкидское время [23]. Впрочем, в селевкидских документах нередко встречаются арамеизмы [24], которые служат, на наш взгляд, еще одним доказательством того, что аккадский язык был жив — ведь только живой язык может активно взаимодействовать со своими соседями [25].

На аккадском языке писали не только научные и культовые тексты, доступные лишь немногим, но и строительные надписи [26], почетные декреты, протоколы собраний, составлялись разного рода хозяйственные документы: частно-правовые контракты, регистрирующие сделки, кви-

---

[22] *Goossens.* Au déclin... P. 226.

[23] *McEwan.* Priest... P. 183. Как заметил Кауфман, некоторые из арамейских пометок на табличках ахеменидского времени могли быть всего лишь транслитерацией аккадских слов и предназначались, следовательно, для людей, знавших аккадский язык, но не знакомых с клинописной системой письма (*Kaufman S. A.* The Akkadian Influences on Aramaic. Chicago — London, 1974. P. 156).

[24] О влиянии арамейского языка на ново- поздневавилонский см.: *Soden von.* Grundriss... S. 246; *idem.* Aramäische Wörter in neu- und spätbabylonischen Texten: Ein Vorbereicht // Orientalia. 1966. 35. S. 1—20; 1968. 37. S. 261—271; 1977. 46. S. 183—197. Примеры арамеизмов в документах из селевкидского Урука см.: *Doty.* Cuneiform Archives... P. 86, 247; *Greenfield.* Babylonian-Aramaic... P. 472 f. См. также *Funck.* Uruk... S. 31 f.

[25] В греческих документах и надписях из эллинистической Вавилонии встречаются выражения, по-видимому, переведенные с аккадского. В документах первых веков новой эры из Дура-Эвропос при указании цены объекта сделки встречается фраза ἀργυρίου καλοῦ χ δράχμας — «х драхм хорошего серебра» (*Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F.* The Parchments and Papyri // The Excavations at Dura-Europos. Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report. V. Pt 1. New Haven, 1959. N 17 : 41, N 20 : 6, N 23 : 4—5, N 25 : 29). Объяснение этой фразы, поставившей в тупик специалистов по нумизматике (так как упоминание о «хорошем» серебре заставляет думать, что было еще и плохое серебро), следует, как нам кажется, искать в клинописных документах позднего времени, где в таком же контексте встречается указание: x mana kaspa qalû (х мин очищенного серебра). Греческая фраза, вероятно,— перевод соответствующей аккадской, qalû ассоциировалось с καλός (в родительном падеже καλοῦ) из-за схожести их звучания и значения. Перевод мог быть только с аккадского на греческий, а не наоборот, так как, во-первых, аккадское qalû засвидетельствовано в текстах гораздо раньше прихода греков в Вавилонию, во-вторых, выражение имеет удовлетворительное значение лишь в аккадском языке, в греческом же совершенно непонятно. В пользу этого предположения говорит и то, что все упомянутые документы были составлены не в Дура-Эвропос, а в деревнях вокруг него, контрагенты же по большей части — негреки. Поскольку документы, содержащие эту фразу, относятся к очень позднему времени и негреческое население Дура-Эвропос и окрестностей было арамеизированным лишь с очень небольшой примесью вавилонских элементов, то приходится предположить, что заимствование шло через арамейский язык. На остраконе из Вавилона засвидетельствована калька с аккадского выражения ša šum-šu šanû (другое имя которого)— ὦ ἄλλο ὄνομα (*Haussoullier B.* Inscriptions grecques de Babylone // Klio. 1909. Bd. 9. N 2. P. 362; *Koschaker P.* Zu den griechischen Rechtsurkunden aus Dura in Mesopotamia // Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Rom. Abt. 1926. 46. S. 296. N 4).

[26] См., например, надпись Антиоха I (269 г. до н.э.), сообщающую о восстановлении Эсагилы, храма Бела в Вавилоне и Эзиды, храма Набу в Борсиппе (*Weissbach F. H.* Die Keilinschriften der Achämeniden // VAB. 1911. Bd 3. S. 132—135); надпись правителя Урука Ану-убаллита — Никарха (244 г. до н. э.) в святилище Бит-Реш (YOS I. N 52; *Falkenstein A.* Topographie von Uruk // ADFU. 1941. Bd 3. S. 4—5); надпись правителя Урука Ану-убаллита — Кефалона (212 г. до н.э.), сообщающую о постройках в честь Ану и Анту (*Falkenstein.* Topographie... S. 6—7).

танции, расписки, наконец, письма [27]. Трудно представить себе, что писец мысленно переводил текст с арамейского на аккадский, а потом записывал его. Нестандартные фразы, иногда встречающиеся в урукских контрактах (добавления, пояснения, оговорки и т. д.) тоже говорят в пользу того, что аккадский язык продолжал еще функционировать в качестве разговорного. Писцы II тыс. до н. э., составлявшие юридические документы на мертвом уже шумерском, оставались верны этому языку лишь в стандартных частях формуляра, все же нестандартные приписки делались по-аккадски [28]. Похожую ситуацию можно наблюдать и в Передней Азии ахеменидского времени, где лишь стандартные обороты формуляра писались по-арамейски, остальное — на родном писцу том или ином иранском языке (но арамейской скорописью) [29]. Ничего подобного нельзя сказать об урукских клинописных контрактах. Нестандартные фразы хотя и редко, но встречаются, и не заметно, чтобы составителю документа писать их было труднее, чем остальной текст. Все эти обстоятельства указывают, как нам кажется, на то, что в вавилонских храмовых общинах в селевкидское время еще говорили по-аккадски. По-видимому, аккадский не был единственным разговорным языком даже в этих городах и сосуществовал с арамейским, но арамейских текстов из селевкидского Урука известно очень мало [30], а из Вавилона пока не известно вообще, возможно, потому, что материал, на котором писали эти тексты, не выдерживал климата Вавилонии [31]. Не исключено, что столь долгая жизнь аккадского языка отчасти объясняется тем,что жители немногочисленных собственно вавилонских городов, пытаясь противостоять массе невавилонского населения страны, сознательно сохраняли аккадский язык. Селевкиды, по-видимому, не только не мешали этому, но, судя по клинописной надписи Антиоха I (см. прим. 26), благосклонно относились к сохранению храмовыми общинами своего языка. Аккадский язык окончательно умирает, вероятно, уже в парфянское время, когда гибнет, лишившись самоуправления, вавилонская храмовая община, и тем самым приходит конец обособленности вавилонян. Однако язык не мог умереть мгновенно с приходом парфян, в начале парфянского периода аккадский продолжает, по-видимому, служить в качестве разговорного — об этом свидетельствуют упоминавшиеся уже таблички Graeco-Babyloniaca.

В Британском музее и в некоторых других музеях мира хранятся таблички, содержащие на лицевой стороне отрывки клинописных литератур-

---

[27] Кроме упомянутого письма из Урука, известно несколько писем и фрагментов (не считая стилизованных под письма хозяйственных документов) из Вавилона: CT 49, 118, 122, 126, 142, 171, 181—182, 191—192 (см. *Oelsner J.* Rez.: CT 49 // ZA. 1971. Bd 61. S. 165 f.). Еще одно письмо из Вавилона содержит дату: 16 день месяца *кислиму* 148 г. до н. э. (*Strassmaier J. N.* Einige kleinere babylonische Keilschrifttexte aus dem Britischen Museum // Actes du Huitième congrès international des orientalistes. Deuxième partie. Section I. Leiden, 1983. Beilage, N 32; *Ebeling E.* Glossar zu den neubabylonischen Briefen. München, 1953. S. 262 f.). В этом письме упомянут написанный на пергаменте (следовательно, по-гречески или по-арамейски) документ (^{kuš}GÍD.DA) из царского архива, касающийся приданого некоей вавилонянки Атирту.

[28] *Дьяконов И. М.* Научные представления на древнем Востоке // Очерки естественно-научных знаний в древности. М., 1982. С. 68.

[29] Там же. С. 114.

[30] Список сохранившихся арамейских надписей из Урука см. в работе: *Black J. A., Sherwin-White S. M.* A Clay Tablet with Greek Letters in the Ashmolean Museum // Iraq. 1984. V. 46. Pt 2. P. 138. N 41.

[31] В опубликованном выше письме упомянуто послание, написанное на пергаменте (BgM. Beih. 2. 113:6), т. е., надо полагать, на арамейском языке.

ных, культовых и лексикографических текстов (иногда в две колонки: на шумерском и аккадском языках), на оборотной стороне — транскрипцию этих же текстов греческими буквами [32]. Исключение представляет опубликованная Шилейко табличка, которая содержит текст лишь на лицевой стороне — сделанную греческими буквами на аккадском языке надпись с пожеланием благополучия некоему Бел-ипушу [33]. Две недавно опубликованные таблички из Эшмолеанского музея в Оксфорде [34] исписаны с обеих сторон греческими буквами, но язык текста не аккадский [35]. Все таблички Graeco-Babyloniaca происходят, по-видимому, из Вавилона. Судя по фонетике греческого языка и почерку писца, они относятся к периоду с конца II в. до н. э. до середины I в. н. э. [36], т. е. это самые поздние клинописные тексты, не считая табличек астрономического содержания. Тексты Graeco-Babyloniaca подробно исследовались с точки зрения фонетики позднеаккадского языка [37], однако не менее важен другой вопрос: кто и с какими целями писал аккадские тексты греческими буквами? Назначение этих табличек не вызывает сомнений: большинство из них изготовлялось в целях обучения и повторяет известные аккадские лексические и литературные тексты. Пинчес, Ван дер Меер и Солльберже полагали, что составителями текстов были греки, изучавшие аккадский язык [38]. Той же точки зрения склонны придерживаться Блэк и Шервин-Уайт [39]. Однако это утверждение вызвало возражения Эльснера, заметившего, что нет оснований ожидать от завоевателей подобного интереса к языку покоренного ими народа, да еще в столь позднее время, когда вавилонская культура окончательно угасает [40]. Трудно не признать справедливость этого замечания, особенно если вспомнить, что таблички Graeco-Babyloniaca относятся к тому времени, когда сами вавилоняне уже перестают пользоваться клинописью. Гораздо больше оснований, считает Эльснер, видеть в авторах табличек Graeco-Babyloniaca вавилонян. Большинство табличек этой серии было найдено вместе с другими клинописными текстами (астрономическими и литературными) и принадлежали, по всей видимости, одним и тем же людям [41]. Серьезный аргумент в пользу предположения Эльснера — опубликованная Шилейко табличка, которая, по-видимому, была составлена не в учебных целях и упоминает человека с вавилонским именем. Сам издатель текста еще около 60 лет назад заметил, что греческий алфавит вошел в повседневную

[32] Публикации текстов Graeco-Babyloniaca: *Pinches T. G.* Greek Transcriptions of Babylonian Tablets // PSBA. 1902. V. 24. N 181. P. 108—119; *Sayce A. H.* The Greeks in Babylonia; Graeco-Cuneiform Texts // Ibid. P. 120—125; *Meer P. E. van der.* Topographical Texts of Babylon // AFO. 1940. Bd 13. Ht 3. S. 124—127; *Sollberger.* Graeco-Babyloniaca...; *Geller.* More Graeco-Babyloniaca...

[33] *Schileico W. G.* Ein babylonischer Weihtext in griechischen Schrift // AFO. 1928. Bd 5. Ht 1. S. 11—13.

[34] *Black, Sherwin-White.* A Clay Tablet... P. 131—140.

[35] Некоторые сочетания букв могли передавать арамейские слова, однако нет достаточных оснований утверждать, что язык текста — именно арамейский (ibid. P. 138. № 41.)

[36] *Sayce.* The Greeks... P. 120; *Sollberger.* Graeco-Babyloniaca... P. 63.

[37] См., например: *Ungnad A.* Zur Aussprache des Spätbabylonischen // MAOG. 1928/29. 4. S. 220—225; *Дьяконов.* Языки... С. 315—318.

[38] *Pinches.* Greek Transcriptions... P. 113; *Sollberger.* Graeco-Babyloniaca... P. 63; *Meer van der.* Topographical Texts... P. 125.

[39] *Black, Sherwin-White.* A Clay Tablet... P. 138 f.

[40] *Oelsner J.* Zur Bedeutung der «Graeco-Babyloniaca» für die Überlieferung des Sumerischen und Akkadischen // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. 1973. Bd 17. Ht 3. S. 357.

[41] Ibid. S. 358.

жизнь вавилонских жрецов [42]. Издатели текстов Graeco-Babyloniaca, утверждающие, что таблички запечатлели усилия греков, изучавших аккадский и шумерский языки, не обратили должного внимания на весьма важную деталь: отсутствие греческого *перевода* этих текстов. Авторы табличек не изучали аккадский язык, они несомненно уже знали его, проблему для них представляла именно система письма — клинопись. Это обстоятельство тоже заставляет видеть в авторах текстов вавилонян, а не греков [43].

Эльснер выдвинул гипотезу, в соответствии с которой таблички Graeco-Babyloniaca свидетельствуют о попытках вавилонян использовать греческий алфавит для нужд аккадского языка [44]. Возможно, как считает Эльснер, клинописные тексты (кроме табличек астрономического содержания) исчезают в конце II — начале I в. до н. э. именно потому, что клинописная система письма уступила место греческому алфавиту, греческими же буквами удобнее писать не на глине, а на пергаменте, папирусе, деревянных табличках, покрытых воском,— т. е. на материалах, для которых гибелен климат Вавилонии. Этим же, с точки зрения Эльснера, можно объяснить и отсутствие клинописных текстов селевкидского времени в некоторых городах, например в Ниппуре, на территории которого, судя по археологическим находкам, существовало поселение эллинистического времени. Попытки использования сначала арамейского письма, а потом греческого алфавита для других языков засвидетельствованы в разных областях Передней Азии [45], в том числе в Дура-Эвропос [46], поэтому предположение это вполне правдоподобно. Остроумная гипотеза Эльснера не объясняет, однако, цели составления табличек Graeco-Babyloniaca. По мнению исследователя, это ученические упражнения вавилонян, учившихся писать греческим алфавитом, т. е. ученику была известна клинопись, но неизвестен или плохо известен греческий алфавит [47]. Однако неадекватная передача клинописного текста греческими буквами и сама структура таблички, напоминающая шумеро-аккадские силлабарии (первая колонка, в данном случае — лицевая сторона, содержит клинописный текст, вторая — реверс — текст, написанный греческими буквами), заставляет думать, что именно оборотная сторона была объяснением лицевой. Недаром издатели текстов Graeco-Babyloniaca считали, что составителями их были греки, записывающие греческими буквами труднодоступный им клинописный текст. Автор табличек производил, по сути дела, ту же работу, которую делает сегодня любой ассириолог, передающий клинописный текст латинскими буквами. Еще больше эти тексты походят на транскрипцию, широко использующуюся, например, в современном английском языке, где существует весьма ощутимый разрыв между написанием и произношением слова. Причем транскрипция обязательно приводится не только в двуязычных словарях, но и в любом словаре английского языка, так как чтение слова может представлять трудности и для самих носителей английского языка, в первую очередь для школьников. Если авторами табличек были вавилоняне, а не греки, то не сле-

[42] *Schileico.* Ein babylonischer Weihtext... S. 11 f.

[43] Эдгард обратил внимание на то, что в опубликованном Геллером отрывке гимна к Иштар греческая транскрипция расположена так, чтобы конец строки доходил до правого края таблички, т. е. писец привык писать в клинописи (*Geller.* More Graeco-Babyloniaca... P. 119. N 4. Устное сообщение Эдгарда Геллеру).

[44] *Oelsner.* Zur Bedeutung... S. 358 f.

[45] Ibid. S. 359.

[46] *Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). T. I. P., 1926. P. 367.

[47] *Oelsner.* Zur Bedeutung... S. 360.

дует ли видеть в текстах Graeco-Babyloniaca свидетельство того, что уже сами вавилоняне плохо понимали клинопись, тем более что с ее помощью трудно стало адекватно передавать изменившуюся фонетику аккадского языка? Не представлял ли написанный греческими буквами вариант текста транскрипцию, необходимую самим носителям языка, для которых чтение клинописных литературных текстов представляло проблему? Во всяком случае, клинописная система письма в эллинистическое время переживает кризис. Она уже не способна отражать реальное произношение, создавая таким образом трудности при чтении и написании текстов, она крайне громоздка и неудобна в употреблении по сравнению с арамейской системой письма и особенно греческим алфавитом, о котором не могли не знать вавилоняне в эпоху эллинизма. Чрезвычайная бедность и однообразие языка хозяйственных текстов селевкидского времени, которые заставляют думать, что сами писцы уже плохо знали аккадский, скорее объясняется тем, что они с трудом владели клинописной системой письма, так как силлабарий писца в селевкидское время был крайне ограничен, и можно почти безошибочно предсказать, какими именно знаками или идеограммами будет изображено то или иное слово. Однако вавилоняне продолжали изучать и использовать клинопись пока это было возможно, по-видимому, потому, что она оставалась символом и средством существования древней вавилонской культуры. Не случайно, вероятно, все известные таблички Graeco-Babyloniaca датируются столь поздним временем. Первые попытки писать по-аккадски греческими буквами могли относиться уже к селевкидскому периоду, но более широко греческий алфавит начинает применяться для передачи аккадских текстов скорее всего уже в парфянское время, когда гибнет вавилонская храмовая община и все свойственные ей учреждения и традиции, и вавилонянам приходится приспосабливаться к новой обстановке. Попытки использовать греческий алфавит для нужд аккадского языка еще раз заставляет усомниться в «смерти» этого языка — не легче ли было бы в таком случае просто отказаться от него и писать по-арамейски или по-гречески? Возможно, вопреки обычным представлениям о том, что клинопись на века пережила живой разговорный язык, язык пережил систему письма, хотя, по всей видимости, ненадолго [48].

М. М. Дандамаева

---

[48] Ямвлих (III в. н. э.) сообщал в своем произведении «Вавилонская повесть», что он научился «вавилонскому языку», преданиям и магии от вавилонянина, попавшего в плен во время похода Траяна (*Jambl.* X). Однако это замечание не может служить сколько-нибудь надежным свидетельством того, что аккадский язык (особенно разговорный) был известен еще во II в. н. э., так как несмотря на все старания Ямвлиха придать своему произведению вавилонский колорит очевидно полное незнание автором вавилонских реалий, ономастики, истории, литературы. Упоминание о «вавилонском языке» скорее всего объясняется дошедшими до Ямвлиха слухами о существовавшем когда-то в Вавилонии древнем языке. Само же замечание об учителе-вавилонянине, по-видимому,— не более чем литературный прием, рассчитанный на доверчивого читателя, у которого уже не будет сомнений в том, что история, рассказанная Ямвлихом, представляет собой древнюю вавилонскую легенду.

LETTRE DE L'URUK DES SÉLEUCIDES

(A propos de l'«extinction» de la langue akkade)

M. M. Dandamajeva

Les lettres d'Uruk et de Babylone de l'époque des Séleucides qui ont récemment été publiées incitent à voir sous un autre jour le problème de l'«extinction» de l'akkadien. Malgré la large diffusion de l'araméen dans la population de la Babylonie achéménide et séleucide, l'akkadien parlé a pu continuer à fonctionner dans les cités-emples qui subsistaient, par exemple à Uruk et à Babylone. Ceci était rendu possible par l'homogénéité ethnique relative de la population des villes babyloniennes, par leur autoadministration, par l'absence de contacts entre eux et les autres habitants de la Babylonie et par leur fidélité aux traditions de la culture ancestrale. La preuve de la viabilité de l'akkadien est fournie par les écarts par rapport à la langue classique et même néobabylonienne attestés par les documents de l'époque séleucide, surtout dans la série des tablettes *Graeco-Babyloniaca* que témoignent de différences entre l'orthographe traditionnelle, historiquement motivée, des gloses akkadiennes et leur prononciation réelle. On peut aussi considérer en tant qu'autres témoignages de la viabilité de l'akkadien les rapports entre cette langue et les langues araméenne et grecque, ainsi que les phrases non standard des documents séleucides qui indiquent que le scribe ne connaissait pas seulement des formules standard apprises par coeur.

Les tablettes *Graeco-Babyloniaca* permettent une vue nouvelle du rapport entre la langue akkadienne et l'écriture cunéiforme de l'époque tardive. Selon l'auteur, les textes *Graeco-Babyloniaca* ont été rédigés non par des Grecs, mais par des Babyloniens, et étaient une transcription dont avaient besoin les locuteurs eux-mêmes de l'akkadien pour qui la lecture des textes cunéiformes faisait problème à cause de l'écart entre leur orthographe traditionnelle et leur prononciation. Il est possible que la prétendue extinction de l'akkadien à une époque tardive ne fut en réalité qu'une crise du système d'écriture cunéiforme si compliqué et si paralysé par la nécessité de respecter intégralement la tradition qu'il ne permettait pas de rendre de façon adéquate les changements intervenant dans la langue parlée et créait ainsi des difficultés d'écriture et de lecture.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ НЕКОТОРЫХ ЭПИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

(Описание вооруженного воина в ирландском героическом эпосе)

В середине I тыс. до н. э. среди народов Средней Европы по своей внешней активности выделяются воинственные племена кельтов. В течение нескольких столетий их экспансия была одним из наиболее существенных политических факторов в жизни государств Средиземноморья: в IV и III вв. до н. э. кельты ведут опустошительные войны с этрусками и римлянами, совершают набеги в Грецию, вторгаются в Малую Азию. В ходе миграций кельты устанавливают господство на огромной территории, от Британских островов до Карпат и Малой Азии. Однако даже в период

максимальной военной активности отношения кельтов с античными государствами охватывали не только военную и политическую сферы: кельтские племена были для обществ античного мира объектом импорта керамики, металлических и других ремесленных изделий; кельты поставляли на рынки Средиземноморья рабов, в политической борьбе античных государств широко использовались отряды кельтских наемников. Изучение кельтского общества представляется важным не только для понимания этнокультурных процессов, протекавших в I тыс. до н. э. в Средней Европе, но и для более полной характеристики взаимоотношений высокоразвитой античной цивилизации и ее первобытной, «варварской» периферии.

Появление кельтской письменной традиции относится к эпохе средневековья, когда кельты сумели сохранить политическую независимость только в Ирландии, Шотландии, Уэльсе и Бретани, так что все попытки реконструкции кельтского общества более древнего периода предпринимались главным образом на основе двух групп источников: свидетельств античных авторов и данных археологии. В данной ситуации представляют интерес попытки ряда исследователей использовать при интерпретации этих источников архаичные пласты ирландской эпической традиции. Стадиальное соответствие материала саг Уладского цикла ирландского эпоса обществу доримской Галлии отмечали К. Хьюз и Т. Пауэлл [1], а К. Джексон прямо называет ирландские героические предания «окном в железный век» [2]. Однако при привлечении ирландских источников для реконструкции кельтского общества второй половины I тыс. до н. э. ощущается недостаточная изученность конкретных параллелей между мотивами ирландской эпической традиции, с одной стороны, и археологическими данными и свидетельствами античных авторов, с другой [3]. Данная работа представляет собой попытку соотнести один из мотивов саг Уладского цикла ирландского эпоса — описание воина на колеснице — с реалиями кельтской культуры.

Уладский цикл, или цикл «Конхобара и Кухулина», объединяет достаточно компактный свод героических преданий ирландского эпоса, связанных единством событий и действующих лиц. Сюжетную канву саг этого цикла составляет противоборство Ульстера (страны Уладов) и Коннахта, двух сильных племенных объединений Ирландии. Кульминация этой борьбы, по данным средневековых ирландских хроник, приходится на рубеж эр [4]. Персонажи группируются вокруг короля уладов Конхобара и короля Коннахта Айлиля и его жены Медб. Большое место в сагах Уладского цикла занимает описание рождения, возмужания, подвигов и героической смерти центрального персонажа цикла — Кухулина.

Памятники ирландской эпической традиции содержат большое количество почти дублирующих друг друга описаний вооружения воина, его внешности, одежды и боевой колесницы, запряженной парой лошадей. Эти элементы составляют устойчивое и, с точки зрения современного читателя, громоздкое единство, которое можно в целом назвать описанием воина на

---

[1] *Hughes K.* Early Christain Ireland. N. Y., 1967. P. 175; *Powell T. G. E.* The Celts. L., 1967. P. 38.

[2] *Jackson K. H.* The Oldest Irish Tradition: a Window on the Iron Age. Cambr., 1964. P. 12.

[3] Наиболее ранние варианты текстов саг относятся к VIII—X вв., хотя устная традиция отражает ситуацию более древнего периода. Поиск археологических параллелей позволяет, таким образом, и более определенно говорить о времени возникновения отдельных мотивов и напластований кельтской эпической традиции.

[4] *Keller J. V.* The Tain and the Annals // Eriu. 1971. XXII. P. 107—128.

колеснице. Это описание вводится перед достаточно важными, с точки зрения сюжета саги, событиями: встречей героя с будущей женой, битвой и поединком перед смертью героя. Формирование описания, накапливание его компонентов вокруг образа воина, например Кухулина, происходит в значительном эпизоде саги «Похищение быка из Куальнге», который повествует о возмужании и инициации героя [5]. Фрагменты саг, посвященные детальному воспроизведению облика воина и его оружия, весьма автономны в тексте памятника, а Лейнстеровская книга — рукопись XII в.— дает нам образец подобного фрагмента, вынесенного вообще за пределы какой-либо саги. Этот текст, известный под названием «Косящая колесница» (Cathcharpat Serda [6]) и лишенный повествовательного начала, представляет собой подробное описание внешности, одежды, оружия воина и его возницы, а также коней и боевой колесницы. Текст изобилует деталями, характеризующими быстроту и силу коней, мощь колесницы, великолепие одежд, богатство украшенного причудливым орнаментом оружия, он содержит сведения о цвете волос и глаз воина, но мы не узнаем там его имени. В данном случае описание воина на колеснице как памятника существует независимо от конкретного персонажа. Подобное впечатление возникает и при чтении большого эпизода парада уладских воинов в «Похищении...». Рассказ посла Коннахта Мак Рота о шествии сильнейших воинов Ульстера мимо холма в Слемайн Миде сопровождается описанием в каждом случае почти одного и того же набора предметов. Описания не повторяют друг друга дословно, в них варьируются детали: цвет плаща, щита, материала, из которого сделана рукоять меча, и т. д., но набор компонентов и характеристик везде почти совпадает [7].

Так же как описание воина не несет черт портретных, индивидуальных, не зависит оно и от ситуации: одинаковый комплекс вооружения перечисляется и во время сборов Кухулина для схватки с войсками ирландцев [8] и во время приготовления к тому, чтобы показаться женщинам и филидам из лагеря ирландцев после сражения [9]. Иногда подобный перечень вводится не только независимо от конкретной ситуации, но в деталях своих — вопреки ей. Так, описание облика Фергуса, сына Ройга, в эпизоде его посольства к Кухулину [10] содержит упоминание его длинного меча, хотя в это время Фергус, по логике сюжета, не мог носить меча. Меч был отобран у него королем Айлилем после того, как последний застал Фергуса наедине со своей женой Медб.

Независимость устойчивых характеристик воина от ситуаций и от индивидуальности самого воина подчеркивается и чисто языковыми средствами. В эпических произведениях нет четкого и однозначного понятия «воин». Наиболее часто используются термины laech или fir, которые переводятся как «воин» и «муж». Однако наряду с этим существует слово gaiscedach, которое можно перевести как «копьеносец», и carpdech n-imrindm — «воин, сражающийся копьем, с колесницей», или «колесничный боец-копьеносец». В ряде случаев вводится термин eirr, который этимологически означает «едущий на колеснице», подобно тому как термин «рыцарь» (eques) когда-то обозначал всего лишь всадника. Все эти термины могут в тексте

---

[5] Tain Bó Cualnge from the Book of Leinster. Ed. by O'Rahilly C. Dublin, 1970. P. 21—33.

[6] Cathcharpat Serda // The Book of Leinster. V. II. Dublin, 1956. P. 833 f.

[7] Tain... P. 118—126.

[8] Ibid. P. 60—62.

[9] Ibid. P. 64.

[10] Ibid. P. 43.

саги употребляться по отношению к одному и тому же лицу, и, таким образом, они не являются здесь средством, подчеркивающим военную специализацию персонажа. Скорее всего они также обусловлены устойчивыми ассоциациями образа воина с определенным набором характеристик, в данном случае с оружием. На тесную связь отдельных компонентов описания воина на колеснице указывает существование словосочетания claided carpait, которое можно перевести как «колесничный меч». Описание воина на колеснице обладает и внутренним стилистическим единством, поскольку даже для прозаических фрагментов характерна необыкновенная насыщенность образных средств, позволяющих подчеркнуть исключительность воина и силу его оружия. Огромное количество сравнений и метафор придают тексту сходство с ярким и пестрым орнаментом, элементы которого образуют четкий ритмический рисунок, отличный от звучания остального текста саги. Это достигается введением аллитераций и повторов. Однако те же средства, которые создают красочность и поэтичность текста описания, придают ему и некоторую статичность, что подчеркивает автономность фрагмента и противопоставляет его динамике развертывания событий.

Таким образом, описание воина на колеснице представляет собой весьма автономный фрагмент текста саги, независимый от личности конкретного персонажа и не являющийся средством развития сюжета. Воспроизведение одного и того же набора характеристик, привязанных к различным ситуациям и персонажам, очевидно, было обусловлено той структурой сознания, для которой представляется наиболее ценным не столько разовое, сколько повторяющееся, не столько единичное, сколько целое; критерием же поведения личности было как можно более точное и буквальное следование традиции [11].

Преобладание подобных героических характеристик ставит в глазах эпической традиции знак равенства между героем и его поступком, делает его достойным следующего за этим описанием события, каждый раз как бы подтверждая его статус. Иными словами, если учесть роль инициации для формирования этого комплекса, то его внесение в структуру текста в значительной степени служит показателем «полноценности» воина, прошедшего через все стадии обряда посвящения. Его перечисление перед определенными событиями, таким образом, является санкцией к действиям определенного, героического рода. Это предполагает наличие устойчивого, почти канонического набора характеристик воина в эпическом сознании, поскольку в данном качестве выступает не деталь, не отдельная характеристика, а комплекс, составляющие которого неотделимы ни друг от друга, ни от остальных героических мотивов саги.

Опустим мифологические аспекты этой санкции, которые, несомненно, присутствуют, например, в описании чудесного искажения образа Кухулина в ходе наиболее важных сражений и поединков, но выходят за рамки данной работы. Обратим внимание лишь на то, что устойчивый комплекс характеристик воина, будучи независимым от образов конкретных персонажей, в целом связан с достаточно жесткой моделью поведения эпического героя и со всем эпическим пластом саг Уладского цикла. Действительно, оружие играет большую роль и в характеристике поведения эпического героя, и вне этого описания. Взаимоотношения воина и его оружия занимает важное место в раскрытии силы воина: Кухулин ломает 17 колесниц и 14 «комплектов» вооружения (два копья, щит и меч) в ходе

[11] *Гуревич А. Я.* Категория средневековой культуры. М., 1984. С. 107.

обряда принятия оружия, пока король Конхобар не вручает ему собственное оружие и колесницу. 17 колесниц ломает и Фергус, пытаясь вытащить из земли столб с огамическими надписями, который был воздвигнут Кухулином. В тексте «Похищения...» упоминается гейс, запрещающий воину трогаться в путь, если плоха колесница. В одном из сражений Кухулин в ярости сражается обломками колесницы. Меч Фергуса является символом его мужской силы: король Айлиль, застав воина наедине со своей женой Медб, отбирает у него меч, наказывая его таким образом. Тексты саг содержат достаточно много подобных примеров.

Рассмотрим компоненты описания воина на колеснице как устойчивого единства. Большое место в этом описании занимает колесница героя. Ею пользуются как транспортным средством — в этом качестве она упоминается прежде всего в сагах, но реже — как боевое средство. Герои далеко не всегда сражаются с колесниц. Этот вид сражения постоянно связан с образом Кухулина, но тем не менее колесница входит в традиционное описание воина. Грохот ее колес и стук копыт запряженных в нее коней часто предваряют появление воина и его описание. Колесница Фергуса сравнивается с «огромной горой на просторной долине», колеса колесницы Кухулина так глубоко взрывают землю, что оставляют после себя насыпь, похожую на валы крепости. Колесницы этого персонажа описываются, пожалуй, наиболее красочно и подробно. Лишь ее, «усеянную железными остриями», называют в тексте саги «косящей». Эти приспособления позволяли ей разрезать и раздирать все на своем пути. Текст описания колесницы Кухулина содержит упоминания оси, оглобель, остова, серебряной дуги — ярма, обода, колес, элементов упряжи. Деревянный или сплетенный из ивовых прутьев остов снабжен крепкими бортами, зеленым пологом. На дно колесницы брошены циновки и подушки, а иногда колесница называется «пятиугольной» и «четырехколесной». Эти детали выглядят фантастично, по крайней мере боевых колесниц такого рода не знает кельтская археология.

Вслед за колесницей описываются и запряженные в нее кони, мощь и красота которых подчеркивается особо поэтичными сравнениями: «... подобны соколу, настигающему добычу в ветреный день, подобны жестоким порывам весеннего ветра, что дует в долине мартовским днем, подобны обезумевшему оленю, впервые спугнутому собаками, были кони в колеснице Кухулина, что, казалось, неслись по сверкающим, жгучим камням, так, сотрясаясь, дрожала земля от неистовой скачки» [12].

За описанием коней следует обычно характеристика внешности героя. Так, волосы Фергуса сравниваются с листвой высокого дерева, про волосы Конхобара мы узнаем, что они коротко острижены и вьются, про волосы Кухулина — что они были трех цветов: коричневые, светлые и золотые. Зубы героя сравниваются с жемчужной пеной, цвет бровей — с углем. Часто о Кухулине говорится, что у него семь пальцев на каждой руке и ноге, семь зрачков в глазах и семь ямочек на щеках. Особо отмечалось чудесное искажение внешности героя в наиболее жестокие моменты сражения, когда все мышцы его превращались в твердые огромные бугры, все тело под кожей чудовищно изгибалось, один глаз западал внутрь, а другой вываливался на щеку. В эти минуты удары «сердца о ребра» можно было принять за рычание льва, а из лба Кухулина исходило «геройское сияние» [13]. Из одежды наиболее часто упоминается в подобных описа-

[12] Похищение быка из Куальнге. М., 1985. С. 245.
[13] Tain... P. 61 f.

ниях плащ, сколотый на груди фибулой. Некоторые воины вступают в сражение обнаженными.

Оружию уделялось особое внимание как в описании воина на колеснице, так и в других фрагментах. У некоторых персонажей элементы вооружения носят собственные имена. Например, щит Конхобара назывался Окайн Конхобуйр (Ochain Conhobuir), меч Фергуса — Каладболг (Caladbolg). В сагах Уладского цикла, в частности в «Похищении быка из Куальнге», используются в основном два следующих термина, обозначающих «меч»: colg и claideb. Первый достаточно часто упоминается в словосочетании colg det, что переводится как «меч с костяной рукоятью», но никогда — словами, обозначающими рукоять металлическую. Термин claideb вообще употребляется чаще, и рукоять его определяется и как костяная, и как металлическая.

Однако перевод словосочетания claideb con-eltaib det как «меч с костяной рукоятью» не совсем точен. Слово eltaib обозначает не всю рукоять, а определенную ее часть (в переводе саги на английский язык используется термин guard — «гарда»). В некоторых местах костяная рукоять этого типа меча называется «украшенной (intlassi) золотой нитью» или серебром, что никогда не используется для характеристики colg det. Украшена может быть и металлическая, например, золотая (orduirni) рукоять такого меча.

Таким образом, можно выделить два типа меча, различающихся видами рукояти. Первый тип меча — с простой, очевидно, втульчатой неорнаментированной костяной рукоятью; второй — с орнаментированной сложной рукоятью, иногда цельнометаллической, иногда — с костяными вставками. Обе разновидности меча были скорее всего длинными и рубящими: часто упоминаются отрубленные мечами головы, мечами вырубают ямы в земле и дороги в чаще леса для колесниц. Фергус своим мечом, «длинным, как руль корабля», сносит одним ударом три верхушки холмов, что потом повторяет Кухулин, мечом обрубаются вонзившиеся в щит копья. Однако иногда в тексте упоминают колющие удары меча claideb, этот же тип меча называется коротким у мальчика Эрка, сына Фейдлимид Нойкрутах, а в описании сбора Кухулина на битву с ирландцами называются наряду со «светлоликим мечом с костяной рукоятью» (cholg ṅdet ṅdrechṡdus) «восемь малых мечей» (ocht claidbini). Но подобные упоминания редки. Меч вкладывался в большие, богато орнаментированные «кольцами из пестроцветного золота» и «белого серебра» ножны. От копий и мечей воина защищал «широкий», «длинный», «неохватный», «увесистый», «крепкий» щит с яйцевидным умбоном. По форме, очевидно, щит был круглым или овальным, но щит Конхобара — Окайн Конхобуйр — был четырехугольным. Щит прикрывал воина почти целиком, так что Фергус, сражаясь с Конхобаром, не мог узнать своего противника. Щит мог быть ярко раскрашен в цвета: темно-красный, красный, ярко-красный, черный, темный, серый, голубой, желтый и золотой. Упоминаются металлическое и кожаное покрытие щита, металлическая, «серебряная» кромка, которая может быть зазубренной или острой, что придает щиту характер наступательного оружия и оправдывает эпитет «разящий». В центре меча располагается умбон — тяжелая шишка из «красного золота» или «белого серебра». На умбоне изображены «лики зверей», часто — кабанов; их силуэты могут покрывать, так же как и золотые узоры, всю плоскость щита. В комплекс вооружения колесничного бойца входят и два длинных копья. «Могучее, в песнях прославленное» копье Кухулина изображается с крученым древком, копье Сенха, сына Айлиля, сравнивается со стол-

бом из дворца. Герои сражаются копьями с одним наконечником, с наконечниками спереди и сзади, копьями с раздвоенными наконечниками и даже с пятиконечными копьями. Упоминаются красные, зеленые и серые наконечники копий, которые могут быть, как и древко, покрыты орнаментом. Копье Кускрайда Менд Маха было снабжено «золотыми кольцами и лентами из серебра». Текст фрагмента «Похищения...», в котором описывается поединок Кухулина с Фер Диадом [14], содержит сведения о двух типах копий: метательном (sleg), снабженном специальными веревками и ремнями, и тяжелом длинном копье с широким наконечником (manais), которое было предназначено для сражения с колесниц. В сагах упоминается также и копье Кухулина га булга (gae bulga), которое Кухулин бросал ногой из-под воды во время поединка у брода, для чего это копье было снабжено специальным карманом. Кроме перечисленных элементов вооружения саги содержат более редкие упоминания дротиков, стрел кинжалов, а из защитных вооружений — шлемов, панцирей и кожаных нагрудников. Достаточно часто вместе с обликом Кухулина текст описания воспроизводит внешность и одежду его возницы Лаэга.

Описание воина на колеснице изобилует фантастическими деталями. Ни пятирогое копье, ни копья и дуги из крученого дерева, ни колесницы, снабженные лезвиями и остриями, не известны в археологии. Эти детали, очевидно, слишком долго существовали в устной традиции и обросли бесконечным количеством преувеличений, которые постоянно обыгрываются как в описаниях воинов, так и в других местах. Только некоторые элементы этого комплекса можно интерпретировать с точки зрения археологических данных: кельтскую боевую колесницу, рукояти мечей, орнаментированные наконечники копий. Однако не менее существенным представляется устойчивый характер всего комплекса вооружений.

Прежде всего следует отметить, что письменные источники, синхронные рукописям саг, не содержат упоминаний и свидетельств существования подобного комплекса. Например, Джеральд Кембрийский, автор созданной в 1080-х годах «Топографии Ирландий», отмечает, что основным оружием ирландцев был большой топор, который они «по древнему и дьявольскому обычаю» держали всегда наготове и предпочитали всем другим видам оружия [15]. Зато этот комплекс, в том числе и боевые колесницы, хорошо известен античным авторам — Титу Ливию, Цезарю, Тациту и др. Но их свидетельства недостаточны для датировки кельтского комплекса вооружения, описанного в сагах, так что обращение к археологическим данным представляется единственной возможностью выявить те реалии кельтской культуры, которые легли в основу данного комплекса вооружения.

Но привлечение ирландских археологических материалов сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, кельтские памятники Ирландии исследованы гораздо меньше, чем континентальные. Это неизбежно влечет за собой определенную фрагментарность сведений. Во-вторых, изоляция острова, значительно бо́льшая, чем Британии, и относительно небольшое количество находок античных вещей затрудняют построение абсолютной хронологической шкалы археологических памятников, и, наконец, археологический материал, которым располагают исследователи, обладает весьма большой спецификой. Это следует оговорить особо.

В развитии кельтских археологических памятников обычно выделяют

---

[14] Tain... P. 71—100.

[15] *Gerald of Wales.* The History and Topography of Ireland. L., 1982. P. 107.

два периода: гальштатский и латенский. Второй из них называют собственно кельтским, или «периодом исторических кельтов»,— именно в это время кельтское общество входит в активный контакт со средиземноморскими культурами; гальштат же выделяют как завершающую ступень этногенеза кельтов. Переход от гальштата к латену в различных районах кельтского мира приходится на разное время: в Галлии — на V в. до н. э., в Британии — на рубеж IV и III вв. до н. э., а в Ирландии — на I в. до н. э. [16] Кроме того, в Ирландии отсутствует ряд характерных показателей эпохи позднего гальштата и раннего латена, а некоторые элементы, свойственные гальштатскому периоду, продолжают существовать в ирландском латене, в то время как на континенте исчезают или трансформируются.

Один из таких характерных элементов — это погребение в колесницах. В Ирландии отсутствуют как позднегальштатские захоронения в четырехколесных повозках, так и типичные для первых фаз латенской эпохи погребения в боевых колесницах [17]. Боевая колесница, столь часто упоминаемая в ирландском эпосе, до сих пор не известна в археологии Ирландии. Повозка, запряженная парой лошадей, была известна на острове: единичные находки упряжи лошадей, запрягаемых попарно, относятся, по данным Е. Джоупа, к периоду с III по I в. до н. э., но чаще — к I—IV вв. н. э.; однако нет никаких оснований называть эти повозки боевыми колесницами [18]. Эти данные позволяют сделать следующее предположение. Очевидно, колесницы, существующие в эпической традиции, имеют два пласта реалий: первый — повозка, запряженная парой лошадей, используемая скорее всего лишь как транспортное средство (выше уже отмечалось, что колесница в ирландском эпосе используется в основном как транспортное средство). Время использования ее установлено Е. Джоупом: с III в. до н. э. по IV в. н. э. Второй же пласт реалий связан с кельтской боевой колесницей, в Ирландии не известной. В эпосе представление об этих реалиях могло слиться. Поэтому колесница Кухулина и была названа однажды четырехколесной, хотя боевые колесницы были только двухколесными.

Четырехколесные повозки были достаточно распространены у кельтов в позднегальштатское время (VII—V вв. до н. э.), но это были не боевые колесницы, а культовые повозки. Они известны как ведущие компоненты так называемых «княжеских погребений» той эпохи, которые представляли собой пышные курганные захоронения, мужские или женские, с большим количеством керамики, в том числе и импортной, украшений, иногда — золотых. Оружия в таких погребениях было сравнительно немного. «Княжеские погребения» в основном были распространены в Центральной и Восточной Франции и в Западной Германии: у Шатильон-сюр-Сен (Франция), в Оненгейме (Эльзас), в окрестностях Гейнебурга (Австрия) и в других местах [19]. Кельтские четырехколесные культовые повозки известны также и по изображениям на керамике и мелкой скульптуре.

Наиболее древние свидетельства о существовании у кельтов двухколесных боевых колесниц относятся к VI—V вв. до н. э. От этого периода сохранились их изображения на ситулах, металлических сосудах из

[16] *Hawkes C. F. C.* The ABC of the British Iron Age // The Problems of Iron Age in Southern Britain. J., 1958. P. 7; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 245.

[17] *Raftery D.* The Archaeology of the Celts in Ireland // The Celts. Cork, 1964. P. 50.

[18] *Jope E. M.* Chariotry and Paired Draught in Ireland during the Early Iron Age // Ulster Journal of Archeology. 1959. XVIII. P. 37—44.

[19] *Монгайт.* Ук. соч. С. 175 слл.

Куффарна (Австрия) и Вача (Югославия), однако свидетельства становятся более частыми с V в. до н. э., когда исчезают «княжеские погребения» и появляются захоронения в боевых колесницах. Этот погребальный обряд с минимальными локальными различиями прослеживается почти на всей территории расселения кельтов, которая распадается на три зоны, охватывающие Галлию, районы Средней Европы и Британию. Памятники Галлии предоставляют данные о наиболее древних (с V в. до н. э.) кельтских погребениях в колесницах. Крупные курганные комплексы этого типа известны в районе Марна, на Среднем Рейне, где, по свидетельствам античных авторов, обитали племена белгов, в Шапани, где жили паризии, и на севере Дунайского бассейна [20]. Галльские погребения в колесницах датируются первой и второй фазами латена, по периодизации Рейнеке, т. е. периодом с V по рубеж III и II вв. до н. э. Во II в. до н. э. колесницы исчезают из погребений, а столетием позже ими вообще перестают пользоваться галлы. Если Диодор Сицилийский, ссылаясь на Посидония, автора начала I в. до н. э., говорит, что галлы пользуются боевыми колесницами [21], то Цезарь в середине того же столетия уже не упоминает о колесницах в Галлии. В среднеевропейской зоне (на востоке от Галлии вплоть до Карпат) погребения в колесницах были распространены в III—I вв. до н. э., однако их находки на территории Чехословакии, Венгрии, Болгарии носят спорадический характер [22]. Погребения в колесницах на территории Британии известны с III в. до н. э. по II в. н. э.[23] Подобное «запаздывание» этих дат находок в Ллин Кэрриг Бэх (Англесей), в Йоркшире и других местах по сравнению с галльскими памятниками связано с более поздним началом латенской эпохи в Британии. В Ирландии, как уже отмечалось, захоронений подобного типа не обнаружено.

Инвентарный комплекс кельтских погребений в колесницах обязательно включал воинское вооружение, состоящее из одного или двух копий, меча и щита. Ножны меча были обычно богато орнаментированы, а на яйцевидном умбоне большого овального или четырехугольного щита часто был изображен кабан. Курганные захоронения в колесницах иногда сопровождались погребениями слуг или возниц. Одежда в таких погребениях, как правило, не сохранилась, но очень хорошо известна бронзовая фибула — заколка, которой скалывались элементы одежды. Фибула — одна из самых массовых находок эпохи позднего гальштата и латена.

Параметры раннелатенского погребения воина в боевой колеснице в целом совпадают с устойчивым набором компонентов, составляющим описание воина на колеснице в сагах Уладского цикла. Однако возможные параллели этим не исчерпываются. Вот как описано приближение уладских воинов к противнику в «Похищении...»: «...то натягивались поводья, стучали колеса, лошади били копытами, скрипели колесницы

---

[20] *Hodson F. R.* The La Téne Cemetery of Münsingen — Rein. Bern, 1968; *Bognár-Kutzian I.* Some New Early Lá Téne Finds in the Nothern Danube Basin // The Celts in Central Europe. Szekesfehervaz, 1975.

[21] *Tierney J. J.* The Celtic Ethnography by Poseidonius // Proceeding of the Royal Irish Academy. 1960. XL. P. 227, 250.

[22] *Piggott S.* Ancient Europe from the Beginning of Agriculture to the Classical Antiquity. Chicago, 1965. P. 215.

[23] *Stead I. M.* A Distinctive Form of Lá Téne Barrow in Eastern Yorkshire and on the Continent // Antiquaries Journal. 1961. XLI. P. 54; *Alcock L.* Celtic Archeology and Art // Celtic Studies in Wales. Cardiff, 1963. P. 18—21.

и разносились громкие голоса идущих... мужей и героев» [24]. А Тит Ливий описывает боевые колесницы кельтов в битве при Сентинуме в 295 г. до н. э. так: «...римские всадники... были приведены в ужас сражением неизвестного им дотоле характера: стоя на боевых колесницах и телегах, со страшным грохотом, производимым лошадьми и колесами, явились вооруженные неприятели и напугали непривычных к шуму римских лошадей» [25]. Зрительное впечатление посла Коннахта Мак Рота и римского историка в целом совпадают. А сравнение описания последнего сражения Кухулина в саге «Большое поражение при Маг Муиртемне» [26] с описанием Цезарем боя с бриттами позволяет говорить о едином комплексе боевых приемов сражения с колесницы, который состоит из следующих компонентов: сначала колесницы гонят вдоль боевого порядка неприятеля, потом врезаются в гущу врага и кельтские воины, соскочив с колесниц, сражаются пешими. «Тем временем,— пишет Цезарь,— возницы мало-помалу выходят из линии боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае, если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом, в подобном сражении достигается подвижность конницы с устойчивостью пехоты. И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгнуть в колесницу» [27]. Подобное упражнение проделывает и Кухулин во время своего последнего боя.

Интересно сопоставить роль колесницы в жизненном цикле ирландских героев, с одной стороны, а галлов и британцев — с другой. Уже отмечалось, что в ирландском эпосе весь комплекс вооружения занимал одно из важных мест в системе обрядов посвящения: одна из фаз инициации так и называлась — «принятие оружия». Следует отметить и противоположное: колесница и оружие были связаны в сагах и с мотивами смерти. Действительно, Кухулин во время инициации спит на поле боя в колеснице (сон во время этого обряда у многих народов символизировал смерть — смерть мальчика, после чего следовало рождение мужчины — пробуждение). Также спит в колеснице и Фер Диад перед поединком с Кухулином, который кончится для него смертельным исходом. В одном из эпизодов «Похищения...» Кухулин кладет тела убитых воинов на колесницы. И, наконец, в саге «Большое поражение при Маг Муиртемне» смерти Кухулина предшествует смерть его возницы, его воинов, колесница героя теряет один хомут, а после смерти Кухулин предстает сказочным видением женщинам из столицы уладов Эмайн Махи, стоящим во весь рост в колеснице и поющим песню о величии этой священной столицы. Таким образом, колесница и оружие сопровождают всю жизнь воина — от обряда посвящения, где он рождается как воин и получает имя и оружие, до самой смерти.

Не менее четкую связь комплекса вооружения воина и его боевой колесницы с жизненным циклом воина демонстрирует и раннелатенский погребальный обряд. Он фиксирует тесную и прочную связь воина с его оружием на последнем этапе жизненного цикла, сопровождая его переход в загробный мир.

---

[24] Похищение быка из Куальнге. С. 295.

[25] *Тит Ливий.* Римская история от основания города... Т. II. М., 1901. С. 281.

[26] Brislich Mor Maige Muirthemne // The Bood of Leinster. V. II. Dublin, 1954. P. 446—450.

[27] Записки Юлия Цезаря. М., 1962. М. 63.

Итак, параллели между комплексом вооружения, входящим в описание воина на колеснице, и параметрами раннелатенского погребального обряда представляются достаточно четкими. Во-первых, совпадает набор военных атрибутов: боевая колесница, щит, меч и два копья входят и в текст устойчивого описания, и в инвентарь погребений. Во-вторых, в целом похожи друг на друга способы ведения боя с использованием боевых колесниц. И в-третьих, и в том и в другом случае несомненна связь этого комплекса с жизненным циклом воина — от инициации до смерти. Современное состояние археологического материала позволяет предположить, что эта связь зародилась в начале латенской эпохи и образ воина на колеснице был занесен в Ирландию с континента или из Британии. Очевидно, это могло произойти где-то на рубеже эр: в I в. до н. э. гальштат на острове сменился латеном, а в первые века нашей эры колесницы исчезают и в Британии, где они существовали наиболее длительное время. Однако более точную датировку могут дать лишь те компоненты устойчивой характеристики воина в ирландском эпосе, прообраз которых может быть найден и в самой Ирландии. Именно такими компонентами являются меч и орнаментированные наконечники копья.

Оружие гальштатского периода в Ирландии представлено, в частности, длинными бронзовыми и железными листовидными мечами с костяными или деревянными вставками металлических рукоятей, которые часто покрывались орнаментом. Мечи этого типа типологически соответствовали континентальным раннегальштатским мечам с рукоятью У-образной формы [28]. По этим параметрам гальштатский тип меча, распространенный в Ирландии вплоть до I в. до н. э., можно соотнести с описанным в эпической традиции «мечом с рукоятью с костяными вставками, изукрашенной золотой нитью» (claideb co n-eltaib det co n-imdenan Snaith oir). Характерная же простая втульчатая рукоять, известная на континенте на протяжении всего латена [29], с которой сопоставима костяная рукоять меча colg det, отсутствует, так же как и колесница, в археологии Ирландии [30]. С другой стороны, в археологическом материале раннего латена Ирландии, и в позднегальштатский период на континенте известны орнаментированные наконечники копий [31], также фигурирующие в эпосе. Все это вместе взятое позволяет достаточно определенно датировать появление комплекса вооружения, входящего в устойчивое описание воина на колеснице, периодом с I в. до н. э. по I или II в. н. э.— именно на этот период падает пересечение хронологической шкалы использования меча с У-образной рукоятью, орнаментированного наконечника копья и возможным временем проникновения на остров представлений о боевой колеснице и о мече с костяной втульчатой рукоятью. Континентальный материал, типологически близкий материалу этой эпохи в Ирландии, относится к периоду смены гальштата латеном и первых фаз латена — к V—III вв. до н. э. по шкале памятников Галлии. А то, что описание воина на колеснице занимает достаточно важное место в структуре текста саги, позволяет предположить, что в эпоху перехода к латену формируется весь пласт героических мотивов.

В заключение следует отметить, что соотнесение героических пластов саг Уладского цикла с археологическим материалом эпохи раннего латена

---

[28] *Macailister R. A. S.* The Archeology of Ireland. I. L., 1928. P. 135.

[29] *Граков Б. Н.* Ранний железный век (Культура Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.

[30] *Macailister.* Op. cit. P. 144.

[31] Ibid. P. 154; *Монгайт.* Ук. соч. С. 191.

позволяет поставить ряд проблем, связанных с социальной структурой кельтов, в частности, проблему возрастных групп воинов у ирландцев и континентальных кельтов. Кроме того, возможна более широкая постановка проблемы социальной организации континентального кельтского общества, так как привлечение ирландского материала позволяет более полно судить о военной аристократической прослойке кельтского общества. Однако рассмотрение этих проблем выходит за рамки данной работы.

Н. В. Ссорин-Чайков

L'ORIGINE HISTORICO-ARCHÉOLOGIQUE DE CERTAINS STÉRÉOTYPES ÉPIQUES

(*Les descriptions de guerriers en armes dans l'épopée héroïgue irlandaise*)

N. V. Ssorin-Čajkov

L'auteur tente d'établir une corrélation entre la strate héroïque des légendes du cycle d'Ulad de l'épopée irlandaise et les *realia* de la culture celtique, en s'appuyant sur l'analyse d'un attribut des sagas: les descriptions de guerriers montés sur chars. Il dégage d'abord le lien existant entre les éléments de ces descriptions (char de combat remorqué par deux chevaux, armement — épée, bouclier, une ou deux lances — et caractéres fixes de l'extérieur du héros, notamment sa longue chevelure peinte en plusieurs couleurs) et les stéréotypes épiques du comportement du guerrier après le rite d'initiation. Dans une deuxième partie, l'auteur examine une abondante documentation archéologique qui lui permet de présumer que ce complexe a pour origine l'époque du Là téne précoce (V^{e} — IIe ss. av. n. è. selon la chronologie des monuments en Gaule et des Ier s. av.— IIe s. de n.è. en Irlande). C'est à cette époque — là que se répandent les sépultures celtiques avec chars dont l'inventaire coïncide pour l'essentiel avec le complexe des descriptions standard du guerrier sur char dans l'épopée irlandaise. La comparaison des éléments de ces descriptions avec les données archéologiques relatives à la culture celtique permet à l'auteur de conclure que la question d'une correspondance éventuelle des stéréotypes de comportement des héros épiques avec la structure sociale de la société celtique ancienne mérite d'être étudiée.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН, А. А. ВИГАСИН. Образ Индии. Изучение древнеиндийской цивилизации в СССР. На английском языке. М., 1984

Рецензируемая книга представляет собой подробный очерк развития индологии в нашей стране, а также обзор истории культурных контактов между народами СССР и Индии с глубокой древности. Очень удачно название монографии, предназначенной как для специалистов, так и для широкого круга читателей (особенно в Индии, как отмечают авторы в предисловии, с. 11). В ней содержатся не только научная разработка монографии историографии, подробный обзор археологических открытий последних десятилетий на территории СССР, результаты которых тесно связаны с восстановлением ряда этапов древнеиндийской истории, не только обзор сведений о культурных контактах России и Индии, а именно «образ», общая картина связей двух соседей, возникших еще в далеком прошлом, глубокого интереса и постоянного внимания ученых нашей страны к проблемам индийской древности, бережного отношения к наследию тысячелетней культуры «страны богатств и мудрецов». Эта книга должна способствовать еще большему сближению наших стран в области культурного сотрудничества, исторических и культурно-исторических исследований. Монография издана также в переводе на хинди.

Появление этой книги представляет значительный интерес и для советской историографии. Здесь впервые в исторической литературе дается общий обзор всех основных достижений отечественной индологии вплоть до наших дней. Нельзя сказать, что в советской исторической литературе не предпринимались попытки обобщить результаты исследований индологов. Известен ряд статей, посвященных историографии отдельных проблем. Индологи бережно относятся к творческому наследию крупнейших ученых дореволюционной России и СССР: вспомним, например, сборники, посвященные памяти академика Ф. И. Щербатского, И. П. Минаева, ряд статей в научной периодике [1]. Но по масштабу, полноте и широте охвата в хронологическом аспекте «Образ Индии» представляет собой пока единственную работу такого характера в советской историографии, еще не опубликованную, к сожалению, на русском языке.

В I главе рассказывается о постепенном складывании представлений об Индии на Руси со средневековья [2]. Первые сведения об этой стране, в основном носившие мифический характер, приходят из византийской литературы. Отдельные памятники русского средневековья имели связь с литературной традицией Индии, например «Повесть о Варлааме и Иосаафе», являющаяся переложением легендарной биографии Будды, и некоторые другие. Показывается тенденция к постепенному увеличению контактов между двумя странами. Установление торговых связей, путешествия, рас-

[1] Индийская культура и буддизм. М., 1972; *Минаев И. П.* Сб. статей. М., 1967; Библиография Индии. М., 1976. С. 32—58 и др.

[2] Основное содержание этой главы в более полном варианте опубликовано одним из авторов рецензируемой книги, см. *Вигасин А. А.* Представления об Индии в древней Руси // Индия. 1981—1982 гг. Ежегодник. М., 1983. С. 274—278; *он же.* Изучение Индии в России XVIII в. // Индия. 1983. Ежегодник. М., 1985. С. 335—347.

сказы о далекой Индии, контакты с индийскими колониями на территории России способствовали тому, что образ Индии становился все более реальным. В XVIII в. появляются возможности еще более тесных контактов, начинается изучение Индии в России, знакомство с ее литературой, языком. Были изданы первые переводы: «Бхагавадгита», «Шакунтала» Калидасы. Отдельно в главе говорится о развитии культурных контактов между Индией и Средней Азией, народами Закавказья. Особое место занимают жизнеописания наиболее знаменитых путешественников — Афанасия Никитина, Рафаила Данибегашвили и других. Подробно рассказывается о пионере русского востоковедения — Герасиме Лебедеве, долгое время жившем в Индии.

Во II главе дается обзор изучения Индии в России в XIX — начале XX в. Ряд связанных общей линией очерков рассказывают о жизни и деятельности наиболее выдающихся российских исследователей древнеиндийской культуры и санскритологов. В первой половине XIX в. интересы ученых в основном касались проблем языка и литературы, мифологии и религии Индии. Труды российских востоковедов закономерно отмечаются как существенный вклад в дело изучения прошлого этой страны. Азиатский музей Академии наук, основанный в 1818 г., был одним из старейших учреждений, занимавшихся исследованиями Востока, в том числе Индии. Работы Ф. Аделунга, Б. Дорна, Р. Ленца, П. Я. Петрова, К. Коссовича, В. П. Васильева, О. Бетлинга и ряда других индологов дали много ценного мировой индологии и сравнительному языкознанию. Б. Дорну принадлежит честь открытия генетической связи славянских языков и санскрита, К. Коссович является автором первого в России санскрито-русского словаря. Одно из главных достижений русской индологии XIX в. — составление О. Бетлингом и Р. Ротом «Большого» и «Краткого» санскрито-немецкого словарей, которые и по сей день считаются непревзойденными публикациями. Несмотря на то, что прошло более ста лет после появления «Большого» словаря, в Индии ведется работа над переводом его на английский язык. В России переводили и издавали много произведений литературы Индии; здесь, в одной из первых стран Европы, история Индии была введена в курс истории древнего мира.

Примечательны две тенденции русской историографии, специально отмечаемые авторами в этой главе. Индология в России никогда не имела европоцентристской, проколониалистской направленности, ученые с большим уважением относились к прошлому «страны богатств и мудрецов». Обращает также на себя внимание тесная связь ряда индологов с представителями передовой интеллигенции страны, проявление интереса к Индии со стороны революционеров-демократов В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского.

Специально выделяется в монографии очерк жизни и деятельности одного из наиболее известных индологов дореволюционной России, основателя русской школы индологии И. П. Минаева. Широкий профиль интересов талантливого ученого, основательная подготовка благодаря его учителям В. П. Васильеву и К. Коссовичу, неутомимая научно-исследовательская и переводческая работа, особенно в области изучения буддизма, выдвинули его в ряд исследователей-индологов мирового класса. Следует отметить демократические взгляды ученого, его постоянный интерес к современному положению в Индии, многочисленные связи с представителями индийской национальной интеллигенции — борцами за освобождение страны, а также научную борьбу с европоцентристскими теориями западно-европейских индологов. Показательно, что интерес к его работам не пропал в настоящее время и у нас, и за рубежом [3].

Индология в России конца XIX — начала XX в. развивалась довольно активно, появились работы, посвященные истории культуры, языкам, в том числе санскриту, истории страны, религии и философии, праву и обычаям, многочисленные переводы

---

[3] См., например, сравнительно недавнее издание дневников путешествий ученого по Индии и Бирме.

литературных памятников. Имена русских индологов Вс. Миллера, Д. Н. Овсянико-Куликовского, Ф. И. Кнауэра и других заняли почетное место в истории изучения древнеиндийской цивилизации.

По-прежнему были сильны демократические тенденции в среде индологов, многим ученым было близко стремление Индии к освобождению. Живо интересовались Индией представители передовой художественной интеллигенции страны — Л. Н. Толстой, А. М. Горький, В. Брюсов, И. Франко и другие. Многие индологи, начиная с И. П. Минаева, вели научную полемику со сторонниками европоцентристских построений, отстаивая самобытность и уникальность богатой древнеиндийской культурной традиции, необходимость ее изучения для более полного понимания как индийской, так и всеобщей истории. Интересно отметить, что многие индологи после Великой Октябрьской социалистической революции приняли активное участие в культурном строительстве.

В конце XIX в. русская школа индологии становится одной из ведущих, особенно в области изучения буддизма. Помимо широкой научной деятельности и переводческой практики (все чаще появляются переводы больших по объему текстов), в России организуется издание международной серии «Библиотека Буддика», создается международный комитет, цель которого — изучение Центральной и Восточной Азии. В Туркестан и Тибет направляются экспедиции для сбора рукописей и этнографического материала. Организуются экспедиции и путешествия в Индию. Однако в дореволюционной России интерес широкой публики, как отмечают авторы, нередко удовлетворялся переводами текстов и зарубежных монографий, а также работами чисто информативного характера, авторы которых нередко не были собственно индологами. Проблемы социальной и политической истории в основном не затрагивались в дореволюционной историографии Индии.

Рассказы о жизни и деятельности двух знаменитых учеников И. П. Минаева, широко известных индологов академиков С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского, выделены в отдельные главы (III и IV). С. Ф. Ольденбург одним из первых обращает внимание на находки памятников гандхарского искусства, он успешно работает над переводом и изучением рукописей текстов на *брахми* и *кхароштхи*, по его инициативе начинается перевод «Артхашастры», при его активном участии издается «Библиотека Буддика». С. Ф. Ольденбург был руководителем двух экспедиций в Туркестан. После революции он активно участвует в организации новой советской науки, полностью отдает себя делам Академии наук, а впоследствии и Института востоковедения, первым директором которого он был. Одним из первых он уделяет внимание изучению современного Востока, его социально-экономического развития и классовой структуры. Широкая научная и организаторская работа С. Ф. Ольденбурга, признанного во всем мире исследователя, почетного члена многих академий, заложила основы для последующего успешного развития советской индологии.

Не менее значителен вклад в индологию Ф. И. Щербатского. Авторы справедливо отдают дань признания этому выдающемуся специалисту со стороны ученых и политических деятелей Индии и других стран. В IV главе рассказывается о жизни и творчестве этого ученого — общепризнанного авторитета в области индийской философии, культуры, буддологии.

V глава представляет собой обзор основных успехов советской исторической науки в области изучения древнеиндийской цивилизации. Следует заметить, что с труднейшей задачей — отразить на четырех десятках страниц основные успехи советской индологии — авторы справились успешно. В главе дается информация об основных работах советских историков Индии (прежде всего после 50-х годов), главных направлениях исследований, специально заостряется внимание на наиболее дискуссионных проблемах. Авторы подробно рассказывают о выдающихся советских востоковедах — Е. Е. Обермиллере, В. С. Воробьеве-Десятовском, Ю. Н. Рерихе, показывают, насколько широко развиты индологические исследования в СССР, как велик и много-

сторонен интерес советских ученых — историков, филологов, лингвистов, археологов — к прошлому Индии, мировой уровень советской исторической школы.

Гуманистические и демократические традиции передовых ученых России, объективность, уважительное отношение и огромный интерес к прошлому наших соседей, творческие контакты с широким кругом зарубежных и индийских историков — все это также является важными признаками советской индологии. Советская наука, развив и усилив основные традиции XIX в., внесла много нового. Основываясь на марксистско-ленинской теории исторического процесса, значительное внимание уделяют исследователи изучению политической, социально-экономической истории страны, ее классовой структуры, хозяйства, а также другим проблемам, обычно не поднимавшимся в дореволюционной историографии. В советской историографии благодаря работам ряда исследователей господствует концепция рабовладельческого строя в древней Индии, который включается в единую цепь всемирно-исторического процесса.

Конечно, задачи монографии, стремление авторов не перегружать книгу специальными деталями (о чем говорится в предисловии), поскольку она предназначена прежде всего для широкого круга читателей в Индии, а также значительно выросший объем исследований наложили свой отпечаток на содержание этой главы. Это в ряде случаев лишь обзор основных достижений советской индологии. Хочется надеяться, что при подготовке подобной работы для советских читателей (а необходимость этого очевидна), авторы смогут несколько более подробно остановиться на оценке основных работ (в том числе и своих), на их месте в мировой индологии.

VI глава представляет собой очерк последних археологических работ в СССР, обзор открытий и находок, связанных с историей Индии. Наряду с ценными замечаниями и выводами мы встречаем здесь живой и интересный рассказ об итогах последних археологических раскопок в Центральной Азии — в Халчаяне, Дальверзин-тепе, Айртаме, Кара-тепе и др. Авторы подробно останавливаются на проблемах первобытной археологии, истории изучения харапской цивилизации и работах по дешифровке ее письменности, раскопках памятников кушанского времени и др., рассказывают о последних находках на территории нашей страны. В приложении дается обзор коллекции индийских рукописей в СССР.

Рецензируемая книга отлично издана, снабжена портретами выдающихся дореволюционных и советских индологов, иллюстрациями, рисунками, картами. К каждой главе дается подборка библиографии.

В рамках пожеланий для будущей работы над новыми изданиями этой книги хочется высказать два соображения. Следуя при изложении истории изучения древнеиндийской цивилизации в основном хронологическому принципу, авторы, отдавая дань уважения двум знаменитым индологам академикам С. Ф. Ольденбургу и Ф. И. Щербатскому, выделили рассказ об их жизни и творчестве в отдельные главы. Однако в таком случае невозможно было избежать повторов в тексте разделов, посвященных истории индологии, поскольку эти ученые определяли уровень науки в конце XIX — начале XX в., они же были и ведущими индологами первой половины XX в., заложили основы развития советской науки. Конечно, нельзя не сказать о них при освещении истории индологии на указанных этапах. Возможно, следовало бы включить материалы об их жизни и деятельности в соответствующие главы, показав также подробно значение этих ученых для науки. Наряду с обзором коллекций индийских рукописей в СССР желательно было бы специально рассказать об основных коллекциях предметов материальной культуры, монет в СССР (сведения об этом встречаются в книге). Такой обзор безусловно представит значительный интерес как для зарубежных, так и для советских читателей. В отлично подготовленном издании, к сожалению, не удалось полностью избежать досадных опечаток, — например, в написании фамилии индийского ученого А. С. Альтекара (с. 175), неправильно дана дата вторжения саков в Индию (с. 198). Но это никоим образом не меняет очень хорошего впечатления от книги.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что монография двух ведущих советских индологов-историков знакомит широкую общественность за рубежом с образом Индии в России и СССР, с достижениями дореволюционной и советской индологии. Эта книга необходима и полезна и для советских читателей, интересующихся Индией и ее культурой; хочется надеяться, что вскоре мы увидим ее издание на русском языке.

Д. Н. Лелюхин

А. А. КОРОЛЕВ. Древнейшие памятники ирландского языка. М.: Наука, 1984, 203 с.

Книга А. А. Королева представляет собой публикацию полного корпуса огамических и латинских надписей, содержащих древнеирландский языковой материал и датируемых периодом до IX в. н. э. Эпиграфическому корпусу предпослан очерк языка огамических надписей, лексика которых подробно рассматривается в заключительной части монографии — словаре апеллативов и имен собственных.

Публикация самого корпуса, как и обширного критического аппарата и очерка языка огамических надписей — крупное событие в нашей науке. Значение рецензируемого труда определяется не только остро ощущающейся нехваткой серьезных и компетентных исследований и пособий по кельтологии (и по наиболее важным частным разделам этой дисциплины), но также и исключительно высоким филологическим уровнем книги, представляющей, помимо всего прочего, значительный научно-методический интерес. Знаменуя собой существенный шаг вперед в кельтологии, книга А. А. Королева несомненно вызовет к жизни новые кельтологические исследования у нас и за рубежом. Следует отметить высокий эдиционный уровень данного труда, сочетающийся с компактностью, информативностью и сжатостью комментариев, строгим отбором сведений, действительно необходимых читателю, четким разграничением логически необходимых выводов и возможных, но не обязательных допущений. Названные качества, однако, ни в коей мере не делают содержание книги герметичным, доступным для одних лишь лингвистов-кельтологов, т. е. специалистов stricto sensu. Рецензируемое издание построено так, что сведениями о древнейших памятниках ирландского языка смогут широко пользоваться языковеды-индоевропеисты, этимологи, специалисты по ономастике и истории письма, а также историки-кельтологи и историки древнего мира. Многие проблемы, рассматриваемые А. А. Королевым, находятся в непосредственной связи с кардинальными вопросами истории культуры (в широком понимании этого термина).

Рецензируемая книга открывается кратким историко-лингвистическим очерком, в котором читатель найдет сведения о предыстории и истории огамического письма, принципах датировки надписей и основных языковых изменениях в системе гойдельского и архаического ирландского состояний.

В главе I «Огамический алфавит» дается общая характеристика огамических надписей и рассматривается вопрос о происхождении огама. Обращаясь к генезису огамического письма и критически анализируя имеющиеся на этот счет точки зрения, А. А. Королев раскрывает перед читателем всю сложность этой проблемы, решение которой требует учета множества лингвистических и историко-культурных факторов — таких, как ареал распространения огамических надписей, происхождение термина ogam, возникновение названий огамических букв, первоначальная функция лапи-

дарных надписей, роль галльской и римской традиций в истории огамического письма, соотношение и взаимосвязь огамической и германской рунической систем и подобных. В итоге автор приходит к убедительной, на наш взгляд, точке зрения, согласно которой огамическое письмо возникает на юго-востоке Ирландии, т. е. в ареале, особенно тесно связанном с культурой римской Галлии, скорее всего — в период с I по II в. н. э. Вслед за Дж. Карни автор склонен признать вероятным влияние классификации латинских букв, отраженной в грамматике Доната, на распределение огамических знаков по особым группам — «семьям». Вместе с тем не исключается и воздействие на это распределение со стороны древнеирландской классификации деревьев по степени их «благородства», что существенно, поскольку в огамической традиции названия деревьев служат в то же время и названиями букв. Совмещение двух этих влияний должно было бы, по-видимому, объясняться удачным наложением местных поэтических и религиозно-магических представлений на подходящую по структуре античную грамматическую классификацию. Заметим, правда, что эта внутренне последовательная точка зрения не до конца разъясняет особый и очень интересный вопрос — о связи названий огамических знаков с некоторыми германскими названиями рун и германским обозначением дощечки для письма и буквы, производным от основы *þōk- ‘бук’. Полностью отрицает автор мысль Е. Куриловича об «интуитивном фонологизме» создателей огама, и это верно во всем, что не касается «семьи» гласных, где имеем последовательность a, e, i, o, u — несомненное свидетельство «фонологического» подхода.

Рассматривая вопрос о функциях огамических надписей и указывая на первоначально магическую ориентацию огама, автор, в общем, следует наиболее распространенному взгляду на лапидарные надписи и считает, что они выполняли назначение эпитафий на могилах и кенотафах. В ряде случаев, однако, с большей или меньшей определенностью можно говорить об использовании камней с надписями и как межевых.

Из имеющихся этимологий термина ogam (также ogom, ogum) автор предпочитает традиционную, связывающую ogam с двумя кельтскими теонимами — ирландским Ogmae и галльским Ogmios, хотя и признает наличие в данном случае существенных трудностей как фонетического, так и историко-культурного характера, препятствующих этому объяснению. А. А. Королев безусловно прав, когда критикует этимологию Дж. Киллина, видевшего в названии ogam заимствование из греч. ὄγμος ‘борозда’ (через незасвидетельствованную ступень *ὄγομος), что в корне противоречит тому культурно-историческому фону, на котором развивалось огамическое письмо. Вместе с тем вполне убедительными типологически кажутся наблюдения Дж. Киллина над связью значений ‘писать’ и ‘пахать’, ‘бороздить’, ‘царапать’, что, быть может, позволяет перенести вопрос в несколько иную плоскость: не следует ли рассматривать ogam (из более раннего *ogomos, *ogosmos) не как заимствование, а как форму, этимологически родственную греч. ὄγμος, др. инд. ajma-‘путь, дорога’?

В главе II «Вопросы хронологии огамической эпиграфики» рассматривается широкий круг проблем, так или иначе связанных с датировкой лапидарных надписей. Положение с датировкой огамических памятников довольно своеобразно: как показывает А. А. Королев, роль исторических, археологических и палеографических критериев оказывается — по ряду причин — весьма скромной. Из существенных достижений в этой области автор называет находку в Центральной Ирландии игральной кости, датируемой на основе археологического контекста II в. н. э. Одна особенность этого объекта, обозначение пятерки с помощью огамического знака для V как будто бы указывает на то, что изготовителю были одновременно известны и римская система нумерации, и огамическое письмо. Таким образом, возникает достаточно серьезное основание для определения terminus post quem огамических надписей.

Ключевая роль в датировке огамических надписей принадлежит собственно лингвистическим критериям, поскольку кельтологи располагают ныне чрезвычайно де-

тальной и надежной абсолютной хронологией фонетических процессов, протекавших на ранних этапах истории ирландского языка, начиная с I в. н. э. Точность датировки, достигающая в ряде случаев четверти столетия, и обеспечивает в основном хронологическое приурочение лапидарных надписей.

Развитие языка с I по VI в., частично нашедшее отражение в огамических памятниках, оказывается весьма далеким от идеализированной картины равномерного поступательного движения, с которой нередко приходится иметь дело лингвисту (как правило, именно вследствие нехватки конкретных данных, связанных с хронологией): более или менее продолжительный период, характеризующийся относительной стабильностью фонетической системы (с I по начало V в.), сменяется достаточно коротким отрезком времени (начало V — конец VI в.), когда фонетические (а следовательно, и морфологические) изменения нарастают лавинообразно. Нельзя не согласиться с автором, видящим в этой внезапной и стремительной ломке старой языковой системы результат воздействия внешних (социолингвистических и историко-культурных) факторов; «языковая революция» связывается в данном случае с активным перемещением гойдельских племен на Британских островах в IV—V вв., с ускорением христианизации Ирландии и с изменениями в структуре ирландского общества с середины V в. Значение подобных экстралингвистических импульсов, пока еще не изученное в должной мере, может быть весьма велико: в этом плане данные огамических надписей следует рассматривать как ценное дополнение к совокупности типологически однородных ситуаций языкового развития, в частности, связанных с римским и романским влиянием. Примером, вполне аналогичным гойдельскому, может служить, скажем, стремительная трансформация в праалбанской языковой системе после II в. н. э., в значительной мере объясняющаяся римской колонизацией Балканского полуострова и последующей христианизацией. С другой стороны, заслуживают внимания как «доказательства от противного» случаи замедленной языковой эволюции, как, например, в древнеисландском, не испытавшем столь мощных экстралингвистических потрясений и совершенно иначе воспринявшем последствия христианизации.

Предположение о значительной роли внешних факторов в языковом развитии и ограниченное число возможных импульсов этого типа естественно приводит к стремлению единообразно описать всю цепь фонетических процессов, увидеть в них отражение одной общей тенденции. Такой тенденцией для гойдельского А. А. Королев предлагает считать стремление к сокращению длины слова за счет исчезновения как гласных, так и согласных, т. е. развитие в сторону своеобразной «аллегровости» речи. Не подвергая в целом сомнению эту точку зрения, заметим, что заслуживает внимания и еще один аспект проблемы: в фонетической эволюции гойдельского ясно просматривается важная в типологическом отношении корреляция двух широкомасштабных фонетических процессов — палатализации согласных и редукции гласных, характерная для многих фонетических систем и впервые рассмотренная применительно к славянскому Р. Якобсоном.

Обращаясь к хронологии фонетических изменений, нельзя не коснуться и вопроса о периодизации истории ирландского языка. Ее новый (и весьма удачный) вариант предложен А. А. Королевым взамен периодизации Д. Грина. Отказываясь от действительно малоудачного термина Грина Primitive Irish, обозначавшего период до начала VI в., автор предлагает называть первый период развития ирландского языка гойдельским и доводить его до середины VI в. Тем самым удается избежать искусственного разрыва между фонетическими процессами, протекавшими в V и VI вв. и связанными друг с другом логикой языковой эволюции. При этом разграничиваются ранний гойдельский (до второй половины V в.) и поздний гойдельский: на последний этап как раз и приходится основная часть фонетических преобразований. Следующий период обозначается как архаический ирландский (середина VI — первая половина VII в.) и в чисто лингвистическом плане связывается прежде всего с процессом синкопы. Далее выделяются ранний древнеирландский (до начала VIII в.), классический

древнеирландский (до середины IX в.) и поздний древнеирландский (до середины X в.). Таким образом, огамические надписи рассматриваются как памятники двух периодов — гойдельского и архаического ирландского.

Выше мы говорили о преимущественно лингвистическом характере датировки древнейших памятников ирландского языка. Это, однако, справедливо лишь с той существенной поправкой, что подлинно научная датировка была бы невозможна без углубленного филологического анализа надписей и учета существенных социолингвистических и культурно-исторических факторов. Как показывает автор, специфические особенности ирландской культуры нашли свое выражение в крайней консервативности и традиционности огамической орфографии, непоследовательно и с отставанием отражающей реальное языковое развитие. Таким образом, в огамических надписях нередко наблюдается как бессознательная, так и намеренная псевдоархаизация языка, что затрудняет датировку и приводит к необходимости датировать памятники по наиболее поздним формам, встречающимся в тексте, в то время как прочие формы приходится трактовать как дань орфографической инерции. Вместе с тем тот факт, что надписи подвергаются архаизации часто, но не всегда, заставляет подразделять их на действительно архаичные, поздние и не подвергшиеся архаизации и архаизированные полностью или частично. Понятно, что при этом наиболее уязвимой оказывается датировка наиболее важной категории надписей — действительно архаичных, так как они не всегда отличимы от достаточно последовательно архаизированных памятников.

Глава III «Язык огамических надписей» содержит сведения по исторической фонетике и, в меньшем объеме, по морфологии, словообразованию и синтаксису. Точкой отсчета в этой главе служит раннегойдельское состояние; можно пожалеть, что в книге такого объема не представилось возможным хотя бы вкратце остановиться и на более ранних этапах, на предыстории гойдельского.

Ряд интересных проблем рассматривает А. А. Королев в связи с гойдельским консонантизмом и его отражением в огамическом письме. Огамический алфавит не располагал адекватными средствами для передачи новых аллофонов (а затем и фонем), возникших в гойдельском и архаическом ирландском вследствие палатализации и ленции. В то время как в латинских надписях ленированные /Θ/, /x/ обозначаются как th, ch, аналогичная передача в огаме возникает лишь на самых поздних стадиях эволюции огамических надписей. При этом отмечаются случаи спорадической передачи ленированного согласного удвоением огамического знака для соответствующего неленированного. Загадочным образом выражается на письме -h-, рефлекс старого интервокального и конечного -s-: для этого не используется имевшийся в огаме знак H, но надписи, относящиеся к одной эпохе, отражают колебания между S и графическим нулем. В целом автор не признает определенного фонетического значения за многочисленными удвоениями согласных в надписях. В то же время он справедливо предполагает, что в неоднократно встречающихся конечных -NN следует видеть способ выражения палатализованного /ń/. Можно думать, что палатализация скрывается и за некоторыми другими удвоениями, как, например, в случае TOGITTACC (надпись № 172), где геминированное -TT- читается как ленированное /ɵ/, конечное же -CC, по-видимому, стоит на месте /ɕ́/, ленированного и палатализованного одновременно. В разделе, посвященном вокализму, в основном затрагиваются вопросы, связанные с отражением в огамических надписях последствий аффекции гласных.

Жанр огамических надписей, к сожалению, подразумевает их малую информативность в грамматическом плане. В области морфологии подавляющее большинство данных относится к именной флексии (преимущественно генитив и номинатив различных типов основ); из глагольных форм можно — и то с известной долей сомнения в справедливости такой реконструкции — назвать только ESSI ‘(он) есть?’, из и.-е. *esti. Тем не менее даже столь скудный материал в некоторых случаях оказывается весьма ценным: например, принимаемая автором реконструкция флексии генитива i̯ā-основ *-i̯ās > > *-iias *-ei̯a(s) > -e подтверждается огамическими вариантами -IAS/-IA,

-EAS/-EA, -E. Надписи отражают и некоторые явления, существенные для реконструкции гойдельского словообразования: примером могут служить имена с префиксом UDD-, форма которого заставляет предпочесть интерпретацию соответствующего ирландского преверба как *ud-, принадлежащую Х. Педерсену, альтернативному объяснению Р. Турнейзена (из *uds-). Любопытно, что надписи информативны даже в синтаксическом плане. Так, конструкции с KOI 'здесь' могут быть истолкованы как отражение закона Вакернагеля, что может служить аргументом против гипотезы Э. Мак-Нила (поддерживаемой А. А. Королевым), согласно которой конструкция с KOI обязана своим происхождением влиянию латинских эпитафий, содержащих hic iacit.

В заключительной части главы автор останавливается на некоторых вопросах лексики и ономастики и дает общую характеристику эволюции от гойдельского к древнеирландскому.

Корпус огамических надписей дан в главе IV. В основу его положено издание Р. А. С. Макалистера, с которым он, однако, не совпадает в целом ряде существенных деталей. В новый корпус вошли только собственно огамические надписи, а также те надписи, выполненные латинским алфавитом, и ирландские и британские надписи, выполненные полууставом, которые имеют непосредственное отношение к огамическим и содержат гойдельскую ономастику. В корпус не были включены огамические надписи, относящиеся к периоду после IX в. н. э., а также надписи на небольших изделиях, выполнявшие магическую функцию и не имеющие интерпретации, и испорченные надписи, не поддающиеся реконструкции. Вместе с тем в корпус введены немногочисленные надписи, обнаруженные после выхода в свет свода Макалистера.

А. А. Королев вложил много труда в перепроверку принятых Макалистером чтений и во многих случаях по-новому прочел надписи. В тех случаях, когда это было возможно, надписи воспроизводятся не по чтениям Макалистера, а по данным проводившихся различными авторами аутопсий и по прорисям и фотографиям. Учтены также замечания, сделанные рецензентами издания Макалистера. Таким образом, рецензируемый корпус представляет собой подлинно критическое и более надежное издание. *При каждой надписи автор указывает ее номер по своду Макалистера и приблизительную локализацию.* Комментарий к надписи, как правило, содержит сведения о ее датировке, археологических и палеографических особенностях, деталях фонетического и морфологического характера, допустимых конъектурах; в необходимых случаях обосновывается новый вариант словоделения, отличный от ранее принятого.

По своему содержанию надписи однотипны и представляют собой формулы, построенные по одному из весьма немногочисленных структурных образцов и сообщающие о принадлежности камня, на котором выполнена надпись. К наиболее распространенным типам относятся: *1*) имя собственное в генитиве — «X-а» (GANICCA, № 188); *2*) «X-а, сына Y-а» (GRILAGNI MAQI SCILAGNI, № 85); *3*) «X-а, потомка Y-а», где Y — имя бога или обожествленного предка (DEGOS MAQI MOCOI TOICAKI, № 197); *4*) «X-а, внука Y-а» (CUNALEGI [A] V [I] QUNACANOS, № 3); *5*) «X-а, вассала Y-а» (UDDMENSA CELI NETTASLOGI, № 109); *6*) «X-а, племянника Y-а» (DUMELI MAQI GLASICONAS NIOTTA COBRANOR [IGAS], № 252). В формулу может входить слово KOI 'здесь' или ANM 'имя, надпись'. В одной надписи латинским полуунциалом (№ 1) встречается слово lie 'камень'.

Заключительная глава V представляет собой словарь к корпусу огамических надписей. Первая часть его охватывает немногочисленные апеллативы, встречающиеся в надписях, вторая — ономастику. Словарная статья включает в себя следующие основные компоненты: значение (для апеллативов) или его реконструкцию (для имен собственных и их частей), номера надписей, в которых встретилось слово, его ирландские ономастические и апеллативные соответствия в других типах памятников, краткую этимологическую справку (обычно — отсылку к словарю Ю. Покорного), необходимые конъектуры и эмендации, ономастические параллели в других кельтских языках,

в частности в галльском, историко-фонетический, а иногда и эпиграфический комментарий. Автор сознательно отказался от введения в словарные статьи более детализированной информации экстралингвистического характера, которая потребовала бы непомерного увеличения объема книги, и добавим от себя, находилась бы в известном противоречии с общей направленностью рецензируемого труда на строгое и последовательно лингвистическое описание.

Словарь содержит немало новых этимологических решений и удачных объяснений многих запутанных проблем, связанных с гойдельской лексикой. Полное перечисление таких удач здесь, конечно, невозможно, и мы вынуждены ограничиться указанием лишь нескольких интересных решений. Рассмотрение упомянутого выше lie 'камень', не содержащего интервокального -w-, позволяет А. А. Королеву окончательно решить вопрос о внешних связях этого кельтского слова: из двух альтернативных версий (к греч. λᾶας или к греч. λέπας) выбирается вторая. Данные надписей дают возможность полностью разграничить этимологически гойдельские названия сына и потомка (огам. MAQI и MUCOI соответственно). Среди наиболее значительных в этимологическом отношении статей по ономастическим единицам можно было бы назвать AMMLLO ITT, COILLABBOTAS, CONURI, -DECAS, DOVVINIAS, INEQAGLAS, VEQOANAI, VINNAMMILEA.

Чтение словаря побуждает к тому, чтобы сделать некоторые дополнения, по своему содержанию иногда выходящие за те строгие рамки, которые установил для себя А. А. Королев. Так, например, данные огамической и, шире, кельтской ономастики в некоторых случаях позволяют предложить иную трактовку имен собственных, связанных с совершенно иным языковым ареалом — фракийским, и высказать предположения о континентально-кельтском происхождении некоторых имен, ранее считавшихся фракийскими. Некоторые такие дополнения приводятся ниже наряду с замечаниями, более непосредственно относящимися к основному предмету рецензируемой книги.

ANM. Для этого слова с основным значением 'имя' в огамических надписях давно установлено специфическое значение 'надпись'; здесь усматривают кальку лат. nōmen со сходной семантикой. Нельзя, однако, исключать и того, что в значении ANM 'надпись' отражен семантический архаизм, связанный с этимологией индоевропейского названия имени, в частности, с членением этого термина как *en-men- и реконструируемым в этом случае значением 'влагаемое' или 'налагаемое' (Порциг, Топоров). Любопытна и гипотеза А. Исаченко, видевшего в названии имени обозначение 'принятого знака' (*em-men-)' как термина родового строя. Семантика ANM в надписях могла бы непосредственно отражать одно из этих значений.

MOSAC. Это слово со значением 'мальчик, слуга' в одной из новых надписей имеет вид MOESAC; последняя форма, как показывает А. А. Королев, весьма архаична в фонетическом отношении. Для более раннего времени следует предполагать кельт. *moisākos, полное соответствие которому находим во фракийском личном имени Μούζακος, вероятно, с передачей [oi] через -ου-. Изолированность имени во фракийском, как и более широкий контекст надписи, в которой это имя засвидетельствовано (Μούζακος Μουκαντίου), как будто позволяет думать о кельтском источнике.

MUCOI. Обращает на себя внимание наличие у этого слова со значением 'потомок' точных параллелей в иранском и фракийском (Μουκας, Μουκα). Речь в этом случае, видимо, должна идти не о влиянии, а об этимологическом тождестве. Наряду с этим обращают на себя внимание такие фракийские имена, как Μουκαζενθος, в которых о б е части соотносимы с кельтскими морфемами (ко второй части ср. галл. cintu-). Возможно, имена этого типа следует рассматривать как фракийскую фонетическую адаптацию кельтской ономастики.

BIVITI. Это имя соответствует галльскому Bivito и представляет собой производное от основы *bīw- 'живой'. Заслуживает внимания то обстоятельство, что гойдельское и галльское имена, восходя к кельт. *bīwitos, являются цельнолексемным со-

ответствием др. инд. jīvitá- 'живой; жизнь' и, следовательно, допускают реконструкцию и.-е. *g^{w}iu̯itos.

BLATEGSI. Наличие сочетания -GS-, как отмечает автор, придает этому имени необычный вид. В то же время в корневой части оно, по-видимому, может быть соотнесено с др. ирл. bláth 'цветок' и с огам. BLATICNI, тождественным др. ирл. bláithin 'цветочек'. Принимая во внимание то, что огамический знак для S отличается от знака для N всего одной чертой (знак для S состоит из четырех черт, знак для N — из пяти), кажется возможным допустить, что здесь налицо ошибка резчика, и **читать** BLATEGNI, отождествляя его с BLATIGNI.

CASIGNI. Предлагаемое автором членение CASI-GNI позволяет, несмотря на некоторые трудности, отождествить первую морфему с хорошо представленной в галльской ономастике основой cassi- (вторая морфема — также широко распространенный формант -gno-). В таком случае напрашивается сопоставление с фракийским личным именем Κασιγνακις, в котором мы видим кельтизм. На основании гойдельского CASIGNI и приведенной фракийской формы можно было бы реконструировать галльское, resp. континентальное кельтское имя *Cassi-qn-ācos.

CATICVVS. А. А. Королев допускает членение CAT-ICVVS и сопоставление второго компонента имени с различными рефлексами и.-е. *-ək^{w}-, ср. др. ирл. enech 'лицо', др. инд. ánīka- 'лицо, середина, острие', др. инд. prátīka- 'лицо; повернутый в сторону' и т. п., вплоть до лат. antiquus и славянских прилагательных типа *vysokъ. В таком случае затруднительно сопоставление первой части CAT- с галл. catu-, др. ирл. cath 'битва', так как для *-ək^{w}- характерно присоединение к морфемам, продолжающим индоевропейские предлоги (примеры ср. выше). Не исключено поэтому, что элемент CAT- можно было бы (несмотря на некоторые трудности фонетического характера) возводить в данном случае к и.-е. *kn̥t- (ср. греч. κατά, др. ирл. cét 'с', др. валл. cant то же), ср. еще особенно греч. κάτοπτος 'видимый', из *kn̥t-ok^{w}-. Следы того же префикса Ж. Пино предполагал в галл. Caticnos.

DUCRIDDA. Несмотря на сомнения А. А. Королева, видимо, следует принять членение DU-CRIDDA и отождествить первый компонент с пейоративным префиксом DU-, а второй — с др. ирл. cride 'сердце'. Косвенное подтверждение этой точке зрения находим в том, что данные других индоевропейских языков как будто позволяют реконструировать антонимическое прилагательное 'добросердечный' -*esu-k̂r̥d-, ср. греч. εὐκάρδιος 'мужественный'. При этом следует учитывать хорошо известный факт парности индоевропейских образований с *esu- и с *dus-.

GRAVICAS. Принимая предлагаемую автором этимологию, связывающую это имя с кельтским названием птицы *grawā (ср. ирл. grau-bérla 'воронья речь', др. брет. *gro 'голубь'), нет необходимости реконструировать исходную форму с гаплологией *Grawawiks > *Grawiks, поскольку для *Grawiks можно указать полную словообразовательную и этимологическую параллель в слав. **žeravьcь*, деминутиве от **žeravь* 'журавль'.

LUGA. Сплошное сопоставление кельтской и фракийской ономастики и в этом случае приводит нас к обнаружению во фракийском формы кельтского происхождения. Речь идет о названии укрепления у Прокопия Λουκουνάντα, первую часть которого мы соотносим с огам. LUGA, галл. lugu-, а вторую — вслед за Д. Дечевым (но не в плане генетического отождествления) — с галл. nantu-, валл. nant 'долина, поток'. Таким образом, допустимо реконструировать *Lugu-nanta 'долина (бога) Луга'.

SOGINI. Это имя божества, в конечном счете, продолжает более раннюю форму ***sugenos*** и образует ономастическое соответствие конструкции, известной в других индоевропейских языках на апеллативном уровне, ср. др. инд. su-jana- 'хороший человек', греч. εὐγενής 'благородный', к и.-е *esu-ĝen-.

Возвращаясь к общей характеристике труда А. А. Королева, стоит еще раз подчеркнуть, что в рецензируемой книге совместилось несколько существенных достоинств: строгость лингвистического и филологического анализа, ясность и внутренняя

логика изложения, полнота материала. Издание осуществлено на хорошем полиграфическом уровне, а число опечаток незначительно (к досадным опечаткам относится, видимо, ihc вместо hic в надписи № 478). Сказанное в начале рецензии о насущности подобного издания, к сожалению, не согласуется с тем, что оно выпущено в свет в количестве всего 850 экземпляров. Остается надеяться, что через некоторое время появится новое издание этой замечательной книги, расширенное и напечатанное бо́льшим тиражом.

В. Э. Орел

К СПЕЦИФИКЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНТИЧНОСТИ

(Обзор новой зарубежной литературы)

В последние годы за рубежом вышло несколько книг по истории древних Греции и Рима, в большей или меньшей мере связанных с одной из самых существенных, как выясняется, проблем изучения античного общества. Речь идет о монографии профессора бухарестского университета Э. Чизека, посвященной Нерону, о коллективной работе трех ученых из ГДР по римскому колонату, о «Разысканиях об обществах откупщиков» (также на римском материале) итальянской исследовательницы М.-Р. Чимма и о книге оксфордского преподавателя О. Мэррея «Ранняя Греция» [1]. К ним примыкает статья Р. Макмаллена (США) «Легион как общество» [2]. Исследования эти не имеют между собой, в сущности, ничего общего. Кроме одного пункта: в разной мере и форме в них всех встает вопрос об объединениях или союзах, сообществах или содружествах из тех, что специалисты по социальной психологии называют «реальными», «малыми» (или «контактными») группами [3]. Явление, обнаруживаемое в столь разных сферах общественной действительности античного мира, должно указывать на некоторые общие и устойчивые черты этого мира.

В науке об античности подобные социальные микрообщности [4] были описаны неоднократно и весьма детально [5]. Рассматривались они при этом, однако, с точки зрения

---

[1] *Cizek E.* Néron. P., 1982, 474 p.; *Johne K.-P., Kohn J., Weber V.* Die Kolonen in Italien und den westlichen Provinzen des römisches Reiches. Eine Untersuchung der literarischen, juristischen und epigraphischen Quellen vom 2. Jahrhundert v.u.Z. bis zu den Severern. B., 1983, 487 S.; *Cimma M.-R.* Ricerche sulle società di publicani. Milano, 1981, 275 p.; *Murray O.* Early Greece. Glasgow, 1980, 319 p.

[2] *Macmullen R.* The Legion as a Society.— Historia, 1984, Bd XXXIII, Ht 4, S. 440—456.

[3] *Коломинский Я. Л.* Социально-психологические проблемы взаимоотношений в малых группах.— Вопросы психологии, 1971, № 6; Социальная психология. Краткий очерк. М., 1975, с. 33—65; *Десев Л.* Психология малых групп. М., 1979.

[4] В исследовательской литературе по истории античности они не имеют общепринятого наименования. Их называют иногда «объединениями» или «сообществами», иногда «ассоциациями», «социальными микроединицами» или «микроколлективами». В настоящем обзоре они названы «социальные микрообщности», причем обозначение это не рассматривается как термин, носит описательный характер и употребляется наряду с другими — «социальные микрогруппы», «социальные микромножества» и т. п.

[5] *Ziebarth E.* Das griechische Vereinwesen. Lpz, 1896; *Poland F.* Geschichte des griechischen Vereinwesens. Lpz, 1909; *De Robertis M.* Storia delle corporazioni e del regimo associativo nel mondo Romano. V. I—II. Bari s.d. (1971).

их правового положения, места в общественной структуре и их внутренней организации без внимания к социологической проблематике вообще и к межличностным отношениям в частности [6], к их влиянию на общественное поведение. Важность этой стороны дела начинает подчеркиваться в исследованиях последнего времени. «Тема, мною избранная,— заканчивает Клод Николе введение к своей широко известной книге „Гражданин республиканского Рима",— должна была бы иметь необходимое продолжение: исследование неофициальных и внегосударственных сообществ граждан — содалициев, всевозможных коллегий (может быть, при учете просопографических данных) и политических „партий". Независимо от того, более древнего или более позднего они происхождения, они говорят о поведении римлян в обществе не меньше, чем принадлежность человека к трибе или чем его участие в народных собраниях. Я полностью отдаю себе в этом отчет. Но объем книги не дал мне такой возможности» [7].

Материалы настоящего обзора отражают эту, по всему судя, нарастающую, тенденцию. При знакомстве с ними и при общей оценке самой тенденции надо иметь в виду следующее.

С точки зрения развития исторической науки эта тенденция важна тем, что в ней конкретно и наглядно проявляется один из общих законов познания, в том числе и общественно-исторического,— «...вечное, бесконечное приближение мышления к объекту» [8]. Неоспоримо, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [9]; что соответственно законы исторического развития могут быть познаны лишь на основе классового анализа этих обществ; что поэтому первична и исходно важна для исторического познания группировка людей по их положению относительно орудий, средств производства и распределения его результатов, т. е. по классам, а не по тем или иным социально-психологическим группам; что на каждой ступени общественного развития «...люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения...» [10], и решающими для их общественного бытия являются эти объективные классовые отношения, а не во многом субъективно устанавливаемые межличностные; что историческое поведение личностей и масс в конечном счете определяет их классовая идеология, а не их психологические предпочтения.

Но неоспоримо и другое. «Приближение мышления к объекту» как залог и форма развития познания означает рассмотрение общих закономерностей и процессов во все большей их конкретности, требует познать «не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе все богатство особенного, индивидуального, отдельного» [11]. Когда речь идет о познании исторического процесса, это означает, что категории, его характеризующие, познаются глубже, если рассматриваются, во-первых, во все более тесной связи с их реальным субъектом — живым человеком и, во-вторых, рассматриваются через его повседневную деятельность, во всем многообразии и осязаемости связей, в которые он включен, и условий, которые его окружают, ибо «...все те обстоятельства, которые воздействуют на человека, этого *субъекта* производства, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности...» [12]. В число этих обстоятельств входят формы повседневной жизни, межличностные отношения, настроения и эмоции, в которых общие социально-экономические закономерности конкретизируются, проявляются не только в *конечном счете*, но и *непосредственно*.

---

[6] В старой литературе одно из немногих исключений: *Буассье Г.* Римская религия от времен Августа до Антонинов. М., 1914, с. 582—642.

[7] *Nicolet C.* Le métier de citoyen dans la Rome républicaine. P., 1976, p. 22.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 424.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 6.

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 90.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. 1, с. 283.

Малые социальные единства, создающие особый психологический климат, мобилизующие, стимулирующие и ориентирующие общественные эмоции своих членов, стоят в том же ряду. Именно здесь яснее, чем во многих других сферах, классовые связи и антагонизмы выступают не в итоговом обобщении, а во всем богатстве «особенного, индивидуального, отдельного». Классы и социальные группы, борьба или союз классов и межличностные отношения, общественная идеология, с одной стороны, и общественные эмоции, с другой,— принципиально разные вещи, и сближать, смешивать, а тем более отождествлять их нельзя. Но это различие — диалектическое. Оно существует в пределах единого целого — общественно-исторической жизни людей, которую надо стремиться познать во всей ее полноте и во взаимодействии всех ее уровней. Стремление рассмотреть социальные микрообщности античной эпохи как одно из конкретных проявлений исторических процессов, стремление проанализировать их воздействие на общественное поведение людей соответствует объективной логике развития исторического познания.

Показательна в этом смысле эволюция взглядов Э. Чизека. В его докторской диссертации 1972 г., также посвященной эпохе Нерона [13], социальные микрообщности рассматривались еще весьма бегло и совершенно локально. Речь шла лишь об аристократических кружках, оппозиционных по отношению к режиму первых принцепсов [14]; никакого стремления рассмотреть этот частный и далеко не самый важный вид микромножеств как одно из проявлений некоторого общего свойства римской действительности автор не обнаруживал. Углубленное изучение эпохи Ранней империи, однако, вскоре привело его к более широкой постановке вопроса. В монографии об эпохе Траяна [15] он характеризует литературно-политические и философские кружки как модификацию в условиях империи былых клиентельных и соседско-общинных группировок и ставит эти кружки в связь с коллегиями [16]. Его книга о Нероне знаменует следующий шаг в том же направлении. В предисловии к ней автор отмечает, что в отличие от предыдущих его исследований по данной теме, где «преобладала тенденция все сводить к политической стратегии Нерона либо его противников», в данной работе такой подход дополнен анализом социокультурной сферы и системы ценностных ориентаций [17]. Обширная глава, посвященная социальным микромножествам (с. 173—256), подчинена решению этой задачи.

Их распространение в I в. Э. Чизек объясняет специфическими условиями общественной жизни эпохи Ранней империи: «Привыкшие на протяжении веков жить в стенах города, римляне ощущали в его пределах свою солидарность и свою причастность ко всему, здесь происходящему. Теперь эти стены рушились, гражданская община гибла, и жители ее оказывались одинокими в бескрайнем мире. Ощущение зыбкого, лишенного устойчивости, сотрясаемого политического мира заставляло римлян искать убежища в группках, где все им было уже знакомо, заставляло крепче браться за руки» (с. 216). Автор отмечает, что «в обществе сосуществовали многочисленные социально активные группы, выражавшие непреодолимую потребность римлян объединяться вокруг одного или нескольких вожаков» и что «расцвет их во многом был подготовлен республиканскими традициями клиентелы и многовековой привычкой к общинной жизни» (там же). В книге, как представляется, точно охарактеризованы основные признаки римских социальных микрообщностей: потребность в микрогрупповом общении — устойчивая черта общественной жизни римлян, проявление историче-

---

[13] *Cizek E.* L'époque de Néron et ses controverses idéologiques. Leiden, 1972.
[14] Ibid., p. 55—69.
[15] *Cizek E.* Epoca lui Traian. Bucureşti, 1980.
[16] Ibid., p. 124—127. Это постановка вопроса была подготовлена некоторыми более ранними работами других исследователей, в первую очередь: *Gagé J.* Les classes sociales dans l'Empire Romain, P., 1964; и, особенно: *Gillemain A. M.* Pline et la vie littéraire de son temps. P., 1929. Э. Чизек на них ссылается.
[17] *Cizek.* Néron..., p. 9.

ски обусловленных социально-психологических особенностей их народа; социальные микрогруппы восходят к традициям гражданской общины и к клиентеле; они меняют свой характер при империи, становясь компенсацией распавшейся в новых условиях общинной солидарности. В книге содержатся указания и еще на некоторые черты социальных микрообщностей, проявившиеся особенно ясно в эпоху империи; несмотря на единство их происхождения, они существовали в двух сильно развившихся видах — народном (коллегии) и аристократическом (литературно-философские кружки); в первых люди стремились укрыться в дружеском общении от официальной жизни все более чуждого им государства, последние сохраняли прямую связь с общественно-политической жизнью и обычно представляли собой что-то вроде политических клубов [18].

Отступления от собственной схемы приводят автора к неточностям, которые, однако, по контрасту помогают обнаружить некоторые существенные свойства исследуемого им явления. Понятие социальной микрообщности, например, неправомерно распространяется на такие вполне институционализованные звенья аппарата власти, как «августаны» (особая лейбгвардия, созданная Нероном из недоверия к преторианцам: число ее членов доходило до пяти тысяч человек) или как своеобразный «кабинет министров», состоявший из императорских отпущенников, управлявших дворцовыми ведомствами, и рабов, входивших в их штат [19]. Противоречие с материалом, как приводимым исследователем, так и известным из других источников, заставляет отдать себе отчет в том, что как раз неполная принадлежность к общественно-государственной структуре, контактность, ограниченность числа членов и были, по-видимому, обязательной чертой античных микрообщностей.

Вызывает сомнения и метод автора, объединяющего в одну микрогруппу людей абсолютно разного происхождения, традиций, интересов на одном лишь основании совместного упоминания их в источниках. Так, членами одной микрогруппы оказываются Лукан — поэт, в первый, «розовый», период правления Нерона вошедший было в его ближайшее окружение, но впоследствии республиканец, погибший в репрессиях 65 г., и Юлий Африкан — судебный оратор, не чуждый доносительства, кажется, не вхожий ко двору, происходивший из Галлии, как Лукан — из Испании, и, следовательно, человек совсем другого окружения и связей. Таких странных сочетаний в книге немало — префект претория, галл по происхождению, вполне придворный человек Афраний Бурр и адресат «Нравственных писем» Сенеки прокуратор Сицилии Луцилий; потомственный аристократ Публий Суиллий и отпущенник Антоний Феликс и др. Эти люди могли преследовать на определенном этапе общие политические цели, могли отдаляться и сближаться [20], но соединение их в одну устойчивую микрогруппу явно противоречит всему, что сказано автором о происхождении и характере таких микрогрупп и лишь заставляет почувствовать, что в качестве одного из существенных своих признаков они обязательно предполагали определенную социокультурную однородность и личную близость, предполагали атмосферу, хотя бы временно затушевывавшую остроту социальных, политических и личных противоречий.

В целом, однако, книга Э. Чизека представляет собой важный вклад в разработку обсуждаемой проблемы. Значение ее состоит в том, что режим Нерона не исчерпывается в ней своим политическим фасадом и характеризован как форма жизни, набор человеческих типов, духовная атмосфера, система жизненных и ценностных ориентаций.

---

[18] На с. 416—417 автор помещает сводную таблицу такого рода кружков середины I в., где указаны политическая, философская и художественно-эстетическая ориентация каждого из них.

[19] См. *Weaver P. R. C.* Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedmen and Slaves. Cambr., 1972. Рец.: *Смирин В. М.*— ВДИ, 1978, № 4, с. 148—164.

[20] Подобно, например, опальному потомственному аристократу Пизону Лицинниану и префекту претория Корнелию Лакону осенью 68 г.— *Tac.*, Hist. I, 14, 2.

Соответственно и массовое тяготение к микромножествам едва ли не впервые предстает здесь как важный элемент социальной психологии и общественной действительности эпохи. «Изобилие групп, кружков и кланов,— заключает автор свой анализ,— составляет поразительную черту римской жизни первых двух столетий принципата».

Если рассмотреть этот материал в более широком контексте, выясняется, что такая черта присуща не только эпохе раннего принципата. «В Риме любая возможность общественного продвижения, хотя и основанная на личных и, так сказать, технических данных ... могла реализоваться лишь через принадлежность — пусть фиктивную — к определенной социологической группе, будь то архаическая gens, в самом широком смысле familia, сенат или любое другое социорелигиозное или политико-религиозное множество» [21]. Данные источников подтверждают это суждение. Римляне верили, что занятие магистратуры зависит от двух условий — от studia amicorum и от voluntas popularis (Qu. Cic., Comm. pet. cons., 16), и если роль второго из этих условий впоследствии неизменно сокращалась, то роль первого сохранялась постоянной и даже росла, как то видно, например, из данных Плиния Младшего (Plin., Epp. I, 19; Paneg. 70, 9) [22]. Роль соседско-общинных, амикальных («дружеских») и клиентельных сообществ в образовании так называемых «партий» в разные периоды политической жизни Рима общеизвестна и вряд ли нуждается в пояснениях или примерах [23].

Положение это существовало не только в тот или иной период жизни древнего Рима. Оно характеризует его историю в целом. Профессиональные коллегии упоминаются в связи с деятельностью первых царей (Plut., Numa, 17), но просуществовали они во всяком случае до конца принципата (Dig. 50, 6, 12, 7) [24]; совещаться с кружком «друзей» при принятии ответственных решений было морально обязательно уже при царях (Liv., I, 49, 4), но об обязательности подобных совещаний Цицерон говорил в конце Республики (Cic., In Verr. Actio Sec. II, 17, 41; V, 9, 23; pro Balb. 8, 19; I Phil. 1, 2), и они же неукоснительно проводились еще в эпоху Флавиев (Tac., Hist. II, 1, 3). Э. Чизек рассказывает о кружке Нерона, но такие же по своей структуре кружки собирались двумя столетиями раньше вокруг Сципионов и тремя столетиями позже вокруг Симмахов. Микрообщества разных видов могут быть засвидетельствованы на всех социальных уровнях: культовые собрания, упоминаемые Цицероном в начале его «Лелия», или сообщества «юных», распространенные в эпоху Ранней империи в городах Италии, состояли из столичной и муниципальной знати [25]; культовые собрания компитальных союзов или сообщества «юных» в некоторых сельских общинах Италии I в. н. э.— из самых разных слоев, в том числе из отпущенников и рабов [26].

Принято выделять несколько устойчивых типов таких микрогрупп — профессиональные; дружески-застольные; религиозные, т. е. почитателей того или иного божества, обычно не входившего в официальный государственный пантеон; похоронные, т. е. складчины бедняков, совместно приобретающих места на кладбище или в колумбарии; политические [27]. Такие классификации стремятся зафиксировать определенные

---

[21] *Meslin M.* L'homme romain des origines au Ier siècle de notre ère. Essai d'anthropologie. P., 1978, p. 114.

[22] История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1982, с. 82.

[23] *Koestermann E.* Tacitus und die Transpadana.— Athenaeum, 1965, 43; *Meier Chr.* Res publica amissa. Wiesbaden, 1966, S. 15 ff.; *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976, с. 50, 58, 65, 90.

[24] См. указания на другие источники в кн.: *Шуази О.* Строительное искусство древних римлян. М., 1938, с. 144 сл.

[25] *Ростовцев М. И.* Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903, с. 140; *Della Corte M.* Juventus. Arpino, 1924, p. 7; *Jaczynowska M.* Les associations de la jeunesse romaine sous le Haut-Empire. Wrocław, 1978, p. 28—29.

[26] *Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978, с. 33.

[27] *De Robertis.* Op. cit., p. 9.

типы микрообщностей в их раздельности и, прежде всего, отделить частные сообщества от официальных — «учрежденных, как сказано в «Дигестах», чтобы служить своей деятельностью потребностям общества» (Dig. 50, 6, 6(5), 12). Между тем суть дела — во всяком случае социологическая и социально-психологическая — состоит как раз в том, что частные и общественные функции были в них обычно нераздельны.

Так, в эпоху Республики, а во многих слоях и значительно позже, каждый римлянин принадлежал своей «фамилии». Помимо членов семьи как таковых, она охватывала отпущенников, в известном смысле, рабов и не была резко обособлена от примыкавших к ней представителей младших ветвей рода, от клиентов, покровительствуемых земляков, друзей и т. д. Не случайно само это слово в обиходном языке было столь неопределенным и широким по значению. «За многозначностью термина „фамилия", без сомнения, изначально стояло нерасчлененное единство всех и всего, что входило в состав дома, которым властвовал отец семейства» [28]. В одном из поздних источников термином «фамилия» объединены все вообще сторонники Гая Гракха, сплотившиеся вокруг него в день его гибели [29]. Подобное нерасчлененное единство представляло собой плотную, контактную группу, члены которой были связаны отчасти генетической традицией, отчасти ритуальными трапезами и почти всегда хозяйственными или политическими интересами и разными формами взаимопомощи. Такое сообщество было частным, но в то же время составляло единицу и общественной жизни, ибо участвовало в ней как единое целое, а ее превратности распространялись на всех ее членов. Так было при Республике, когда после убийства Тиберия Гракха сенатская комиссия «самым свирепым образом допрашивала друзей и клиентов Гракхов» (Vell. Pat., II, 7, 3), так было при принципате, когда после смерти Нерона «воспрянули духом честные люди из простонародья, связанные со знатными семьями, клиенты и вольноотпущенники осужденных и сосланных» (Tac., Hist. I, 4, 3).

То же положение наблюдается и во многих других сообществах, например в амикальных группах. Римлянин, как уже отмечалось, всегда был окружен «когортой друзей», без совещания с которыми он не принимал ни одного ответственного решения. Друзей выбирали на основе соседства, родства, семейных традиций, но также на основе личных вкусов, как Сципион Старший выбрал Лелия, а Август — Агриппу; императора Вителлия упрекали за неумение выбирать друзей (Tac., Hist. III, 86, 2). Круг друзей мог меняться, но случаи размолвок были редки, и амикальная группа выступает обычно как устойчивая микрообщность. Она объединяла людей в застолье, в беседах, в совместных увлечениях, но все это не было отделено от жизни общества и государства, и в центре того, что римляне называли политическими «партиями», всегда обнаруживается амикальное сообщество. Группа советников и помощников, сопровождавших римского магистрата в провинцию, составлялась в значительной части из людей, лично ему близких, была институционализована далеко не полностью, но решение, принятое без совещания с ними, могло быть не признано действительным Cic., In Verr. Actio Sec. V, 9, 23; ср. Liv., 29, 20, 4). Даже так называемый Совет принцепса, рассматривавший все основные вопросы жизни империи и обеспечивавший политическую преемственность при смене властителей, на протяжении всего первого столетия принципата сохранял свой частный, неофициальный, квазидружеский характер [30].

Подобные примеры могут быть значительно умножены. Хозяйственная и общественно-политическая деятельность, семейная жизнь, развлечения и отдых, отправле-

---

[28] *Смирин В. М.* Историк, источник, принцип историзма.— ВДИ, 1980, № 4, с. 90.

[29] (Sc. C. Gracchus) «armata familia Aventinum occupavit» (De vir. ill. 65). При описании тех же событий эпитоматор Ливия в том же контексте употребляет как синоним слова familia слово multitudo: C. Gracchus seditioso tribunatu acto, cum Aventinum quoque armata multitudine occupavit... etc. (*Liv.*, Epit. 61).

[30] *Crook J.* Consilium principis. Cambr., 1955.

ние религиозных обрядов, даже вступление в армию осуществлялись в Риме в рамках микромножеств, в течение дня римлянин переходил из одного микромножественного контекста в другой, жить — значило жить в сообществах, и реализовать себя как общественное существо человек мог прежде всего в них. Пронизывая общественную действительность, они придавали ей в целом микромножественный характер.

Этот принцип раскрывается в исследованиях последнего времени во все новых и подчас неожиданных своих проявлениях. Показателен в этом отношении материал, собранный в книге М.-Р. Чиммы. Он заставляет по-новому взглянуть на римские компании откупщиков и увидеть в них не только финансовые и хозяйственные организации, но и образования иного порядка. Цицерон, например, как обратил внимание автор, употреблял слова «компании откупщиков» в одном контексте со словами «коллегии» (Cic., In Vat. 3, 8), «коллегии и общественные группы» (Cic., In Pis. 18, 41), «коллегии, содружества и сообщества» (Cic., Pro Sest. 14, 32). Такое словоупотребление показывает, что компании публиканов воспринимались в Риме не только как учреждения, но и как ассоциации, объединения, предполагавшие, подобно коллегиям, определенный тип межличностных отношений и определенную структуру. Как «фамилии» или политические содружества объединялись вокруг старейшины, вожака или патрона, так и откупная компания выступала перед внешним миром как целостная группа, объединенная вокруг магистра и как бы продолжавшая его,— он от собственного имени заключал контракт на откуп с государственными властями, и лица, сотрудничавшие в компании, лишь реализовывали сделку, им заключенную, и от него получали вознаграждение. При этом, однако, люди, использовавшие компанию как банк, доверяли деньги не магистру или его представителю, а компании в целом.

Данные М.-Р. Чиммы не означают, разумеется, что в компаниях публиканов можно усматривать разновидность дружеских кружков или религиозных коллегий. Но они показывают, как широко был распространен в Риме принцип, согласно которому всякое дело, государственное или личное, хозяйственное или политическое, осуществлялось с помощью группы лиц, объединенных вокруг руководителя и связанных с ним отношениями фамилиальной, амикальной, местной, общинной или любой другой солидарности — отношениями, не носившими официально-отчужденного характера или, во всяком случае, не исчерпывавшимися им. Так командующий подбирал себе квесторов, так наместник в провинциях создавал себе опору из местной знати, так преуспевший и сделавший карьеру в Риме выходец из италийского или провинциального городка окружал себя земляками, постоянно опираясь на эту группу в политических, хозяйственных и личных делах, и в этом же ряду должна, по-видимому, восприниматься структура откупных компаний.

В особом своем преломлении обнаруживается принцип микрогруппы в колонатной организации, пока она еще не до конца обособилась от отношений, на которых зиждился весь собственно античный мир,— общинных. В названной выше книге К.-П. Йоне и его коллег колонат описан не столько в своих классических формах, сколько в становлении, т. е. до рубежа I и II веков, когда на фоне образования латифундий, экспроприации средств производства у разорившихся крестьян, прикрепления их к земле и натурализации арендной платы во многом еще продолжали господствовать арендные отношения старого типа. Переход от этого так называемого «предколоната» к классическому колонату связан с двумя моментами, равно не исчерпывающимися своим экономическим содержанием, но имеющими также отчетливый социально-психологический и историко-культурный аспект — с изменением численного состава группы, занятой работой в поместье, и с разрушением норм трудового права собственности.

Авторы напоминают известные данные о том, что среднее поместье в Италии имело площадь от 100 до 200 югеров (25—50 га) и, соответственно, от 16 до 30 рабов, занятых в его обработке. В малых поместьях (10—80 югеров = 2,5—20 га) эта цифра должна была, естественно, сокращаться. Число колонов в такого рода виллах в точности не

известно, оно не могло не вписываться в тот же порядок величин. Латифундии, начавшие распространяться в I в. до н. э., но особенно энергично вытеснявшие мелкое и среднее землевладение во второй половине I в. н. э., характеризуются совершенно иными цифрами. За минимум авторы принимают (с. 108—109) площадь в 500 югеров, что предполагало по их расчетам от 20 до 50 работников. Римские писатели этой эпохи, однако, в один голос говорят о поместьях площадью в 15, 25, 50, даже 90 тысяч гектаров, где трудились сотни и тысячи рабов. Скопление таких масс рабов было опасным, работа их скованными или связанными — нерентабельной; их труд поэтому все больше вытеснялся трудом арендаторов-колонов, число которых таким образом тоже возрастало до сотен и тысяч. Разница этих двух рядов цифр принципиальна. Группа свободных и юридически равноправных сельских хозяев, которую составляли на малых и отчасти на средних виллах патрон и арендаторы, как бы ни были *разнонаправлены* их конкретные интересы, если число их было ограничено тремя-четырьмя десятками человек [31], могла обнаруживать в конечном счете и осознанную *итоговую* общность интересов и целей [32], и определенный тип межличностных отношений, и определенный положительный психологический климат, без которого вообще нет эффективного труда — обнаруживать все те черты, которые начисто уничтожались в латифундиях с их армиями рабов и колонов, полным отчуждением интересов и целей хозяйства от интересов и целей *отдельных работников, с их атмосферой прямого и жестокого насилия*, окончательного забвения общинных начал — черты, ярко воссозданные в произведениях римских писателей, обильно цитируемых в книге.

Понять характерный для малых и средних вилл тип межличностных отношений и психологический климат (речь, разумеется, идет только об отношениях патрона с колонами, а не о рабах) можно лишь при учете того, что на подобных виллах вплоть до конца I в. продолжало сохраняться, отчасти как юридическая норма, отчасти как моральная заповедь, трудовое право собственности. Все формы обработки земли должны были строиться так, чтобы она, это исходное и главное достояние общины, не понесла никакого ущерба, и владеть ею в принципе мог лишь человек, способный обеспечить ее плодоношение, при нехватке своих возможностей — с помощью арендаторов. Владелец земли и арендатор в этих условиях были оба, хотя и по-разному, заинтересованы в обработке земли и оба, хотя в разной степени, ответственны за ее сохранность. Тексты из «Дигест», собранные и прокомментированные на страницах 208 и следующих разбираемого сочинения, подтверждают сказанное. «Получение арендной платы,— пишет К.-П. Йоне,— нельзя сводить лишь к материальной заинтересованности землевладельца. Систематической прибыли от участка можно было ожидать лишь в том случае, если сохранялась хозяйственная полноценность сданной в аренду собственности. В извлечении же прибыли такого рода был заинтересован не только он один, но и община в целом, ибо она ожидала от землевладельца, что его участок принесет прибыли, часть которых пойдет на воспроизводство общины и, соответственно, города» (с. 208).

Этим положением объясняется многое в арендных отношениях эпохи «предколоната». Приводимое в книге (с. 42) известное замечание Катона о том, что при выборе поместья необходимо учитывать возможность обеспечить налаженные, уважительные отношения с окружающими крестьянами, ибо только в этом случае можно будет найти работников и арендаторов, показывает, что отношения с колонами на виллах такого типа были еще неотделимы от отношений внутри общины и от характерного для них принципа взаимопомощи. О том же говорит ответственность патрона за сохранность инвентаря, принесенного с собой колоном для обработки арендованного участка и за снабжение арендатора необходимым для его работы хозяйским инвентарем (Cato, Agr. 16; 137; Dig. 19, 2, 19, 2). Не случайно, по-видимому, отношения патрона и арендато-

[31] О значении этой цифры для характеристики группы см.: *Десев.* Ук. соч., с. 36—39.

[32] О понятии итоговой общности интересов в группе см.: Социальная психология, с. 55 сл.

ра, довольно долго подчинявшиеся обычно-правовым нормам общинной жизни, лишь позднее втягиваются в сферу формально-правового регулирования (см. с. 177 и далее); в той же мере, в какой они в нее втягиваются, они оформляются вплоть до II в. как отношения равноправных членов общины; см. материал и анализ на с. 86, 94—95, 140, 168 (прим.), 180 и сл.

Связь арендатора с патроном на малых и средних виллах в период, предшествующий интенсивному образованию латифундий, выражалась в этих условиях, в частности, в том, что колон входил в ограниченную, плотную, связанную односторонней зависимостью, но двусторонними обязательствами группу, которая, как говорилось, всегда окружала в Риме сколько-нибудь значительного или даже просто зажиточного человека и которая строилась по общинному, клиентально-амикальному, фамилиальному типу. Катон Старший, как известно, женился вторым браком на дочери зависимого от него крестьянина по имени Салоний. Примечательно, что одни источники (Sen., Controv. 7, 16, 7) называют этого крестьянина колоном, другие (Plin., NH, 7, 14, (12), 61; Plut., Cato Mai. 24, 3—6) — клиентом. «Непоследовательность источников,— пишет по этому поводу автор,— еще раз подтверждает, что определенный слой колонов не отличался ясно от клиентов. Сенека Старший, в свою очередь, не видит существенной разницы между этими клиентами-колонами и отпущенниками» (с. 88). Это мнение подтверждается отмеченным в источниках приравниванием колона к другим членам группы указанного типа [33], а также многочисленными свидетельствами Горация, Сенеки-Философа, Плиниев Старшего и Младшего. Нельзя забывать, что концентрация земельной собственности в Риме в течение долгого времени протекала не в виде образования латифундий, а в виде приобретения одним владельцем ряда имений среднего размера, как обстояло дело с земельными владениями Цицерона, Варрона, Колумеллы, Плиния Младшего и др., где в разных вариантах и в разной мере должна была сохраняться разрушавшаяся в латифундиях атмосфера групповой связи, взаимной ответственности и известной солидарности, т. е. атмосфера, характерная вообще для описанных ранее социальных микромножеств. Они, таким образом, играли в Риме роль своеобразной модели, к которой тяготела как повседневно бытовая и общественная действительность, так и хозяйственная сфера.

Другой пример универсальности микромножественного принципа — разного рода содружества, возникавшие в рамках римского легиона, а подчас и продолжавшие объединять легионеров после демобилизации. Именно с этой последней разновидности начинает рассмотрение данных групп Р. Макмаллен в названной выше статье. Изученные им надписи показывают, по словам исследователя, что демобилизованные ветераны — иногда сами по себе, иногда вместе с солдатами, остававшимися еще в легионе,— сохраняли «ощущение совместной службы и братской солидарности» (the sense of place and fraternity — p. 442). В подтверждение автор приводит эпитафии, в которых говорится, например, о могиле, находящейся под совместной охраной группы ветеранов (ILS, 7311); об установке надгробия умершему товарищу от лица veterani morantes Simittu [34] (CIL, VIII, 14608); об установлении locus sepulturae gentilium veteranorum (CIL, V, 884). С той же целью в работе цитируются и некоторые вотивные надписи — от «sacerdos», центуриона, новобранцев и семи ветеранов XI Клавдиева легиона (AE, 1974, № 570) или просто от лица commilitones, по обету поставивших вместе и на свои

---

[33] «С правовой точки зрения совершенно все равно, изгнал ли меня прокуратор, которому законным путем переданы дела человека, уехавшего из Италии либо отсутствующего в связи с государственным поручением, то есть доверенное лицо, представляющее чужое право... или меня изгнал твой колон, сосед, клиент или отпущенник, или вообще кто-нибудь, действовавший по твоей просьбе или от твоего имени» (*Cic.* Pro Caec. 57).

[34] Городок в провинции Африке.

средства посвятительную надпись Юпитеру Сильнейшему и Величайшему (Inscripciones Romanas de Galicia, IV, 1968, p. 72, № 66).

Из статьи Макмаллена следует, что существование подобных содружеств объяснялось двумя причинами — стремлением ветеранов сплотиться перед лицом чуждого им гражданского населения, среди которого они оказались после демобилизации и после отъезда из мест, где располагался лагерь, и привычкой к жизни в малых социальных группах, сложившейся еще в легионе. Служба в римской армии была, как известно, очень длительной — при империи до 25 лет. Вступив в нее обычно юношей 18—20 лет, человек оставлял ее после сорока, а в ряде случаев легионера задерживали в армии и дольше, вплоть до очень пожилого возраста (Tac., Ann. I, 17, 5; 34, 2; XIV, 35). Воспитавшись в армии, усвоив ее специфические нормы и привычки, «солдаты составляли особый, отдельный мир» [35], где «гражданские ценности и образ жизни под столь длительным воздействием неизбежно разрушались» (с. 440). К тому же легионы обычно стояли на границах; проведя основную часть жизни в нецивилизованных условиях, среди варваров, солдаты постепенно все больше отличались от обычных жителей империи также по языку, одежде, манерам. «Дикие по внешности, с пугающей речью, грубые в общении» — приводит автор отзыв Диона Кассия (Dio Cass., 75, 2, 6). Почти полутора столетиями раньше, добавим, такими же видел их уже Тацит [36]. Когда такие люди оказывались выбитыми из привычной колеи, не защищенными более силой оружия и армейской организацией, они, естественно, стремились к объединению и взаимной поддержке, образуя, пишет автор, в провинциальных городках «местные сообщества со своими руководителями и общей казной» (с. 443).

В таких collegia veteranorum Макмаллен склонен видеть «простое продолжение общественных группировок, существовавших в лагерях, где, как выясняется, с самых первых лет II в. абсолютно все, за исключением самого низшего персонала, сплачивались в своеобразные содружества с целью взаимопомощи и, в первую очередь, организации похоронных складчин. Члены их называли друг друга „братьями“, как бы составляя одну большую семью» (там же). Легион, таким образом, сохраняясь как основная организационно-административная и боевая единица римской армии, «внутри имел еще дополнительные деления, благодаря которым люди могли втягиваться в сообщества более интимные и менее официальные» (с. 445). Солдаты объединялись в них отчасти с целями, только что указанными, отчасти — особенно во вспомогательных когортах и алах — по принципу землячества. В статье приведены посвятительные надписи из Белгики, установленные, например, «воинами из пага Веллавы, служащими во второй Тунгрской когорте» или «воинами из Кондустрийского пага».

Материал о распространенности подобных микрообщностей в армии и об атмосфере, в них царившей, контрастирует в работе Макмаллена с другим, казалось бы, данному противоречащим. Автор отмечает, в частности, широко известное положение, согласно которому в римских легионах после реформы Мария быстро рос удельный вес деклассированных элементов. Марий набирал прежде всего людей, лишенных прочного общественного положения и стремившихся в армию, дабы разжиться возможно быстрее и любым способом, принимал «всякого, кто к этому стремился, и большей частью неимущих»: uti cuiusque libido erat capite censi plerique (Sall., Jug. 86, 2). Это были не те пролетарии capite censi, которые в чрезвычайных обстоятельствах призы-

---

[35] Макмаллен цитирует здесь книгу: *Veyne P.* Le pain et le cirque. P., 1976, p. 610.

[36] Солдаты германских легионов в Риме, «одетые в звериные шкуры, с огромными дротами, наводившими ужас на окружающих, представляли дикое зрелище. Непривычные к городской жизни, они то попадали в самую гущу толпы и никак не могли выбраться, то скользили на мостовой, падали, если кто-нибудь с ними сталкивался, тут же разражались руганью, лезли в драку и, наконец, хватались за оружие. Даже трибуны и префекты носились по городу во главе вооруженных банд, наводя повсюду страх и трепет» (*Tac.*, Hist. II, 88, 3).

вались в армию в эпоху Пунических войн [37] и своей доблестью неоднократно оказывали Риму величайшие услуги, а по большей части давно уже отвыкшая от труда и привыкшая к паразитарному существованию разложившаяся масса. Так характеризовал атмосферу в легионах Цицерон (VIII Phil. 9), такой оставалась она во времена Тацита (Ann. IV, 4, 2; XIV, 18), с нею вынужден был считаться Ульпиан, принимавший специальные меры против проникновения в армию преступников, которые стремились укрыться здесь от преследования властей (Dig. 49, 16, 4). Солдаты в походах и особенно во время гражданских войн грабили все и вся, выжимали деньги из населения и пленных, не останавливались перед самыми чудовищными жестокостями [38]. Центурионы изводили новобранцев наказаниями за вымышленные преступления и бесконечными поборами, те вынуждены были откупаться, добывая деньги разбоем или унизительной поденщиной, и становились настоящими солдатами, лишь «растратив все, привыкнув к безделью, развращенные нищетой и распутством» [39]. «Мерзкая алчность и таковая же небрежность» царили всюду (Plin., Epp. VII, 31, 2): командующие, стремясь восстановить «старинную дисциплину», зверствовали как угодно (Tac., Ann. XIII, 35), и солдаты платили им тем же всякий раз, когда накапливавшиеся годами обиды и ярость прорывались восстаниями и мятежами [40]. Жизнь в легионе в этих условиях представляется сплошным адом, а царившие здесь межличностные отношения — вечной дракой за добычу и войной всех со всеми [41].

И тенденция к микромножественной солидарности, и противоположная ей тенденция к взаимному отчуждению выявлены автором равно убедительно, аргументированы весьма детально и отражают, по-видимому, объективную реальность. Как же в таком случае совмещались весь этот тон и стиль, с одной стороны, и sense of place and fraternity, с другой? Макмаллен этого вопроса не ставит и, соответственно, ответа на него в статье нет. Между тем возникающее здесь противоречие важно для понимания сущности разбираемого явления. Соединение тенденции к групповой солидарности и атмосферы разложения и разобщенности обнаруживается не только в легионах. В бесчисленных харчевнях Рима, Италии и провинций, например, безраздельно царили грубость, воровство, антисанитария, сводничество, драки [42]. И тем не менее люди здесь собирались весьма охотно, как правило, одни и те же, образуя устойчивые микрогруппы, спаянные взаимной приязнью, единством интересов, а иногда и мировоззрения [43]. С этой точки зрения заслуживают внимания также столь характерные для городов империи скученность и теснота — в римском государстве они были показателем не только повышенной плотности населения, но и определенной формой общественного самочувствия. В историческом центре Рима площадью около двух квадратных километров скапливались в дневные часы несколько сот тысяч человек. Общественные здания

---

[37] *Brunt P. A.* Italian Manpower. Oxf., 1971, p. 365, 402.

[38] *Tac.*, Hist. II, 13; III, 34, 2. Сцены того же характера встречаются на колонне Траяна и, особенно выразительные, на так называемом саркофаге Людовизи. См., например, *Corbett P.* Roman Art. N. Y., 1980, ill. 59.

[39] *Tac.*, Hist. I, 46, 3. Слова Тацита относятся к преторианцам, но порядки эти господствовали и в легионах. См. *Connoly P.* Greece and Rome at War. L., 1981, p. 220.

[40] *Tac.*, Hist. II, 29, 1; III, 11; Ann. I, 16 sq.etc. Ср. *Engel G.-M.* Tacite et l'etude du comportement collectif. Thèse. Lille, 1972.

[41] См. очень показательное с этой точки зрения описание взятия Кремоны — *Tac.*, Hist. III, 33, 1.

[42] *Amm. Marc.*, 28, 4, 4; *Mart.*, III, 56; ср. I, 56; *Front.*, Aquaed. 76; *Buecheler F.* Carmina Latina Epigraphica. T. I—II. Lipsiae, 1895—1897; T. III — 1926, № 930, 932; *Friedländer L.* Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. 2. Teil. Lpz, 1881, S. 38.

[43] *Iuv.*, VIII, 176 sq.; SHA, Hadr. 16, 3; *Epict.*, Diss. XI, 23, 36; *Dio Cass.*, 60, 6, 6; CIL, IV, 575—576; *Kleberg T.* In den Wirtshäusern und Weinstuben des antiken Rom. B., 1963, S. 32.

были переполнены, инсулы набиты как ульи, шум уже в предрассветной мгле не давал спать, стычки и скандалы на улицах случались постоянно, перед носилками знатного богатея надо было разбегаться, чтобы не получить шестом по затылку. В сочетании с жарой и удушающими запахами все это делало пребывание здесь невыносимым, о чем в один голос говорят Сенека, Марциал, Ювенал. И тем не менее жизнь в тесноте, «среди своих», неизменно воспринималась как нечто желанное и как ценность — именно потому, что она воссоздавала атмосферу групповой близости и общинного равенства [44].

Как показывает исследование Макмаллена и только что высказанные замечания, отмечаемое в разобранных книгах и статьях «стремление римлян искать убежища в группах» (по цитированному же выражению Э. Чизека) коренилось, по-видимому, настолько глубоко в их общественном мироощущении, было настолько властным и сильным, что оно реализовалось даже в окружении, казалось бы, мало для этого подходящем. Те же материалы наводят на мысль, что постоянная борьба за существование, привычка сильного помыкать слабым, стремление обогатиться за счет ближнего были для римлян не противоположностью взаимной приязни и солидарности в кружках и группах, а двумя сторонами общественной жизни, естественно сочетавшимися друг с другом. Нет никаких оснований полагать, будто межличностные отношения в группах целиком сводились к проявлениям равенства и взаимной приязни, и нет ничего более ошибочного, как воспринимать эту область общественной жизни древнего Рима в идиллическом регистре. Отношения господства и подчинения, социальное и имущественное неравенство, зависимость слабого и бедного от сильного и богатого пронизывали всю римскую общественную структуру и полностью распространялись на межличностные отношения внутри социальных микрообщностей. Фамилия группировалась вокруг «отца семейства», чья власть над членами этой группы была неограниченной и проявлялась подчас с крайней жестокостью; зависимость клиента от патрона была полной и ежеминутно оборачивалась унижением; политические сообщества возникали для поддержки определенной знатной и богатой семьи и выполняли ее распоряжения; «коллегии малых людей» постоянно и в самой сервильной форме прославляли своих зажиточных покровителей; в пределах гражданской общины, сельской общины, виллы шла постоянная и нередко весьма свирепая борьба между все более обогащавшимися и все более нищавшими ее членами. Все это было как бы вмуровано в здание римского общества, представлялось нормальным строем жизни и определяло межличностные отношения в пределах традиционных социальных микромножеств. Здесь, как всегда и везде, внутригрупповые и межгрупповые отношения были лишь непосредственно жизненным, конкретным отражением отношений общественных — социальных и классовых.

На чем же в таком случае были основаны столь частые у Цицерона, Плиния Младшего, Ювенала протесты против нарушения солидарности в рамках таких микромножеств, против самодурства патрона, унижения клиентов, ограбления общинников? Почему распространение латифундий с их закованными рабами и обобранными колонами вызывало возмущение и гнев у писателей I и начала II в.? Потому очевидно, что неравенство коренных и пришлых, подчинение бедных богатым, а слабых сильным и зависимость одних от других могли представляться необходимыми и, следовательно, более или менее естественными, пока они вполне очевидно выступали как залог и условие укрепления и целости города-государства, общины, фамилии. Их выживание убеждало в том, что иерархичность неотделима от сплоченности, следовательно, оправдана и в этом смысле справедлива. Как всеобщее, это убеждение естественно распространялось и на отношения в пределах любой микрогруппы. Там же, где иерархичность и неравенство утрачивали свою связь со сплочением коллектива, переставали восприни-

---

[44] См. об этом более подробно в статьях автора: Теснота и история.— Декоративное искусство СССР, 1979, № 4; Теснота и история в древнем Риме.— В кн.: Культура и искусство античного мира. М., 1980. Там же указания на источники.

маться как условие его самосохранения, усиления и роста его как целого, они становились хищничеством, откровенным насилием, высокомерным эгоизмом, становились угрозой тому конкретному, осязаемому, удобообозримому, внутренне контактному мирку, от которого была неотделима жизнь индивида и где связь односторонней зависимости с взаимной ответственностью воспринимались как закон мироздания — fas, закон моральный и юридический — ius. Неуклонное обострение этой коллизии отражало специфическую, характерную для античного мира резко дисгармоничную форму роста производительных сил и развития общественных отношений. Поскольку, однако, исторически заданной нормой существования оставалось общинное бытие, сосредоточенное в относительно ограниченных, без конца регенерирующихся группах, то сохранение этой модели существования воспринималось как потребность и благо, а поведение, активно его разлагавшее, казалось и было разрушительной аморальной силой, которую римляне называли словом audacia, а греки — ὕβρις — «дерзкая самонадеянность, наглость», «оскорбительная грубость», «глумление, насилие». Критика прогресса, столь характерная для античной общественной мысли вообще и римской в особенности, всегда выступала как критика нравственного упадка, а последний все чаще реализовался в распаде традиционных микромножеств, на смену которым, однако, возникали новые, компенсаторные и вторичные, сложно взаимодействовавшие с первичными.

Что делал, например, римлянин, став объектом судебного преследования? Он одевался в темные одежды, запускал бороду и, окруженный детьми, обходил дома друзей, клиентов, родственников — апеллировал к солидарности амикально-фамилиальной группы. В решающий день группа эта в сколь возможно полном составе являлась в суд для оказания ответчику моральной поддержки, для того, чтобы он в любом случае чувствовал себя не одиноким, не один на один с законом, а в кругу. В древности защиту на суде вел старейшина такой группы. Это было с его стороны выражением групповой солидарности, как бы его ответная обязанность — воздаяние за подчинение и служение, ранее проявленные человеком, ныне попавшим в беду. В этих условиях требование вознаграждения за такие выступления рассматривалось как кощунство, как проституирование общинно-фамилиальных связей и запрещалось особым законом — Цинциевым, принятым еще в 204 г. до н. э. и подтвержденным Августом в 17 г. до н. э. (Cic., Cato Mai. 10; Dio Cass., 54, 18, 2). «Стыдно в суде защищать бедняка оплаченной речью»,— писал Овидий (Am. I, 10, 39). Но чем больше становилось в Риме новых граждан, чем слабее делались связи внутри исторических традиционных групп, чем более усложнялись законодательство и судопроизводство, тем меньше мог отец семейства справляться со своими обязанностями и тем чаще его должен был заменить профессиональный юрист. Показательно, что такой специалист считал для себя обязательной консервативную фикцию групповой солидарности: он рядился в одежды отца семейства и выступал как бы от его имени — называл себя «патроном», произносил свои речи от лица «мы», объединяя им себя, подсудимого и его родственников, друзей, клиентов. Постепенно, однако, профессиональные юристы порывают всякие связи с подобными группами и начинают выступать с защитой только за деньги. Мотивировалось это интересами демократии: «новые люди» из народа обеспечивали себе квалифицированную защиту в суде, «новые люди» из судебных ораторов получали возможность выдвинуться без поддержки родовитых свойственников, за счет собственного таланта, красноречия и знаний (Tac., Ann. XI, 5). Но, выведенная из сферы групповой солидарности, такая практика утрачивала вообще моральный смысл, перерождалась в вымогательство и сикофантизм, была одним из ярких признаков социального и морального кризиса. Развитие общества, моральная деградация и распад групповой солидарности выступали как проявления единого процесса.

Проблема происхождения античных социальных микромножеств, их эволюции и выявившихся в ходе этой эволюции их исторических разновидностей поставлена на

древнегреческом материале в названной выше книге О. Мэррея [45]. Изложенная здесь концепция была развита и дополнена в посвященных той же теме других работах автора, где О. Мэррей рассматривает греческие социальные микрообщности главным образом в связи с одной, больше всего его интересующей проблемой — проблемой совместной трапезы, пира [46]. Схема, предлагаемая оксфордским ученым, сводится к следующему.

Античные социальные микрогруппы вообще и те, что собирались на пирах, в частности, бывали двух видов — родственного, семейно-родового происхождения и восходившие к дружине военного вождя, а через нее — к архаическим, доантичным «мужским союзам». Первые более характерны для Рима, вторые — для Греции, где пир выступает как форма подкармливания вождем дружинников и повышения их социального статуса, где пир, собственно, и создает социальную микрогруппу. Раз возникнув, такие группы включаются в историческое развитие, предстают во все новых своих разновидностях и к V—IV вв. принимают новую, характерную для этой эпохи, но продолжающую прежние объединения форму фиасов, гетерий и др. Социальные микрогруппы существовали в разных общественных слоях, но, главным образом, и они сами, и пиры, от них неотделимые, были формой организации аристократии. По мере превращения последней из аристократии военной, какой она оставалась еще в VII в. до н. э., в «аристократию досуга», начинающую преобладать с VI в., их былые дружины, прежде служившие общине, все больше противопоставляются ей. Соответственно, все более антидемократическими сборищами становятся и аристократические пиры, перерастающие в пьяные дебоши, участники которых преследовали прохожих на улицах и нападали на них. С конца V в. до н. э. государство все отчетливее видело в таком поведении проявление ὕβρις и очень сурово ее карало, квалифицируя ее как форму аристократического террора, а застольные содружества — как опасные для демократии ударные группировки аристократов и зависимых от них лиц.

По крайней мере два элемента этой схемы находят себе полное подтверждение в известных сегодня фактах. Бесспорен, во-первых, сам факт существования в Греции, как и в Риме, наряду с прочими социальными микромножествами также сообществ, которые собирались вокруг аристократических лидеров и оказывали им помощь в достижении их политических целей. Демосфен сравнивал политические группировки в Афинах с симмориями, в каждой из которых господствует «гегемон», т. е. самый богатый и сильный, а «еще триста человек готовы кричать ему в лад» [47]; в Риме такие группировки начинают играть значительную роль в связи с движением Гракхов и в последующую эпоху [48], а ко времени Катилины и Клодия приобретают настолько агрессивный и чисто политический характер, что сенат принимает постановление о за рещении вообще

[45] См. прим. 1. Книга эта рецензировалась в ВДИ (1983, № 2), но как раз разделы, связанные с нашей темой, и другие работы автора, к ней относящиеся, в этой рецензии отражения не нашли.

[46] *Murray O.* Symposion and Männerbund.— In: Concilium Eirene XVI. Proceedings of the 16th International Eirene Conference. Prague 31. 8—4.9 1982, p. 47—52; *idem.* The Greek Symposium in History.— In: Tria Corda. Scritti in onore di Arnaldo Momigliano. Como, 1983, p. 257—272. Мне осталась недоступной работа того же названия в Times Literary Supplement, LXXX, 1981, p. 1307—1308.

[47] *Dem.*, II Olynth. 29. Смысл сравнения раскрыт в комментарии С. И. Радцига: см. *Демосфен.* Речи. М., 1954, с. 493. О распространенности этих группировок в Афинах IV в. и зависимости их от гегемона см. *Pearlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B. C.— Athenaeum, 1963, 41.

[48] Именно в эти годы nobilitas factione magis pollebat: plebis vis soluta atque dispersa in multitudine minus poterat. *Sall.*, Jug. 41,6. Ср. ibid., 31,15; то, что «между честными людьми — дружба, между дурными — преступное сообщество (factio)» (пер. В. О. Горенштейна). В обоих случаях имеются в виду сенатские клики, которые их лидеры использовали для достижения своих политических целей. Как отмечалось выше, однако, такие клики не были жестко обособлены от социальных микромножеств других типов: слово «factio» не случайно имело также значение «шайка», «сговор клакеров в театре или цирке».

всех сообществ за самым незначительным исключением [49]. Есть много оснований полагать, во-вторых, что подобные сообщества Греции и Рима находятся в типологической — хотя конкретно-исторически отнюдь не всегда ясной — преемственности по отношению к тайным (или мужским) союзам стадиально предшествующих обществ [50].

Возражения, однако, которые вызывает схема Мэррея, более многочисленны, и, как представляется, более существенны. Исходные исторические явления, с которыми исследователь генетически связывает греческие (и отчасти римские) микромножества аристократически-клиентельного типа, претерпели в ходе общественного развития настолько коренную трансформацию, что сообщества, составлявшие ударные отряды аристократических лидеров V — IV вв. в Греции или II — I вв. в Риме, предстают как явление совершенно иной системы и иного общественного смысла. О. Мэррею их историческая эволюция мыслится в виде имманентного процесса: сначала дружина воинов, группировавшаяся вокруг аристократа — военного вождя (VIII — VII вв.), потом она же, принявшая вид застольного сообщества, сходившегося для развлечения и «культурной деятельности», потом — поздние модификации этих же сообществ в виде некоторых гетерий и фиасов V — IV вв. Доступный материал, насколько можно судить, не подтверждает эту схему. Буйные полутеррористические группы, окружавшие аристократических (но и не только аристократических!) лидеров в Афинах конца V и IV вв., вызывавшие там юридическое (Hyper., Eux. fr. 8) и моральное (Aristoph., Pax 756; Vesp. 1033) осуждение, не могли находиться в отношениях прямой, реально исторической преемственной к дружинам басилевсов гомеровской и послегомеровской поры. В VI в., когда «деньги,— по выражению Феогнида,— перемешали роды» (I, 189), и былой, основанный на родовых началах строй жизни сменился полисной демократией, афинское общество пережило процесс глубокой переплавки, в котором былые связи аристократов со своим окружением растворились и возникли новые связи,— хотя бы уже потому, что в результате вскоре последовавших реформ Клисфена аристократические вожди оказались отделенными от своих старых демов, сосредоточились в городе и должны были вербовать себе новых сторонников [51] — а если даже и в своих прежних местах, то в среде зависимого от них, отягощенного долгами трудового населения, а не среди домашних прихлебателей. В этих условиях, если политические аристократические группы в Афинах IV в. и соответствовали определенным географическим районам Аттики, то такие связи восходили лишь к VI в. и не проникали в более отдаленное прошлое [52]. Общее развитие греческих микромножеств скорее всего шло так, что поначалу, примерно до конца VI — начала V в. они тяготели к институционализованным звеньям общественной организации и культа, связанным с данным местом и с родом, впоследствии же при реликтовом сохранении их в этом качестве они по существу заменялись в новых условиях бесконечными и самыми разнообразными по мотивам объединения сообществами и содружествами [53]. Именно этот путь прошли оргеоны, прошли фиасы и многие гетерии.

Политические сообщества аристократов и их приспешников в Греции конца V — IV в. до н. э.— не имманентная черта общественного развития, а порождение кризи-

[49] Первый сенатусконсульт такого рода относится, скорее всего, к 64 г. до н. э.; в нем устанавливалось, что collegia sublata sunt quae adversus rem publicam videbantur esse (*Pseud.-Asc.*, ad Cic, Or. in Pisonem, 8). Второй, принятый в 56 г., приравнивал участие в подобных группах к нарушению закона о насилии — de vi (*Cic.*, Ad Qu. fratr. II, 3, 2). Третьим актом в этом ряду был уже не сенатусконсульт, а комициальный lex Licinia 55 г., по которому содалиции подпадали под действие закона de ambitu (*Cic.*, Pro Planc. XV, 36).

[50] *Jaczynowska.* Op. cit., p. 5 s.; *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1964, гл. 12. Культ тайных союзов, с. 322—335.

[51] *Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964, с. 7, 94, 100, 115—157, особенно 124—126.

[52] *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens.— Historia, 1960, Bd IX, Ht 2, S. 164.

[53] *Свенцицкая И. С.* Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени.— ВДИ, 1985, № 1.

са полисной демократии. В той же речи Демосфена, где говорилось о засилии гетерий, окружавших политических лидеров, этот стиль общественной жизни противопоставлялся былым ее формам, когда по словам оратора, ничего подобного не существовало (Dem., XIII, 21). В источниках большинство упоминаний о гетериях этого типа, об их запрещениях и осуждении, косвенно свидетельствующих об их превращении в значительное общественное явление, также относятся ко времени от Пелопоннесской войны до установления македонского господства, т. е. к эпохе обострения кризиса полиса.

Таким же в принципе было положение и в Риме. Упомянутые выше сенатусконсульты, запрещавшие деятельность сообществ, относятся к периоду после гражданских войн между Марием и Суллой и перед гражданскими войнами между Цезарем и Помпеем. Оба сенатусконсульта были первыми такого рода актами в римской истории, раньше содружеств никто не запрещал — они, следовательно, не носили того характера, который приобрели в эти годы. Став народным трибуном, Клодий немедленно восстановил коллегии — они, стало быть, служили важным орудием междоусобной борьбы в охваченной кризисом civitas [54]. В начале II в. до н. э. конфликт Сципиона и Катона был напряжен до предела, в него были втянуты не только сенат, но и граждане, оба противника были окружены «друзьями», число которых (по крайней мере, у Сципиона) исчислялось сотнями и тысячами, но нет никаких свидетельств того, что они образовывали сообщества клодианского типа. В системе микромножеств полиса — гражданской общины, таким образом, дружины политических лидеров представляли собой особое явление. Они, во всяком случае, не могли явиться общим источником, из которого развились кружки, коллегии, содружества и сообщества столь плотной сетью — как явствует из изложенных выше книг и статей — окутывавшие повседневную жизнь древних греков и римлян.

Все эти книги и статьи, весь собранный в них материал скорее создают впечатление, что социальные микромножества не возникли в некоторый момент общественной эволюции, чтобы в дальнейшем развиваться имманентно, а порождались в бесконечно разнообразных формах на каждом новом этапе исторического развития и связаны тем самым с коренными, непреходящими свойствами античного общества. Постоянное тяготение античного человека к микрособществам есть, по-видимому, особое проявление определявшего всю его жизнь — или, во всяком случае, все его мироощущение — общинного принципа, частный случай общей закономерности, отмеченной в свое время К. Марксом: «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах» [55]. Община предполагала не только тип хозяйственной или общественной организации, но также тип человека и мировосприятия, систему общественных потребностей и ценностных ориентаций, бытовых форм и привычек, определенную модель межличностных отношений. Общинный уклад, всегда сохранявшийся в недрах собственно античного мира, порождал, питал и актуализировал потребность не в равенстве обособленных друг от друга взаимно независимых индивидов, а в их сплочении в малых очагах существования, либо устроенных иерархически на основе традиций общины, либо возникших из ее кризиса и потому ориентированных на ценности никак не официализованного общения. Все это постоянно подрывалось, в первом случае — развитием рабовладельческих отношений, усложнением, а потом и склерозированием государства, во втором — проникновением социальных антагонизмов во все ячейки общества,

---

[54] *Cic.*, Pro Sest. 34; pro Dom. 13; in Pis. 9; ср. *Pseud.-Ase.*, ad loc.
[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 18.

но все это в силу самой природы античного мира также и постоянно регенерировалось, вновь и вновь порождая массовую потребность в микрогрупповом бытии.

Материалы проведенного обзора наводят на мысль о том, что здесь обнаруживается одна из самых существенных особенностей античного мира. Это подтверждается и контрастным материалом — данными по социальным микромножествам иных эпох и регионов [56] и, в частности, древнего Ближнего Востока. Они были совсем недавно проанализированы советским исследователем И. П. Вейнбергом, рассмотревшим под этим углом зрения ветхозаветные Книги Хроник [57]. Из проведенного анализа следует, что социальные микромножества были весьма распространены и составляли почти такую же характерную черту ветхозаветного общества разбираемой эпохи, как и общества античного. Как и в античном мире, они были многообразны и охватывали разные стороны жизни общества. На этом, однако, сходство кончается и начинаются несравненно более существенные различия. Как явствует из материалов настоящего обзора, в Греции и Риме микромножества играли роль продуктивной модели, порождались обществом на всем протяжении его развития, потребность в групповом общении удовлетворялась не только в формализованных сообществах, но и в самодеятельных, свободных, и отмирание одной, старой их разновидности, влекло за собой компенсаторный рост другой. Именно эта-то спонтанность и энергия в образовании содружеств, опосредование ими официальных делений и государственного регулирования, реализация в первую очередь в них настоятельной потребности в межличностном общении отсутствовали почти начисто в ветхозаветном мире эпохи Хроник. Абсолютно преобладают сообщества, которые И. П. Вейнберг называет первичными, т. е. прямо связанные еще с доклассовыми отношениями,— семейно-родовые, возрастные, местные, и почти никакой роли не играет самодеятельное, спонтанное группообразование. «Чрезвычайно малый удельный вес слов, означающих не институционализованные группы, редкость их употребления, отсутствие таких важнейших для этого типа лексем, как "гость", и лишь спорадическое упоминание других, вроде „друг", совершенно отчетливо указывают на то, что это явление лежит на периферии интересов и самого хрониста, и его аудитории» (с. 93). Противоположность положению в античном мире и тем самым специфика последнего выступают здесь совершенно отчетливо.

Противоречие «...есть корень всякого движения и жизненности...» [58]. В объективной структуре античного общества и в субъективном сознании греков и римлян постоянно и повседневно сосуществовали две взаимоисключающие тенденции. Чем радикальнее разрушало движение истории патриархально-общинные нормы существования, чем важнее было, чтобы выжить и утвердиться, развивать в себе сметку, хватку, хищную энергию, искусство и волю отстаивать свои интересы в ущерб чужим, тем более острой становилась потребность либо в паллиативном сохранении этих норм, либо в компенсаторном их восстановлении, пусть временном, пусть искусственном,— потребность, диктовавшаяся как раз тем, что в глубине общественного организма об-

---

[56] Если упоминать только отечественные и переводные публикации последнего времени, то см., например: *Миронов Б. Н.* К вопросу об особенностях социальной психологии русского крестьянства.— В кн.: Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. Таллин, 1978, с. 33—43; *он же.* Историк и социология. Л., 1984, раздел «Община — социальная группа», с. 72—80; *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957, с. 223 сл.; *Абрамсон М. Л.* Крестьянские сообщества в Южной Италии в X—XIII вв.— В кн.: Европа в Средние века: экономика, политика, культура. М., 1971, с. 47—61. Контраст собственно античного и восточного понимания смысла малых групп и их роли в жизни государства хорошо виден при сопоставлении римских сообществ друзей вообще и «друзей Цезаря» в частности с институтом «друзей» и «родственников» восточноэллинистических монархов. См. *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985, с. 41—49.

[57] *Weinberg J. P.* Die soziale Gruppe im Weltbild des Chronisten.— Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 1986, Bd 98, Ht 1, S. 72—94.

[58] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 125.

щинные начала жизни и производства сохранялись на протяжении всей античной истории и создавали присущие им иллюзии и стремления. Действительность равно порождала и обострение противоречий в обществе, и необходимость упразднить их — не на форуме, так в коллегии, не на агоре, так в фиасе, не в обществе, так в кружке. Постоянное проникновение одной из этих сфер в другую, постоянная потребность увидеть за свирепостью жизненной борьбы некоторый целостный идеал, который при этом не только уничтожался жизненной эмпирией, но и входил в нее — отличительная черта античной цивилизации и культуры.

Г. С. Кнабе

Д. С. РАЕВСКИЙ. Модель мифа скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.

Новое исследование, как и предыдущая монография того же автора [1], посвящено задачам культурно-исторической реконструкции мировоззрения ираноязычных народов Причерноморья I тыс. до н. э. Но если в той работе с опорой преимущественно на письменные источники доказывался сам факт исторического существования этого мировоззрения в упорядоченной системной форме, то здесь в большей мере на археологическом материале демонстрируется присутствие этого мировоззрения за внешним хаосом чувственно воспринимаемых художественных форм скифского искусства. Все эти формы, утверждает автор, передают одно и то же содержание, а именно частные и фрагментарные реализации архаической космогонической концепции. Сквозь все многообразие и в то же время сюжетно-композиционную лаконичность скифского «звериного» стиля просвечивает неизменная и общая для его создателей, как, впрочем, и их совсем далеких предков, картина мира. Авторская позиция обоснована в рассматриваемой монографии очень детально, с большой эрудицией и четкостью аргументов. Последняя глава книги призвана удостоверить мотивированность избранного подхода анализом конкретного и очень сложного для интерпретации памятника — знаменитой теперь пекторали из Толстой Могилы.

Данную работу заметно выделяет нетрадиционная методологическая направленность. Сам Д. С. Раевский именует свой подход «семиотической археологией» (с. 29). Впрочем, из программных установок введения и первой главы можно заключить, что в целом перед нами отчетливо структуралистическая позиция [2]. Об этом свидетельствует, во-первых, широко распространенное ныне определение культуры как структурной организации окружающего мира. Уточняется, что эта структурированная культура однородно семиотизирована. Некоторые из символических кодов такой семиотизации выделены в табличной форме (с. 27—28). Соответственно, во-вторых, все памятники скифской культуры трактуются как звенья «в цепи равноправных текстов», частных вариантов по отношению к инвариантному тексту более высокого порядка — скифской культуре как таковой (с. 26). В-третьих, как того и требует логика структурализма, все эти тексты или феномены скифской культуры взаимопереводимы, даже изоморфны почти в той же мере, как и у К. Леви-Строса. В исследовании Д. С. Раевский поставил цель пополнить существующий арсенал структурных конфигураций, т. е. тех же текстов, и выявить новые коды. Но если основоположник структурного подхода к культуре Леви-Строс когда-то начинал с анализа структуры морфологического повествования, а пришел к описанию мифологического универсу-

[1] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

[2] Qu'est-ce qui le structuralisme? P., 1968; Structuralism and since. From Lévi-Strauss to Derrida. Oxf., 1979; *Tizzmann M.* Struktur, Strukturalismus // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Bd 4. B.—N. Y., 1984. S. 256—278.

ма, то Д. С. Раевский, наоборот, двигаясь в своей монографии 1977 г. от частных проблем к общим, теперь идет от общего к частному. Исследование автора помимо приведения нового конкретного материала, иллюстрирующего культурно-мифологический универсум, преследует еще одну цель — доказать правомерность структуралистического подхода в историко-археологическом исследовании как бы вопреки декларации Р. Аткинсона о принципиальной невозможности такого предприятия [3].

Главы вторая и третья уточняют и детализируют общую концепцию. Заметна некоторая перегрузка полемикой с оппонентами автора, хотя самый предмет полемики действительно важен. В большинстве случаев это вопрос о том, являлась ли скифская версия космогонии живым, т. е. функциональным, архаическим мифом или уже нет. Тут можно согласиться с основательно обоснованными аргументами автора в пользу утвердительного ответа на данный вопрос (с. 45—49). Из этих двух глав наиболее внушительна по объему, сложна по замыслу и, пожалуй, уязвима для критики третья — «Скифское изобразительное искусство как семиотическая динамическая система». Определение «динамическая» введено ad hoc, поскольку из логики концепции оно не вытекает. Оно не вписывается в схему программных установок, ибо динамика так или иначе влечет за собой смену значений, упраздняя, среди прочего, однородность семиотизации. Тут же чувствуется еще одна неувязка с динамикой: весь процесс семиозиса соотносится автором с начальной стадией формирования скифской культуры (с. 92), кстати, исторически с необходимой отчетливостью еще не засвидетельствованной. После нее семиозис только повторно воспроизводился по раз и навсегда установившимся правилам кодирования. Любая самая умеренная версия структурализма стоит на том, что все бытие вместе с культурой целиком закодированы наперед до момента восприятия, который сам по себе ничего не решает и не очень-то нужен. Не только у К. Леви-Строса, но и во всякой иной структуралистической теории, если она претендует на последовательность, наш «мир есть ничья мысль».

Уместно напомнить, что подобная трактовка семиозиса не раз оспаривалась. Семиотика, подобно математике, имеет дело с тем, как знаки функционируют, с их операциональными отношениями, но и только. О том, как знаки возникают, она ничего конкретно сказать не может, так же как, например, алгебра о возникновении преобразуемых ею величин. Оппоненты структурализма подчеркивают, что без акта восприятия значения нет [4], что семиозис поэтому реализуется лишь после того, как знак воспринят адресатом сообщения, в конце, а не в начале причинно-следственной цепи. Следовательно, семиозис исторически вторичен и психологически обусловлен, а семиотика занимается логикой восприятия и ничем больше [5].

А между тем Д. С. Раевский в наибольшей степени погружен в проблему происхождения знаков, образующих скифскую модель мира, что само по себе чрезвычайно трудно. Откуда в конечном счете берутся значения и каковы их наименьшие единицы, остается доныне неразрешимым вопросом. Нет пока даже удовлетворительных определений данных понятий. Постструктурализм новейшего толка отличается от канонического структурализма 60-х годов как раз тем, что отрицает собственное внутреннее значение любых символов и знаков. Читаемое в них адресатом значение они получают операционально и позиционно, т. е. оно соотносится не с вещами, а с концепциями, идеями, аспектами мышления, но отнюдь не собственно реальности [6]. Вот поэтому не только Д. С. Раевскому, но и любому историку культуры приходится до

---

[3] *Atkinson R. J.* Rez.: Symbolic and Structural Archaeology. Cambridge, 1982 // Antiquity. 1984. V. 58. № 222. P. 67.

[4] *Bertrand D.* Sémiotique du discours et lecture des textes // Langue française. 1984. 61. P. 9—26.

[5] *Osolsobe I.* Fifty Keys to Semiotics // Semiotica. 1973. V. 7. № 3. P. 262; ср. *Belsey C.* Critical Practice. N.Y., 1980. P. 240 f.

[6] *Scholes R.* Toward a Semiotic of Literature // Critical Inquiry. 1977. V. 4. № 1. P. 110—111.

крайности сближать специфику архаического мышления с нашей, что несколько проблематично. К тому же не опровергнут еще известнейший афоризм Ч. Пирса: «Все знаки несовершенны и это непоправимо».

Там, где следствия указанных противоречий необременительны, читателя то и дело привлекают интересные подробности. Это относится, например, к дискуссии о том, как скифы могли представлять себе собственных богов: в зооморфных или же в человекоподобных обличиях? Отрицая первое из этих предположений, Д. С. Раевский удачно комбинирует материалы индоиранских этнокультурных реконструкций со сведениями Геродота (с. 86—89), а затем обстоятельно интерпретирует феномены аниконизма, отказа от изобразительности, в доскифскую пору. Пожалуй, данная тема впервые освещена археологом на уровне современных требований. Далее изложены тонкие наблюдения над сюжетами, иконографией и стилем общеизвестных памятников Келермеса и Мельгунова, запечатлевших явные признаки художественного воздействия из ареалов древних культур Передней Азии. Можно согласиться с автором, что тенденция отразить заметную роль такого воздействия не находит бесспорного подтверждения в археологических источниках. Убедительно, как представляется, объясняет Д. С. Раевский отказ скифского искусства от антропоморфных изображений. Зооморфные образы возобладали, утверждает он, не потому, что ими исчерпывались *представления скифского общества о движущих силах миропорядка*, а *в силу* их знаковой и художественной специфики. Более условные и потому удобные для осмысления и стилизации, да и для тиражирования, они легче давались мастерам, чьи предки еще держались аниконизма. Так произошла, уточняет автор, победа зооморфного кода над антропоморфным (с. 109—110). Читатель начинает подозревать, что коды не так уж эквивалентны, как ему внушали перед тем. К тому же исход конфликта двух кодов здесь почему-то предопределили культурно-исторические обстоятельства, пренебрежимо жалкие, на взгляд каноничного структурализма, факторы.

Раздел о геометризации и знаковой схематизации зооморфных образов скифского искусства (с. 127—133) выглядит одним из самых удачных в книге. В нем с большой убедительностью охарактеризован живой процесс стилеобразования, кристаллизации исторически нового плана выражения. Вот здесь на конкретном материале перед читателем наглядно предстает историческое движение ранней скифской культуры со сменой форм и некоторыми модификациями содержания, хотя оба эти процесса должны рассматриваться как некая загадка. Каноничный структурализм их попросту запрещает, а постструктурализм видит в них немотивированный произвол случая, субъективные прочтения некоего сверхтекста, вторя давнему высказыванию М. Хайдеггера: весь мир есть текст, взыскующий истолкования, но нигде не видно достойного толмача [7].

Глава четвертая намного лучше остальных удостоверяет правомерность обращения к средствам структурного анализа для решения конкретных исследовательских задач. Едва ли будет преувеличением отнести ее к самым изысканным демонстрациям эвристической ценности структурных подходов и поставить рядом, допустим, с шедевром Л. Строса (не К. Леви-Строса) «Интерпретация Кн. Бытия» [8].

Пектораль из Толстой Могилы — действительно космограмма ритуального назначения. Ее сходство со сложно организованным текстом преподнесено в методическом отношении почти безупречно, даже не без изящества. Предъявлены скрытые закономерности символики, ускользающие от привычного фактологического описания. Очень нагляден удивительный параллелизм семантики между данным изобразительным текстом и его словесным эквивалентом из Чхандогья Упанишады (с. 193—194). Удачно привлечены толкования болгарского ученого И. Маразова для расшифровки

---

[7] *Heidegger M.* Wegmarken. Frankfurt am Main, 1967. S. 191; ср. *Wilson Th.* Sein als Text. Freiburg—München, 1981. S. 344 f.

[8] *Strauss L.* Sur l'interprétation de la Genèse // L'Homme. 1981. T. 21. № 1. P. 21—36.

содержания центральной сцены, где переплетаются воедино три символических кода — антропоморфный, зооморфный, фитоморфный (с. 202). Она-то и служит ключом к пониманию скифами принципов мироустройства.

Конечно, исчерпать все возможности истолкования такого необыкновенного памятника не реально и в далеком будущем. Из некоторых сведений древнеиндийского и староиранского эпосов приходится заключить, что различие в типе причесок у двух персонажей центральной композиции, видимо, тоже несет семантическую нагрузку. Персонаж справа от зрителя наделен куафюрой в духе требований индоевропейской воинской элиты, по нормам второй дюмезилианской функции. Так, в частности, были убраны волосы авестийского героя Крсаспы. На памятниках архаической вазописи с подобной же прической изображался Тезей, но с V в. до н. э. вследствие, вероятно, какой-то семантической инновации его стали изображать по-иному, со свободно распущенными прядями, как у персонажа слева на пекторали. Касательно древа с подвешенным на нем колчаном вспоминается, что сходный мотив фигурирует в легенде о Пандавах.

В главе четвертой достаточно тщательно соблюдены условия рабочего применения структуралистской интерпретации. Рассмотрение ведется строго синхронно, на условном вневременном срезе, учтены все наличные мотивы и композиционная сложность их организации, даже оговорено отличие пекторали в данном отношении от прочих текстов скифской культуры (с. 184), т. е. неявно отклонены и равноправность с ними, и однородность семиотизации. Проделан минимум необходимых графических реконструкций и, наконец, в духе более традиционного сравнительно-исторического осмысления привлечен обширный сопоставительный материал. Перед нами компромисс, поскольку жестко структуралистское толкование полагается извлекать лишь из внутренних ресурсов анализируемого объекта без отсылок к внешним аналогиям, но компромисс полезный для дела и для читателя. Действительная исследовательская позиция Д. С. Раевского оказывается гораздо более умеренной, нежели ее теоретическое обоснование. Автор, как и полагается приверженцу линии К. Леви-Строса, пусть несколько смягченной, обозначил, если можно так выразиться, скелет культурной формы и объяснил функции каждого позвонка, сумев, однако, обойтись при этом без жертвы плотью и кровью исторической конкретности, чего почти не удавалось другим адептам структурализма. Он превосходно вскрыл феномен уникальности пекторали из Толстой Могилы с обеих точек зрения: художественной и символико-семантической. Одним словом, глава четвертая за счет сбалансированности подхода и чувства меры с лихвой окупает методическую спорность предыдущих, чему, конечно, способствует и немалое искусство анализа. Прагматика реализации структурных принципов в исследовании выглядит заметно убедительнее, чем их умозрительные оценки.

Несколько акцентировать критику последних вынуждает малая изученность новейших методологических течений нашей исторической наукой. Это заметно даже по тому, как Д. С. Раевский преподносит абстрактные и по меньшей мере спорные принципы лингвистического структурализма в качестве прочно установленных и общепринятых истин, не обмолвившись и словом насчет поистине гремящей лавины их опровержений в современной научной литературе. Не разворачивая поэтому пространных аргументов от противного, удовольствуемся серией отсылок для показа упомянутой спорности и противоречивости общей ситуации на текущий момент.

Прежде всего лого- и глоттоцентрическая теория культуры в духе концепций тартуской школы, где все сводится к процессам передачи информации и к сумме текстов, довольно утомительно повествующих об одном и том же, не обеспечивает приемлемых объяснений механизма порождения культурных инноваций. А ведь поток этих инноваций и составляет осязаемое движение любой культуры, в том числе скифской или, если угодно, индоиранской. Потому-то одни критики доказывают, что вопре-

ки Ю. М. Лотману наше сознание не всецело лингвистично [9], другие напоминают, что уподобление общества, культуры или отдельно взятых памятников условным текстам не более чем эвристически полезная метафора [10], третьи полагают, что текст не может нести всецело независимое от нас, потребителей, доопытное протозначение, коль скоро семиозис творится при восприятии и этим восприятием окрашивается. К тому же создание любого текста обусловлено актом творчества (понятия, ненавистного структурализму) и потому всегда отчасти оказывается семантической инновацией. Четвертые добрались до памятников искусства, запретив нацело сводить их к любому типу языка и на таком основании исчерпывать критериями информатики [11], а уж пятые покусились и на статус собственно языка. Из их уст раздаются утверждения, что сам язык и не код, и не знаковая система [12], на что указывает, к примеру, хотя бы факт существования интонации. С тем, что нет знака равенства между языком и ритуалом, согласился даже сам К. Леви-Строс, хотя лучше обосновали это В. Буркерт и отдельно Х. Пеннер [13]. При этом важно учитывать, что процесс конструирования абстрактных, формально упорядоченных моделей неизбежно привносит их искусственную внутреннюю когерентность и неоправданно устраняет ситуативный социокультурный контекст [14], источник «ползучей» модификации значений.

Вкратце все эти возражения следуют из одного обстоятельства — излишней степени абстрагирования от эмпирической реальности. Как подметил по данному поводу К. Бэдкок, схематические структуралистские манипуляции еще уместны, если в предельном обобщении рассматривать культуру как код, но явно бесплодны, когда в ней хотят видеть сообщение, т. е. уловить семантику [15]. Семиотика сама по себе не обусловливает семантики, сколь бы ни изощренны были анализ и применение первой. А Д. С. Раевский в своей монографии куда больше занят семантикой скифских древностей. Ее он исследует глубоко, со знанием дела и оригинальностью, тогда как семиотическое оформление в данной монографии взято у него извне и не было подвергнуто необходимой критике. Конечно, и в рассмотрении семантики кое-что кажется дискуссионным, но в серьезной работе без этого не бывает. Если вдуматься, содержание скифской культуры исчерпывается космограммами, т. е. мифами словесными и изобразительными на уровне реализации. Однако из наблюдений современной этнографии известно, что мифы, сколько бы их ни было, отнюдь не составляют всей культуры. Одни ее аспекты отражаются в них более внятно, чем другие, а третьи совсем никак. Механизм отбора и выбраковки элементов традиции мифом пока непонятен [16]. В очередной раз однородность семиотизации оборачивается миражем, теперь уже окончательно. Получается, что символы и мифы в состоянии представить от силы максимум одну из трех неидентичных частей культуры.

---

[9] *Meijer J. M.* Literature as Information // Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague—Paris, 1973. P. 211; *Zołkiewski S.* Des principes de classement des textes de culture // Semiotica. 1973. V. 7. № 1. P. 1—18; *Radar Ed.* Notre conscience est-elle linguistique? // Diogène. 1983. № 121. P. 109—127.

[10] Одним из первых метафоричность любых истин и высказываний провозгласил Ф. Ницше (*Nietzsche F.* Werke. Bd III. München, 1956. S. 311; ср. *Ricoeur P.* La métaphore vive. P., 1975; *Гусев С. С.* Наука и метафора. Л., 1984).

[11] *Koppe F.* Grundbegriffe der Aesthetik. Frankfurt am Main, 1983. S. 115 f.; *Grabar O.* Are Pictures Signs Yet? // Semiotica. 1979. V. 25. № 1/2. P. 185—188.

[12] *Ducrot O.* Dire et ne pas dire: principe de sémantique. P., 1972; *Thayer L.* Human Nature: of Communication, of Structuralism, of Semiotics // Semiotica. 1982. V. 41. № 1/4. P. 25—40.

[13] *Burkert W.* Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley — Los Angeles — London, 1979. P. 48—52; *Penner H.* Language, Ritual and Meaning // Numen. 1985. V. 32. № 1. P. 1—16.

[14] *Агеева Р. А.* Семиотика фольклора // Семиотика. Коммуникация. Стиль. М., 1983. С. 94.

[15] *Badcock Ch. R.* Levi-Strauss, Structuralism and Sociological Theory. L., 1975. P. 72.

[16] *Lessa W. A.* «Discoverer-of-the-Sun». Mythology as a Reflection of Culture // The anthropologist looks at myth. Austin, London, 1966. P. 49.

Д. С. Раевский будет иметь полное право возразить по поводу многого из сказанного выше, так как споры вокруг принципов эпистемологии исторического познания не очень уместны при разборе монографии, совсем не посягающей на их разрешение. Но она же впервые дает к ним важнейший повод, что вполне можно отнести к числу ее достоинств. Смелость мысли, даже если она вызывает возражения, надо приветствовать. Благодаря этому же качеству автор в своих предшествующих работах первым стал систематически привлекать данные индоиранских этнокультурных реконструкций для анализа скифских древностей, предложив эскиз скифо-сакской идеологии, использовал достижения современной фольклористики для оценки исторической информативности античных источников, особенно Геродота.

Рецензируемая книга должна быть признана надлежащим свидетельством расширения теоретических горизонтов в отечественной исторической науке. Правда, эти горизонты подернуты туманом дискуссионности несколько больше, чем полагает автор. Однако даже в таких неблагоприятных условиях автору удалось показать тематику и композиционно-стилистическое своеобразие произведений скифского искусства с новой даже для специалистов стороны и проследить признаки системной упорядоченности в стоящей за этим искусством идеологии. Если это и было достигнуто ценой некоторых методических издержек, то важность научных результатов исследования вполне их оправдывает. Сверх того, поучительна плодотворность использования комплексного подхода, по существу междисциплинарного, так как история, искусствоведение, лингвистика, фольклористика наряду с постулатами семиотики увязаны между собою в монографии Д. С. Раевского очень тесно. Пусть возможности семиотической интерпретации были все же отчасти преувеличены, это в данном случае простительно, если учесть методическую новизну авторского замысла применительно к изучению археологических материалов. Зато перед нами интересная и содержательная работа на исключительно трудную тему. В ней много нового, есть о чем поговорить и поспорить, а заодно и лишний раз задуматься над собственными представлениями о предмете.

Остается лишь отметить, что даже в пылу увлечения концепцией стоило бы уделить больше внимания критическому обозрению занятой научной позиции и противостоящих ей альтернативных гипотез. Они, думаю, заслуживали бы нескольких слов опровержения. Так как этого не сделано, то может показаться, что подобными опровержениями автор в процессе работы не располагал. А возражать было чему, в частности, хотя бы давнему предостережению выдающегося антрополога Б. Малиновски: «Этнографу не следует систематизировать концептуальные построения (чужой культуры на свой лад.— *Л. Л.*), ибо это не будет представлять ни деятельности первобытного сознания, ни какой иной формы реальности» [17]. Даже если не распространять данное ограничение на археологов, в такой работе, как у Д. С. Раевского, развенчать этот тезис и десятки ему аналогичных следовало бы непременно.

Л. А. Лелеков

[17] *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. N.Y., 1961. P. 229 f.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭЛЛИНИЗАЦИИ ВОСТОКА

H.-P. FRANCFORT. Fouilles d'Ai-Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles // MDAFA. T. XXVII. P., 1984. 145 p. 73 pl.

Раскопки греческого эллинистического города, который некогда существовал на юге древней Бактрии, в месте слияния двух рек — Пянджа и Кокчи (ныне Ай-Ханум, Северо-Восточный Афганистан), уже давно, с момента начала там археологических работ в 1964 г., привлекают самое пристальное внимание специалистов, занимающихся проблемами истории и культуры эпохи эллинизма. Исследования в Ай-Ханум велись Французской археологической экспедицией в Афганистане, основанной в 1922 г.; результаты этих раскопок регулярно публикуются в зарубежных научных журналах, а также в виде монографий в серии «Mémoires de la délégation archéologique Française en Afghanistan». В настоящее время в MDAFA вышли уже три тома отчетов о раскопках в Ай-Ханум (включая и рецензируемый)— 21, 26 и 27 и подготовлены к печати еще два. Совсем недавно советские читатели смогли познакомиться с обзорной статьей руководителя работ в Ай-Ханум профессора П. Бернара, в которой в доступной форме суммировались результаты изысканий его экспедиции [1]. Естественно, раскопки французских археологов в Ай-Ханум, первом греческом городе, открытом в восточной части бывшей державы Александра Македонского и его преемников, в непосредственной близости от границ Советской Средней Азии, находятся в центре внимания ученых нашей страны: Основываясь на изданных материалах из Ай-Ханум, советские авторы опубликовали ряд обзорных статей, посвященных ходу и результатам этих раскопок [2]. Интерес советских ученых к работам в Ай-Ханум, помимо всего прочего, был в значительной мере стимулирован и недавними открытиями памятников эпохи Греко-Бактрийского царства на территории нашей страны в Южном Таджикистане — городищ Саксанохур [3] и Тахти-Сангин [4]. Раскопки советских и французских ученых значительно обогатили наши представления о культурной и хозяйственной деятельности населения Бактрии в эллинистическое время, о чем совсем недавно можно было судить только по скудным сообщениям античных писателей.

Любая новая публикация материалов из Ай-Ханум — одного из крупнейших городских центров Греко-Бактрии — представляет собой еще одну ступень, позволяющую существенно расширить возможные горизонты исследований в понимании процесса эллинизации Востока, взаимодействия различных культурных компонентов и механизмов их взаимопроникновения и последующего синтеза. С этой точки зрения работа А.-П. Франкфора, несомненно, заслуживает самого пристального внимания.

---

[1] *Бернар П.* Древний греческий город в Центральной Азии // В мире науки. 1983. № 1. С. 75—83.

[2] *Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М.* Археологическая экспедиция в Афганистане (О раскопках городища Ай-Ханум, 1965) // Вестник АН СССР. 1966. № 6. С. 64—68; *они же.* Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965—1968 гг. (Обзор сводной публикации)// Бактрийские древности (Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана). Л., 1976. С. 118—124; *Пулатов У. П.* Ай-Ханум (К истории культуры Средней Азии) // Известия АН ТаджССР. Отд. общ. наук. 1984. № 2. С. 8—12.

[3] *Литвинский Б. А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // СА. 1969. № 2. С. 160—178.

[4] *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Археологические открытия на юге Таджикистана // Вестник АН СССР. 1980. № 7. С. 124—133; *они же.* Бактрийский город Тахти-Сангин. Древние взаимосвязи и культурный синтез // Курьер ЮНЕСКО. 1985, август С. 28—31; *они же.* Открытие шедевров бактрийского искусства // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1983. Л., 1985. С. 508—520; *Пичикян И. Р.* Первые открытия памятников искусства античной Бактрии // Панорама искусств 5. М., 1982. С. 221—232; *Litvinskiy B. A., Pichikiyan I. R.* The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. № 2. P. 133—167.

Хотя в ней рассматривается лишь часть находок из святилища «храма с уступами», раскопки которого производились в течение восьми полевых сезонов в период с 1968 по 1973 годы (основные категории предметов из святилища — керамика, монеты, скульптура — еще должны получить отражение в печати), однако круг вопросов, затронутых автором, выводит ее за рамки обычной публикации археологических материалов.

Рецензируемая монография состоит из 17 глав, объединенных в два раздела. Первый раздел (главы I—XV) представляет собой каталог с описанием находок и привлечением широкого круга аналогий для определения назначения и функций предметов в тех случаях, когда это необходимо для выяснения происхождения отдельных категорий находок и изобразительных сюжетов. В конце многих глав дано краткое заключение. Во втором разделе (главы XVI и XVII) представлены обобщающие выводы, вытекающие из анализа всей совокупности рассмотренного материала. Монография сопровождается 73 таблицами рисунков и фотографий. Нельзя не отметить высокий уровень полиграфического оформления всей публикации.

Касаясь целей и задач исследования, автор большое внимание уделяет вопросу о сути процесса эллинизации Востока. Исходя из имеющегося в его распоряжении материала (детали мебели, каменная посуда, мелкая пластика, инкрустации, предметы вооружения, инструменты и др.), А.-П. Франкфор рассматривает две концепции сущности эллинизма — гуманитарную и культурно-техническую (с. 3). Изучение найденных в святилище предметов с точки зрения их технико-морфологических особенностей позволило ему обосновать и аргументировать целый ряд положений в пользу культурно-технической концепции.

Следует отметить, что найденные в ходе раскопок предметы попали внутрь святилища «храма с уступами» в период между 280—145 гг. до н. э. независимо от места и времени их производства. Более того, в жизни святилища можно выделить особый, очень короткий «постгреческий» период (после 150 г. до н. э.), к которому, как отмечает автор, относится половина всех вещей из святилища. Указанный момент имеет принципиально важное значение как для решения вопроса о десакрализации святилища, так и для выявления отдельных категорий изделий, связанных с «постгреческим» временем. В целом по стратиграфическим наблюдениям в святилище «храма с уступами» выделяются пять различных уровней, причем более детальная характеристика стратиграфии этого объекта еще будет дана в работе П. Бернара (с. 4).

Весьма различающиеся функционально находки классифицированы автором по сырью, из которого они изготовлены, и, в конечном счете, по ремеслам. Основные источники сырья, за исключением слоновой кости и некоторых полудрагоценных минералов, располагались в непосредственной близости от Ай-Ханум, что совершенно справедливо рассматривается А.-П. Франкфором в качестве дополнительного аргумента в пользу предположения о местном производстве целого ряда вещей и позволяет ему успешно полемизировать с точкой зрения У. Тарна и М. Ростовцева, считавших, что Бактрия не располагала возможностями для такого производства (с. 117—118).

В результате анализа инвентаря из святилища «храма с уступами» предпринята попытка вычленения различных культурно-хронологических пластов исходя из сюжетов и отдельных категорий находок. Так, выделяются три больших пласта, отражающих локальное своеобразие культуры Бактрии в эпоху эллинизма,— древневосточный, греко-персидский и собственно эллинистический. Большое внимание уделяется автором характеристике древневосточного художественного стиля, представленного в святилище целым рядом предметов: бронзовой облицовкой дверей целлы, каменным ритоном в виде барана, бронзовой протомой кабана, шкатулками с крышками, украшенными инкрустацией из цветных камней; в древневосточное искусство уходят своими корнями и декоративные мотивы с изображениями идущих львов и скачущих баранов. Отмечается, что и архитектура самого «храма с уступами» выдержана в чистейшей древневосточной традиции. А.-П. Франкфор делает попытку обна-

ружить в этом пласте местную бактрийскую традицию в искусстве, которая, по его мнению, могла сохранить черты доахеменидского времени. К ней он относит мотив скачущих баранов и полихромную инкрустацию, поскольку этими двумя способами украшены пиксиды из сланца, форма и техника изготовления которых характерна, по мнению автора, для бактрийских или сакских ремесел. Выделяются автором и вещи сакского происхождения: перстень с черенком и некоторые типы наконечников стрел (с. 122).

Что касается греко-персидского стиля, датируемого в монографии IV в. до н. э., то в качестве его примеров среди рассматриваемого комплекса находок приводятся два достаточно широко распространенных мотива: петушиного боя и характерного жеста перса или скифа, проверяющего свою стрелу (с. 118). В этой связи заметим, что в советской исследовательской литературе уже давно ведется разработка проблемы доэллинистической культуры Бактрии, главным образом на основании состава знаменитого Амударьинского клада [5]. Е. Е. Кузьминой, например, был поставлен вопрос о существовании в доэллинистической Бактрии собственной «художественной школы», а находки бактрийских вещей в курганах среднеазиатских и сибирских кочевников позволяют говорить о том, что ремесленники Бактрии изготавливали часть своей продукции для удовлетворения нужд мира степей [6].

На широком фоне свидетельств письменной традиции в совокупности с полученными археологическими данными А.-П. Франкфором рассматривается собственно эллинистический культурный пласт, который он относит к III—II вв. до н. э. Автор приходит к выводу, что искусство греков в эллинистической Бактрии было доминирующим и его превосходство, основывающееся на политической власти греко-македонян, с одной стороны, и на городе, центре ремесел,— с другой (с. 122). Он настаивает на привнесении чисто греческой технологии в изготовление некоторых категорий вещей. В монографии подробно рассматриваются возможные пути передачи этой технологии на расстояние в тысячи километров и выделяются три основных: 1) изготовление разборных шаблонов и матриц, а также копий с оригиналов и муляжей; 2) перемещение в пространстве самих оригиналов, что особенно ярко проявилось в геммах и монетных находках; 3) путешествия непосредственных производителей — художников и мастеров-ремесленников. Результат действия перечисленных механизмов проявился в целом ряде широко распространенных сюжетов в различных областях искусства и в стереотипизации огромного количества разных предметов; все это убедительно аргументируется в работе (с. 118—123). Как этапы пути, связывавшего Бактрию с Малой Азией и далее с Грецией, автором рассматриваются крупнейшие города эллинистического Переднего Востока — Селевкия, Экбатаны и Гекатомпил. Кроме того, он предполагает еще один, более северный путь — к побережьям Каспийского и Черного морей.

Оценивая огромную и, может быть, решающую роль привнесенной греческой технологии, А.-П. Франкфор правильно указывает, что некоторые приемы обработки каменных архитектурных деталей, гравировка на инталиях, медальонах и золотых плакетках, вертикальный ткацкий станок с терракотовыми грузилами и т. д. были известны и распространены в Бактрии и остальных областях Средней Азии задолго до похода Александра. Тем не менее, именно в эпоху эллинизма был сделан решающий шаг к серийности производства, обусловленный широким использованием разборных шаблонов и матриц, что в свою очередь привело к увеличению масштабов производства и вульгаризации изготавливаемых предметов (с. 123). Греческая технология с помощью вышеназванных механизмов ее распространения шагнула далеко за пределы Восточ-

---

[5] *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. С. 25—32; *Кузьмина Е. Е.* Бактрия и эллинский мир до Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 191—202.

[6] *Кузьмина.* Ук. соч. С. 198 сл.

ного Средиземноморья благодаря в первую очередь самим греко-македонским колонистам, прочно закрепилась в Бактрии вплоть до конца кушанской эпохи, а в соседних землях (Согде)— даже до периода раннего средневековья.

Таким образом, анализ материала из святилища «храма с уступами» в Ай-Ханум позволил автору публикации осветить еще одну очень важную сторону процесса эллинизации Востока. Культурологический и технический аспекты проблемы эллинизма, убедительно показанные А.-П. Франкфором, лишний раз подтверждают, что эллинизм представлял собой конкретно-историческое явление, привнесенное на завоеванные территории уже в достаточно сложившемся виде; так, в пользу этого положения свидетельствует открытие в Ай-Ханум типично эллинских общественных сооружений — театра и гимнасия. Наконец, что особенно важно, и в политическом плане эллинизм характеризуется присвоением основанным на Востоке греко-македонским городам статуса полиса — яркий образец исключительно греческой практики [7].

Теперь обратимся к более конкретным темам, затронутым в рецензируемой монографии. Прежде всего, заслуживает внимания вопрос о культе или культах, отправлявшихся в «храме с уступами». Находки внутри святилища не дают нам однозначного ответа, нет и эпиграфических источников, как, например, в Тахти-Сангин [8], благодаря которым можно было бы подойти к решению этой проблемы. Исходя из анализа вещей, автор не делает окончательных выводов и очень осторожно формулирует возможные варианты решения. Если учесть специфику храмовых вещественных комплексов, проявляющуюся в длительном накоплении и хранении как сокровищ, так и предметов быта и вооружения, которая хорошо известна, например, по раскопкам в Тахти-Сангин, то эта осторожность вполне оправдана. Действительно, трудно отдать предпочтение пластинке с изображением «Кибелы», фрагментам статуи Зевса или находкам, указывающим на связь с культом Геракла. Возможно, правда, что на каком-то этапе своего существования святилище все же было связано с культом Зевса, поскольку его статуя вряд ли являлась приношением в храм, скорее всего она была там установлена. В то же время остальные культовые предметы вполне могли быть вотивами. Кроме того, А.-П. Франкфор не исключает и той возможности, что «храм с уступами» был посвящен местному божеству или божествам, каким-то образом связанным с почитанием Зевса. Это очень вероятно, тем более что как раз в эллинистическую эпоху, по-видимому, и «началась семантическая трансформация и слияние божеств эллинского и бактрийского пантеонов» [9]. Возможно, что в пользу такого предположения свидетельствует одна деталь обряда, зафиксированная у основания западного фасада здания храма, не известная ни в Греции, ни в доэллинистической Бактрии: там была обнаружена серия сосудов, устья которых располагались над специально проделанными отверстиями. Поскольку подобный элемент обряда в Средней Азии античного времени пока не обнаружен, его интерпретация остается делом будущего. Следует добавить, что нет сейчас и полной ясности в вопросе о судьбе святилища после ухода греков; данные стратиграфии не позволяют с уверенностью говорить о том, был ли греческий культ продолжен в «постгреческий» период, или же сосуды связаны именно с этим временем.

Принимая во внимание принципиальную важность стратиграфических данных, хотелось бы высказать следующее замечание. Очевидно, в сопровождающих монографию таблицах следовало бы выделить специальными значками те находки, которые можно было бы отнести на основе стратиграфии к «постгреческому» периоду, тем более что планиграфическое распределение предметов по категориям наглядно представлено в таблицах (1—8). Учитывая, что не менее пяти различных уровней было

---

[7] *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

[8] *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84—110.

[9] *Массон В. М.* Северная Бактрия (в античную эпоху) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 272.

выявлено при раскопках «храма с уступами», быть может, стоило бы более наглядно показать планиграфию находок в соответствии с этими уровнями, разумеется, в тех случаях, где для этого имеются основания. Такое распределение материала, как кажется, способствовало бы решению вопроса об изменении функций помещений во времени и позволило бы судить о характере накопления и формирования культурного слоя.

В заключение хотелось бы отметить, что основные выводы А.-П. Франкфора, как и публикация материалов из святилища «храма с уступами», представляют значительный интерес для дальнейшего изучения греческого наследия эпохи эллинизма в Бактрии и его роли в освоении этих достижений кушанами.

В. А. Завьялов, В. П. Никоноров, Ю. Б. Устинова

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР в 1985 г.*

I. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ. УЧЕБНИКИ. PERSONALIA. РАЗНОЕ. РЕЦЕНЗИИ

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

1. *Абдуллаев Р. Р.* Развитие представлений об относительности и абсолютности в античной философии.— НДВШ, филос. науки, 1985, № 6, с. 139—142.
2. *Абрамов М. А.* Становление теоретического мышления и социальные институты классической древней Греции.— В кн.: Социальная детерминация познания. Тарту, 1985, с. 143—145. Проблема происхождения философии.
3. *Аверинцев С. С.* На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья.— В кн.: Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985, с. 5—34.
4. *Аверинцев С. С.* Риторический принцип как фактор непрерывности на переходе от античности к средневековью и от средневековья к Возрождению.— В кн.: Западноевропейская средневековая словесность. М.: Изд-во МГУ, 1985, с. 6—9.
5. *Алехин В. И., Коломейцев А. Е.* Принципы организации античного космоса и мышления. Ин-т философии АН СССР. М., 1985, 110 с. с илл. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 23130 от 27.11.1985.
6. Античная и средневековая идеология. Сб. научн. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984, 143 с., илл.
7. Античная культура и современная наука. Сб. ст. М.: Наука, 1985, 344 с.
8. Античное художественное серебро. Каталог выставки. Сост. Н. Л. Грач, Л. И. Давыдова, В. Н. Залесский и др. Гос. Эрмитаж. Л., 1985, 64 с., илл. Выставка серебра из собрания Эрмитажа.
9. Античность в культуре и искусстве последующих веков. Материалы научной конференции 1982 г. ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: Советский художник, 1984, 353 с.
10. Античный словарь. Пер. с немецк. Б. Баршеля, И. Бехера, Х. Бертольда и др. 2-е изд. Таллин: Валгус, 1985, 703 с., илл. [На эст. яз.]
11. *Богомолов А. С.* Античная философия. М.: Изд-во МГУ, 1985, 367 с., илл.
12. *Богомолов А. С.* История древней философии. Греция и Рим. Пер. с русск. М.: Прогресс, 1985, 350 с. [На англ. яз.]
13. *Брусов М. Е.* Становление понятия материи в философии древнего мира. Азово-Черноморский ин-т механизации

* Публикуемый «Указатель...» — последняя работа Изабеллы Евгеньевны Борщ (24.VI.1922 — 29.XII.1986) — одного из старейших сотрудников нашего журнала. Работавшая с 1954 г. в Институте истории, а затем в Институте всеобщей истории АН СССР, И. Е. Борщ в 1954—1962 гг. исполняла также обязанности секретаря редакции ВДИ, опубликовала в журнале несколько статей хроникального характера, а с 1965 г. начала библиографическую работу по истории, филологии, философии, археологии и лингвистике античного мира. На протяжении 20 лет (с 1967 г.) ежегодно в ВДИ печатались составляемые И. Е. Борщ указатели изданной в СССР литературы по античной тематике, в своей совокупности они составляют около 60 п.л. Она опубликовала также справочник «Советская наука об античных авторах (1960—1975). Издание и исследование» (М., 1980) и готовила следующий выпуск. Изабелла Евгеньевна любила свою работу, относилась к ней с исключительной добросовестностью и была прекрасным специалистом в этой области. В памяти всех, кто знал Изабеллу Евгеньевну, она запечатлелась как человек любознательный и оптимистичный, очень искренний и доброжелательный, всегда готовый прийти на помощь, глубоко преданный своей работе и друзьям.

Указатели литературы, опубликованной в 1962—1984 гг., см. ВДИ, 1967, № 1 и 3; 1969—1973, № 4; 1974, № 1 и 4; 1975—1977, № 4; 1978, № 1 и 4; 1979—1982, № 4; 1984, № 1 и 4; 1985 и 1986, № 4. Работы, вышедшие до 1985 г., но не учтенные в предыдущих выпусках, см. под № 6, 9, 16, 23, 26, 31, 33, 37, 46, 53, 61, 67, 68, 74, 95, 108, 113, 127, 186, 193, 233, 243, 244, 254, 268, 275, 287, 297, 299, 302 401, 405, 447, 448, 450. 481, 529, 541, 575.

сельского хоз-ва. Зерноград, 1985, 23 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 23219 от 3.12.1983.
14. *Васильев Л. С., Графский В. Г., Грацианский П. С. и др.* История политических и правовых учений. Древний мир. Ин-т государства и права АН СССР. М.: Наука, 1985, 349 с.
15. *Винничук Л.* Латинский язык. Самоучитель для студентов гуманит. фак. ун-тов и пед. вузов. Пер. с польск. Предисл. А. Ч. Козаржевского. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1985, 327 с., илл.
16. *Габричевский А. Г.* Античность и античное, *в № 9*, с. 5—13.
17. *Годер Г. И.* Диафильм «Город Рим во времена империи».— ПИШ, 1985, № 6, с. 61—63.
18. *Гроссман Ю. М., Лісовий І. А.* Історія стародавнього світу. Практикум. Львів: Вища школа, 1985, 223 с.
19. *Гусейнов А. А.* Введение в этику. М.: Изд-во МГУ, 1985, 208 с.
20. *Гуторов В. А., Мироненко А. Я.* Критика современных буржуазных интерпретаций социально-утопических идей античности.— В кн.: Марксистско-ленинская философия: некоторые актуальные проблемы. Л., 1984, с. 238—245. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 20411 от 18.04.1985.
21. *Дмитриева Н. А.* Краткая история искусств. Вып. 1. От древнейших времен по XVI век. Очерки. 3-е изд., доп. М.: Искусство, 1985, 319 с., илл. Античное искусство, с. 53—108.
22. Іноземна філологія республіканський міжвідомчий науковий збірник. Вип. 80. Питання класичної філології, № 21. Львів: Вища школа, 1985. 123 с.
23. История искусства зарубежных стран. Первобытное общество, древний Восток, античность. Учебник. Академия художеств СССР. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изобраз. искусство, 1984, 384 с., илл.
24. История политических учений. В 4-х кн. Пер. с русск. М.: Прогресс, 1985 [На хинди]. Кн. I. Древний мир и средние века, 304 с.
25. История философии. Т. I. История домарксистской философии. Пер. с русск. 2-е изд. М.: Прогресс, 1985, 510 с. [На исп. яз.]
26. *Кантор А. М.* Античный мир в живописи второй половины XIX века, *в № 9*, с. 325—336.
27. *Козовик И. А., Шипайло Л. Д.* Учебник латинского языка. Для мед. ин-тов. Киев: Вища школа, 1985, 248 с.
28. *Кузин В. П.* Материалистические традиции античной философии в понимании природы войны и мира.— В кн.: Традиции и современность. Севастополь, 1985, с. 153—160.
29. Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л.: Наука, 1985, 383 с.
30. *Кун Н. А.* Золотое руно: легенды и мифы древней Греции. Вступ. ст. А. Бокщанина. Пер. с русск. Г. Лукстиньш. 2-е изд. Рига: Лиесм, 1985, 446 с. [На латыш. яз.]
31. *Кушаков Ш. С., Убайдов Н. Э.* Эволюция представления о точности знания в античной и средневековой философии.— В кн.: Гносеологические и социологические категории. Ташкент, 1984, с. 22—27.
32. *Лапина М. С., Калиниченко А. С., Феоктистова О. Д.* Латинизмы в современных языках. Учебное пособие для филол. фак. ун-тов и пед. ин-тов. Киев: Вища школа, 1985, 191 с. Указатель латинских и русских слов, с. 176—188.
33. Латинский язык. Учебное пособие для учащихся совхозов техникумов по спец. «ветеринария» и специалистов, работающих на производстве. Вильнюс, 1984, 114 с.
34. *Мальчукова Т. Г.* Серьезное — смешное в античной литературе (К истории становления эстетической категории комического).— В кн.: Эстетические категории: формирование и функционирование. Петрозаводск, 1985, с. 73 —83.
35. *Маргиани Г. Н.* Роль географической среды в развитии общества и смысл исторического процесса. Тбилиси: Мецниереба, 1985, 76 с. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
36. *Мирошенкова В. И., Федоров Н. А.* Учебник латинского языка для студентов филол. спец. вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во МГУ, 1985, 287 с.
37. *Михайлов А. В.* Отражения античности в немецкой культуре XVIII — начала XIX века, *в № 9*, с. 179—195.
38. *Можейко М. А.* К проблеме формирования категории «субстанция» в античной натурфилософии.— Вестник БГУ, сер. 3, история, философия, научный коммунизм, экономика, право. Минск, 1985, № 3, с. 40—43.
39. *Можейко М. А.* О закономерности становления категориальных средств античной натурфилософии (философия и научный коммунизм). Минск, 1985, вып. 12, с. 54—61.
40. Общество и государство в древности и средние века в странах Западной Европы. Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1985, 162 с.
41. Орфографический словарь древнегреческих и римских собственных имен. Сост. К. Гугинейшвили. Тбилиси, 1985, 144 с. [На груз. яз.]
42. *Печурин И. В.* Некоторые особенности социального идеала античности.

МГУ. М., 1985. 42 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 22095 от 14.08.1985.

43. *Поварков Я. Я.* Эпикурейские штудии Карла Маркса.— В кн.: Философия и история культуры. М., 1985, с. 6—24.
Влияние культуры античности на мировоззрение молодого Маркса.

44. *Правда В. Л.* Проблема перехода от античности к средним векам в советской историографии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Томск. гос. ун-т. Томск, 1985, 21 с.

45. *Редер Д. Г., Черкасова Е. А.* История древнего мира. Ч. I. Учебное пособие для студентов ист. фак. пед. ин-тов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985, 288 с., илл.

46. *Ревякина Н. В.* Философское наследие античности в итальянском гуманизме XIV — первой половине XV века, *в № 9*, с. 108—125.

47. *Ростовцева Н. Д., Сергеев К. А.* Роль философии в формировании античной науки.— Вестник ЛГУ, 1985, № 6. Вып. 1. История КПСС, научный коммунизм, философия, право, с. 38—43. [Рез. на англ. яз.]

48. *Свенцицкая И. С., Птищева Г. А.* Контрольные работы по истории древнего мира. Пособие для студентов-заочников 1-го курса ист. фак. пед. ин-тов. Моск. гос. заочн. пед. ин-т. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1985, 31 с.

49. *Сильвестров В. В.* Проблема преемственности в философской культуре (Античность — средневековье — новое время).— В кн.: Философия и история культуры. М., 1985, с. 25—43.

50. Словарь античной мифологии. Сост. И. А. Козовик, А. Д. Пономарев. Вступ. ст. А. Белецкого. Киев: Наукова думка, 1985, 235 с. [На укр. яз.]

51. Словник античної міфології. Уклад.: І. Я. Козовик, О. Д. Пономарів. Авт. вступ. ст. и відп. ред. А. О. Білецький. Київ: Наукова думка, 1985, 235 с.

52. Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький: Изд-во ГГУ, 1985, 155 с.

53. *Топуридзе Е. И.* Человек в античной трагедии. Ин-т философии АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1984, 120 с.

54. *Удальцова З. В.* Эволюция понятий «историческое время» и «пространство» при переходе от античности к средневековью.— В кн.: Формации и социально-классовые структуры. М., 1985, с. 27—41.

55. *Уколова В. И.* Исидор Севильский и античная философия.— В сб.: Средние века. М., 1985, вып. 48, с. 27—37.

56. *Федотов О. И.* Оппозиция «стих — проза» в античной риторике.— НДВШ, филол. науки, 1985, № 4, с. 33—39.

PERSONALIA

И. М. Дьяконов

57. *Моисеева Т. А.* И. М. Дьяконов как исследователь древней истории Малой Азии (Фригии).— В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории в трудах советских исследователей. Воронеж, 1985, с. 116—128.

А. Ф. Лосев

58. Библиографический список печатных трудов А. Ф. Лосева 1978—1984 гг. Из литературы о А. Ф. Лосеве, *в № 7*, с. 337—341. [Без подписи].

59. А. Ф. Лосев, *в № 7*, с. 3—7. [Без подписи].

60. *Спиркин А. Г.* О личных встречах и беседах с А. Ф. Лосевым, *в № 7*, с. 332—337.

М. Е. Массон

61. *Логинов С.* Старейший нумизмат Средней Азии.— Памятники Туркменистана, 1984, № 1, с. 31.
Об академике М. Е. Массоне.

А. В. Мишулин

62. *Шофман А. С.* А. В. Мишулин как историк античности.— В кн.: История и историки, 1981. М., 1985, с. 184—204.

Н. А. Онайко

63. *Масленников А. А.* Памяти Н. А. Онайко.— КСИА, 1985, № 182, с. 93.

Ю. В. Откупщиков

64. *Чистякова Н. А., Зайцев А. И., Степанов Н. И.*— Ю. В. Откупщиков. К 60-летию со дня рождения.— Вестник ЛГУ, 1985, 9. История, язык, лит-ра, вып. 2, с. 126—127.

65. *Пугаченкова Г. А.* Материалы к библиографии ученых Узбекистана. Сост. Э. В. Ртвеладзе. Ин-т искусствознания им. Хамзы. Ташкент: Фан, 1985, 42 с.

См. также № 188.

РАЗНОЕ

66. *Абраменко Г. А.* Функционально-семантические характеристики адъективных словосочетаний в латинском языке. Киевск. гос. пед. ин-т иностр. яз. Киев, 1985, 36 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 21513 от 10.07.85.

66а. *Бонгард-Левин Г. М.* Палладий о брахманах и диспуте Александра, *в № 9*, с. 66—72.

67. *Гайденко П. П.* Николай Кузанский и античный платонизм, *в № 9*, с. 55 — 71.

68. *Гараканидзе И. И.* Античные сведения о пифагорейском методе исследова-

ния.— Труды ТГУ, 1984, т. 249, с. 168—177. [Рез. на англ. яз.]

69. *Дерюгин А. А.* Греческие сложные эпитеты в переводах А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского, *в № 22*, с. 16—23. [Рез. на немецк. яз.]

70. *Домбровський Р. О.* Байки Езопа в переспівах Микити Годованца, *в № 22*, с. 97—103. [Рез. на русск. и немецк. яз.]

71. *Захаров А. А.* «Абсурд» в философии Тертуллиана и Шестова.— В кн.: Духовные ценности как предмет философского анализа. М., 1985, с. 129—133.

72. *Иванова Л. С.* Сопоставительное исследование порядка слов в простом повествовательном предложении латинского и русского языков. (Функциональный аспект): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ. М., 1985, 24 с.

73. *Мах А. С.* Структурно-семантические особенности латинских фразеологизмов с названиями культурных растений, *в № 22*, с. 34—40. [Рез. на немецк. яз.]

74. *Неверов О. Я.* Живопись Аннибала Караччи и античная глиптика, *в № 9*, с. 136—142.

75. *Рабинович Е. Г.* Выработка стратегии поведения в поздней античности (Феб-Люцифер).— В кн. Этнические стереотипы поведения. Л., 1985, с. 95—120.

76. *Столович Л. Н.* «Человек есть мера всех вещей», *в № 7*, с. 13—17.

77. *Хамади Ануар Хусейн.* Шахрастани как историк античной философии (Досократовский период): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. МГУ. М., 1985, 25 с.

78. *Цыганок Т. И.* Древнеанглийские эквиваленты латинских отглагольных имен на -tio/-sio.— В сб.: Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток, 1985, с. 136—145.

79. *Шичалин Ю. А.* О некоторых образах неоплатонического происхождения у Данте.— В кн.: Западноевропейская средневековая словесность. М.: Изд-во МГУ, 1985, с. 98—100.

80. *Щерба Г. М.* Структурные преобразования разряда неопределенных местоимений от латыни к французскому языку.— Древняя и новая Романия. Л., 1985, вып. 3, с. 150—152.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ ДО 1985 г.

81. Антология кинизма: фрагменты сочинений кинических мыслителей. Сб. Изд. подг. И. М. Нахов. М.: Наука, 1984, 398 с.
Рец.: *Тахтаджян С.* Знакомство не состоялось.— ВЛ, 1986, № 2, с. 251 — 259.

82. *Аристотель.* Метеорологика. Пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской. Л.: Гидрометеоиздат, 1983, 240 с.
Рец.: *Визгин В. П.* «Метеорология» Аристотеля и современная наука.— Вопросы истории естествознания и техники, 1986, № 1, с. 157—160.

83. *Асмус В. Ф.* Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984, 318 с.
Рец.: *Богуславский В. М.*— ВФ, 1985, № 8, с. 169—171.

84. *Бочаров В. А.* Аристотель и традиционная логика. М.: Изд-во МГУ, 1984, 133 с.
Рец.: *Стяжкин Н. И.*— НДВШ, филос. науки, 1986, № 1, с. 185—186.

85. *Бычков В. В.* Эстетика Аврелия Августина. М.: Искусство, 1984, 264 с.
Рец.: *Соколов В. В.*— ВФ, 1986, № 1, с. 168—171.

86. *Гончарова Т. В.* Еврипид. М.: Молодая гвардия, 1984, 271 с.
Рец.: *Новиков В.* Свет классики.— Молодая гвардия, 1986, № 1, с. 285 — 287.

87. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, 1981, 144 с., илл.
Рец.: *Зубар В. М., Мещеряков В. Ф.* Херсонес Таврійський.— Іст. журн., Київ, 1986, № 3, с. 152—153.

88. Культура Византии, IV — первая половина VII в. М.: Наука, 1984, 725 с.
Рец.: *Бибихин В.* Далекое и близкое.— Новый мир, 1986, № 3, с. 257—260.

89. *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во МГУ, 1984, 255 с.
Рец.: *Шевеленко А. Я.*— ВИ, 1986, № 1, с. 128—130.

90. *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах: культура и связи Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983.
Рец.: *Ртвеладзе Э. В.*— ВДИ, 1985, № 4, с. 184—190.

91. *Луканин Р. К.* «Органон» Аристотеля.— М.: Наука, 1984, 303 с.
Рец.: *Симонов Р. А.*— НДВШ, филос. науки, 1986, № 1, с. 186—187.

92. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984, 134 с.
Рец.: *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.*— Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки, 1985, № 1, с. 102—103.

93. *Нахов И. М.* Киническая литература. М.: Наука, 1981, 303 с.
Рец.: *Тахтаджян С., в № 81.*

93а. *Нахов И. М.* Философия киников. М.: Наука, 1982, 223 с.
Рец.: *Тахтаджян С., в № 81.*

94. *Немировский А. И.* Этруски: от ми-

фа к истории. М.: Наука, 1983, 261 с. Рец.: *Молчанов А. А.*— ВДИ, 1986, № 3, с. 167—178; *Цымбурский В. Л.*— ВДИ, 1986, № 3, с. 178—185.

95. *Покровская З. А.* Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М.: Изд-во МГУ, 1979, 96 с.
Рец.: *Урушадзе А. В.*— Труды ТГУ, 1984, т. 249, с. 405—422. [Рез. на немецк. яз.]

96. Проблемы античной государственности. Межвуз. сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 196 с.
Рец.: *Исаева В. И., Межерицкий Я. Ю.*— ВДИ, 1986, № 2, с. 183—193.

97. Проблемы отечественной и всеобщей истории. Межвуз. сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, вып. 5. Античный полис. 140 с.
Рец.: *Исаева В. И., Межерицкий Я. Ю.*— ВДИ, 1986, № 2, с. 183—193.

98. Социальная структура и политическая организация античного общества. Межвуз. сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 196 с.
Рец.: *Исаева В. И., Межерицкий Я. Ю.*— ВДИ, 1986, № 2, с. 183—193.

99. *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (По материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка, 1983, 174 с.
Рец.: *Храпунов И. Н.*— СА, 1986, № 1, с. 281—286.

100. *Шталь И. В.* Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983.
Рец.: *Андреев Ю. В.*— НДВШ, филол. науки, 1985, № 4, с. 86—88.

См. также № 108, 575.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ. ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

101. *Марк Аврелий Антонин.* Размышления. Издание подг. А. И. Доватур, А. К. Гаврилов, Ян Унт. Л.: Наука, 1985, 244 с. Содержание: Марк Аврелий. Размышления. Пер. А. К. Гаврилова, с. 5—72; Приложения. Доватур А. И. Римский император Марк Аврелий Антонин, с. 76—94; Унт Ян. «Размышления» Марка Аврелия как литературный и философский памятник, с. 94—115; Гаврилов А. К. Марк Аврелий в России, с. 116— 169; Экзегетический комментарий Я. Унта, с. 170—218; Текстологические примечания А. К. Гаврилова, с. 219—237; Указатель важнейших терминов; Указатель цитат; Век Антонинов. Краткий хронологический обзор.

102. *Аполлоний Тианский.* Письма *в № 115*, с. 198—214.

103. *Аристотель.* Этика Никомаха. Пер. с древнегреч. Предисл. И. Кемере, В. Зариньша, с. 5—25. Рига: Звайгзне, 1985, 230 с. [На латыш. яз.]

104. Aristoteles. Nicomaha etika. Riga: Zvaigzne, 1985, 229 lpp.

105. *Веллей Патеркул.* Римская история. Кн. I—II. Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой, *в № 280*, с. 64—158.

106. Перечень деянний божественного Августа. Пер. М. Ф. Дашковой, *в № 280*, с. 193—196.

107. *Гомер.* Одиссея. Пер. В. Жуковского. Предисл. А. Нейхардт, примеч. С. Ошерова. М.: Правда, 1985, 319 с., илл.

108. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты. Пер. и примеч. И. С. Перетерского. М., 1984.
Рец.: *Смышляев А. Л.*— ВДИ, 1986, № 1, с. 145—151.

109. *Диодор Сицилийский.* Пер. с ориг. Предисл. и примеч. С. М. Каряшаряна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1985, 203 с. [На арм. яз.]

110. [Овидий]. *Подосинов А. В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Вводная статья. Тексты, перевод, комментарии. М.: Наука, 1985, 287 с.

111. Ораторы Греции. Пер. с древнегреч. Сост. и науч. подг. текстов М. Гаспарова. Вступит. ст. В. Боруховича, коммент. И. Ковалевой, О. Левинской. М.: Худож. лит., 1985, 495 с., илл. Авторы: Горгий, Лисий, Исократ, Демосфен, Эсхин, Дион Хрисостом, Элий Аристид, Либаний, Фемистий.

112. Платон. Пир; Апология Сократа. Пер. с древнегреч. А. Курисмаа, послесл. Я. Унта. Таллин. Ээсти раамат, 1985, 206 с. [На эст. яз.].

113. *Софокл.* Антигона. Пер. с древнегреч. А. Парина. Послесл. В. Ярхо, коммент. Н. Подземской. М.: Искусство, 1986, 119 с., илл.

114. *Теренций.* Комедии. Пер. с латинск. А. Артюшкова. Вступ. ст. и коммент. В. Ярхо. М.: Худож. лит., 1985, 574 с., илл.
Содержание: Девушка с Андроса; Самоистязатель; Евнух; Формион; Свекровь; Братья. В прил.: Жизнеописание Теренция. Гай Светоний Транквилл. Отрывки из несохранившихся комедий римской паллиаты.

115. *Флавий Филострат.* Жизнь Аполлония Тианского. Издание подг. Е. Г. Рабинович. АН СССР. Литературные памятники. М.: Наука, 1985, 328 с. Аполлоний Тианский. Письма, с. 198—214. Приложения: Рабинович Е. Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата. 1. Флавий Филострат

и его книга, с. 217—245. 2. Флавий Филострат и его герой, с. 245—276. Примечания. Греческие меры и денежные единицы, упоминаемые Филостратом. Указатель имен и географических названий. Хронологическая таблица.

116. *Цицерон.* Философские трактаты. Пер. с латинск., примеч. и коммент. М. И. Рижского. М.: Наука, 1985, 382 с.
Содержание: Майоров Г. Г. Цицерон как философ, с. 5—59; О природе богов, кн. 1—3; О дивинации, кн. 1—2; О судьбе.

117. Эзоп. Басни Эзопа в переводах Л. Н. Толстого. Авт. предисл. и сост. Э. Г. Бабаев. Тула: Приокское кн. изд-во, 1985, 158 с.
Перевод для детей.

См. также № 198.

III. НУМИЗМАТИКА, ЭПИГРАФИКА, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

118. *Блаватская Т. В., Розов В. Н.* Граффити зенонитов, *в № 133*, с. 115—137. Надпись рубежа V—IV вв. до н. э. из Зенонова Херсонеса на Боспоре.

119. *Булатович С. А.* Находка кизикина на Таманском полуострове, *в № 358*, с. 36—38.

120. *Вандов Р. М.* Эпиграфические памятники Кавказской Албании. Ин-т истории АН АзССР. Баку, 1985, 9 с., илл.

121. *Васильев А. Н.* Боспорские надписи как исторический источник (О понятии «Боспор» на Боспоре в IV в. до н. э.).— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985, т. 17, с. 289—296.

122. *Грандмезон Н. Н.* Неопубликованные разновидности монет античного Херсонеса.— КСИА, 1985, № 182, с. 60—62.
II в. до н. э.— I в. н. э.

123. *Карышковский П. О.* Новые монетные находки в Северо-Западном Причерноморье, *в № 358*, с. 33—36. V—IV вв. до н. э.

124. *Карышковский П. О.* Новые находки античных и византийских монет в степной части Прутско-Днестровского междуречья, *в № 356*, с. 180—183.

125. *Каухчишвили Т. С.* Греческие надписи Эшерского городища. Источниковедческие разыскания, 1982. Тбилиси, 1985, с. 218—223.

126. *Кропоткин В. В., Обыденов М. Ф.* Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале.— СА, 1985, № 2, с. 242—246.

127. *Логинов С., Никитин А.* Монеты «Царя Мерва».— Памятники Туркменистана, 1984, № 1, с. 32.

128. *Масленников А. А.* Новое о боспорских земледельцах, *в № 133*, с. 138—142.

129. *Новиченкова Н. Г.* О находке нового херсонесского статера.— СА, 1985, № 1, с. 260—263.

130. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты — свидетели прошлого. Популярная нумизматика. М.: Изд-во МГУ, 1985, 176 с., илл.
Монеты древнего мира, с. 8—45.
Рец.: *Федоров Г.*— Новый мир, 1986, № 12, с. 263—264.

131. *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора первых веков нашей эры: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1985, 38 с.

132. *Шарыпкин С. Я.* Синкретизм греческого датива в свете древнейших греческих надписей.— Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1985, т. 44, № 3, с. 204—212.

133. Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. Ин-т всеобщей истории АН СССР. М., 1985, 239 с.

134. *Яйленко В. П.* Материалы к «Корпусу лапидарных надписей» Ольвии, *в № 133*, с. 161—237.

135. *Яйленко В. П.* Новые надписи Горгиппии, *в № 133*, с. 148—160.

См. также № 61, 365, 417, 564, 573.

IV. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ *

136. *Абрамов М.* Маркс, Лассаль и Гераклит.— В кн.: Марксизм, история, философия, современность (Материалы симпозиума, посвященного философскому наследию К. Маркса. Кяэрику, 23—26 мая 1983 г. Тарту, 1985, с. 131—148.
К. Маркс об интерпретации философской диалектики Гераклита Ф. Лассалем.

137. *Алпатов М. В.* Из истории изучения древнегреческого искусства, *в № 7*, с. 281—285.

138. Афинский акрополь. 1975—1983 гг. Научные исследования, поиски реставрации. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, 26 июня — 26 июля 1985 г. Мин-во культуры и наук Греции, Комитет по охране памятников акрополя. 87 с.

139. *Баканурский А. Г.* Аристофан — критик Сократа: к проблеме понима-

* Учебники и учебные пособия см. в общем разделе.

ния.— В кн.: Понимание в системе общественных отношений. Одесса, 1985, с. 19—25. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 19822 от 5.03.1985.
Неправомерность отождествления Сократа с софистами.

140. *Белецкий А. А.* Проблема греческого языка византийской эпохи, *в № 7*, с. 189—193.
Эволюция древнегреческого языка как историко-политическое явление.

141. *Берзина С. Я.* Мероэ VII—V вв. до н. э. в эфиопском логосе Геродота.— В кн.: Мероэ. М.: Наука, 1985, вып. 3, с. 44—77. [Рез. на англ. яз.]

142. *Білевич О. А.* Про деякі характерні особливості античної ветеринарної літератури, *в № 22*, с. 91—96. [Рез. на русск. и немецк. яз.]

143. *Бондарчук Я. І.* Поняття і терміни дієслівної категорії часу у творах старогрецьких філологів, *в № 22*, с. 3—10. [Рез. на русск. и немецк. яз.]

144. *Борисенко В. В.* Филологический метод античной философии с позиций современной лингвистики (оппозиция logos—phone), *в № 7*, с. 166—170.

145. *Бородай Т. Ю.* Платоновский демиург — образ или категория? *в № 7*, с. 31—36.

146. *Боруxович В.* Ораторское искусство древней Греции, *в № 111*, с. 5—24.

147. *Васильева Т. В.* Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М.: Наука, 1985, 161 с. Становление философской терминологии.

148. *Васильева Т. В.* Символы человека у Платона и платоническая любовь, *в № 7*, с. 27—31.

149. *Воробьев В. А.* Метафора как способ создания древнегреческой медицинской терминологии.— Вестник ЛГУ, 1985, № 2, история, язык и лит-ра, с. 64—67. [Рез. на англ. яз.]

150. *Галанопулос А. Г., Бэкон Э.* Атлантида: за легендой — истина. Ереван: Айастан, 1985, 200 с. [На арм. яз.]

151—152. *Геворкян А. Т.* Иносказание в «Теэтете» Платона.— ВФ, 1985, № 1, с. 101—110. [Рез. на англ. яз.]

153. *Гиндин Л. А.* Лингво-филологический анализ X песни «Одиссеи» и некоторые принципы гомеровской поэтики, *в № 7*, с. 95—98.

154. *Гринбаум Н. С.* О некоторых терминах философского словаря у Пиндара и Платона, *в № 7*, с. 153—157.

155. *Губарев Н. И.* Идея неисчерпаемости в древнегреческой философии (Милетская и элейская школы). Воронеж. гос. пед. ин-т. Воронеж, 1985, 29 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 22080 от 12.08.85.

156. *Гусейнов Г. Ч.* Персонажи Платона: в поисках жанра, *в № 7*, с. 118—121.

157. *Давыдов Ю. Н.* Античность как предмет исторической социологии, *в № 7*, с. 286—291.
Сократ. Платон. Аристотель.

158. *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1985, 319 с., илл., карт.

159. *Двоеглазов Н. Ю., Макаров Л. М.* Олимпийские игры в древней Греции (Политический и общественно-психологический аспекты). Сыктывкар. гос. ун-т Сыктывкар, 1985, 7 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 20005 от 18.03.85.

160. *Дворкин И. С.* Проблемы формирования предмета науки в связи с учением Аристотеля о сущности.— В кн.: Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1985, с. 44—53. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 21276 от 24.06.85.

161. *Джолохава Г. А.* Диалектика Гераклита.— Известия АН ГССР. Сер. философии и психологии. Тбилиси, 1985, № 4, с. 18—32. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

162. *Долидзе Т. И.* Текстологический анализ комментария школы Аммония на «категории» Аристотеля (lal — 4 b.— 19): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ТГУ. Тбилиси, 1985, 24 с.

163. *Драч Г. В.* Аристотель и проблемы древнегреческой философии.— ВФ, 1985, № 7, с. 151—155.
III Всесоюзная научная конференция по проблемам древнегреческой философии. «Аристотелевские чтения», 1984 г.

164. *Дружинина Е. Ф.* О роли пространственно-временных отношений в определении жанрового своеобразия «Одиссеи».— В кн.: Жанровое своеобразие и стиль. М., 1985, с. 4—8.

165. *Думчюс Й.* Является ли «Поэтика» Аристотеля конспектом? — Уч. зап. высш. учеб. заведений ЛитССР, Вильнюс, 1985, № 27 (3), с. 3—7. [На литов. яз. Рез. на русск. и немецк. яз.]

166. *Житомирский С. В.* О геометрии Вселенной Платона.— Вопросы истории естествознания и техники, 1985, № 4, с. 104—107.
Космология в диалогах «Государство» и «Тимей».

167. *Зайцев А. И.* Культурный переворот в древней Греции VII—V вв. до н. э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985, 207 с.

168. *Кабисов Р. С.* λόγος Гераклита и наука логика.— Известия АН ГССР. Сер. философии и психологии. Тбилиси, 1985, № 1, с. 35—50.

169. *Каменский З. А.* Предмет и статут античной философии, *в № 7*, с. 8—12.

170. *Касаткина Н. А.* Ранние военно-

земледельческие поселения афинян (VI в. до н.э.), *в № 52*, с. 4—25.

171. *Кессиди Ф. Х.* Древнегреческая демократия и возникновение диалектики, *в № 7*, с. 17—21.

172. *Кессиди Ф. Х.* Первый Международный конгресс, посвященный Демокриту.— ВФ, 1985, № 1, с. 143—147. Греция, октябрь 1983 г.

173. *Клейн Л.* Найдена ли Троя? — Знание — сила, 1985, № 3, с. 40—43.

174. *Кнэхт Н. П.* Диалектика познания единства и многообразия мира как выражение философской формы познания у досократиков.— В кн.: Материалы конференции молодых ученых по общественным наукам. Томск, 1985, с. 3—6.

175. *Корзун М. С.* Афинское посольство по заключению Никиева мира.— Весник БГУ, сер. 3. Гісторыя, филасофія, навук. камунізм, эканоміка, право. Мінск, 1985, № 3, с. 19—22.

176. *Корзун М. С.* Тип хозяйства и политическая позиция Никия.— Весник БГУ, сер. 3. Гісторыя, філасофія, навук. камунізм, эканоміка, право. Мінск, 1985, № 1, с. 23—25.

177. *Краузе А. А.* К вопросу об идейной борьбе вокруг философского наследия Аристотеля.— Вестник ЛГУ, 1985, № 6, история КПСС, научный коммунизм, философия, право, вып. 1, с. 101—104. [Рез. на англ. яз.]

178. *Курмангалиева Г. К.* Философия Аристотеля как идейно-теоретический источник арабоязычной философии средневековья.— В кн.: Актуальные проблемы философской и правовой науки. Алма-Ата, 1984, с. 124—134. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 19272 от 14.01.85.

179. *Кутергин В. Ф.* Первый поход беотийцев на Спарту, *в № 50*, с. 25—40.

180. *Мушина Л. Т.* Суффиксальная дигамма в древнегреческом языке.— Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985, с. 202—210.

181. Логика Аристотеля. Материалы симпозиума, 16—17 ноября 1983 г. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1985, 177 с.
Содержание: *Бочаров В. А.* Интерпретации ассерторической силлогистики Аристотеля, с. 6—20; *Мчедлишвили Л. И.* Реконструкция метода экстезиса и система позитивной силлогистики, с. 21—35; *Бежанишвили М. Н., Мчедлишвили Л. И.* Позитивная силлогистика и логика предикатов, с. 36—46; *Бродский И. Н.* Аристотелевская силлогистика и логика относительных модальностей, с. 47—57; *Колесников Н. Г.* Теория суждений существования Льюиса Кэррола и Аристотелева силлогистика, с. 58—70; *Федоров Б. И.* Особенности силлогистических выводов в дедуктивной теории Б. Больцано, с. 71—81; *Чесноков С. В.* Построение силлогистики Аристотеля и ее обобщений в гуманитарных эмпирических исследованиях, с. 82—95; *Карпенко А. С.* Будет или не будет завтра морское сражение, с. 98—111; *Бежанишвили М. Н.* «Возможные миры» и аподиктическая силлогистика Аристотеля, с. 112—128; *Войшвилло Е. К.* Модальная силлогистика с содержательной точки зрения, с. 129—140; *Маркин В. И.* Семантический анализ аподиктической силлогистики Аристотеля, с. 141—153; *Мчедлишвили Л. И.* Аподиктическая силлогистика Аристотеля и отношение «обозначает суть Бытия», с. 154—167; *Тевзаде Д. Д.* Об одном подходе к аподиктической силлогистике Аристотеля, с. 168—176.

182. *Лосев А. Ф.* Древнегреческий термин Techne в доплатоновский период античной эстетики.— В кн.: Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985, с. 294—297.
Объем понятия «искусство» в эпоху ранней классики.

183. *Малинаускене Н. К.* Обозначения вкуса в поэмах Гомера, *в № 7*, с. 144—148.

184. *Микеладзе З. Н.* Из комментариев к «Органону» Аристотеля.— В кн.: Металогические исследования. Тбилиси, 1985, с. 3—12.

185. *Мчедлишвили Л. И.* Метод экстезиса и реконструкции аподиктической силлогистики Аристотеля.— Там же, с. 13—19.

186. *Надарейшвили К. Г.* К индивидуальности образа Антигоны у Софокла.— Труды ТГУ, 1984, т. 249, с. 178—205. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]

187. *Надарейшвили К. Г.* Проблема формирования художественного образа женщины в греческой трагедии (Антигона, Медея, Электра): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ТГУ. Тбилиси, 1985, 21 с.

188. *Неверов О. Я.* Древности из собрания Генриха Шлимана, *в № 29*, с. 198—208.
Коллекция гемм из троянского клада в Эрмитаже.

189. *Нейхардт А.* Предисловие.— В кн.: Гомер. Одиссея. М., 1985, с. 3—12 (см. № 107).

190. *Ойзерман Т. И.* К характеристике философских воззрений Аристотеля, *в № 7*, с. 47—55.

191. *Панасенко Ю. Ф.* Грамматические способы выражения эпитетов, приводимых в «Риторике» Аристотеля.— В кн.: Жанровое своеобразие и стиль. М., 1985, с. 72—79.

192. *Перевалов С. М.* Аристотель о ге

ронической басилейе, *в № 40*, с. 3—17.

193. *Перевалов С. М.* О характере военной организации гомеровского общества.— В кн.: Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. М., 1984, с. 22—29.

194. *Подосинов А. В.* К проблеме сократовского диалога, *в № 7*, с. 21—26.

195. *Рубцова Н. А.* О коммуникативной основе гимнического обращения (На примере молитвенных обращений «Илиады» Гомера), *в № 7*, с. 104—109.

196. *Румниеце И. Е.* К вопросу об использовании эпитетов у Пиндара.— Вестник МГУ, сер. филология, 1985, № 2, с. 63—70.

197. *Савельева О. М.* О языковых истоках философской терминологии древних греков (На примере термина noys), *в № 7*, с. 148—152.

198. *Семушкин А. В.* Эмпедокл. М.: Мысль, 1985, 191 с. В прил.: Очищения. Фрагмент из поэмы Эмпедокла. Рец.: *Турков А.* В поисках философской Атлантиды.— Известия, 1985, 26 июня.

199. *Славятинская М. Н.* О поэтике полидиалектности в древнегреческом языке, *в № 7*, с. 171—175.

200. *Смышляева В. П.* Стиль и метрика нестрофической мелики.— В кн.: Вопросы семантики и стиля. Уфа, 1985, с. 112—118.
На материале древнегреческой мелики.

201. *Смагина Е. Б.* Греческие заимствования в коптском и древненубийском языках.— Мероэ, 1985, вып. 3, с. 203—217. [Рез. на англ. яз.]

202. *Сорокин О. Н.* Греческое ἰος и трактовка группы «гуттуральный + И» в греческом языке.— В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985, с. 247—256.

203. *Тахо-Годи А. А.* Судьба как эстетическая категория (Об одной идее А. Ф. Лосева), *в № 7*, с. 325—331.

204. *Тварадзе Р. А.* Платоновское учение о любви.— Известия АН ГССР, сер. философии и психологии. Тбилиси, 1985, № 2, с. 67—80. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

205. *Теперик Т. Ф.* Терминологический характер слова gnōmē в «Риторике» Аристотеля, *в № 7*, с. 157—160.

206. *Топчян А. С.* Эстетическое восприятие света в античной Греции и в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци.— Вестник Ерев. гос. ун-та. Обществ. науки, 1985, № 1, с. 127—137. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

207. *Федоров Н. А.* Семантическая специфика термина pulchritudo у Цицерона, *в № 7*, с. 161—166.

208. *Федотов О. И.* Оппозиция «стих — проза» в античной риторике.— НДВШ, филол. науки, 1985, № 4, с. 33—39.

209. *Хомерике Г. Г.* Миф об Эдипе и его софокловская интерпретация (Мифопоэтическая семантика бинарных противоположностей): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ТГУ. Тбилиси, 1985, 20 с., схемы.

210. *Хргиан А. Х.* Аристотель и его «Метеорологика». Опыт исследования по истории науки.— В кн.: История и методология естественных наук. Вып. 31. М., 1985, с. 82—88. [Рез. на англ. яз.]

211. *Цыбенко О. П.* Лидийская легенда в греческой передаче (Nonn. Dion. XXV, 451—552), *в № 22*, с. 104—110. [Рез. на итальянском яз.]
Рассматривается связь между месопотамскими, лидийскими и греческими легендами.

212. *Цымбурский В. Л.* Анхиз в Троаде и в «Энеиде», *в № 7*, с. 140—143.

213. *Цымбурский В. Л.* Древнебалканские мифологические истоки гомеровского рассказа об Автолике.— Вестник МГУ, сер. филологии, 1985, № 4, с. 62—68.

214. *Чистякова Н. А.* Первая древнегреческая автобиография и эпическое творчество, *в № 7*, с. 91—95.

215. *Шанин Ю. В.* Функции агонистической терминологии в диалогах Платона, *в № 7*, с. 43—47.

216. *Шарыпкин С. Я.* О семантической структуре категории падежа в древнегреческом языке, *в № 22*, с. 72—82. [Рез. на немецк. яз.]

217. *Шейнман-Топштейн С. Я.* Традиционная фольклорная структура древнеаттической комедии, *в № 7*, с. 114—118.

218. *Широков О. С.* Actōn, *в № 7*, с. 185—188.

219. *Шичалина Е. Ф.* «День» в поэтике эпического времени (На материале «Одиссеи»), *в № 7*, с. 99—104.

220. *Штерн А. И.* Stoicheia и Платоновы многогранники, *в № 7*, с. 36—42.

221. *Юхнявичене Н.* Роль действия в характеристике персидских царей в «Истории» Геродота.— Уч. зап. высш. учеб. заведений ЛитССР, Вильнюс, 1985, № 27 (3), с. 8—15. [Рез. на литов. и англ. яз.]

222. *Ярхо В. Н.* Новый папирусный фрагмент Эсхила, *в № 7*, с. 109—113.

См. также № 68, 69, 70, 283, 541.

V. ЭЛЛИНИЗМ

223. *Аракелян Б. Н.* О закономерностях возникновения и развития эллинистической культуры.— ИФЖ, 1985, № 2, с. 47—55. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

224. *Бауэр Г. М.* Красноморские замет-

кн.— В кн.: Мероэ. М.: Наука, 1985, вып. 3, с. 5—31. [Рез. на англ. яз.] Мореплавание в бассейне Красного моря в III—II вв. до н. э.

225. *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. Пер. с франц. Л. М. Глускиной. Послесл. И. С. Свенцицкой. М.: Наука, 1985, 264 с.

226. *Завьялова В. П.* Поэтические особенности новооткрытого фрагмента Каллимаха, *в № 7*, с. 121—125.

227. *Климов О. Ю.* Проблема взаимоотношений полиса и эллинистической монархии в зарубежной историографии. Мурм. гос. пед. ин-т. Мурманск, 1985, 30 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 19721 от 26.02.85.

228. *Кормышева Э. Е.* Политические взаимоотношения Куша с державой Птолемеев в III—II вв. до н. э.— В кн.: Мероэ. М.: Наука, 1985, вып. 3, с. 163—189. [Рез. на англ. яз.]

229. *Лопухова О. Б.* Гиеропеи — должностные лица Делосского храма (314—166/5 гг. до н. э.).— В кн.: Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и средневековья. М., 1985, с. 10—35.

230. Метод Аристарха для нахождения размеров Солнца — приложение Б, *в № 320*, с. 374—377.

231. *Павловская А. И.* История греко-римского Египта в русской и советской историографии.— В кн.: Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М.: Наука, 1985, с. 5—56.

232. *Перова В. И.* Тирания Набиса в освещении зарубежной историографии.— В кн.: Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск, 1985, с. 48—52.

233. *Пхакадзе М. Л.* Принципы индивидуализации героев в комедии Менандра «Самиянка».— Труды ТГУ, 1984, т. 249, с. 206—255. [На груз. яз. Рез. на русск. и немецк. яз.]

234. *Розовский А. А.* Эллинизм: понятие и характерные черты в современной французской историографии. Казанский гос. ун-т. Казань, 1985, 34 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 19933 от. 13.03.85.

235. *Ротермель Л. Р.* Эллинизм в западногерманской буржуазной историографии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Томск. гос. ун-т. Томск, 1985, 15 с.

236. *Самохина Г. С.* Советская историография эллинизма (Основные этапы развития).— В кн.: Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск, 1985, с. 42—47.

237. *Свенцицкая И. С.* Книга Э. Бикермана «Государство Селевкидов» и проблемы социально-политической истории эллинизма, *в № 224*, с. 243—251.

237а. *Светилова Е. И.* Отношения Халкидского союза с Филиппом II, *в № 40*, с. 18—35.

238. *Симонова Т. А.* Философские искания эллинизма и учение Плотина. М.: Изд-во МГУ, 1985, 31 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 20763 от 16.05.1985.

239. *Трофимова М. К.* Эллинистический гимн из собрания Наг-Хаммади, II, соч. 1, *в № 7*, с. 75—78.

240. *Цисик А. З.* Человек и пространство в сельских идиллиях Феокрита, *в № 22*, с. 110—120. [Рез. на немецк. яз.]

241. *Шахнович М. М.* Атеистический материализм Эпикура.— В кн.: Социально-философские аспекты критики религии. Л., 1985, с. 66—83.

242. *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в Несредиземноморской Азии. Пер. в франц. Н. П. Аламповой. Послесл. Г. А. Кошеленко. М.: Искусство, 1985, 206 с., илл.

243. *Шофман А. С.* Понятие «эллинизм» в буржуазной историографии.— В кн.: Проблемы исторических понятий. Горький, 1984, с. 79—100.

См. также № 158, 247, 250, 291, 558.

VI. ДРЕВНИЙ РИМ. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ. ХРИСТИАНСТВО

ДРЕВНИЙ РИМ*

244. Античная скульптура. Рим. Альбом. Сост. Г. И. Соколов. М., 1985.

245. *Брагинская Н. В.* Fata libelli. Судьба книги Филострата Старшего «Картины», *в № 9*, с. 14—41.

246. *Виноградов А. К.* Диодор об избрании правителей. Мероэ (Историко-филологический комментарий).— В кн.: Мероэ. М., 1985, вып. 3, с. 110—111.

247. *Вулих Н.* Поэтика без поэзии (К опыту построения поэтики «Тристий»).— ВЛ, 1985, № 7, с. 176—191.
О работах М. Л. Гаспарова, посвященных творчеству Овидия.

248. *Вулих Н. В.* Эстетика и поэзия римского сада (Век Августа), *в № 7*, с. 62—67.

249. *Гаврило Л. Н.* Проблемы глагольного залога в Александрийской грамматике (На материале «Синтаксиса» Аполлония Дискола), *в № 22*, с. 11—16. [Рез. на немецк. яз.]

250. *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России, *в № 101*, с. 116—169.

251. *Гамкрелидзе А.* Проблемы торговли в римско-парфянских взаимоотно шени-

* Учебники и учебные пособия см. в общем разделе.

ях.— Известия АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1985, № 4, с. 82—98.

252. *Гаспаров М.* Поэзия без поэта.— ВЛ, 1985, № 7, с. 192—201.
По поводу ст. Н. Вулих.

253. *Гаспаров М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре, *в № 270*, с. 300—335.

254. *Гичаури Ц. В.* Медея и Язон в римской литературе.— Труды ТГУ, 1984, т. 249, с. 226—245.

255. *Глушанин Е. П.* Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии, *в № 50*, с. 95—105.

256. *Глущенко Л. М.* Интенсивность субстантивации прилагательных у Цицерона (На материале трактатов «De re publica», «De legibus», «De finibus bonorum et malorum»), *в № 22*, с. 23—29. [Рез. на немецк. яз.]

257. *Гурин И. Г.* О характере Серторианской войны. Куйбышевск. гос. у -т. Куйбышев, 1984, 43 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 20220 от 3.04.85.

258. *Дилите Д.* Тацит о древнебалтийском племени Aestii.— Уч. зап. высш. учеб. заведений ЛитССР. Вильнюс, 1985, № 27(3), с. 16—30. [На литов. яз. Рез. на русск. и немецк. яз.]

259. *Доватур А. И.* Римский император Марк Аврелий Антонин, *в № 101*, с. 76—93.

260. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985, 225 с.

261. *Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов: Вища школа, 1985, 198 с.

262. *Игнатенко А. В.* Кризис Римской республики и нарушения конституционной традиции в конце II — первой половине I в. до н.э. Свердловск. юрид. ин-т. Свердловск, 1985, 21 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 22570 от 20.09.85.

263. *Игнатенко А. В.* Политический режим в Риме в период расцвета Республики и начало кризиса римской аристократии. Свердловск. юрид. ин-т. Свердловск, 1985, 47 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 22571 от 20.09.85.

264. *Илюшечкин В. Н.* Отражение социальной психологии низов в античных романах, *в № 271*, с. 79—107.

265. *Кавтария Г.* Реформистское движение от Тиберия до Гая.— Известия АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1985, № 4, с. 113—127. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

266. *Карасева И. А.* Изменение места ударения в многосложных латинских словах, *в № 22*, с. 30—34. [Рез. на латинск. яз.]

267. *Кнабе Г. С.* Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима, *в № 271*, с. 108—166.

268. *Крицкая С. Ю.* Латинское сложное слово Meridies — полдень в этимологическом аспекте.— В кн.: Словосочетания и сложные слова в терминосистемах и литературной норме. Владивосток, 1984, с. 67—73.

269. *Крюков А. С.* Жанр и композиция Анналов Тацита: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбил. гос. ун-т. Тбилиси, 1985, 20 с.

270—271. Культура древнего Рима. В двух томах. Отв. ред. Е. С. Голубцова. Ин-т всеобщей истории АН СССР. М.: Наука, 1985, т. 1, 431 с., илл.; т. 2, 397 с., илл.
Рец.: *Неретина С.* Образ минувшего.— Новый мир, 1986, № 12, с. 256—259.

272. *Литичевский Г. С.* Некоторые особенности древнеримской науки (I век н.э.).— В кн.: Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1985, с. 54—64. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 21276 от 24.06.85.
Особенности стиля «Естественной истории» Плиния как выражение стиля его натурфилософского мышления.

273. *Майоров Г. Г.* Образ Катона Старшего в диалогах Цицерона (К вопросу об особенностях римской мифологии истории), *в № 7*, с. 55—62.

274. *Майоров Г. Г.* Цицерон как философ, *в № 116*, с. 5—59.

275. *Мамина О. Н.* Понятия «negotium» и «otium» в сочинениях Сидония Аполлинария, *в № 6*, с. 66—79.
Представление о досуге и ценности различных типов досуга в древнем Риме по сочинениям Цицерона, Саллюстия, Плиния Младшего, Сидония Аполлинария.

276. *Назаренко О. Ю.* Тематическая группа существительных pluralia tantum, обозначающих понятия военного дела (На материале исторической прозы Гая Юлия Цезаря, Тита Ливия, Публия Корнелия Тацита), *в № 22*, с. 40—46. [Рез. на немецк. яз.]

277. *Оліщук Р. Л.* Роль заперечного префікса in- у процесі ад'єктивації латинських дієприкметників (на основі листів Цицерона, Сенеки та Плінія Молодшого), *в № 22*, с. 52—60. [Рез. на русск. и немецк. яз.]

278. *Остапенко Л. В.* Вопросы синонимии прилагательных с «отрицательным» значением в латинском языке (На материале писем М. Туллия Цицерона), *в № 22*, с. 60—65. [Рез. на немецк. яз.]

279. *Нахов И. М.* Диалектика индивидуального и общего в поэзии Тибулла, *в № 7*, с. 130—140.

280. *Немировский А. И., Дашкова М. Ф.* «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985, 211 с., илл.
Содержание: *Немировский А. И.* Веллей Патеркул и его время, с. 3—49; *Дашкова М. Ф.* Стилистические особенности «Римской истории» Веллея Патеркула, с. 50—63; Веллей Патеркул. Римская история. Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой, с. 64—158; Комментарии к кн. I—II А. И. Немировского, с. 159—187; Приложения: Немировский А. И. «Деяния божественного Августа» и «Римская история» Веллея Патеркула, с. 188—192; Перечень деяний божественного Августа. Пер. М. Ф. Дашковой, с. 193—199; Немировский А. И. Комментарии, с. 200—207; Издания Веллея Патеркула, с. 210.

281. *Николаев С. И.* Овидий в русской литературе XVII века.— Русская литература. Л., 1985, № 1, с. 205—211.

282. *Оленич Р. М.* Становлення займенникової теорії у римській граматичній науці IV ст., *в № 22*, с. 46—52. [Рез. на русск. и немецк. яз.]

283. *Откупщиков Ю. В.* Об индоевропейском происхождении лат. vinum др.греч. (F) οἶνο — «вино».— Вопросы языкознания. М., 1985, № 4, с. 102—103.

284. *Откупщиков Ю. В.* Словообразование — семантика — этимология (О происхождении лат. dominus), *в № 7*, с. 176—178.

285. *Панфилов Е. Д.* Фонотактическая структура слога (На материале латинского языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук. ЛГУ. Л., 1985, 32 с., илл.

286. *Пащина Л. В.* Горацій в українському перекладі А. Содомори (Мовностилістичний аналіз).— В кн.: Теория и практика перевода. Киев, 1985, вып. 12, с. 87—96.

287. *Петрова Г. И.* Формирование теоретического мышления в истории науки.— В кн.: Современная наука и закономерности ее развития. Томск, 1984, вып. 1, с. 3—17.
О науке в древнем Риме.

288. *Позднякова Н. А.* Место науки в системе мировоззрения, *в № 270*, с. 248—299.

289. *Полонская К. П.* Любовные эпиграммы ранних неотериков, *в № 7*, с. 125—130.

290. *Рабинович Е. Г.* «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата (1. Флавий Филострат и его книга, 2. Флавий Филострат и его герой), *в № 115*, с. 217—276.

291. *Ревак Н. Г.* Питання солецизмів у Аполлонія Діскола, *в № 22*, с. 66—72. [Рез. на немецк. яз.]

292. *Сергеев И. П.* Заключительный этап гражданской войны 193—197 гг. в римской империи.— Вестник Харьков. гос. ун-та, 1985, № 268, с. 108—115.

293. *Сенив М. Г.* К вопросу о семантике предлогов и предложных словосочетаний в латинском языке. Донецк. гос. ун-т. Донецк, 1985, 20 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 20740 от 15.05.85.

294. *Сизов С. К.* «Цензорские общины» в римской Сицилии, *в № 52*, с. 40—56.

295. *Симонова Т. А.* Онтология Плотина: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. МГУ. М., 1985, 18 с.

296. *Смирин В. М.* Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян, *в № 271*, с. 5—78.

297. *Соколов Г. И.* Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени. М.: Искусство, 1983.

298. *Соколов Г. И.* Римское искусство, *в № 270*, с. 336—429.

299. *Суров Е. Г.* История древнего Рима. Свердловск, 1970, 163 с.

300. *Унт Я.* «Размышления» Марка Аврелия как литературный и философский памятник, *в № 101*, с. 94—115.

301. *Федорова Е. В.* Античный Рим.— В кн.: Знаменитые города Италии. Памятники истории и культуры. Рим. Флоренция, Венеция. М.: Изд-во МГУ, 1985, с. 11—92.

302. *Чавчавадзе Н. В.* Вопросы композиционной организации «Метаморфоз» Апулея.— Труды ТГУ, 1984, т. 249, с. 246—264. [На груз. яз. Рез. на русск. и немецк яз.]

303. *Чавчавадзе Н. В.* Вставная новелла в римской художественной прозе: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ТГУ. Тбилиси, 1985, 20 с.
На материале произведений Петрония «Сатирикон» и Апулея «Метаморфозы».

304. *Чернышов Ю. Г.* Тема «золотого века» в литературе и идеологии Поздней Римской республики и раннего принципата: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛГУ. Л., 1985, 14 с.

305. *Шабага И. Ю.* Достоверность галльских панегириков (Сб. XII. Panegyrici Latini), *в № 40*, с. 36—47.

306. *Шилюк Н. Ф.* Социальная структура раннеримского общества.— В сб.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1985, с. 7—16.

307. *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному, *в № 270*, с. 22—105.

308. *Штаерман Е. М.* От религии общины к мировой религии, *в № 270*, с. 106—209.
309. *Штаерман Е. М.* Римское право, *в № 270*, с. 210—247.
310. *Яковенко Н. М.* Соціальна термінологія латинського документа українського походження XIV—XVI ст. (На матеріалі названій різних груп населения), *в № 22*, с. 82—90. [Рез. на русск. и франц. яз.]
311. *Ярхо В.* Драматургия Теренция: уроки человечности, *в № 114*, с. 5—24.

См. также № 66, 71, 109, 142, 238, 350, 504, 523, 543.

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

312. *Аверинцев С. С.* Стоическая житейская мудрость глазами образованного сирийца предхристианской эпохи (Увещательное послание Мары бар Сарапиона к сыну), *в № 7*, с. 67—75.
313. *Бандровский А. Г.* Этническая ситуация Карпатского региона в период исторических контактов с Римской империей (I—III вв. н. э.) — Вестник МГУ, сер. истории, 1985, № 2, с. 77—88.
314. *Глушанин Е. П.* Этнический состав ранневизантийской армии IV в.— В сб.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1985, с. 32—42.
315. *Голубцова Е. С.* Мировоззрение горожанина и крестьянина Малой Азии в I—III вв., *в № 271*, с. 303—355.
316. *Грушевой А. Г.* Римская провинция Аравия: основные проблемы социально-политического и культурного развития II—V вв. н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд ист. наук. Ин-т востоковедения АН СССР. Л., 1985, 23 с.
317. *Гурин И. Г.* Об участии римского и романизпрованного населения Испании в войне 83—71 гг. Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1984, 24 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 22475 от 16.09.1985.
318. *Колосовская Ю. К.* Римский провинциальный город, его идеология и культура, *в № 271*, с. 167—257.
319. *Ляпустина Е. В.* Галло-римские города и их укрепления в период поздней античности.— В кн.: Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и средневековья. М., 1985, с. 36—59.
320. *Ньютон Р. Р.* Преступление Клавдия Птолемея. Пер. с англ. Н. Б. Малышевой. М.: Наука, 1985, 384 с., илл.
321. *Павловская А. И.* Социально-психологический облик крестьянина позднеримской эпохи (По материалам египетских папирусов), *в № 271*, с. 356—386.
322. *Перфилова Т. Б.* К вопросу о контактах британцев с народами Римской империи в области религии. Ярославск. гос. пед. ин-т. Ярославль, 1985, 34 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 21134 от 17.06.85.
323. *Садовская М. С.* Культ императора в римской Британии, *в № 52*, с. 69—95.
324. *Соловьянов Н. И.* Религиозная жизнь римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I—III вв. н. э. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1985, 29 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 23749 от 16.01.86.
325. *Чубова А. П., Касперавичюс М. М., Саверкина И. И., Сидорова Н. А.* Искусство Восточного Средиземноморья I—IV веков. М.: Искусство, 1985, 255 с., илл.
Римская Сирия, Египет.
326. *Шабага И. Ю.* Галльские панегирики.— ВИ, 1985, № 12, с. 174—179.
327. *Широкова А. В.* Членения народнолатинской диалектной общности, *в № 7*, с. 179—184.
328. *Широкова Н. С.* Oppida Южной Галлии, *в № 52*, с. 57—69.
329. *Шкунаев С. В.* Культура Галлии и романизация, *в № 271*, с. 258—302.
330. *Шмалько А. В.* Римская политика в Южном Причерноморье в I веке н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Харьков. гос. ун-т. Харьков, 1985, 23 с.
331. *Шмалько А. В.* Римская социальная политика в провинции Вифиния — Понт во второй половине I в. до н. э.— I в. н. э. — В сб.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1985, с. 16—24.
332. *Шмалько А. В.* Римское управление Вифинией — Понтом в I в. н. э. — Вестник Харьков. гос. ун-та, 1985, № 268, с. 115—122.

См. также № 231.

ХРИСТИАНСТВО *

333—334. *Даниленко Л. А.* Раннесредневековая теория искусства Августина и античная эстетика.— НДВШ, филол. науки, 1985, № 1, с. 28—36.
335. *Козаржевский А. Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М.: Изд-во МГУ, 1985, 146 с.
336—337. *Свенцицкая И.* От общины к церкви: возникновение христианства.— Наука и религия, 1985, № 2, с. 33—38; № 4, с. 42—44.
338. *Свенцицкая И. С.* От общины к церкви (О формировании христианской

* Работы по истории христианства в настоящий указатель включены выборочно.

церкви). М.: Политиздат, 1985, 224 с., илл.

339. *Смагина Е. Б.* Греческие заимствования в коптском и древненубийском языках.— В кн.: Мероэ. М.: Наука, 1985, вып. 3, с. 203—217. [Рез. на англ. яз.]
Рассматриваются христианские тексты.

340. *Столяров А. А.* Recte honesteque vivere (К истории духовной эволюции Августина), *в № 7*, с. 78—83.

341. *Шабуров Н. В.* Восприятие герметизма идеологами раннего христианства (Лактанций и Августин).— В кн.: Мероэ. М.: Наука, 1985, вып. 3, с. 243—257. [Рез. на англ. яз.]

См. также № 71, 511.

VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ПЛЕМЕННОЙ МИР. КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

342. *Агбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М.: Мысль, 1985, 159 с., илл.

343. Античность и варварский мир. Сб. научн. тр. Северо-Осетинский гос. ун-т. Орджоникидзе, 1985, 138 с.

344. Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985, 599 с.

345. Археология СССР. С древнейших времен до средневековья. В 20 тт. Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Под ред. Ю. Р. Бурякова, Ю. А. Заднепровского, Г. А. Кошеленко и др. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1985, 495 с., илл.

346. *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1985, 279 с., илл.

347. *Воронов А. А., Николаенко Т. Д., Паромов Я. М.* Работы на Таманском полуострове, *в № 344*, с. 112.
Материал охватывает период от греческой колонизации Северного Причерноморья до позднего средневековья.

348. Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Ин-т истории АН АзССР, Баку, 17—21 мая 1985 г.
Из содержания: *Аракелян Б. Н., Хачарян Ж. Д.* Раскопки Арташата, с. 1—2; *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Открытие богатого сарматского захоронения на Нижней Волге в 1984 г., с. 13—14; *Кругликова И. Т.* Храмы и святилища Южной Бактрии, с. 14—16; *Лордкипанидзе О.* Новые археологические открытия в Вани, с. 16; *Массон В. М.* Перспективы культурологических разработок в археологии, с. 19—20; *Ставиский Б. Я.* Новые данные о Кара-тепе в Старом Термезе (юг Узбекской ССР): итоги работ 1981—1984 гг., с. 21—23; *Шелов Д. Б.* К методике полевой археологической работы, с. 30—32; *Абрамова М. П.* Новые материалы по раннеаланской культуре Северного Кавказа, с. 35—36; *Алиев К. К.* О духовной культуре древнего Азербайджана (III в. до н. э.— III в. н. э.), с. 53—54; *Алекперов А. И.* Терракотовые статуэтки из античной Кабалы, с. 57—58; *Анфимов И. Н.* Новые археологические исследования по р. Лабе в 1984 г., с. 58—59; *Анфимов Н. В.* Керамические клейма из поселения станицы Красноармейской (Краснодарский край), с. 60—61; *Арсеньева Т. М.* Новые данные о планировке Танаиса, с. 67—68; *Бабаев И. А.* Новое в изучении Кабалы античного периода, с. 79—80; *Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.* Цебельдинская экспедиция в XI пятилетке, с. 99—100; *Гаглоев Р. Х.* Новые материалы античного времени из Ухинвальского и Джавского районов Южной Осетии, с. 102—103; *Гадиров Ф. В.* Еще раз о датировке оборонительных стен Кабалы (Калы), с. 105—107; *Горончаровский В. А.* Исследования Илурата в 1983—1984 гг., с. 115—116; *Дадашева С. А.* Монеты царей Вифинии, Понта и Афин, найденные в Азербайджане, с. 130—131; *Десятчиков Ю. М.* Азиатский Киммерик, с. 131—132; *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса (1981—1984 гг.), с. 159—160; *Каменецкий И. С.* Локальные варианты меотской культуры, с. 162—165; *Керефов Б. М.* О среднеазиатском этническом компоненте на Центральном Предкавказье сарматского времени, с. 173—174; *Ковпаненко Г. Т.* Погребение предскифского времени у с. Ольшана Черкасской области, с. 186—187; *Косяненко В. М.* Два предмета среднеазиатского производства с Нижнего Дона, с. 191—192; *Крыжицкий С. Д.* Основные итоги работы Ольвийской экспедиции, с. 194—195; *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.* К исторической топографии Дербента в албанский и сасанидский периоды, с. 195—197; *Кузнецова Т. М.* Зеркала в погребальном обряде сарматов, с. 199—200; *Лейпунская Н. А.* Работы у западных городских ворот Ольвии, с. 214—215; *Мамедов И. А.* О взаимосвязях народов Кавказа в античную эпоху, с. 230; *Марченко К. К.* Новая греческая колония в дельте Дона, с. 234—236; *Мошкова М. Г.* Сарматские уздечные наборы, с. 254—255; *Отрещенко В. В.* Скифский курган V в. до н. э. у Каменского городища, с. 263—265; *Петренко В. Г., Ложкин*

М. Н. Скифский меч из Краснодарского края, с. 265—266; *Пичикян И. Р.* Раскопки храма Окса в 1984 г. (Северная Бактрия), с. 267—268; *Негматов Н. Н.* 30 лет исследований Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции (Основные проблемы и итоги), с. 272—274; *Николаева Э. Я.* К вопросу о стеклоделии на Боспоре, с. 274—275; *Попова Е. А.* Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы, с. 289—291; *Расулова М. М.* Новые находки парфянских монет в Азербайджане и пути их проникновения, с. 298—300; *Сапрыкин С. Ю.* Новые данные по истории Горгиппии времени Савромата II, с. 311—313; *Терехова Н. Н.* Технология изготовления оружия скифского типа на Кавказе (К проблеме «Скифы и Кавказ»), с. 342—344; *Тургунов Б. А.* Новые данные к истории античного города Дальверзинтепа, с. 348—350; *Хахутайшвили Д., Кахидзе А.* Археологические раскопки в Юго-Западной Грузии в 1983—1984 годах, с. 355—357; *Шевченко Н. Ф.* Погребения сарматского времени из курганов на окраине хутора Пролетарского Краснодарского края, с. 369—371; *Шрамко Б. А.* Глиняные скульптуры Гелана, с. 375—377; *Яковенко Э. В.* «Лавка ювелира» на Елизаветовском городище, с. 381—383; *Яценко И. В.* Раскопки греческого поселения на городище «Чайка» и виноградника у Евпаторийского маяка в 1983—1984 гг., с. 383—385; *Селимханов И. Р.* О европейских источниках снабжения оловом древней бронзовой металлургии Ближнего Востока, с. 394а — 394б.

349. *Генинг В. Ф.* Теоретические знания в археологии.— В кн.: Методологические проблемы общественных наук. Киев, 1985, с. 230—251.

350. *Ермолова И. Е.* Северное Причерноморье в представлении римлян первых веков нашей эры (По данным Аммиана Марцеллина): Автореф дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т истории СССР АН СССР. М.,1985, 18 с.

351. *Левина Э. А.* Рубчатые светильники из коллекции Одесского археологического музея, *в № 358*, с. 67—70.
II—III вв.

352. *Марченко К. К., Горончаровский В. А.* Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1980—1983 гг.— КСИА, 1985, № 182, с. 97—99.

353. *Морозовская Т. В.* Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья, *в № 358*, с. 70—78.
II—III вв.

354. *Наглер А. О., Чипирова Л. А.* К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах, *в № 343*, с. 87—91.

355. *Николаева Э. Я.* Работа сектора античной археологии в 1980—1983 гг.— КСИА, 1985, № 182, с. 94—97.

356. Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Сб. научн. тр. Ин-т археологии АН УкрССР. Киев: Наукова думка, 1985, 183 с., рис.

357. *Островерхов А. С.* Стеклянные бусы в памятниках Триполья, *в № 356*, с. 174—180.
Из истории древнего стеклоделия.

358. Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1985, 96 с.

359. Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Сб. ст. Гос. Эрмитаж. Л.: Искусство, 1985, 213 с., илл.

360. Человек и окружающая среда в древности и средневековье. Материалы совещания 25—26 января 1983 г. М.: Наука, 1985, 160 с., табл.

См. также № 427.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

361. *Арсеньева Т. М.* Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса.— КСИА, 1985, № 182, с. 77—84.

362. *Арсеньева Т. М.* Работы Нижнедонской экспедиции, *в № 344*, с. 105—106.

363. *Буравчук Н. П.* Ритуальные сосуды из собрания Одесского археологического музея, *в № 358*, с. 62—67.
Датировка: I — начало II в. н. э. Производство — Боспор.

364. *Васильев А. Н.* Проблемы политической истории Боспора V—IV вв. до н. э. в отечественной историографии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т истории СССР АН СССР. Ленингр. отд. Л., 1985, 21 с.

365. *Виноградов Ю. А.* Исследования Мирмекия, *в № 344*, с. 265—266.
Среди находок имеется редкая серебряная монета Феодосии, датирующаяся V в. до н. э.

366. *Горончаровский В. А.* Раскопки Илурата, *в № 344*, с. 268.

367. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984. М.: Наука, 1985, 263 с., илл. [Рез. на англ. яз.]

368. *Коршиков Н. С.* Археологические исследования на Дону декабриста В. Д. Сухорукова.— СА, 1985, № 1, с. 122—130. [Рез. на англ. яз.] В частности, исследование Недвиговского и Елизаветинского городищ и Танаиса.

369. *Кругликова И. Т.* Квартал ремесленников в Горгиппии.— КСИА, 1985, № 182, с. 70—76.
IV—I вв. до н. э.

370. *Масленников А. А.* Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н. э.— СА. 1985, № 1, с. 61—74. [Рез. на англ. яз.]

371. *Масленников А. А.* Работы Восточно-Крымской экспедиции, *в № 344*, с. 313—314.

372. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское.— КСИА, 1985, № 182, с. 50—55.

373. *Молев Е. А.* Исследования Китея, *в № 344*, с. 321—322.

374. *Петерс Б. Э.* Исследования Михайловской экспедиции, в *№ 344*, с. 343.

375. *Петерс Б. Г.* О работах Михайловской экспедиции (1963—1983 гг.).— КСИА, 1985, № 182, с. 23—27.

376. *Сазанов А. В.* Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот.— КСИА, 1985, № 182, с. 18—22.

377. *Сазанов А. В.* Топография Пантикапея I—IV вв. н. э. — СА, 1985, № 3, с. 166—177. [Рез. на англ. яз.]

378. *Салов А. И.* Случайные находки у хут. Красный курган в 1971 и 1972 гг.— КСИА, 1985, № 182, с. 56—58.

379. *Сапрыкин С. Ю.*, Аспургиане.— СА, 1985, № 2, с. 65—78. [Рез на англ. яз.]

380. *Сапрыкин С. Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже н. э., *в № 343*, с. 63—86.

381. *Терехова Н. Н., Хомутова Л. С.* Технологические исследования железных изделий из античных памятников близ Новороссийска— КСИА, 1985, № 182, с. 28—33.
V—III вв. до н. э.

382. *Чевелев О. Д.* Исследования Керченской экспедиции, *в № 344*, с. 370—371.

383. *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э., *в № 367*, с. 5—187 [Рез на англ. яз.]
Историографический обзор.

384. *Шилик К. К.* Работа Боспорского подводного археологического отряда, *в № 344*, с. 132—133.

См. также № 119, 121, 135, 351, 474.

ХЕРСОНЕС И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

385. *Антонова И. А.* Меры по сохранению Херсонесской бухты в античное и средневековое время, *в № 360*, с.58—60.

386. *Борисова В. В.* Склеп I—III вв. н. э. херсонесского некрополя.— СА, 1985, № 1, с. 186—201. [Рез. на англ. яз.]

387. *Дашевская О. Д.* Раскопки городища Беляус, *в № 344*, с. 271—272.
Нижний слой городища относится к периоду Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму, имеется также материал позднескифского времени.

388. *Драчук В. С.* Исследование античной Керкинитиды, *в № 344*, с. 273—274.

389. *Жеребцов Е. Н.* Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова.— КСИА, 1985, № 182, с. 38—45.
IV—II вв. до н. э.

390. *Золотарев М. И.* Раскопки в Херсонесе, *в № 344*, с. 277—278.

391. *Зубарь В. М.* Исследования Западного некрополя Херсонеса, *в № 344*, с. 278—279.

392. *Кадеев В. И.* Новые надгробные памятники II в. н. э. из Херсонеса.— КСИА, 1982, № 182, с. 66—69.

393. *Кадеев В. И.* Раскопки в районе Херсонеса, в *№ 344*, с. 279—280.

393а. *Калашник Ю. П.* Стеклянный флакон из Херсонеса и некоторые застольные надписи.— Археологический сб. Гос. Эрмитажа, 26. Л.: Искусство, 1985, с. 71—76. [Рез. на англ. яз.]

394. *Колесников А. Б.* Исследование в районе Евпаторийского маяка и у с. Песчаное, *в № 344*, с. 293.
Найдены херсонесские керамические клейма.

395. *Кутайсов В. А.* Дом с андроном из раскопок Керкинитиды.— СА, 1985, № 3, с. 178—190.

396. *Латышева В. А.* Исследования в Северо-Западном Крыму, *в № 344*, с. 305—306.

396а. *Латышева В. А.* Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму.— Вестник Харьков. гос. ун-та, 1985, № 268, с. 100—107.

397. *Николаенко Г. М.* Исследования на Гераклейском полуострове, *в № 344*, с. 326.

398. *Николаенко Г. М.* Межевание полей херсонесской хоры.— КСИА, 1985, № 182, с. 11—15.

399. *Рогов Е. Я.* Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I.— КСИА, 1985, № 182, с. 45—50.
Северное Причерноморье IV в. до н. э.

400. *Романчук А. И.* Раскопки во втором квартале Херсонеса, *в № 344*, с. 348—349.

401. *Романчук А. И., Шевченко А. В.* Терракотовые статуэтки из портового квартала Херсонеса, *в № 6*, с. 23—35.

402. *Рыжов С. Г.* Дом IV—III вв. до н. э. в Херсонесе.— СА, 1985, № 4, с. 155—162. [Рез. на англ. яз.]
О градостроительстве в Северном Причерноморье в эпоху эллинизма.

403. *Рыжов С. Г.* Раскопки девятого квартала Херсонеса, *в № 344*, с. 349—350.

404. *Соломоник Э. И.* Новые надписи из

портового района Херсонеса.— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1985, с. 25—32.

405. *Соломоник Э. И.* О культе Афины в Херсонесе в IV—III вв. до н. э., *в № 6*, с. 7—14.

406. *Сорочан С. Б.* Економічні зв'язки Херсонеса Таврійського з Заходом в I ст. до н. э.— V ст. н. э.— Археологія, Київ, 1985, вип. 50, с. 9—18.

407. *Федоров Б. Н.* Античная греческая кариатида из Херсонеса Таврического.— В кн: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., 1985, вып. 15, с. 16—20.

408. *Федоров Б. Н.* К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического.— КСИА, 1985, № 182, с. 8—11.
V—III вв. до н. э.

409. Херсонес. Путеводитель. Сост. И. А. Антонова, А. А. Зедгенидзе, Л. Г. Колесников. Симферополь: Таврия, 1985, 111 с., илл.

410. *Щеглов А. Н.* 25 лет работы Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы.— КСИА, 1985, № 182, с. 3—7.

411. *Щеглов А. Н.* Работы Тарханкутской экспедиции, *в № 344*, с. 376—377.

См. также № 122, 129, 351.

ОЛЬВИЯ И ЕЕ РАЙОН

412. *Буйских С. Б.* Работы в сельской округе Ольвии, *в № 344*, с. 263—264.

413. *Гороховський Є. Л., Зубар В. М., Гаврилюк Н. О.* Про пізню дату деяких античних городищ ольвийської хори.— Археологія, Київ, 1985, вип. 49, с. 25—40 [Рез. на русск. яз.]

414. *Доманский Я. В.* Работы Березанской экспедиции, *в № 344*, с. 272—273.
VI—V вв. до н. э.

415. *Дьячков С. В.* Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии I—III вв. н. э. (По ономастическим данным).— Вестник Харьков. гос. ун-та, 1985, № 268, с. 122—129.

416. *Журавлев О. П.* Воздействие антропогенных факторов на природу Нижнего Побужья в античное время, *в № 360*, с. 60—63.

417—418. *Козуб Ю. И.* Исследование предместья и некрополя Ольвии, *в № 344*, с. 291—292.

419. *Крыжицкий С. Д.* Ольвия: историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наукова думка, 1985, 191 с., илл.

420. *Леви Е. И.* Ольвия: город эпохи эллинизма. Ин-т археологии АН СССР. Ленингр. отд. Л.: Наука, 1985, 152 с., илл.

421. *Марченко К. К.* Исследование поселения Старая Богдановка 2, *в № 344*, с. 312—313.

422. *Марченко К. К., Головачева Н. В.* Новый тип строительных комплексов позднеархаического времени в Нижнем Побужье.— КСИА, 1985, № 182, с. 34—38.
Конец VI — начало V в. до н. э.

423. *Островерхов А. С.* Работа Причерноморской экспедиции, *в № 344*, с. 334—335.
Работы в р-не Ягорлыцкого лимана.

424. *Папанова В. А.* Новий кам'яний склеп Ольвійського некрополя.— Археологія, Київ, 1985, вип. 49, с. 78—86. [Рез. на русск. яз.]

425. Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, сентябрь 1985 г., 97 с. Ин-т археологии АН Украинской ССР.
Содержание: *Крыжицкий С. Д.* Основные итоги (1972—1985 гг.) и перспективы изучения Ольвии, с. 3—5; *Абикулова М. И., Былкова В. П.* Исследование городища «Золотой мыс», с. 5—6; *Буйских А. В.* К вопросу о развитии ордерной архитектуры в Ольвии, с 7—8; *Буйских С. Б.* Некоторые итоги изучения ольвийской хоры, с. 8—10; *Бураков А. В.* Сельская округа Ольвии в первые века нашей эры, с. 11—12; *Вахтина М. Ю.* Об одном из аспектов греко-варварских связей в Северном Причерноморье эпохи архаики, с. 12—13; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвии в V в. до н. э., с. 13—14; *Виноградов Ю. А., Марченко К. К* О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного периода, с. 14—15; *Воронов Ю. Н.* О связях Восточного и Северного Причерноморья в античную эпоху (VI—I вв. до н. э.), с. 15—16; *Герцигер Д. С.* Материалы из римского некрополя Ольвии в Эрмитаже, с. 16—18; *Головачева Н. В.* Старая Богдановка 2 — строительный комплекс № 23: проблема интерпретации, с. 18—19; *Гороховский Е. Л.* Римские провинциальные фибулы в Северном Причерноморье (хронология и периодизация), с. 19—21; *Гудкова А. В., Крапивина В. В.* Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры, с. 21—22; *Денисова В. И.* Основные итоги исследований 1975—1984 гг. городского квартала к юго-западу от района теменоса, с. 22—24; *Доманский Я. В.* Из истории отношений Ольвии со Скифией, с. 24—25; *Дундуа Г. Ф., Дундуа Т. Г.* Экономические связи Ольвии с Грузией по нумизматическим материалам, с. 25—26; *Елисеев В. Ф., Клюшенцев В. Н.* О заселенности территории Ольвийской хоры в предскифский и последующий периоды, с. 26—28; *Журавлев О. П.* Животноводство Ольвии в первые века нашей эры, с. 28;

Золотарев М. И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV—II вв. до н. э., с. 29—30; *Зубарь В. М.* Новое латинское клеймо из Ольвии, с. 30—31; *Иевлев М. М.* О роли географической среды в истории экономического развития Ольвийского государства, с. 31—32; *Кадеев В. И., Дьячков С. В.* Римские гарнизоны Ольвии и Херсонеса в I—III веках н. э., с. 33; *Карышковский П. О.* Новые данные по эпиграфике и просопографии Ольвии в первой половине II в. н. э., с. 34—35; *Кахидзе А. Ю.* Торгово-экономические связи Пичвнари с античными центрами Северного Причерноморья (По материалам греческого некрополя V—IV вв. до н. э.), с. 35; *Клейман И. Б.* Два памятника скульптуры из ольвийской коллекции Одесского археологического музея АН УССР, с. 36—37; *Козуб Ю. И.* История развития западной окрестности Ольвии (Предгорье и некрополь: конец VI в. до н. э. — середина III в. н. э.), с. 37—39; *Крапивина В. В.* К вопросу о направленности экономики Ольвии в первые века нашей эры. с. 39—40; *Крыжицкий С. Д., Марченко К. К., Щеглов А. Н.* Основные методические принципы изучения поселений на земледельческой территории античных государств Северного Причерноморья, с. 40—42; *Крыловь Ю. П., Крыжицкий С. Д., Халатова М. Р.* Решение организационно-технологических проблем воссоздания архитектурно-исторических памятников античности (На примере Ольвии), с. 42—43; *Кутайсов В. А.* Бурение — метод разведки многослойных античных памятников, с. 43—44; *Лейпунская Н. А.* Особенности экономического развития Ольвии в V в. до н. э., с. 45—46; *Липавский С. А.* Об ориентировке погребенных в античных некрополях Северного Причерноморья, с. 46—47; *Магомедов Б. В.* Ольвия и черняховская культура, с. 47—49; *Марченко К. К.* Сравнительная характеристика двух поселений Нижнего Побужья позднеархаического периода — Старая Богдановка 2 и Кудуруб 1, с. 50—51; *Матиашвили Н. Н.* Сероглиняная керамика из Ванского городища (К проблеме изучения взаимоотношений Колхиды с Ольвией), с. 52; *Молев Е. А.* Ольвия под властью Понта, с. 52—53; *Назаров В. В.* Подводные археологические исследования в 1984 году, с. 53—54; *Назарова Т. А.* Антропологические материалы из раскопок архаического некрополя на о. Березань, с. 54—55; *Назарчук В. И.* Фазосское клеймо из Ольвии, с. 55—56; *Наумов В. И.* Свинцовые монеты городов Северного Причерноморья, р. 56—57; *Николаенко Г. М., Янушкевич З. В.* Сравнительная характеристика сельскохозяйственных культур хоры Херсонеса, Ольвии и Боспора в IV—III вв. до н. э. (Опыт моделирования), с. 57—58; *Ольговский С. Я.* Обработка цветных металлов в Нижнем Побужье VI—V вв. до н. э., с. 58—59; *Османов Ф. Л.* Поселение Шортепе близ села Шатырлы в Барде и некоторые взаимосвязи его с античным миром, с. 59—60; *Островерхов А. С.* О возникновении стеклоделия в Ольвии, с. 61—62; *Отрешко В. М.* О плотности застройки населенных пунктов Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э., с. 62—63; *Охотников С. Б.* Позднеэллинистический дом в Нижнем городе Ольвии, с. 63—64; *Пашкевич Г. А.* Растительные остатки из памятников ольвийской хоры, с. 65; *Полин С. В.* Наконечники стрел поселений ольвийской периферии в связи с вопросами хронологии скифских наконечников стрел VII—V вв. до н. э., с. 66—67; *Рубан В. В.* Классификация клазоменских амфор из Нижнего Побужья, с. 67—68; *Русяева А. С.* Новый культовый участок в Ольвии, с. 68—70; *Сазонова Н. Г.* К вопросу о датировке комплекса аттической чернолаковой керамики с резным и штампованным орнаментом из Ольвии, с. 71—72; *Саприкин С. Ю.* Ольвия и Боспор в I в. н. э., с. 72—73; *Симоненко А. В.* Ольвия и сарматы, с. 73—75; *Скорый С. А.* Крестовидные бляхи ольвийского типа в Карпато-Подунавье, с. 75—76; *Скржинская М. В.* Начало истории Нижнего Побужья в представлении ольвиополитов, с. 76; *Смирнов И. А.* Об одном «неясном» антропониме римского времени из Дакии, с. 77; *Снытко И. А.* Новый античный памятник в Нижнем Побужье, с. 77—78; *Соловьев С. Л.* К вопросу о греко-варварском взаимодействии в Нижнем Побужье во второй половине VII—VI вв. до н. э., с. 78—79; *Соломоник Э. И.* Ялтинская находка, с. 79—80; *Фиалко Е. Е.* К интерпретации одной из категорий костяных изделий, с. 80—81; *Черненко Е. В.* Оружие Ольвии VI—IV вв. до н. э., с. 81—82; *Шамба С. М., Шамба Г. К.* Гюэнос — раннеантичный город Восточного Причерноморья, с. 82—83; *Шелов Д. Б.* Монеты-стрелки в Ольвии, с. 83—84; *Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые данные о связях Северо-Западного Причерноморья с Херсонесом Таврическим в римскую эпоху, с. 84; *Щеглов А. Н.* Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы, с. 84—86; *Щеглов А. Н., Рогов Е. А.* Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму, с. 86—88;

Яйленко В. П. Взаимоотношения Ольвии и Рима по эпиграфическим данным, с.88—90; *Мурзин В. Ю.* Об одном из аспектов возникновения Северопричерноморской Скифии, с. 90—91; *Гребенщиков Ю. С., Фридман М. И.* К вопросу о населении ольвийской периферии в середине V века до н. э., с. 91—92; *Кудренко А. И.* К вопросу о соответствии местоположения Ольвии рекомендациям древних авторов, с. 92—93.

426. *Снытко И. А., Никитин В. И.* Исследования и раскопки в Николаевской области, *в № 344*, с. 356—357.
Среди находок имеются: мраморная плита с текстом посвящения ольвийских архонтов Ахилу Понтарху (II в. н. э.); античный могильник I в. н. э.; скифское погребение конца V — первой половины IV в. до н. э.

427. *Шилик К. К.* Влияние природных условий на выбор места для основания березанского поселения, *в № 360*, с. 63—64.

См. также № 351, 433.

ПРОЧИЕ ОБЛАСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

428. *Загинайло А. Г.* Охранные раскопки античного поселения Овидиополь-II, *в № 358*, с. 45—50, илл.
IV—III вв. до н. э.

429. *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Историко-археологический очерк АН УССР. Одесский археологический музей. Киев: Наукова думка, 1985, 159 с., илл.

430. *Клейман И. Б.* Раскопки в Тире, *в № 344*, с. 282—283.
Имеется нумизматический материал.

431. *Клейман И. Б.* Фигурный сосуд из Тиры с надписью, *в № 358*, с. 59—62.
II—III вв.

432. *Кокоржицкая Т. Н.* Фрагмент бронзовой гривны из Никония, *в № 358*, с. 50—51.
IV в. до н. э.

433. *Новиченкова Н. Г.* Раскопки античного святилища, *в № 344*, с. 327—328.
III в. до н. э. — III в. н. э.

434. *Орлов К. К.* Изучение Харакса, *в № 344*, с. 331—332.

435. *Островерхов А. С., Охотников С. Б.* Стеклянные изделия из античных памятников Нижнего Поднестровья, *в № 358*, с. 27—33.
VI—III вв. до н. э.

436. *Охотников С. Б.* Античное поселение в Нижнем Поднестровье, *в № 344*, с. 336—337.
Исследование поселения Надлиманское III.

437. *Самойлова Т. Л.* Варвары в Тире доримского времени, *в № 358*, с. 51—59.

438. *Черняков И. Т.* Исследования на Нижнем Днестре, *в № 344*, с. 373.
Среди прочих произведены подводные обследования античных поселений V—IV вв. до н. э.

См. также № 351, 353, 388.

ПЛЕМЕННОЙ МИР

439. *Амброз А. К.* К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971—1984 гг.)— СА, 1985, № 3, с. 293—303.

440. *Андриенко В. П.* Скифское поселение у с. Пожарная Балка, *в № 344*, с. 255—256.

441. *Аптекарев А. З.* Комплекс вещей V в. до н. э. из станицы Старокорсунской.— СА, 1985, № 4, с. 245—249.

442. *Баркова Л. Л.* Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая.— Археологический сб. Гос. Эрмитажа, 26. Л.: Искусство, 1985, с. 30—45. [Рез. на англ. яз.]

443. *Белозор В. П., Скорый С. А.* Архаический скифский меч из Киева.— СА, 1985, № 1, с. 255—256.

444. *Беспалый Е. И.* Курган I в. н. э. у г. Азова.— СА, 1985, № 4, с. 163—172. [Рез. на англ. яз.]
Сарматское погребение.

445. *Бокий Н. М., Горбул Г. П.* Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области.— СА, 1985, № 4, с. 224—228.

446. *Буданова В. П.* Этнонимия иберийских, кельтских и италийских племен времени Великого переселения народов.— В кн.: Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985, с. 182—275.

447. *Бунятян Е. П.* К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ.— В кн.: Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984, с. 109—124. [Рез. на англ. яз.]

448. *Бунятян Е. П.* Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников.— В кн.: Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982, с. 136—184.

449. *Винокур І. С.* Історія лісостепового Подністровія та південного Побужжя вид кам'яного віку до середньовіччя. Київ, Одеса: Вища школа, 1985, 126 с.

450. *Высотская Т. Н.* Некоторые аспекты духовной культуры Усть-Альминского городища, *в № 6*, с. 132—140.

451. *Высотская Т. Н.* Работы Альминского отряда, *в № 344*, с. 261.
Раскопки позднескифского городища и могильника. I—II вв. н. э.

452—453. *Гаврилов А. В., Шкарбан А. С.* Скифский курган у села Крыловка в

Крыму.— СА, 1985, № 2, с. 236—239.
Конец IV — начало III в. до н. э.

454. *Галанина Л. К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (По данным новых раскопок Келермесского курганного могильника).— СА, 1985, № 3, с. 156—165. [Рез. на англ. яз.]

455. *Галанина Л. К.* Раскопки Келермесского могильника, *в № 344*, с. 112—113.
Меотский некрополь, скифский курган — VII—VI вв. до н. э.

456. *Горбов В. Н.* Об одной из функций архаических черпаков Лесостепной Скифии. Донец. гос. ун-т. Донецк, 1985, 33 с., илл. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 20355 от 15.04.1985.

457. *Гросу В. И.* Сарматский могильник у с. Брынзены.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. Кишинев, 1985, с. 127—142.
II в. до н. э. — II в. н. э.

458. *Гудкова А. В., Столярик Е. С.* Комплекс позднеантичных памятников у с. Холмское Одесской области, *в № 358*, с. 78—85.

459. *Дворниченко В., Плахов В., Федоров-Давыдов Г.* Сокровища сарматского царя.— Наука и жизнь, 1985, № 3, с. 33—38, илл.
Рубеж античности и средневековья.

460. *Дворянинов С. А., Дзиговский А. А., Субботин Л. В.* Раскопки курганной группы у с. Вишневое, *в № 356*, с. 137—173.

461. *Дудко Д. М.* Религиозно-мифологическая семантика скифского звериного стиля: история исследования.— НАА, 1985, № 4, с. 151—160.

462. *Игнатов В. Н., Скрипкин А. С.* Исследования курганов на Средней Кубани, *в № 344*, с. 118—119.
Имеется погребение сарматского времени III в. до н. э.— I в. н. э.

463. *Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В.* Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье).— СА, 1985, № 4, с. 228—234.

464. *Ковалева И. Ф.* Работа в Орельско-Самарском междуречье, *в № 344*, с. 285—286.
Среди прочего материала найдена амфора родосско-ионийского стиля.

465. *Ковпаненко Г. Т.* Работы лесостепной Правобережной экспедиции, *в № 344*, с. 289.
Обнаружены поселения предскифского и раннескифского времени.

466. *Колотухин В. А.* К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре.— СА, 1985, № 2, с. 34—46. [Рез. на англ. яз.]

467. *Костенко В. И.* Раскопки Усть-Каменского могильника, *в № 344*, с. 296—297.
Сарматы. А

468. *Крыкин С. М.* Фракийцы и славяне.— В сб.: этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М.: Наука, 1985, с. 8—11.

469. *Кубышев А. И.* Скифский могильник у с. Водославка, *в № 344*, с. 301—302.

470. *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Ин-т истории СССР АН СССР. Ленингр. отд. Л.: Наука, 1985, 206 с.

471. *Левченко Б. М.* Сарматське поховання поблизу с. Медвин Київської області.— Археологія, Київ, 1985, вип. 49, с. 86—89. [Рез. на русск. яз.]

472. *Литвинский Б. А., Погребова М. Н., Раевский Д. С.* К ранней истории саков Восточного Туркестана.— НАА, 1985, № 5, с. 65—74. [Рез. на англ. яз.]

473. *Магомедов Б. В.* Исследования в Винницкой области, *в № 344*, с. 307—309.
Племенной мир: нумизматический римский материал II в. н. э.

474. *Марченко К. К.* Греческий эмпорий в дельте Дона, *в № 344*, с. 124—125.
Небольшая колония, введенная в III в. до н. э. боспорянами на территорию варварского поселения.

475. *Махнева О. А.* Работы на Неаполе скифском, *в № 344*, с. 315.

476. *Моруженко А. А.* Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э.— СА, 1985, № 1, с. 160—178.

477. *Моруженко А. А.* Исследование памятников у с. Лихачевка, *в № 344*, с. 322—323.

478. *Мурзин В. Ю., Ролле Р., Бессонова С. С.* О работе Чертомлыкской экспедиции, *в № 344*, с. 324.

479. *Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К.* Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана.— В кн.: Памятники культуры: новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1983. Л., 1985, с. 501—507.
К проблеме культурных связей саков со скифо-сарматским миром в IV—II вв. до н. э.

480. *Ольховский В. С.* Раскопки курганов в Степном Крыму, *в № 344*, с. 329—330.

481. *Омелькова Л. А.* Погребальный комплекс второй половины V в. до н. э. в Бельбекской долине, *в № 6*, с. 14—22.

482. *Островерхов А. С., Тощев Г. М.* Скіфський кінський наносник. — Археологія, Київ, 1985, вип. 49, с. 75—78. [Рез. на русск. яз.]

483. *Пивоваров С. В.* Античное влияние на население Северной Буковины в первой половине I тыс. н. э. Черновицк. гос. ун-т. Черновицы, 1985, 27 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 21287 от 25.06.85.

484. *Піоро І. С.* Сармати алани в Пів-

денно-Західному Криму у III—IX ст.— Вісник Київ. ун-ту. Іст. науки, 1985, вип. 27, с. 86—91. [Рез. на русск. яз.]

485. *Привалова О. Я.* Раскопки грунтовых могильников, *в № 344*, с. 345—346.
Раскопано погребение скифского воина V—IV вв. до н. э.

486. *Раевский Д. С.* К изучению истории и культуры скифов.— Вестник АН СССР, 1985, № 10, с. 93—105.

487. *Раевский Д. С.* К характеристике основных тенденций в истории скифского искусства, *в № 359*, с. 27—35.

488. *Раевский Д. С.* Модель мифа скифской культуры. Проблемы мировоззрения праноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1985, 256 с., илл. [Рез. на англ. яз.]

489. *Рикман Э. А., Никулице И. Т.* Гетское поселение Ханска.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. Кишинев, 1985, с. 118—124.
IV—III вв. до н. э.

490. *Скорый С. А.* О скифском панцире из Артанда.— СА, 1985, № 3, с. 250—251.
Восточная Венгрия. Конец VI — начало V в. до н. э.

491. *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР.— СА, 1985, № 4, с. 33—53. [Рез. на англ. яз.]

492. *Суничук Е. Ф.* Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная, *в № 358*, с. 38—45.

493. *Сымонович Э. А., Тихомиров Н. А.* Работы Черняховской экспедиции, *в № 344*, с. 347—348.
Собраны материалы раннескифские и римского времени (с середины II—IV в. н. э.).

494. *Черепанова О. М.* Скіфське поховання с. Надежда Кримської області.— Археологія, Київ, 1985, вип. 50, с. 62—64.

495. *Чернопицкий М. П.* Курган с погребением «жрицы» на Кубани.— СА, 1985, № 3, с. 251—255.
III—I вв. до н. э.

496. *Чореф М. Я.* Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея.— СА, 1985, № 2, с. 239—242.

497. *Чореф М. Я.* Терракота из с. Заветное.— КСИА, 1985, № 182, с. 58—60.
Скифское городище V—IV вв. до н. э. в Крыму.

498. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Курганы на левобережье Нижнего Днестра, *в № 356*, с. 95—131.

499. *Шрамко Б. А.* Жилища VI в. до н. э. на Бельском городище.— Вестник Харьков. гос. ун-та, 1985, № 268, с. 74—83.

500. *Шрамко Б. А.* Раскопки Бельского городища, *в № 344*, с. 375—376.
Выявлены бескурганные погребения скифской эпохи.

501. *Шрамко Б. А., Янушевич З. В.* Культурные растения Скифии.— СА, 1985, № 2, с. 47—64. [Рез. на англ. яз.]

502. *Яценко И. В.* Исследования в окрестностях Евпатории, *в № 344*, с. 378—379.

См. также № 313, 387, 425, 507, 508, 514, 516, 521, 524, 531, 535, 568.

КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ*

503. *Агрба З. В.* Археологические раскопки 1981 г. на территории мыса Пицунда.— Археологические открытия 1981—1982 гг. в Абхазии. Тбилиси, 1985, с. 35—37.

504. *Акопян А. П.* Экономические и культурные взаимоотношения Армении с Римом (I в. до н. э.— IV в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1985, 21 с.

505. *Алиев И. Г., Гадиров Ф. В.* Кабала. Ин-т истории АН АзССР. Баку: Элм, 1985, 86 с., илл. Текст парал. на русск., азерб. и англ. яз.

506. *Анфимов И. Н.* Меотские гончарные печи I—III вв. н. э. (Старокорсунское городище № 2).— В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985, с. 65—91.

507. *Анфимов И. Н.* Об этнических процессах на Средней Кубани в I в. до н. э. — III в. н. э. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1985, вып. 3, с. 64—70.

508. *Анфимов Н. В.* Тахтамукайское первое городище (По раскопкам экспедиции АНИИ, 1956, 1958 и 1960 гг.).— В кн.: Вопросы археологии Адыгеи, Майкоп, 1985, с. 92—113.
Меотские памятники I—IV вв.

509. *Апакидзе А. М., Николаишвили В. Н.* Работы в Мцхете, *в № 344*, с. 462—463.

510. *Аракелян Б. Н., Хачатрян Ж. Д.* Раскопки Арташата, *в № 344*, с. 493—494.

511. *Арутюнян В. М.* К вопросу о преемственности античных традиций в архитектуре Армении периода раннего христианства, *в № 29*, с. 153—158.

512. *Бердзенишвили Д. К.* Очерки по исторической географии Грузии (Земо Картли —Ториз Джавахети). Тбилиси: Мецниереба, 1985, 160 с., схемы. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

513. *Брутян Г. А.* Истинный виртуоз философской мысли, *в № 7*, с. 87—90.

* См. также раздел III.

О творчестве Давида Непобедимого (Анахата) (V—VI вв.)

514. *Виноградов В. Б., Березин Я. Б.* Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э.— IV в. н. э., *в № 343*, с. 43—63.

515. *Воронов Ю. Н.* Исследования Цибилиума, *в № 344*, с. 465—466.

516. *Габуев Т. А.* Аланское погребение IV в. н. э. в Северной Осетии.— СА, 1985, № 2, с. 197—204. [Рез. на англ. яз.]

517. *Гаглоев Р. Х.* Работы Монастырского отряда, *в № 344*, с. 467.

518. *Гагошидзе Ю. М.* Из истории ювелирного дела в Грузии, *в № 359*, с. 47—61.

519. *Гаджиев М. С.* К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени.— В кн.: Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 44—58.

520. *Гадиров Ф. В.* Исследования в Кабале, *в № 344*, с. 482—483.

521. *Галанина Л. К.* Шлемы кубанского типа (Вопросы хронологии и происхождения), *в № 29*, с. 169—183.

522. *Гамкрелидзе Г. А.* К истории Колхиды времени Азо-Фарнавазы.— Известия АН ГССР, сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1965, № 3, с. 86—97. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

523. *Гигаури Ц. В.* Колхида в римской литературе. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1985, 208 с. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]

524. *Гиджрати Н. И., Наглер А. О.* Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР (предварительная публикация), *в № 343*, с. 130—137.
Рубеж н. э. — I в. н. э.

525. *Джавелидзе А. М.* Новые материалы по изучению древнеколхидского строительного дела.— В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1985, вып. 13, с. 3—8. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

526. *Джафаров Ю. М. Р.* Гунны и Азербайджан. Ин-т истории АН АзССР. Баку: Элм, 1985, 124 с.

527. *Джидди Г. А.* Раскопки Шемахи, *в № 344*, с. 486.

528. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1985, 495 с., илл. Указатель имен геогр. и этн. назв., с. 482—494.

529. Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1984, 188 с.
Из содержания: *Абрамова М. П.* Некоторые особенности культур горной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа в I тыс. до н. э.— начале I тыс. н. э., с. 28—30; *Воронов Ю. Н.* Взаимосвязи горных и равнинных районов Абхазии в античности и раннем средневековье, с. 48—51; *Храпунов И. Н.* К вопросу о населении горных и степных районов Крыма в III в. до н. э.— III в. н. э., с. 55—58; *Дундуа Г. Ф., Дундуа Т. Г.* Античные монеты, найденные Жинвальской и Эрцойской археологическими экспедициями, с. 58—61; *Петренко В. Г.* Взаимоотношения горских и степных племен (По материалам скифской и кабанской культур), с. 70—71; *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* О некоторых комплексах II четверти I тыс. до н. э. Закавказья, Северного Кавказа и Восточной Европы, с. 107—108; *Цинцадзе М. В.* Некоторые вопросы взаимосвязей между горными и равнинными районами в прибрежной Адыгее, с. 112—115; *Абрамишвили М. Р.* Этнокультурные связи Закавказья с Малой Азией и Эгейским морем в середине второго тысячелетия, с. 119—123; *Хахутайшвили Д. А.* Некоторые вопросы взаимоотношения горного и приморского регионов Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа и античности, с. 163—165; *Лордкипанидзе Г. А.* Модель боевой колесницы из Гохеби, с. 180—183.

530. *Есаян С. А., Зардарян М. О.* О некоторых привозных изделиях, обнаруженных в Ошакане.— ИФЖ, 1985, № 4, с. 152—161. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
Чернофигурный килик второй половины VI в. до н. э.

531. *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1985, 152 с., илл.

532. *Заседателева Л. Б.* Вторая региональная научно-студенческая конференция по археологии, этнографии и древней истории Дагестана и Северного Кавказа.— СЭ, 1985, № 6, с. 137—138.
Махачкала, 28—30 марта 1985 г.

533. *Калантарян А. А.* Работы Двинской экспедиции, *в № 344*, с. 497—498. Обнаружен культурный слой античного периода.

534. *Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А.*, Исследования Пицундского городища, *в № 344*, с. 469—470.

535. *Ковалевская В. Б.* Роль скифов в этногенезе местных северо-кавказских племен.— Известия АН ГССР, сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1985, № 3, с. 45—59.

536. *Кошкарлы К. О.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Ин-т археологии и этнографии АН АзССР. Баку: Элм, 1985, 139 с., илл.

537. *Ломоури Н. Ю.* К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории древней Грузии.— В кн.: Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985, с. 52—61.

538. *Лордкипанидзе О.* Археология и современность.— Коммунист Грузии, 1985, № 12, с. 84—88.
О развитии и состоянии археологических исследований в Грузии.

539. *Лордкипанидзе О. Д.* О некоторых инновациях в материальной культуре Колхиды IV—III вв. до н. э., *в № 29*, с. 159—163.

540. *Лордкипанидзе О.* О некоторых спорных вопросах истории Картли (Иберии) V—I вв. до н. э.— Известия АН ГССР, сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1985, № 1, с. 141—162. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

541. *Махарадзе Н. А.* Термин натлис-цема и его греческое соответствие.— Труды ТГУ, 1984, т. 249, с. 423—438. [На груз. яз. Рез. на русск. и немецк. яз.]
Название таинства крещения в древнегреческом и древнегрузинском языках.

542. *Меликишвили Г. А.* Список царей древней Картли (Иберии), *в № 29*, с. 164—168.

543. *Меликишвили Н. Г.* Грузинские списки и греческий источник перевода труда Иосифа Флавия «Иудейские древности».— Сборник Ин-та рукописей им. К. Кекелидзе, Тбилиси, 1985, № 11, с. 24—31. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

544. *Мирианашвили Н. Г.* Центральная Иберия в I в. до н. э.— V в. н. э.. Археологические памятники Агаиани: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ. М., 1985, 22 с.

545. *Оганян О. А., Асатрян Е. А.* Раскопки античного слоя Шамирамского городища, *в № 344*, с. 497—498.

546. *Османов Ф. Л., Джабиев Г. Дж.* Античные памятники Гырлартеж. Ин-т истории АН АзССР. Из серии «Памятники материальной культуры Азербайджана». Баку: Элм, 1985, 10 с., илл.

547. *Ростунов В. Л.* Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (К вопросу об истоках и путях миграции), *в № 343*, с. 91—130.

548. *Ростунов В. Л.* Куро-аракская культура на Центральном Кавказе (Хронологический и историко-археологический аспекты миграции), *в № 343*, с. 3—42.

549. *Свазян Г.* Возникновение государства Атропатены и Кавказской Армении.— Вестник общественных наук АН АрмССР, 1985, № 2, с. 71—79. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

550. *Симонян А. Е.* Исследование стратиграфии Шамирамского городища, *в № 344*, с. 498—499.

551. *Синауридзе М. И.* Археологические памятники Казретского ущелья. Тбилиси: Мецниереба, 1985, 93 с., илл. [На груз. яз. Рез. на русск. и франц. яз.]
Имеются памятники античного времени.

552. *Сихарулидзе Т. Д.* Краснофигурный кратер с мифологической сценой «Эос и Кефал» из Пичвнари.— В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1985, вып. 13, с. 9—22.

553. *Тер-Мартиросян Р. И.* Раскопки античного Ширахавана, *в № 344*, с. 500.

554. *Тирацян Г. А.* Древнеармянская культура: итоги изучения, *в № 29*, с. 122—130.

555. *Тирацян Г. А.* Раскопки древнего Армавира, *в № 344*, с. 501.

556. *Тодуа Т. Т.* Колхида в составе Понтийского царства: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ТГУ. Тбилиси, 1985, 20 с.

557. *Халилов Д. А.* Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. — III в. н. э.). Баку: Элм, 1985, 276 с.

558. *Хачатрян Ж. Д.* Культ и иконография богини Анаит в Армении и его контакты с эллинистическим миром.— ИФЖ, 1985, № 1, с. 123—134. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

559. *Хачатрян М. М.* Местоположение Тигранакерта по римской карте мира картографа Кастория.— ИФЖ, 1985, № 2, с. 194—211. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

560. *Шпайдель М.* Кавказская граница. Гарнизоны II в. в Апсаре, Петра и Фасисе.— Известия АН ГССР, сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1985, № 1, с. 134—140. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

См. также № 109, 206.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ *

561. *Абдуллаев К.* Коропластика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1985, 20 с.

---

* Работы по истории Средней Азии в настоящий указатель включены выборочно. См. также раздел III.

562. *Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Сосуды на зооморфных подставках из поселений Кушанской Бактрии.— СА, 1985, № 1, с. 202—211. [Рез. на англ. яз.]

563. *Абдуллаев К., Шейко К.* Новые поступления терракотовых статуэток в Термезский краеведческий музей.— Общественные науки в Узбекистане, 1985, № 7, с. 51—53.
К проблеме коропластики Бактрии IV в. до н. э.— I в. н. э.

564. *Варданян Р. Е.* Культура и идеология Парфянского царства по нумизматическим данным (Проблемы периодизации): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т востоковедения АН СССР. Ленингр. отд. Л., 1985, 21 с.

565. *Горелик М. В.* К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада, *в № 359*, с. 36—46.

566. *Завьялов В. А.* Исследование жилого квартала на городище Зартепе, *в № 344*, с. 529—530.
Кушаны.

567. *Завьялов В. А., Мешкерис В. А.* Бактрийский музыкант с флейтой Пана.— Общественные науки в Узбекистане, 1985, № 1, с. 52—55.
Фрагмент терракотовой статуэтки из раскопок городища IV — первой половины V в. Зартепе.

568. *Кореняко В. А.* К проблеме реминисценций скифо-сибирского звериного стиля (По материалам тувинской народной скульптуры).— СЭ, 1985, № 3, с. 90—101.

569. *Лелеков Л. А.* Вопросы интерпретации среднеазиатской коропластики эллинистического времени.— СА, 1985, № 1, с. 55—60. [Рез. на англ. яз.]

570. *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Открытие шедевров бактрийского искусства.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1983, Л., 1985, с. 508—520.

571. *Массон В. М.* Старая Ниса — резиденция парфянских царей. Ин-т археологии АН СССР. Ленингр. отд. Добровольное об-во охраны памятников истории и культуры Туркменистана. Л.: Наука, 1985, 12 с., илл. Текст парал. на русск. и англ. яз.

572. *Мешкерис В. А.* Три новых памятника коропластики Бактрии (Переднеазиатские параллели).— КСИА, 1985, № 182, с. 63—66.
III—I вв. до н. э.

573. *Пилипко В. Н.* Поселения Северо-Западной Бактрии. Ин-т истории АН ТССР. Ашхабад: Ылым, 1985, 216 с., илл. Указатель распределения монет в хронологическом порядке, с. 195—196.

574. *Пилипко В. Н.* Раскопки Старой Нисы, *в № 344*, с. 554—555.

575. *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984, 247 с. [Рез. на англ. яз.]
Рец.: *Раевский Д. С.*— ВДИ, 1985, № 4, с. 180—184; *Берзин Э. О.*— НАА, 1985, № 2, с. 196—220; *Мурзин В. Ю., Черненко Е. В.*— ИФЖ, 1985, № 3, с. 227—237.

576. *Пугаченкова Г. А.* Черты эллинизма в искусстве Среднеазиатско-Пенджабского региона, *в № 29*, с. 184—189.

577. *Ртвеладзе Э. В., Савчук С. А.* Всесоюзная конференция «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии».— Общественные науки в Узбекистане, 1985, № 11, с. 75—77.
Дальверзинтепе (Узбекистан), 26—29 мая 1985 г.

578. *Сагдуллаев А. С.* О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии.— СА, 1985, № 4, с. 21—32. [Рез. на англ. яз.]

579. *Ставиский Б. Я., Козловский В. А.* Львиная капитель из Старого Термеза, *в № 29*, с. 190—197.

580. *Тургунов Б. А.* Раскопки на Дальверзинтепе, *в № 344*, с. 540—541.

581. *Шемаханская М. С., Равич И. Г., Седов А. В.* Опыт технологического исследования позднекушанских бронз, *в № 359*, с. 62—65.

См. также № 127, 528.

Сост. И. Е. Борщ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

X ВСЕСОЮЗНАЯ АВТОРСКО-ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

(Москва, 3—5 июня 1987 г.)

В эти июньские дни около 150 ученых-античников из различных научных учреждений, вузов и музеев 40 городов страны собрались в Институте всеобщей истории АН СССР на конференцию, посвященную 50-летию журнала.

«50 лет существования нашего журнала — значительное явление советской исторической науки,— сказала, открывая торжественное заседание, главный редактор ВДИ, член-корр. АН СССР. З. В. Удальцова.— За эти годы журнал снискал себе большой авторитет и у нас в стране, и за рубежом. На его страницах всегда находили и находят отражение новые открытия и поиски антиковедов и востоковедов — историков, археологов, эпиграфистов, нумизматов, филологов, искусствоведов». З. В. Удальцова охарактеризовала этапы развития журнала, связанные с именами многих замечательных ученых, стоявших у колыбели «Вестника древней истории». Первым главным редактором был А. С. Сванидзе, а его ближайшими помощниками и преемниками стали А. В. Мишулин, А. Б. Ранович, В. В. Струве, С. В. Киселев. Большую роль в становлении журнала и в развитии марксистской школы антиковедения сыграл С. Л. Утченко, долгие годы стоявший во главе ВДИ. На протяжении своего существования ВДИ уделял большое внимание дискуссионной проблематике. Серьезно повлияла на дальнейшее развитие антиковедения и медиевистики дискуссия о падении рабовладельческого строя в Римской империи, развернувшаяся вокруг интересной статьи Е. М. Штаерман, выдающегося ученого в области истории древнего Рима. Многим памятны дискуссии о социальной структуре древних обществ, о роли общины и недавнее обсуждение проблемы индоевропеистики. К сожалению, в последнее время несколько потускнела традиция больших проблемных, теоретических статей. Зато публикуется богатый спектр сообщений на разные темы. Очень важны для журнала отделы «Критика и библиография» и «Приложение». В заключение З. В. Удальцова дала высокую оценку работы членов редколлегии и сотрудников редакции журнала, поздравила их, а также всех авторов и читателей с юбилеем ВДИ.

Приветствие Отделения истории АН СССР огласил заместитель академика-секретаря В. А. Куманев. В нем было отмечено, что журнал — один из правофланговых научно-исторической журналистики. Своей деятельностью ВДИ опровергает заблуждение, будто чем ближе предмет к современности, тем он актуальнее. «Благодаря усилиям ВДИ наши представления об античности стали объемными и многоцветными,— сказал зам. главного редактора журнала «Вопросы истории» *И. В. Созин.* — Дихотомический подход (рабы — рабовладельцы) сменился диалектическим, вскрывающим всю сложность античной эпохи». Член-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, приветствуя ВДИ, подчеркнул, что журнал делает очень важное дело, показывая исторический вклад и Востока, и Запада, и варварских народов, и высокоразвитых цивилизаций древности. Профессор *В. И. Кузищин* огласил адрес от исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, подписанный деканом факультета, членом-корр. АН СССР *Ю. С. Кукушкиным.* С поздравлениями выступили также профессор Э. Д. Фролов (от исторического факультета ЛГУ), *М. Ю. Трейстер* (от востоковедов, археологов и искусствоведов античности ГМИИ им. А. С. Пушкина). Были зачитаны приветственные телеграммы от главного редактора журнала «Советская археология» академика АН СССР *Б. А. Рыбакова*, от директора Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая академика *Ю. В. Бромлея*, от академика АН Армянской ССР *С. Т. Еремяна*, от чл.-корр. АН Азербайджанской ССР *И. Г. Алиева.* ВДИ поздравили многие университеты и пединституты нашей страны — в том числе ректор Белорусского гос. университета им. В. И. Ленина,

кафедры древней истории и средних веков Горьковского и Львовского гос. университетов, МГПИ им. В. И. Ленина, МГПИИЯ им. М. Тореза и другие научные учреждения.

Утреннее пленарное заседание началось докладом *Е. С. Богословского* (Ленинград) «Древнеегипетское общество XV—XI вв. до н. э. (Опыт системного анализа на основе материала из Дер-эль-Медина)». Исследование этого комплекса археологических, эпиграфических, деловых и литературных источников, сохранившего уникальную, разносторонне освещенную картину микросистемы древнеегипетского общества, позволяет установить главный системный признак, по которому структурные единицы складывались в социальные категории,— уровень владения специальностью, профессией, трудом. В соответствии с ним египтяне и образовывали подсистемы общества — чиновничество, жречество, войско, мастеров и людей *сидт*.

Э. Д. Фролов (Ленинград) в докладе «Развитие противоположности эллинов и варваров в архаическую эпоху» на материале Гомера, Архилоха, Гераклита обосновал положение о социокультурном перевоплощении понятия «варвары» и развитии оппозиции «эллины—варвары» уже в эпоху архаики. Этот рано осознанный греками собственный культурный потенциал, диктовавший отношение превосходства ко всему негреческому, неполноценному, неполисному, складывался из микенского наследия и нового, найденного к началу архаики прогрессивного пути развития, на котором стремительно формировалась античная цивилизация.

Анализ нового папирусного фрагмента (P. Oxy. 53, 1986, № 3700) середины I в. н. э. предложил в своем докладе *В. Н. Ярхо* (Москва). Привлекая сообщения Плутарха («Перикл», 24), он высказал предположение, что этот отрывок представляет собой начало мима, дальнейшее содержание которого носило характер пародийного травести с участием Омфалы в качестве содержательницы публичного дома и Геракла в роли ее прислуги.

В докладе *Л. М. Глускиной* (Ленинград) «Paragraphē в судебной практике Афин» рассматривался ряд судебных речей (Isocr. 18; Lys. 23; Dem. 32, 33, 35—38), где оспаривается или само право другой стороны на возбуждение иска, или доказывается обращение истца в неподобающую инстанцию. Эти речи позволяют выявить ряд специфических черт афинской правовой практики, сочетавшей архаические черты с попытками приспособления к новым условиям социальной и экономической жизни (например распространению сложных кредитно-денежных сделок).

Взаимоотношения великой державы и небольшого полиса охарактеризовал *В. И. Кузищин* (Москва) в докладе «Рим и Херсонес в начале II в. до н. э.». Договор о дружбе и военной помощи, заключенный в 179 г. до н. э. между Понтом и Херсонесом, включавший статьи о соблюдении римских интересов, поставил под римский контроль внешнюю политику Понта и Херсонеса, а также прямой путь через Черное море, причем римские стратегические интересы были обеспечены чисто дипломатическими средствами.

Доклад *Г. М. Бонгард-Левина*, *Г. А. Кошеленко* и *Р. М. Мунчаева* (Москва) «Искусство Матхуры (Итоги и перспективы изучения)» сопровождался показом редких, подчас уникальных слайдов, иллюстрировавших это наивысшее достижение древнеиндийского искусства. Было отмечено, что в настоящее время наметился кризис в исследовании матхурской школы скульптуры, ориентированном на традиционный искусствоведческий подход. Отчетливо ощущается необходимость более ясного знания той социально-экономической и политической почвы, на которой произрастало искусство матхурской школы. Нуждаются в пересмотре общие концепции развития школы, в частности, необходимо более глубоко оценить роль Кушанского государства в ее создании и развитии, место династического искусства в ее рамках, роль среднеазиатского и античного элементов в ее сложении, пути их проникновения и характер взаимодействия с местной основой.

На вечернем пленарном заседании был заслушан ряд докладов. Достижения современной сабеистики охарактеризовал *А. Г. Лундин* (Ленинград) в докладе «Древнеарабская культура (50 лет изучения)». По его мнению, южноаравийская религия представляет важный материал, позволяющий реконструировать общесемитские религиозно-социальные представления IV тыс. до н. э. Социальный же строй древнего Йемена находит аналогии скорее в античной Греции, чем в государствах древнего Востока I тыс. до н. э.

Одному из кризисов, разразившихся сразу же после смерти Александра Македонского, был посвящен доклад *Л. П. Маринович* (Москва) «Ламийская война и конец классической Греции». Общая картина хода военных действий, характер участия в них различных сил (в том числе наемников) позволяют рассматривать Ламийскую войну как своего рода завершение так называемого классического периода в истории Греции.

В докладе *И. С. Свенцицкой* (Москва) «Проникновение и роль восточных культов в полисах эллинистического времени» было выделено два основных пути проникнове-

ния этих культов: 1) основание святилищ и покровительство этим культам со стороны эллинистических царей; 2) распространение в полисах частных культов восточных божеств, которые основывались отдельными лицами и союзами почитателей. Поклонение чужеземным богам явилось следствием комплекса социально-психологических причин, связанных с поисками новых богов-покровителей, со стремлением выделиться из традиционного коллектива, найти формы индивидуального общения с божеством, выбранным самим почитателем. Однако полисные формы жизни были еще настолько сильны, что получившие наибольшую популярность частные культы со временем становились культами греческих полисов. Это не приостанавливало возникновения новых частных культов, поскольку общественные культы оставались формализованными.

И. Л. Маяк (Москва) в докладе «К вопросу о социальной структуре Ранней республики» показала различные пути и направления усложнения социальной структуры Ранней Римской республики, в частности процесс превращения patres в патрициев.

С докладом «Судьбы племен Малой Азии в эпоху римского господства» выступила *Е. С. Голубцова* (Москва). Появление в Малой Азии римлян, римской администрации, римского налогового управления само по себе мало повлияло на племенные отношения и затронуло сельские области лишь поверхностно. Романизация Малой Азии осуществлялась через влияние полиса, с помощью увеличения числа городов (в том числе за счет племенных центров, чем римляне пользовались широко), но сельской местности коснулась мало.

Объединительные процессы в среде варваров охарактеризовал *А. М. Ременников* (Казань) в докладе «Союзы племен на Среднем Дунае в IV в. н. э.». Рост народонаселения, процессы социальной дифференциации, военные потребности привели к появлению племенных союзов. Эта тенденция, проявившаяся уже в I—III вв. н. э., получила дальнейшее развитие, несмотря на внутренние противоречия, в IV в., когда племенные союзы стали основной формой социально-этнической организации варваров на Среднем Дунае.

Завершилось заседание докладом *С. С. Аверинцева* (Москва) «Рождение моральной казуистики в связи с общими тенденциями античного общества и античной культуры». Докладчик раскрывает понятие казуистики (теории «казусов совести»). Для ряда эпох — от кризиса полисного сознания в Греции до кризиса «старого порядка» в раннеиндустриальной Европе — казуистика была законной, исторически необходимой формой нравственной теории, позволившей выйти за пределы нерассуждающего автоматизма традиции.

Дальнейшая работа конференции продолжалась на секциях. На секции истории древнего Востока было заслушано 13 докладов. *Е. Е. Кузьмина* (Москва) в докладе «Проблемы реконструкции социального строя бесписьменных пастушеских племен на периферии древневосточных обществ» обратилась к характеристике социальной структуры общества пастушеских племен андроновской культурной общности. Исходя из гипотезы об их индоиранской принадлежности, Е. Е. Кузьмина привлекла соответствующие данные этнографии и мифологической традиции.

И. И. Пейрос и *В. А. Шнирельман* (Москва) в докладе «Об особенностях формирования раннего земледельческого комплекса в Южной Азии» наметили пути междисциплинарных исследований в области этногенеза народов Южной Азии на основе привлечения данных о распространении культурных растений по территории Индийского субконтинента. В частности, движение переднеазиатского земледельческого комплекса с северо-запада на юго-восток и юг связывается с дравидами, а ранние рисоводы Северо-Восточной Индии отождествляются с предками сино-тибетских народов.

Л. С. Баюн (Москва) посвятила свой доклад «Язык и общество. К проблеме этноязыковой ситуации в древней Анатолии» вопросам взаимодействия различных языков и культур, в частности хеттского-неситского с палайским и лувийским. Обращение к неязыковым аспектам данной проблемы (в том числе социальным факторам, обусловливающим использование каждого из языков в многоязычных коллективах) позволяет объяснить, например, жизнестойкость лувийского языка или расцвет новофригийской эпиграфики.

«Микенологические этюды» *В. П. Казанскене* и *Н. Н. Казанского* (Ленинград) были посвящены уточнению интерпретации микенской лексики: e-ke-i-ja-ta (PY Jn 750) как «кузнец, изготовляющий наконечники копий» и au-ro (KN Sd 4402) как «втулка». В связи с исследованием гомеровского текста сквозь призму микенологии было также предложено видеть в Il. XXIII. 568 отражение микенской церемонии, заимствованной микенцами в свою очередь от хеттов вместе с соответствующим выражением kisri dai; у Гомера — χειρὶ ἔθηκε (KBo III 28 II 7).

А. Ю. Айхенвальд (Москва) в докладе «К характеристике языковой ситуации в Палестине на рубеже нашей эры» охарактеризовала изменения, происшедшие на рубеже н. э. Для Палестины периода персидского владычества характерна ситуация

трилингвизма, в то время как анализ текстов Кумрана позволяет говорить о формировании своеобразного литературного койне, отличающегося как от разговорного арамейского, так и от литературного библейского древнееврейского и разговорного постбиблейского языка. Это койне и легло в основу литературного постбиблейского языка.

В докладе *Ю. Б. Юсифова* (Баку) «Киммеры, скифы и саки в древнем Азербайджане» был дан анализ данных письменных источников и топонимики о существовании Киммеро-скифо-сакского государства на территории Южного Азербайджана, в состав которого входили и киммеро-скифо-сакские объединения Северного Азербайджана.

Доклад *А. А. Вигасина* (Москва) «Касты в древней Индии» был посвящен главным образом анализу понятия *патита* — «исключенный из касты». Докладчик пришел к выводу о том, что уже в древности обширный круг родичей и свойственников представлял собой замкнутый коллектив типа мелких каст и подкаст, существующих в современной Индии.

В докладе *А. В. Эдакова* (Новосибирск) «Египетское общество в VII—IV вв. до н. э.» особое внимание было уделено социальной стратификации, причем было отмечено, что трудовое население Египта не только состояло из нескольких социальных категорий, но и делилось по возрастному критерию, что, в частности, нашло отражение в принципах комплектования армии.

«Право собственности и право владения в арамейской правовой литературе V в. до н. э. из Верхнего Египта» — тема доклада *А. Н. Темерева* (Москва). Проведенный им терминологический анализ показал, что в ахеменидском праве V в. до н. э. не существовало четкого разграничения полных и ограниченных прав на вещь, и лишь при непосредственном анализе каждого конкретного текста, содержащего соответствующие клаузулы, можно определить, идет ли речь о передаче права собственности или о праве владения.

Итоги пятилетней работы археологического отряда Советско-Йеменской комплексной экспедиции были освещены в докладе *А. М. Акопяна* (Москва) «Города и поселения Хадрамаута по археологическим данным». Исследования показали, что основным типом поселений древнего Хадрамаута были небольшие по площади города, не имевшие оборонительных стен. Докладчик рассказал о раскопках городищ Рейбун-I (VII в. до н. э.— II в. н. э.) и Кана (I в. до н. э.— IV в. н. э.), причем последнее по наличию соответствующего археологического материала характеризуется им как центр международной и внутренней транзитной торговли. Доклад сопровождался показом слайдов.

В докладе *О. В. Томашевич* (Москва) «Греко-египетский религиозный синкретизм в доэллинистическую эпоху» были прослежены культурные контакты Египта с Эгейским миром с III тыс. до н. э. до эллинистического времени. По ее мнению, хотя давнее знакомство с египетскими культами и не оказало прямого влияния на греческую религию, многовековые культурные контакты стали подготовительным этапом широкого распространения по всему Средиземноморью возникших в Египте культов Сераписа и Исиды, а также и других божеств и религиозных представлений жителей долины Нила.

И. Ш. Шифман (Ленинград) в докладе «Афины и Иерусалим (К проблеме типологии культуры)» рассмотрел проблему типологических различий между классической античной и ветхозаветной культурами. Существо этих различий докладчик увидел в том, что первая имела своей целью формирование идеального *гражданина*, вторая же — формирование идеального «*раба Йахве*». В то время как формирование античного полиса сопровождалось ликвидацией политического значения архаических связей и традиций, что открыло простор свободе мысли, в ветхозаветном обществе сохранялась система союза племен, группировавшихся вокруг культа Йахве, продолжали быть значимыми древние связи и традиционные представления, воспринимавшиеся как догма. Входившие в состав родо-племенной организации города не стали самостоятельными политическими организмами, поэтому здесь не возникло представление о полисе как о высшей форме организации общества и не сложилось представление об идеальном гражданине.

В докладе *М. В. Блинова* (Москва) «Мифологическая семантика сакрального имени Петр» было показано, что сакральное имя апостола Симона — Петр — соответствует мифологической семантике ветхозаветной и новозаветной традиций, согласно которым «камень» является символом религиозного избранничества.

В обсуждении докладов приняли участие В. А. Головина, М. А. Дандамаев, А. И. Иванчик, Н. Н. Казанский, А. Г. Лундин, А. М. Медведская, Н. М. Никулина, Н. Е. Семпер, И. Ш. Шифман, В. А. Шнирельман, В. А. Якобсон.

В рамках заседаний секции истории древней Греции было заслушано 19 докладов. *А. А. Молчанов* (Москва) в докладе «Ахейский период истории Крита по данным античной мифолого-исторической традиции», рассматривая отдельные пассажи из сочи-

нений Геродота, Страбона, Павсания, Диодора Сицилийского и других авторов, выявил целый ряд конкретных свидетельств эллинской традиции, существенно дополняющих данные привычных источников о Крите того периода, когда он в течение нескольких столетий был частью Ахейской Греции.

М. Ю. Трейстер (Москва) в докладе «Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации», сопоставляя данные археологических и археометаллургических исследований недавнего времени, подверг сомнению связь причин колонизационного движения с поисками сырья (в частности металлов). По мнению докладчика, хотя вывоз металлов и предшествовал колонизации, он не был ее прямой причиной.

В докладе *А. Ю. Согомонова* (Москва) «Греки-наемники на доэллинистическом Леванте (Археологические свидетельства)» на основании единичных находок греческой керамики в левантийских некрополях (Хама, Тамбурит, Халда) было сделано предположение, что правители Леванта стали прибегать к услугам карийских и понийских наемников с IX—VIII вв. до н.э., но в основном — в персидскую эпоху, хотя и в это время в количественном отношении контингенты греческих войск в этом регионе не были столь значительны, как в Египте.

В. П. Яйленко (Москва) в докладе «Социально-политическое развитие греческого общества VIII в. до н. э. по данным поэмы Гесиода „Труды и дни"» показал, что хотя в Греции в это время уже сложилась система частного землевладения, в хозяйственной жизни господствовало натуральное хозяйство. В социальном плане это время, по его мнению, характеризуется слабо выраженной сословностью на двух-трех уровнях и размытостью границ между ними. Незначительное развитие сословных институтов определялось возможностью любого члена общества личным трудом, моральными качествами и различными заслугами добиться высокого общественного положения.

Доклад *В. В. Горового* (Москва) «Система социальных структур архаической Греции и проблема ее эволюции» был посвящен анализу формул отражения жизни общества в системе социальных ценностей. Докладчик пришел к выводу, что для раннего полиса был характерен выбор труда по его значимости для нужд общества между празднованием/состязанием и грабежом как удачным промыслом (для собственно архаики в источниках появляется система конного, пешего и корабельного порядков); для характеристик по завершению крупных разделений труда значительно более важным стал вопрос о получении прибыли.

В докладе «Формы зависимости непосредственных производителей и кризис начала VI в. до н.э. в Афинах» *В. Р. Гущин* (Пермь) высказал предположение о существовании накануне Солоновских реформ как экономических, так и внеэкономических форм зависимости и принуждения непосредственных производителей, возникающих, однако, не в результате неравенства в обеспечении землей, а в силу целого комплекса причин.

Д. Р. Хапаева (Ленинград) в докладе «Развитие древнегреческих поселений в представлении Страбона» рассмотрела проблемы трансформации различных типов древнегреческих поселений (превращение полиса в полисму и наоборот). По ее мнению, все эти типы поселений были тесно связаны друг с другом и являлись стадиями развития греческой общины.

В. М. Строгецкий (Горький) в докладе «Проблемы трансформации Афинского морского союза в Афинскую империю» выделил два узловых момента этого процесса: эволюцию Делосской симмахии и ее превращение в Афинский морской союз (60-е гг. V в. до н.э.) и трансформацию последнего в Афинскую империю (455/454—450/449 гг.; 445/449—446/445 гг.).

Развивая исследование той же проблематики, *Н. А. Касаткина* (Горький) в докладе «К вопросу о специфике афинской колонизационной практики в 40—30-е гг. V в. до н.э. (Отношения Афин с Самосом)» показала многообразие форм и методов, использованных главой Афинского морского союза для решения аграрных проблем своего полиса и стратегического обеспечения своей державной политики.

В совместном докладе *Л. Н. Казамановой* и *Г. Т. Залюбовиной* (Москва) «О типологии греческих полисов» на основании изучения величины и плодородия хоры полисов (позволяла ли она развивать пашенное земледелие и выращивать садово-огородные культуры или препятствовала развитию сельского хозяйства за счет увеличения удельного веса ремесла и торговли) была сделана попытка классифицировать различные полисы древней Греции.

Тема доклада *Н. В. Брагинской* (Москва) — «История слова αὐτάρκεια в античности». Рассмотрев все случаи употребления существительного αὐτάρκεια и прилагательного αὐτάρκης в античных источниках вплоть до Аристотеля, она пришла к нетрадиционному выводу, что об автаркии домохозяйства или автаркийном домохозяйстве никто из античных авторов не упоминает, а об автаркии полиса и автаркийном полисе помимо Аристотеля говорит только Фукидид, хотя ни тот, ни другой не подразумевает под этим хозяйственную замкнутость. Фукидид называет автаркийней-

шим полисом Афины, живущие данью, собираемой с союзников, а Аристотель упоминает выгоды торговли для обеспечения материальной стороны автаркии. Не говорят эти авторы в связи с автаркией и о материальном изобилии: у Фукидида богатство в автаркийном полисе имеет подчиненное значение, у Аристотеля — специально ограничивается. Автаркийность полиса для Фукидида и Аристотеля — сложное, многоаспектное понятие. Это отлаженность идеального социального механизма, определяемого во всех своих параметрах и характеристиках его целевой причиной — удовлетворением моральной потребности в справедливости и согласии граждан. Автаркийная гражданская община сообщает свои свойства включенному в нее человеку, и как гражданин он становится автаркийным, т. е. нравственно совершенным и проявляющим все свои способности.

Изучение данной проблемы было продолжено в докладе *Д. Н. Леонова* (Москва) «История слова „автаркия“ в научной и публицистической литературе XIX—XX вв.», целью которого было выяснение вопроса, почему историки античного мира настойчиво используют слово «автаркия» в иных смыслах: 1) в качестве идеала экономической независимости гражданина и полиса; 2) как объективную тенденцию хозяйства к самообеспеченности, которая приписывается фактически любым хозяйственным укладам: Ликурговой Спарте и Перикловым Афинам, гомеровскому обществу и имперскому Риму; 3) как единственное экономическое понятие греков, обозначающее хозяйственную замкнутость.

О. М. Зельдина (Ленинград) в докладе «Элевсинские жреческие роды — Эвмолпиды и Керики» на основании эпиграфических источников рассмотрела происхождение и структуру отдельных родов, иерархию элевсинского жречества, его борьбу за священные должности и связанные с ними привилегии, организацию культа и роль в нем афинского государства (а впоследствии эллинистических правителей, римских магистратов и императоров) и пришла к выводу, что эволюция жреческих родов связана с важнейшими переломными моментами в истории Афин.

Биография и особенности мировоззрения абдерского философа нашли освещение в докладе *Б. Б. Виц-Маргулес* (Гродно) «Диагор Мелосский (V в. до н. э.). Жизнь и взгляды». Изложив события его жизни и творчества, она пришла к выводу о самостоятельной основе взглядов Диагора.

А. А. Трофимова (Ленинград) в докладе «Политика македонских царей и греческое искусство» обратила внимание на двойственность македонского общества, связанного одновременно с прошлым и настоящим Греции, сочетавшим эллинские и варварские черты, что создало благоприятную почву для развития эллинистических взглядов на мир.

И. Р. Блохина (Тамбов) в докладе «Выступление демократов в Сиракузах в середине IV в. до н.э.» указала, что хотя демократическое движение приобрело здесь значительные размеры, существование сильного социального противника в лице землевладельческой знати сделало невозможным реализацию планов демократов, чему в немалой степени способствовало и долговременное отсутствие внутренней политической инициативы граждан, подмененной инициативой сильной власти.

Доклад *Л. Р. Вершинина* (Одесса) «Некоторые вопросы социально-политического развития Эпира в IV в. до н. э.» был посвящен исследованию одного из периферийных районов греческого мира в тот период, когда в его истории происходил переход от общества военной демократии к рабовладельческому строю.

А. К. Гаврилов (Ленинград) в докладе «Еврипид в Македонии» на основании нескольких сохранившихся свидетельств античных авторов провел историческую реконструкцию одного из эпизодов биографии великого аттического трагика, следствием которого стал ряд непредвиденных событий в его собственной жизни и жизни македонского царя.

«Структура Халкидского союза» — тема доклада *Е. И. Светиловой* (Москва). Она пришла к выводу, что основанное на прочных политических принципах объединение халкидян представляло собой централизованный союз городов, близкий по своим характеристикам к единому государству, подтверждением чему служит наличие единого центра — Олинфа и существование единого денежного чекана.

Собрав и рассмотрев данные античной традиции о демагоге Клеоне в докладе «Клеон как тип демагога», *Л. А. Сахненко* (Воронеж) показала традиционность используемых Клеоном методов ведения политики (создание коалиций, использование дружеских и родственных связей, проведение мероприятий через подставных лиц и др.). По ее мнению, Клеон не отказывался от исполнения государственных должностей, а тем более должности стратега, и не совершал «революционных изменений в политике», поскольку прямое обращение к Народному собранию было необходимым условием деятельности всякого простата народа, всякого политика в демократических Афинах.

В прениях по докладам выступили Т. В. Блаватская, А. Л. Вершинский,

Л. М. Глускина, В. И. Исаева, В. И. Кузищин, Л. П. Маринович, Г. С. Самохина, С. К. Сизов, В. М. Строгецкий, Э. Д. Фролов, Ю. Б. Циркин.

Нетрадиционно прошло заседание секции истории эллинизма. В ее рамках был проведен «круглый стол», где развернулась дискуссия по различным проблемам истории этого явления. В открывшем дискуссию выступлении *Г. А. Кошеленко* (Москва) было указано на то, что в последние годы в отечественной исторической науке отмечено возрастание интереса к проблемам истории эллинизма, которые активно обсуждались на одном из симпозиумов в Цхалтубо и двух симпозиумах в Ереване. В ходе обсуждений постепенно выкристаллизовались несколько идей, наиболее важными из которых, по мнению выступавшего, являются следующие: 1) в советской исторической науке начиная с дискуссии 1953 г. господствует концепция, сформулированная К. К. Зельиным, следуя логике которой Балканская Греция и Македония не являются частями эллинистического мира; 2) активно разрабатывается концепция «постэллинизма» как особой стадии в истории эллинистического мира, для которой характерно активное взаимодействие местной и греческой культур, имеющее место в условиях гибели политической власти греков. Все это указывает на необходимость разработки новой концепции сущности эллинизма, при этом наиболее актуально, считает Г. А. Кошеленко, исследование процесса взаимодействия греческих и местных традиций в той области, которая почти не исследовалась в советской науке — в изучении собственно производства, анализ динамики изменений социальных отношений в Греции эллинистической эпохи и теоретическое осмысление наиболее типичных для эллинистической Греции форм политической организации (союзов полисов) и т. п. Докладчик подчеркнул необходимость комплексного изучения источников. По его мнению, документы, необходимые для изучения проблемы, есть, но им часто не придают должного значения (так, в частности, никто не занимается проблемой рабства после завоеваний Александра Македонского, хотя сам факт обращения в рабство в это время еще не говорит о его росте, поскольку рабов сажали на землю).

В ходе обсуждения доклада поднимались вопросы о том, является ли прогрессивным возникновение Этолийского и Ахейского союзов с точки зрения выхода за территориальные рамки полиса и появления новых политических структур (С. К. Сизов); говорилось о необходимости концентрации коллективных усилий для выработки комплексной концепции эллинизма, не забывая и такой важный аспект эллинизма, как проблема торговли (В. Д. Жигунин); отмечалась плохая изученность стадиального развития истории эллинизма и необходимость изучения этой стороны проблемы, поскольку новый уровень развития производительных сил рождает новые производственные отношения (А. В. Поздняков); выдвигалось предложение провести предварительный опрос или анкетирование, которое познакомило бы с состоянием разработанности вопросов истории эллинизма в отечественной историографии (Г. С. Самохина). Закрывая «круглый стол», председатель секции истории эллинизма И. С. Свенцицкая поблагодарила всех присутствующих за участие в обсуждении и высказала пожелание о проведении дискуссии по проблемам эллинизма на страницах «Вестника древней истории». Е. С. Голубцова призвала всех историков, интересующихся проблемами эллинизма, приурочить дискуссию к выходу готовящегося в настоящее время в секторе истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР двухтомника «Эллинизм. Экономика, политика, культура».

Далее на заседаниях секции истории эллинизма было заслушано семь докладов. *В. Д. Жигунин* (Казань) в докладе «Дипломатия эллинистических государств в III в. до н. э.» указал на необходимость различения по важнейшим типологическим характеристикам дипломатии эллинистических монархий и дипломатии независимых или полузависимых полисов. По его мнению, в дипломатии III в. до н. э., как и во многих других феноменах экономики, политики и культуры эллинизма, проявился «синтез» восточных и греко-македонских элементов, создающих основу для ее последующего развития.

В докладе *Ю. Н. Литвиненко* (Москва) «Клерухи по данным архива Зенона (К вопросу о характере греко-македонской колонизации египетской хоры в середине III в. до н. э.)» речь шла об особенностях процесса военной колонизации в раннептолемеевском Египте.

О. Ю. Климов (Мурманск) в докладе «Становление царской власти в эллинистическом Пергаме» показал, что процесс оформления власти царя в Пергаме происходил в течение нескольких десятилетий и завершился позднее, чем в других эллинистических государствах. При этом определенное влияние на него оказал политический опыт эллинистических царств Птолемеев, Селевкидов и др.

В. И. Кащеев (Саратов) в докладе «Лозунг освобождения греков и международные отношения в Восточном Средиземноморье (начало II в. до н. э.)» отметил гибкость внешней политики Рима и его умение приспосабливаться к конкретным условиям места и времени. Так, использование лозунга освобождения греков стало одним из наиболее

удачных идеологических средств, позволивших Риму добиться осуществления своих целей в сложной международной обстановке Восточного Средиземноморья начала II в. до н. э.

«Вторая Македонская война и римско-ахейский союз 197 г. до н. э.» стали темой доклада *Г. С. Самохиной* (Петрозаводск). По ее мнению, альянс 197 г. не только поставил под римский контроль все действия ахейцев, но и заложил основы политического брожения внутри Ахейского союза.

Внутриполитическую ситуацию, сложившуюся в Ахейском союзе в 20-х гг. III в. до н. э., проанализировал *С. К. Сизов* (Горький) в докладе «О причинах кризиса Ахейского союза в годы Клеоменовой войны». По мнению автора, нежелание царя-реформатора произвести радикальные перемены за пределами Лаконии и невмешательство македонян сделали движение бедноты преждевременным и безрезультатным.

М. М. Расулова (Баку) посвятила свой доклад «Из истории денежного обращения Кавказской Албании» местным подражаниям драхмам и тетрадрахмам Александра, селевкидским и парфянским чеканам. По ее мнению, изучение нумизматического материала позволяет ставить вопрос о более раннем, чем принято считать, развитии государства в Кавказской Албании.

Доклады вызвали ряд вопросов и оживленный обмен мнениями, в котором приняли участие В. Д. Жигунин, О. Ю. Климов, Г. С. Самохина, С. К. Сизов, В. И. Кащеев и другие.

Заседания секции истории античной культуры проходили в двух подсекциях — Греции и Рима. В первой из них было заслушано 10 докладов, основной проблематикой которых был либо анализ античных литературных и философских произведений, либо исследование разнообразных аспектов религиозной жизни греческого общества.

В. Л. Цымбурский (Москва) в докладе «К проблематике „дарданской"» сюжетной линии в „Илиаде"», проведя анализ гомеровской трактовки героев, позднее причисляемых к предателям,— Энея и членов родов Антенoридов и Пантоидов, пришел к выводу, что автор «Илиады» последовательно снимает с этих персонажей данное обвинение путем замалчивания обстоятельств выживания «дарданцев», всяческого их возвеличивания и подчеркивания их равноправия с царями Илиона.

По мнению *Е. Б. Каширuной* (Москва), изложенному в докладе «Элементы анатолийского происхождения в мифе и культе Диониса», анатолийский Телепинус и греческий Дионис обнаруживают комплексное сходство, причем аналогии в значительной мере помогают прояснить смысл как тайной греческой обрядности (поиски Диониса в Агриониях и Никтелиях, роль козла в сельских Дионисиях), так и многих темных мифологических мотивов (связь Диониса с Фетидой, гибель Семелы и др.).

Н. С. Гринбаум (Ленинград) в докладе «Культ богов у Пиндара (Лексико-семантический анализ)» на основании изучения выделенных им у Пиндара лексических групп, разбитых по рубрикам «боги и молитвы», «храмы и жрецы», «чудеса и предсказания», «обряды и жертвы», пришел к ряду интересных выводов о религиозных воззрениях самого поэта и его современников.

В. А. Коршунков (Киров) в докладе «Мифология в „Эвменидах" и политические симпатии Эсхила» указал, что изображение поэтом учреждения Совета Ареопага, описание его полномочий, а также выбранная версия в суде над Орестом должны были служить возвышению и прославлению этого государственного органа, что во времена постановки трагедии никак не могло свидетельствовать о демократических взглядах поэта.

Т. В. Теперик (Москва) в докладе «Сентенция как результат рефлексии (На материале трагедий Софокла)» взяла на себя задачу проанализировать случаи, когда этот стилистический прием является обобщающим суждением, к которому героя приводят его размышления и оценка конкретной ситуации (рефлексия Одиссея по поводу безумия Аякса, рефлексия Деяниры о превратностях судьбы). Анализ логическо-смысловых связей сентенции с контекстом убеждает автора в том, что в этом случае сентенция служит дополнительным средством характеристики персонажей.

«Демокритовская εὐθυμίη в контексте развития социальноэкономических отношений в греческом полисе V — начала IV в. до н. э.» стала темой доклада *С. Д. Мисько* (Кишинев). По его мнению, в данном учении о спокойном и удовлетворенном, благом состоянии души, которое является высшей целью познавательных и нравственных усилий человека, Демокрит стремился внести примирение между богатыми и бедными.

Интересную попытку применить точку зрения о двух версиях учения Протагора к новонайденному текстовому фрагменту предпринял *А. А. Россиус* (Москва) в докладе «Новый фрагмент Протагора: возможность интерпретации». Докладчик доказывал, что данный отрывок Протагора передает звучание его мыслей в устах его врагов, чему служат подтверждения, не замеченные прежними издателями фрагмента.

Лейтмотивом доклада *А. Л. Верлинского* (Ленинград) «Проблема закона в философии Эпикура» стала мысль, что воззрения философа ни в коей мере не были государ-

ственно-правовой теорией, а скорее отразили безразличие мыслителя к политической жизни и его отказ от осмысления переживающих кризис институтов.

В обсуждении докладов приняли участие Л. С. Баюн, Н. В. Брагинская, Б. Б. Виц-Маргулес, Д. В. Панченко, А. А. Россиус, В. Н. Ярхо.

На заседаниях секции истории Причерноморья было заслушано десять докладов. В докладе *В. В. Бацалева* (Москва) «О хоре Херсонеса классического времени» был поставлен вопрос о существовании ранних, не оставивших следов земельных наделов херсонеситов. Докладчик предположил, что в первой половине IV в. до н. э. полис имел два центра: политический и религиозный — Херсонес у Карантинной бухты (первоначальная Мегарика) и сельскохозяйственный — «древний» Херсонес Страбона на Маячном полуострове.

Совместный доклад *Э. И. Соломоник* и *Г. Н. Николаенко* (Симферополь) «О земельных участках и их продаже в эллинистическом Херсонесе» был построен на анализе греческой надписи IOSPE.I².403, два новых фрагмента которой были найдены во время раскопок 1983 г. Анализ содержания, языка и цифровой системы надписи позволил, по мнению докладчиков, более уверенно охарактеризовать ее именно как акт о продаже земли, а не о сдаче в аренду. Кроме того, они отметили, что цены на землю в Херсонесе в это время были ниже, чем в других регионах, что было связано не только с экономическими причинами, но и с общеполитической ситуацией.

А. Н. Щеглов (Ленинград) в докладе «Источники северопричерноморской торговли хлебом в IV в. до н. э.» выдвинул гипотезу, что основным источником производства зерна на вывоз в это время была собственная земледельческая база греческих государств Северного Причерноморья, за исключением Боспора, который помимо этого получал зерно от подчиненных варварских племен. Это заставило докладчика исключить из источников производства хлеба, вывозившегося из Северного Причерноморья, лесостепную зону и считать маловероятным ведение кочевниками-скифами крупномасштабной и регулярной хлебной торговли.

«Особенности христианизации Херсонеса Таврического» были темой доклада *П. Д. Диатроптова* (Москва), который показал, что в Херсонесе присутствовало как добровольное усвоение (IV—V вв.), так и насильственное насаждение христианства (V—VI вв), причем последнее, по его мнению, подтверждается долгим сохранением остатков язычества.

Е. А. Молев (Саратов) в докладе «Экономические связи Боспора во II в. до н. э. (По данным керамической тары)» ввел в научный оборот материалы анализа керамической тары позднеэллинистического Боспора и дал характеристику состояния экономических связей государства в этот период. По его мнению, накопленный материал позволяет говорить о разной экономической ориентации городов европейского и азиатского Боспора.

В докладе «Эпитафия Гекатея (CIRB № 121)» *Д. В. Панченко* (Ленинград) показал, что она представляет собой не только выражение жизненной позиции автора, но и интересное свидетельство духовной жизни Боспора послемитридатовского времени.

В докладе «О некоторых особенностях погребального обряда на Боспоре (По материалам антропоморфных изваяний)» *Н. В. Молева* (Саратов) выдвинула предположение, что антропоморфные изображения в гробницах выполняли функции апотропеев, охранявших могилу и погребенного, в чем, по ее мнению, проявились реминисценции религиозных воззрений эпохи ранней бронзы.

Н. П. Писаревский (Воронеж) в докладе «Морское сословие, его профессиональный состав и место в структуре общества античных государств Северного Причерноморья» обратил внимание на наличие непосредственной связи между типом античных северопричерноморских полисов и формами влияния, через которые морское сословие оказывало воздействие на экономику и политическую жизнь общества.

В. И. Кац (Саратов) в докладе «Плотность распределения керамических клейм» осветил те преимущества, которые дает для исследования амфорных клейм некоторая модификация математико-статистического анализа: использование гистограмм и сопоставление различных по численности выборок после построения в одной и той же системе координат полигонов распределения относительных плотностей по каждому из вариационных рядов.

В докладе «Идейное переосмысление греками цели путешествия Анахарсиса в Элладу и Малую Азию» *М. В. Скржинская* (Киев) пришла к выводу, что член скифского царского рода посетил Лидию и ее союзницу Спарту в середине VI в. до н. э. в связи с планировавшимся новым азиатским походом и желанием приобрести союзников для нападения на Персию таким же образом, как этого добивалось скифское посольство к царю Клеомену в конце VI в. до н. э.

В обсуждении докладов по истории Причерноморья выступили М. В. Агбунов, Ю. Г. Виноградов, В. И. Кац, А. К. Коровина, Е. А. Молев, А. В. Сазанов, С. Ю. Сапрыкин, М. В. Скржинская, Э. И. Соломоник, А. Н. Щеглов и другие.

На заседаниях секции истории древнего Рима был заслушан 21 доклад. В докладе «Этниконы в этрусской ономастике», основанном на большой выборке имен из этрусских эпитафий VII—I вв. до н. э., *А. И. Немировский* (Москва) пришел к выводу, что гентилиции, образованные от этниконов, позволяют проследить процесс превращения чужестранцев в полноправных граждан этрусских полисов и проливают свет на тот же процесс в раннем Риме.

О. С. Метушевская (Курск) в докладе «Развитие теории аграрного вопроса в Риме в I в. до н. э.» охарактеризовала разные формы, в которых выступал этот основной вопрос римской истории, и высказала мысль о значительных размерах пригодного для обработки ager publicus в Италии в I в. до н. э.

В докладе «О датировке, сущности и значении закона Петелия» *Л. Л. Кофанов* (Москва) привел серьезные аргументы в пользу более поздней датировки закона 313 г. до н. э., который отменил долговое рабство для граждан, установив четкую грань между ними и рабами. Однако долговая кабала, не связанная с потерей прав гражданства и свободы, сохранилась и после закона Петелия.

Тема доклада *К. А. Ревяко* (Минск) — «Институт велитов в римской армии». Собранные им данные античных авторов о социальном составе велитов, их службе, вооружении и роли в системе римских завоеваний убедительно свидетельствуют о том, что основная тяжесть ведения завоевательных войн ложилась на низшие слои населения Рима.

В. В. Халдеев (Казань) в докладе «Кризис античного мира во II—I вв. до н. э. и проблемы типологии народных движений древности» сделал попытку осмыслить историю античного мира на уровне теоретических обобщений, придя в результате к выводу, что освободительные движения II—I вв. до н. э. были связаны с наивысшим развитием и общим кризисом рабовладельческой системы. Несмотря на ряд отдельных интересных положений доклад в целом вызвал несогласие собравшихся. Были отмечены методологические ошибки докладчика, выводы которого к тому же не основываются на конкретных исследованиях.

Б. С. Ляпустин (Москва) в докладе «Ремесленники и знать в древнем Риме: формы контактов и связи» выделил две основные линии развития древнеримского ремесла: 1) направленное на удовлетворение нужд общины в целом; 2) связанное с удовлетворением потребностей отдельных фамилий. Такое подразделение позволяет по-новому поставить проблему связей римской и муниципальной знати с ремесленниками, их коллегиями и товариществами, а также изменения форм этих контактов в период высшего расцвета римской экономики.

Тема доклада *Ю. Б. Циркина* (Новгород) — «Романизация как путь перехода к классовому обществу в римских провинциях (На примере Испании, Галлии, Британии)». Отметив неравномерность и асинхронность этого процесса, автор подчеркнул его общее содержание — переход к классовому обществу путем включения в систему рабовладельческих отношений Римской державы.

Проведенный в докладе *И. А. Гвоздевой* (Москва) «Префектура — административно-юридическое и аграрное понятие» анализ эволюции этого важного термина показал высокий уровень римского землеустройства и гибкость римской аграрной политики периода принципата, направленной на поддержание стабильности в Италии.

В. И. Парфенов (Саратов) в докладе «Военные реформы Августа (Некоторые аспекты)» доказывал преимущественно преемственный характер военных реформ Августа, продолжавшего главным образом военную политику второго триумвирата.

Доклад *Я. Ю. Межерицкого* (Калуга) «Novitas — antiquitas в политической терминологии раннего принципата» был посвящен поиску чисто римских дефиниций общественного переворота, связанного с установлением принципата. Судя по произведениям Тацита, в сознании мыслящих современников novitas и antiquitas ассоциировались с различными эпохами, на которые ориентировались враждебные друг другу идейно-политические лагеря.

Сходной проблематике был посвящен доклад *А. С. Крюкова* (Воронеж) «О политической лексике Тацита». Он показал, как в словоупотреблении Тацита отразилось перерождение социально-политических институтов в период раннего принципата, усиление монархических тенденций. Специальное внимание было обращено на употребление Тацитом слова arcanus для определения новых политических понятий (как «тайны, сопровождавшей приход принцепса к власти»).

А. В. Шмалько (Харьков) в докладе «Тиберий и Архелай» пришел к выводу, что аннексия Каппадокии была вызвана чрезвычайными обстоятельствами и была исключением в восточной политике Тиберия, который в целом продолжал поддерживать на Востоке систему зависимых от Рима «буферных» царств. Эта система просуществовала без особых изменений до второй половины I в. н. э.

Эволюции полиса в эпоху Римской империи посвятил свой доклад «Наместник и провинциальный город в эпоху Ранней империи (На материале Малой Азии I в. н. э.)»

Л. С. Бликштейн (Москва). По его мнению, политика Рима, объективно разрушавшая полис и способствовавшая становлению полной частной собственности, была обусловлена внутренней эволюцией римского государства, в ходе которой власть Рима над провинциями утратила характер полисной собственности.

С докладом «Социальная структура римского общества I в. н. э. по Тациту» выступила *А. А. Елагина* (Омск), по мнению которой Тацит выступает как идеолог класса рабовладельцев.

Тема доклада *И. П. Сергеева* (Харьков) — «Причины и характер сепаратистских движений в Римской империи в период кризиса III в.». По его мнению, эти движения были вызваны прежде всего усилением натиска соседей на римские владения и ослаблением центральной власти в империи и в меньшей степени социально-экономическими причинами. Причем если в планы западной знати не входило окончательное отделение от Рима и образование Галльской империи было явлением временным, то на Востоке сепаратистское движение носило освободительный характер: его лидеры стремились к созданию самостоятельного государства с центром в Пальмире.

Доклад *М. С. Садовской* (Горький) «Римский форт Виндоланда (К вопросу о романизации Британии в I в. н. э.)» был посвящен исследованию найденных в этом форте деревянных табличек, надписи на которых позволяют значительно обогатить и уточнить наши представления о роли римской армии в романизации Британии.

А. П. Мартемьянов (Харьков) в докладе «Ветераны римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.» на основе анализа надписей, дошедших главным образом из областей, расположенных между Дунаем и Балканами, показал, что большая часть ветеранов пополняла ряды мелких и средних землевладельцев и лишь некоторым удавалось получить доступ к магистратурам в городском и сельском самоуправлении.

В докладе *А. В. Коптева* (Вологда) «О „пекулии" позднеримских колонов» было отмечено, что имущество колонов стало обозначаться как «пекулий» с конца IV или начала V в., что указывает на ту временную грань, когда и по фактическому положению, и по статусу зависимые земледельцы и рабы почти слились в одну категорию.

С проблемой колоната был связан и доклад *И. Ф. Фихмана* (Ленинград) «Некоторые спорные вопросы социально-экономической истории позднеримского Египта», в котором на основе материала источников критически разбирались некоторые положения, распространившиеся в последние годы в зарубежной литературе по вопросам о крупном землевладении, колонате и сельской общине.

Е. В. Ляпустина (Москва) в сообщении «Дискуссия 1953—1956 гг. о падении рабовладельческого строя и ее место в современном антиковедении» отметила, что подлинно научный, продуктивный характер дискуссия имела в тех случаях, когда обсуждавшиеся положения базировались на конкретных исследованиях, а не на абстрактном толковании социологических категорий и грубых аналогий с другими эпохами.

В докладе *А. Б. Черняка* (Ленинград) «Тацит и венеды» была предложена более ранняя датировка начала работы Тацита над «Германией», основанная на анализе эволюции отношения Тацита к Домициану и его политике.

В обсуждении докладов по истории древнего Рима приняли участие Л. С. Бликштейн, Г. С. Кнабе, Л. Л. Кофанов, Б. С. Ляпустин, Е. В. Ляпустина, И. Л. Маяк, А. П. Мартемьянов, Я. Ю. Межерицкий, А. И. Немировский, В. Н. Парфенов, А. В. Поздняков, А. М. Ременников, А. Л. Смышляев, И. Ф. Фихман, В. В. Халдеев, Ю. Б. Циркин, А. В. Шмалько.

В подсекции истории римской культуры было заслушано 13 докладов. Заседание началось докладом *Л. С. Ильинской* (Москва) «Культ Паликов и его место в идеологическом обосновании народных движений и рабских восстаний Сицилии», в котором было показано, как Палики, будучи блюстителями справедливости и вместе с тем местными божествами, не слившимися ни с одним из греческих богов, становились в глазах сикульского населения острова естественными покровителями и защитниками. Это проявилось в роли их культа в ходе антигреческого восстания Дукетия в середине V в. до н. э. и, возможно, в рабских восстаниях.

В докладе *В. Н. Илюшечкина* (Москва) «Из области греческой историографии III—II вв. до н. э.» было отмечено, что характерные для греческой историографии этого времени течения были связаны с традицией полисного мышления и авторским пониманием предмета истории. Анализ различных тенденций греческой историографии проводился докладчиком на основе произведений Тимея и Полибия.

Г. П. Чистяков (Москва) в докладе «Из истории римской элегии» показал, что бездна, лежащая между Тибуллом и Проперцием и делающая их такими разными, заключалась в том, что они стояли на абсолютно несхожих эстетических позициях, хотя, будучи представителями одного поколения, зачастую говорили об одних и тех же проблемах.

В докладе *Ю. Г. Чернышова* (Барнаул) «К проблеме классификации античных со-

циальных утопий» была предложена систематизация утопий по уровню отраженного в них общественного сознания. По этому принципу античные утопии были разделены на религиозно-мифологические, литературные и политические.

Особенности культурной жизни Греции и Рима в отношении к театру, различное положение актеров в Греции и Риме показала *А. Б. Шарнина* (Ленинград) в докладе «Греческие артисты в римский период», отметив, что гибкость римской политики по отношению к греческим артистам в восточных провинциях была обусловлена тем, что римляне старались не нарушать местных обычаев.

А. В. Шпилевский (Москва) в докладе «„Альмагест" и проблема даты смерти Александра Македонского», опираясь на данные «Альмагеста», помещает эту дату в промежуток времени от 8 июля до 26 сентября 323 г. до н. э. и рассматривает возможности дальнейшего ее уточнения.

В докладе *В. И. Горемыкиной* (Минск) «Место и роль христианского милосердия в древнем Риме» рассматривалось происхождение христианского милосердия в свете особенностей дистрибуции и социально-экономических и политических противоречий в римском обществе периода Поздней империи. И. С. Свенцицкая и Э. Д. Фролов выразили несогласие с положениями В. И. Горемыкиной о племенной форме собственности в Риме, в особенности в городах, а также с ее негативной оценкой гуманистического содержания раннего христианства, расходящейся с выводами Ф. Энгельса по этому вопросу.

О. Н. Мамина (Свердловск) в докладе «Идеология и социальная психология позднеантичной знати по сочинениям Сидония Аполлинария» показала, как в образе мыслей Сидония отразились идеалы господствующего класса, социально-психологический облик культурной элиты галло-римского общества V в. н. э., сформировавшиеся под воздействием разнообразных нормативных, официальных и неофициальных мировоззренческих концепций, распространенных в позднеантичную эпоху.

В докладе *Л. Е. Семенова* (Калинин) «Концепция нового римского патриотизма Пруденция и идеологическая борьба в Римской империи IV в.» отмечалась закономерность того, что именно в конце IV в., когда коренным образом изменились сами цели и задачи христианской проповеди в вопросе об отношении к римскому обществу и государственной власти, и формируется концепция нового римского патриотизма Пруденция, сочетавшая в себе антиязыческий пафос с проримским политическим благочестием.

М. М. Казаков (Москва) в докладе «Письма Амвросия Медиоланского как документ эпохи» охарактеризовал IV век как время глубоких перемен во всех сферах жизни Римской империи, отразившихся в богатом эпистолярном наследии Амвросия Медиоланского.

В докладе «Античные и христианские источники книги „Мифологий" Фульгенция» *Г. Ч. Гусейнов* (Москва) продемонстрировал, как Фульгенций, понимая, что главным источником его познаний должны были бы быть античные авторы, старается скрыть от читателя свое обращение к христианским писателям как к источнику первого ряда, выставляя напоказ несуществующие сочинения и ни разу не вспоминая реальные источники своих выписок.

Т. А. Михайлова (Москва) в докладе «„Филидехт" как социально-культурное явление и его трансформация в ходе христианизации Ирландии; судьба эпической традиции» охарактеризовала взаимодействие филидов и деятелей церкви, монастырей в VI—VIII вв., повлиявшее как на характер фиксации эпической традиции, так и на формы существования христианской религии.

Этимологическому анализу сакральной лексики латинского языка был посвящен доклад *А. И. Солопова* (Москва) «Этимология слова templum и ее значение для реконструкции римского авгурского ритуала», в котором приводилась этимология данного термина как «места авгурских ауспиций».

В обсуждении докладов приняли участие Л. М. Глускина, В. И. Горемыкина, Л. С. Ильинская, В. Н. Илюшечкин, М. М. Казаков, Г. С. Кнабе, Т. А. Михайлова, А. И. Немировский, Г. С. Самохина, И. С. Свенцицкая, Л. Е. Семенов, А. И. Солопов, В. М. Смирин, Э. Д. Фролов, Д. Р. Хапаева, Ю. Г. Чернышов, Г. П. Чистяков.

На заседании секции историографии было заслушано пять докладов. *И. А. Лисовой* (Львов) в докладе «Проблемы развития архаической Греции в историографии ЧССР» дал анализ ряда работ по истории архаической Греции (в частности работ П. Оливы о Спарте, ранней греческой тирании и колонизации) и показал их место и роль в марксистской историографии античной истории.

В докладе *Ю. А. Окуня* (Оренбург) «Социальная структура и идеологическая борьба в античности в изображении М. И. Ростовцева» было показано, как исследовательская практика заставляла ученого отойти от двусложной схемы классового деления античного общества и дробить эти якобы бессословные классы на те категории обитателей древнего мира, которые ошибочно мыслились им составными частями пролетариата

и буржуазии, а в действительности были классами и классами-сословиями рабовладельческого общества.

А. А. Розовский (Казань) в докладе «Основные направления изучения эллинизма в историографии XX в.» охарактеризовал значительный путь, пройденный французской историографией в области изучения эллинизма как в сфере расширения проблематики исследований, так и в интерпретации его истории.

В докладе *В. А. Летяева* (Казань) «Исторические взгляды В. И. Модестова» были проанализированы его философские, исторические и теоретические взгляды, складывавшиеся на раннем этапе под влиянием революционно-демократических идей, но не выходивших за рамки буржуазно-либеральной направленности.

Н. Н. Чернова (Уфа) в докладе «Аграрные отношения античности в исторической концепции Фюстель де Куланжа» подробно рассмотрела постановку этим знаменитым историком XIX века ряда проблем аграрной истории античности, ставших новым словом в историографии и остающихся актуальными и в наши дни (происхождение прав собственности на землю, процесс формирования и развития различных форм землевладения, изучение основных категорий хозяйства и рабочей силы).

На заключительном пленарном заседании с отчетом «О работе журнала „Вестник древней истории“ за 1981—1986 гг.» от имени редколлегии и редакции выступил *Ю. Г. Виноградов*. В докладе была подчеркнута растущая популярность журнала как в научных кругах, так и среди читателей, о чем свидетельствует заметный рост тиража с 4836 экз. в 1980 г. до 7318 экз. в 1987 г. За отчетный период в ВДИ были опубликованы статьи, посвященные такому важному событию в жизни страны, как XXVII съезд КПСС, и его значению для развития современного антиковедения и изучения истории древнего Востока; нашел широкое отражение в журнале юбилей К. Маркса и роль его наследия в разработке важнейших проблем древней истории. Главное внимание в своей работе журнал уделял исследованию кардинальных проблем истории Греции, Рима и древнего Востока: ставились вопросы типологии древних государств и их взаимоотношений с полисами, изучались проблемы античной культуры и античного наследия у соседних с греко-римским миром народов, вопросы права в древних обществах, полис в классическое, эллинистическое и римское время, история Греции в послемикенское время и ранняя история Крита, вопросы политической и этнической истории древней Италии, исследовались рабство и колонат в позднем Риме и другие конкретные вопросы древней истории. На страницах ВДИ прошла дискуссия о прародине индоевропейцев и индоевропейской общности, построенная на анализе новейших лингвистических и культурно-исторических данных, освещены были многие важные вопросы истории Причерноморья, Закавказья и Средней Азии, введены в научный оборот новые археологические, эпиграфические и нумизматические материалы. Ю. Г. Виноградов подчеркнул, что ВДИ играет большую научно-организационную роль, координируя исследования различных научных учреждений СССР в области древней истории. Немалое значение имеет журнал и в деле воспитания научной смены. В докладе была поставлена задача расширения печатания концептуальных статей как на общетеоретическом, так и на конкретно-историческом уровне, что могло бы способствовать развертыванию дискуссий на страницах журнала. Темами для обсуждения могли бы стать возникновение и развитие ранних урбанистических структур, коренное отличие города от деревни, типология ранних городов; критерии государства и государственности, особенно на периферии античного мира; сущность эллинизма как политической системы, ареал его распространения; модель рабовладельческой формации на материале источников по истории древнего Рима; взаимоотношения правителя (тирана, эллинистических монархов, царей, императоров) и гражданской общины, полиса. Необходимо расширить практику заказов статей ведущим советским антиковедам и востоковедам. Отмечалась необходимость расширения зарубежных связей журнала и публикаций исследований специалистов других стран.

Затем состоялось обсуждение работы журнала, в ходе которого выступили С. Н. Муравьев, В. М. Строгецкий, А. И. Немировский, Г. М. Бонгард-Левин, Е. С. Богословский. Были затронуты вопросы о публикации в журнале исследований на европейских языках, о техническом перевооружении типографии (в особенности в отношении древнегреческого текста), о переходе на сплошную годовую пагинацию, об увеличении объема журнала или числа его выпусков, о роли ВДИ в комплектовании ведущих государственных библиотек. В целом участники конференции одобрили деятельность журнала.

Итоги работы секций были подведены в выступлениях их председателей. Юбилейная X Всесоюзная авторско-читательская конференция ВДИ еще раз подтвердила плодотворность подобной формы работы журнала. Она дала новый импульс исследованиям как теоретических, так и конкретных проблем древней истории в нашей стране.

О. Б. Лопухова, Е. В. Ляпустина

ПРИЛОЖЕНИЕ

PSEUDO-ARISTOTELIS

DE AUSCULTATIONIBUS MIRABILIBUS

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ

РАССКАЗЫ О ДИКОВИНАХ

Перевод с древнегреческого и комментарии *Н. А. Поздняковой* *

46. Рассказывают также, что река Окс у бактрийцев приносит множество золотых крупиц. И в Иберии [1] река Теодор много золота намывает у своих берегов.

47. В македонской Пиерии, как рассказывают, древними царями в четырех местах было закопано нечеканное золото; в одном из них закопанное золото увеличилось на целую пядь [1].

---

* Окончание. Начало см. ВДИ, 1987, № 3.

46 Источник: *Феофраст.* О металлах (=Ar. Fr. 257 R³). Многочисленные примеры внимания античных авторов к свидетельствам о называемом золоте см. *Blümner H.*// RE. 1912. VII. 2. 1562. S. v. Gold.

[1] Не ясно, имеется ли в виду в данном случае Испания или Иберия на Кавказе (см. *Caley E. R., Richards J. C.* Theophrastas on Stones. Ohio, 1956. P. 195 f.).

47 Источник: *Феофраст.* О металлах (=Ar. Fr. 257 R³). О месторождении золота в Пиерии см. *Strabo.* XIV. P. 680. Ср. *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Kunste bei Griechen und Romern. IV. Lpz, 1929. S. 21.

[1] τὸ σπιθαμιαῖον — редко употребляемое наименование меры длины и площади, равное полулоктю (220 мм). Подробнее см. *Hultsch F.* Griechische und römische Metrologie. B., 1882. S. 29 f.

48. Рассказывают о необычном происхождении халибского и амисского железа. Оно образуется, как утверждают, из речного песка. Одни говорят, что его просто промывают и плавят в горне; другие говорят, что промывают его много раз, а остатки промывки плавят и что туда добавляют так называемый огнеупорный камень [1], которого полно в тех местах. Это железо намного превосходит все другие известные сорта. Если бы его не закаляли в горне, оно по виду нисколько не отличалось бы от серебра. Оно единственное не поддается ржавчине, однако производят его не так уж много.

834a 49. Рассказывают еще, что у индов есть медь настолько яркая, чистая и блестящая, что цветом неотличима от золота, и что среди кубков Дария есть поддельные чаши (из этого материала), которые невозможно отличить от золотых, разве что по запаху [1].

50. Кельтское олово, как говорят, плавится гораздо быстрее свинца. Подтверждением того, насколько легко оно плавится, может служить то, что оно плавится даже в воде: обыкновенно она сразу окрашивается. Оно плавится даже тогда, когда оттаивает после заморозки в холодную погоду благодаря высвобождающемуся теплу, заключенному внутри, настолько оно легкоплавкое.

51. В храме всем богам (Пантеоне) есть олива, называемая «прекраснокронной». Листья ее не как у других олив: зеленая сторона у них внутри, а не сна-

---

48 Источник: *Феофраст.* О металлах. (=Ar. Fr. 259 R³). В результате промывки железной руды удаляется пустая порода и осаждается более тяжелая часть руды, содержащая железо. Как правило, железная руда обрабатывалась в низких печах или горнах на древесном топливе с использованием естественной тяги или ветра (при устройстве печей или горнов по откосам гор). В результате получали ковкое, или так называемое сыродутное железо; Л. Бек, однако, полагает, что в данном случае Псевдо-Аристотель говорит о стали (*Beck L.* Die Geschichte des Eisens. Braunsweig, 1891. S. 263 f., 459). Халибы, населявшие юго-восточное побережье Понта, славились умением изготавливать высококачественное железо; в поэтическом словоупотреблении «сталь» χάλυψ (ср. *Blümner.* Technologie... IV. S. 71). Об изготовлении железа из гематито-магнетитовых песков см. *Агбунов М. В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 45.

[1] Упоминается у Феофраста (de lapid. 9) в качестве необходимого для выплавки материала: соединяясь с неметаллами, железо образует сплавы (чугун, сталь и т. п.).

49 Источник: *Феофраст.* О металлах (= Ar. Fr. 263 R³). Вполне вероятно, что «индийская медь» означала или ставшую знаменитой впоследствии дамасскую сталь («дамаскин», ср. *Rommel H.* // RE. 1929. III A. 2. 2132. S. v. Stahl) или известное в древности халибское железо. Поскольку терминологически «сталь» строго не отличалась от «железа», «меди» (*Blümner.* Technologie... IV. S. 342 f.), более точный перевод слова χαλκός затруднителен.

[1] Ср. *Athen.* XI. 984 AB, где в том же письме Александра сатрапу Азии речь идет о позолоченных кубках из серебра.

50 Источник: *Феофраст.* О металлах (=Ar. Fr. 264 R³). Типичный для парадоксографов пример пристального интереса к исключительному явлению, рассматриваемому изолированно и вне какой-либо связи с рядом однородных явлений. В данном случае затрагивается область физики состояния тел — совокупности явлений плавления, кипения и т. п. и обратных: превращения в жидкость, отвердевания и др. О естественном процессе плавления металлов благодаря воздействию внутреннего жара пишет Феофраст (de igne. 42). Однако в De igne. 17 Феофраст дает иное (безусловно ложное) объяснение: плавление металлов вызывается внешним холодом, который, воздействуя на внутренний жар металла и как бы концентрируя его, становится в конечном счете причиной плавления (ср. *Steinmetz P.* Die Physik des Theophrast von Eresos. Bad Homburg, Berlin, Zürich, 1964. S. 304). Весьма вероятно, что подобные представления распространялись и относительно «кельтского олова». В данном случае то, что олово, находясь в воде, обнаруживает признаки «размягчения» доказывает лишь способность металлов окисляться (ржаветь) и не имеет никакого отношения к плавлению.

51 Источник не установлен (позднейшая интерполяция?). Г. Фласхар (S. 90—91) следующим образом комментирует отрывок: в Олимпии есть олива, ветвями которой увенчиваются победители игр. Место, где она росла, позже стало называться Пантеоном (для доклассического периода Пантеон звучит анахронизмом). Наиболее вероятным временем интерполяции этой главы Г. Фласхар считает период правления Адриана.

ружи [1]. Ветки ее, как и у миртового дерева, пригодны для венков. Некогда, взяв отросток [2], Геракл посадил черенок в Олимпии, откуда поставляют венки для атлетов. Сама же олива растет возле Илисса на расстоянии шестидесяти стадий от реки, окруженная оградой, и того, кто на нее посягнет, ждет суровая кара. Ее отросток элейцы посадили в Олимпии и сплетают из ее ветвей венки для атлетов.

52. В Лидийские рудники близ Пергама, которые основал еще Крез, когда началась очередная война, отовсюду сбежались мастеровые; вход обрушился, и они, оказавшись внутри, задохнулись; по прошествии долгого времени, когда расчищали рудник, обнаружили, что сосуды, которыми погребенные там люди пользовались для своих нужд,— амфоры и разного рода посуда — превратились в камень [1]. Они окаменели вместе с содержимым, в камень превратились даже и человеческие скелеты.

53. В озере Аскания [1] настолько щелочная вода, что одежду можно мыть, просто погрузив ее в воду, а если кто слишком передержит одежду в такой воде, она расползается в клочья.

54. Неподалеку от озера Аскания есть поселок Пифополь, отстоящий от города Киоса приблизительно на 120 стадий; зимой там пересыхают все колодцы,
834b так что нельзя зачерпнуть воды кувшином, а летом колодцы наполняются до краев.

55. Пролив между Сицилией и Италией уменьшается и увеличивается вместе с фазами Луны.

56. На пути в Сиракузы на лугу есть источник, не очень большой и не слишком обильный, однако если возле него собирается толпа людей, он начинает наполняться водой.

---

[1] Ср. *Theophr.* Hist. plant. I. 10. 1—2.

[2] τὸ φυτόν. О различии между дичком (κότινος) и культурным сортом оливы (ἐλάα или ἐλαία) см. *Paus.* V. 15.3.

52 Источник: *Феофраст.* Об окаменелостях (ср. *Steinmetz.* Op. cit. S. 309 f.). Ср. аналогичный ход мысли у Феофраста (de lapid. 1.4): минералы обладают способностью превращать в камень предметы, которые соприкасались с ними. См. также *Plin.* NH 36. 131.

[1] Ср. *Theophr.* de lapid. 28, где моче приписывается способность превращать все в камень.

53 Источник неясен. Возможно, *Феофраст.* О соли, молоке и квасцах. Параллельные места Евдокса Книдского (fr. 333 Laserre), Феофраста (*Plin.* NH 31.110) и Фания, ученика Аристотеля и Феофраста (fr. 35 Wehrli), показывают, что в данной главе затрагивается одна из часто обсуждавшихся в школе перипатетиков проблем. См. также *Plut.* Quaest. conv. I.9.626 E sq.

[1] Озеро в Писидии. См. *Ruge* // RE. 1896. II. 2. S. v. Ἀσκανία λίμνη.

54 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О соли, молоке и квасцах. Врач II в.н.э. Руф Эфесский отмечает как нечто «диковинное» (θαυμαστόν), что некоторые колодцы зимой пересыхают, а летом вновь наполняются водой, хотя следовало бы ожидать обратного (*Rufus.* Περὶ ὑδάτων, b. Oribasius. Coll. med. I. 3.24 // CMG. VI. 1.1. P. 119 Raeder).

55 Предполагаемый источник: перипатетик Фаний. Ср. Timaeus. FGrH 566 F73. Отрывок восходит к распространенным в перипатетической школе представлениям. Помимо Пифея из Массилии (*Mette H. J.* Pytheas von Massilia. B., 1952. S. 15) измерение чередований приливов и отливов в связи с фазами Луны было предпринято Посидонием (*Reinhardt K.* Poseidonios. München, 1921. S. 121 f.). Однако Г. Фласхар (S. 92—93) предпочитает связывать Ausc. mir. 55 с рассуждениями Феофраста (de caus plant. II. 19) о взаимосвязи водной стихии и планет. Подробнее см. *Capelle W.* // RE. 1940. Suppl. VII. S. 207. ff. S. v. Gezeiten.

56 Предполагаемый источник: перипатетик Фаний. К Ausc. mir. 56 восходит текст Paradox. Flor. 7 (p. 316 Giannini). Описание диковинного луга и его окрестностей приводит еще Фукидид (VI. 96). Ср. также *Ps.-Paul. Sil.* De therm. 104—107. См. *Oehler H.* Paradoxographi Florentini Anonymi opusculum de aquis mirabilibus. Diss Tübingen, 1913. S. 66 ff.

57. В Сицилии есть озеро Паликов, на его площади разместилось бы около десяти застольных лож. Вода в нем выбрасывается ввысь до шести локтей, причем наблюдатели видят ее сплошной водной гладью, ведь и падая вниз, вода сплошь покрывает поверхность озера. Есть в этих местах и клятва, которая считается священной: приносящий клятву записывает ее на вотивной табличке и опускает в воду. Если клятва верна, табличка всплывает (на поверхность), если же клятва ложна, табличка, как утверждают, разбухает и тонет, а клятвопреступника предают огню. Таким образом, клятвопреступник становится жертвой очистительного жертвоприношения за клятвопреступление в священном месте.

58. Остров Демонес у халкедонян получил название от Демонеса, который впервые его возделал; есть там и рудник с темно-синей медью [1] и малахитом [2]. Цена его лучших образцов приравнивается к золоту, он еще служит лекарством при болезнях глаз [3]. Там же в море на глубине двух оргий обнаружили медь, добываемую ныряльщиками. Из этой меди отлита статуя в городе Сикионе в древнем храме Аполлона [4] и статуи в городе Фенее, которые называют желтомедными [5]. На них начертано: «Геракл, сын Амфитриона, посвятил, захватив Элиду» [6]. Он покорил Элиду, согласно предсказанию оракула, по наущению женщины, отца которой, Авгия, он умертвил. Добывающие эту медь приобретают острое зрение, а у тех, у кого не было ресниц, они отрастают: по этой причине врачи используют медянку и фригийскую золу для лечения глазных болезней.

59. Там же есть пещера, называемая «Гладкой». В этой пещере сталактитовые столбы образовались от (сочащихся сверху) капель, подтверждением чего служит то, что столбы эти к основанию суживаются.

60. От некоторых пар орлов в потомстве выводятся кречеты, когда же те
835a сами дают потомство, от них уже происходят соколы и ястребы; внешне они не отличаются от других, но птенцы их — крупные ястребы — бесплодны. В доказательство приводят то, что их гнезд никто никогда не видел.

---

57 Источник неизвестен. Несмотря на сохранившиеся свидетельства, посвященные этому же сюжету,— Страбона (XI. 89. 2 sq.), основывающего на данных Каллия из Сиракуз и Ксенагора, Полемона-периэгета (fr. 2, p. 117 Giannini), Paradox. Flor. 8 (p. 316 Giannini) со ссылкой на Ἀπιστα Исигона Никейского (fr. 3 Giannini), а также *Steph. Byz.* S. v. Παλίκη,— трудно что-либо с определенностью утверждать об источнике Ausc. mir. 57.

58 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О металлах (ср. *Steinmetz.* Op. cit. S. 301). Феофраст (de lapid. 25—26, 39) упоминает об о-ве Демонес, месторождении меди и χρυσοκόλλης. Ср. *Antig.* Mir. 131; *Steph. Buz.* S. v. Δημόνησος.

[1] κυανός — здесь не лазуревый камень (*Theophr.* de lapid. 31. 37), а темно-синяя медь, три сорта которой — египетскую, скифскую, кипрскую — различает Феофраст (de lapid. 55). См. *Forbs R. J.* Studies in Ancient Technology. V. IX. Leiden, 1964. P. 206.

[2] Феофраст мельком упоминает χρυσοκόλλης (de lapid. 39. 40. 51). Здесь, по-видимому, имеется в виду зеленый малахит. Начиная с XVI в. впервые у Г. Агриколы (De natura Fossilium. Basel, 1558. P. 206) горная зелень, или бура, служившая для золотого паяния, получила наименование chrysocolla (*Blümner.* Technologie... IV. P. 296).

[3] Как лечебное средство chrysocolla широко использовалась в античной медицине в виде порошка или мази (*Hipp.* De morb. mul. I. 63; *Galen.* De comp. med. III. 2; IV. 1; *Diosc.* V. 104; *Plin.* NH 33. 87).

[4] Возможно, один из четырех храмов Аполлона в Сикионе, упоминаемый Павсанием (II. 7.7—8). Ср. также *Plin.* NH 34. 52.

[5] По-видимому, речь идет о статуях, выставленных в храме Аполлона (ср. *Paus.* VIII. 15. 5).

[6] Ср. аналогичную посвятительную надпись в храме Аполлона Исмения в Фивах (*Herod.* V. 59. 61), ошибочно приписываемую Кадму. См. Ausc. mir. 133.

59 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О металлах. Об интересе Феофраста к сталактитовым пещерам см. *Plin.* NH 31. 113.

60 Источник неизвестен. Возможно, первоначально глава предваряла Ausc. mir. 63. Отдельные параллели см.: *HA* IX. 619a 8—11; IV. 5. 563 sq.; IX. 11. 615a 7 sq.; *Antig.* Mir. 42; *Plin.* NH X. 11.

61. Удивительная вещь, как рассказывают, происходит со свинцом у индов; если его расплавить и вылить в холодную воду, он как бы выпрыгивает из воды (обратно).

62. Моссинойкская медь считается самой белой и блестящей и не от примеси олова, но такой она получается от примеси почвы тех мест. Рассказывают, что открывший секрет ее изготовления никому его не передал, поэтому старинные медные изделия из тех краев столь превосходят изделия более позднего происхождения.

63. Рассказывают, что на Понте некоторые птицы зимуют в норах и, впадая в зимнюю спячку, становятся нечувствительными даже когда их ощипывают и сажают на вертел, ощущения возвращаются к ним, только когда их начинают поджаривать на огне. Также и многие рыбы (будто бы) не чувствуют боли, когда их режут или рассекают на части, но лишь когда их охватывает пламя огня.

64. Пчела предвещает перемену погоды [1], принимаясь за свое дело, этой приметой обычно пользуются пчеловоды — для них наступает спокойная пора. Считают, что и цикады начинают петь после резкой перемены погоды.

65. Считается, что еж может оставаться без пищи в течение года.

66. Галеот, так же как змеи, сбрасывая кожу, снова ее заглатывает: врачи замечают этот момент, поскольку кожа помогает страдающим эпилепсией.

67. Говорят, что когда медведица залегает на зиму в берлогу, то за время спячки накапливает столько жира, что, переполняясь, он изливается из сосудов наружу [1].

68. В Кирене, как говорят, лягушки совсем безголосы, а в Македонии, в земле эматийцев, свиньи непарнокопытны.

---

61 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О металлах (= fr. 264. R³). Схожий рассказ о сицилийском гостеприимце, который, расплавив соль, бросил ее в воду, откуда она «выпрыгнула», см. у Антигона Каристского (Mir. 167).

62 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О металлах (= fr. 262 R³) Ср. схожее свидетельство Феофраста о медном сплаве (так называемой «белой меди») (de lapid. 49). Моссинойки населяли юго-восточное побережье Понта; их соседями на западе были халибы, искусные металлурги (ср. Ausc. mir. 48).

63 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О зверях, впадающих в зимнюю спячку. Ср. *HA* VIII. 13—17. 599 a 5—601 b 24. Конечная фраза о рыбах совпадает с фр. 171 Феофраста, где говорится о вмерзших в лед Понта рыбах, которые обнаруживают признаки жизни лишь в поваренном котле. Подробнее см. *Herzog M. A.* Aristoteles' Anschauungen über die Lehre vom Winterschlaf // Festschrift für F. Zschokke. Basel, 1921. S. 1 ff.

64 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О нравах и разумении животных.

[1] Более точный перевод τὰς τρόπας затруднителен: ср. «перемена погоды» (*Klek J., Armbruster L.* Die Bienenkunde des Aristoteles und seiner Zeit // Archiv für Bienenkunde. 1919. 1. S. 185 ff.), «перемена ветров» (αἱ τροπαί в качестве производного от τροπαῖαι) у Феофраста (de caus. plant. II. 3. 1), «солнцеворот» (ἡ τροπή = solstitium) у Плиния Старшего (XI. 107).

65 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О зверях, впадающих в спячку. Ср. *Plin.* NH VIII. 133; *Ael.* de nat. anim. III. 10.

66 Источник: *Феофраст.* О так называемых завистливых животных (= Theophr. Fr. 175). Ср. также *Plin.* NH VIII. 111; *Ael.* de nat. anim. III. 17; *Stob.* Anth. III. 36. 25 (= Trophilos. F2 p. 392 Giannini).

67 Источник: *Феофраст.* О запахах. 13. 63. О распространении в древности представлений подобного рода см. *Röhr J.* Der okkulte Kraftbegriff im Altertum // Philologus. 1923. Suppl. 17. 1; *Stemplinger E.* Sympathieglaube und Sympathiekuren im Altertum und Neuzeit. München, 1919.

[1] Медвежий жир использовался в античной медицине в качестве лечебного средства против выпадения волос (*Plin.* NH 28. 163), опухолей (*Diosc.* II. 94), воспаления желез (*Plin.* NH 28. 177), а также в хозяйстве против вредителей виноградной лозы.

68 Источник: *Аристотель.* История животных (VIII. 28 606 a 6) или *Феофраст.* О различии животных по местам обитания. Ср. *HA* II. 499 b 12—21; *Plin.* NH VIII. 227; X. 79; XI. 267.

835b 69. А в Каппадокии, как сообщают, мулы способны к продолжению рода, а на Крите плодоносит осокорь (черный тополь).

70. Говорят, что и на острове Сериф лягушки безголосы, однако в другом месте эти же лягушки квакают.

71. У индов, в районе, называемом Керас, есть рыбешки, которые выпрыгивают из воды на сушу, а затем вновь возвращаются в реку.

72. Рассказывают еще, что в Вавилонии, когда пересыхает река, некоторые рыбы остаются жить в норах, сохраняющих влагу; в поисках корма они выходят и на песок, при этом передвигаются они на плавниках, опираясь на хвост; когда их преследуют, они убегают, а, настигнутые, поворачивают навстречу преследователю. Подходя к ним часто, люди их тревожат. Голова их похожа на голову морской лягушки, туловище — как у пескаря, а жабры — как у всех рыб.

73. В Гераклее Понтийской и в Тиосе [1], как передают, водятся рыбы, которые зарываются в землю преимущественно в сырых местах и по берегам рек. Когда эти места высыхают, рыбы зарываются глубже, а когда засуха усилится еще, они закапываются в грязь в поисках влаги и остаются там, как и те, что отсиживаются в норах. Если их выкопать до поступления воды, они начинают биться (о землю).

74. И в Пафлагонии, говорят, обнаружены рыбы, зарывающиеся на дно. Они обладают удивительным свойством: хотя поблизости нет ни открытого водоема, ни реки,— сама земля порождает эти существа.

75. Рассказывают, что в Эпире олени, сбрасывая рога, правый рог зарывают в землю; (люди) используют его для многих целей [1].

76. Также и рысь, как рассказывают, зарывает свою мочу; затвердевая, она пригодна для многих вещей и особенно для изготовления всевозможных перстней с печатями.

---

69 Источник: *Феофраст.* О различии животных по местам обитания и Исследование о растениях. Ср. *HA* I. 6. 491 a 2; *Theophr.* Hist. plant. II. 2. 10; III. 4—7. См. также *Keller O.* Die antike Tierwelt. V. 1. B., 1909. S. 263.

70 Источник: *Феофраст.* О различии животных по местам обитания. Ср. *Antig.* Mir. 4; *Plin.* NH VIII. 227; *Ael.* de nat an. III. 37.

71 Источник: *Феофраст.* Об обитающих на суше животных (= Theophr. Fr. 171). Некоторые детали своего сочинения сам Феофраст относил к mirabilia (например, фр. 171, 24: θαυμασιώτατον; 171. 40: θαυμαστόν). Ср. *Plin.* NH IX. 71; *Athen.* VIII. 332B).

72 Источник: *Феофраст.* Об обитающих на суше животных (= fr. 171). Ср. *Plin.* NH IX. 175; *Ael.* de nat. an. V. 27.

73 Источник: *Феофраст.* Об обитающих на суше животных (= fr. 171). Ср. *Plin.* NH IX. 176; *Sen.* NQ III. 16. 4—5; *Athen.* VIII. 331 C.

[1] Г. Фласхар принимает конъектуру А. Джаннини ἐν τῇ Τίῳ («в Тиосе») вместо ἐν Ῥηγίῳ («в Регии») (О. Регенбоген).

74 Источник: *Феофраст.* Об обитающих на суше животных (= fr. 171). Ср. *Strabo.* XII. 563 со ссылкой на Евдокса Родосского; *Plin.* NH IX. 178; *Athen.* VIII. 331. О зарывающихся в землю рыбах см. *Arist.* de respir. 9. 475 b 11 sq. Заключительная фраза Ausc. mir. 73 о земле как порождающей стихии косвенно отражает актуальную для античной биологии проблему самозарождения, более четко сформулированную Феофрастом (λοιπὸν γὰρ δὴ αὐτομάτους φύεσθαι). Подробнее см. *Capelle W.* Das Problem der Urzeugung bei Aristoteles und Theophrast und in der Folgezeit // RhM. 1955. 98. S. 150 ff.

75 Источник: *Феофраст.* О так называемых завистливых животных (= fr. 175). Ср. *HA* 611 a 29 sq.; *Antig.* Mir. 20. 4; *Plin.* NH VIII. 115; 118; *Ael.* de nat. an. III. 17.

[1] Плиний Старший передает, что оленьи рога использовались в качестве противоглистного средства, против поноса и болей желудка, а также в качестве оберега против разного рода порчи (*Plin.* NH 28, 211).

76 Источник: *Феофраст.* О так называемых завистливых животных (= fr. 175). Ср. *Ovid.* Met. XV. 413 sq.; *Plin.* NH VIII. 37; *Ael.* de nat. an. IV. 17. *Феофраст* (de lapid. 28) передает, что знатоки обнаруживают в земле Lyngurium, образовавшийся из мочи рыси (отвердение мочи обусловливается связью с землей), из которого изготавливают затем перстни с печатями. См. также *Blümner.* Technologie... II. 281.

77. Утверждают, что пойманный тюлень также выделяет некое вязкое вещество; обладая целебными свойствами, оно помогает при эпилепсии [1].

78. Передают, что в Италии, у горы Кирки, произрастает ядовитое растение; смертоносная сила его такова, что ежели его соком кого-либо окропить, он тотчас падает замертво, лишаясь волосяного покрова, а тело начинает разлагаться, все это представляет картину мучительнейшей смерти. Эту-то отраву, как рассказывают, жители Пицена Авл и Гай пытались дать Клеониму Спартанскому [1], но были уличены и после тщательного расследования казнены тарентинцами.

79. Рассказывают, что на Диомедовых островах в Адриатике есть святилище Диомеда, вызывающее благочестие и удивление. Вокруг него восседают очень крупные птицы с большими острыми клювами. Прибавляют еще, что если эллин вступит на эту землю, птицы остаются спокойными, если же кто из варваров соседних территорий,— они поднимаются и всем скопом атакуют пришельца, пока не заклюют острыми клювами до смерти. Предание гласит, что птицы эти — потомки спутников Диомеда, потерпевшего кораблекрушение у этого острова, где Диомед был предательски умерщвлен Давном, тогдашним правителем этих мест [1].

80. Есть сведения, что у умбров домашний скот приносит приплод трижды в год, а земля родит несколько раз, возвращая с избытком все, что в нее посеяли; также и женщины там, как утверждают, плодовиты и редко носят одного ребенка, но в большинстве своем — по два и по три зараз.

81. На Электридских (Янтарных) островах, что лежат в Адриатическом заливе, как говорят, есть две статуи — оловянная и медная, выполненные в старинной манере [1]. Полагают, что сделаны они Дедалом, который, по старинным сказаниям, бежав от Миноса с Крита, после Сицилии прибыл в эти места. Острова эти, как передают, образованы илистыми отложениями реки Эридан. Недалеко от реки есть там еще озеро с горячей водой. От него исходит тяжелый, неприятный запах, и ни один зверь не пьет той воды и ни одна птица не пролетит над ним, не упавши
836b замертво. В окружности оно имеет около 200 стадий, а в ширину — около десяти. Среди жителей тех мест есть предание, что именно в это озеро упал Фаэтон, пораженный перуном. По берегам растет множество тополей, смолистые истечения

---

77 Источник: *Феофраст.* О так называемых завистливых животных (= fr. 175). Ср. *Antig.* Mir. 20. 2; *Plin.* NH VIII. 111; *Ael.* de nat. an. III.

[1] Против эпилепсии рекомендовал это средство Серапион Александрийский (*Deichgräber K.* Die griechische Empirikerschule. B., 1930. S. 166).

78 Источник: *Тимей Тавроменийский* или *Лик из Регия.* Начиная с этой главы, в тексте Псевдо-Аристотеля преобладают сюжеты, тематически связанные с ἀρχαιολογία и периэгезой (*Flashar H.* Einleitung // Aristoteles. Werke. Bd. 18. Teil II—III. B., 1972. S. 45).

[1] Один из сыновей Клеомена II Спартанского; содействовал заключению благоприятного для Тарента договора с римлянами (*Diod.* XX. 104).

79 Источник: *Тимей Тавроменийский* или *Лик из Регия.* Использован известный миф о превращении спутников Диомеда в птиц (ср. *Antig.* Mir. 172 — источник: Лик из Регия; FGrH 570 F 6; *Lycophr.* Alex. 592; Schol. Lycophr. 615; *Strabo.* VI. 435 a; *Verg.* Aen. XI. 271 sq.; *Ovid.* Met. XIV. 497 sq.; *Plin.* NH X. 61; *Ael.* de nat. an. I. 1; *Aug.* de civ. dei XVIII. 16; *Steph. Byz.* S. v. Διομήδεια; Schol. B Il. E 412. *Thompson W.* D'Arcy. The Birds of Diomede // ClR. 1918. 32. P. 92 f.

[1] Ср. Schol. Lycophr. 592: «позже Диомед был убит Давном, а его спутники, оплакав героя, превратились в лебедей».

80 Источник: Тимей или Лик из Регия. Ср. Ausc. mir. 128 (где источник — Феопомп).

81 Источник: Тимей или Лик из Регия. Наиболее ранние упоминания мифа о Фаэтоне см. *Hesiod.* Theog. 338; *Aesch.* Fr. 68—73; *Eurip.* Fr. 770—786.

[1] То, что одна из статуй выполнена из олова (ὁ κασσίτερος), вызвано скорее всего идентификацией Κασσιτερίδες с Ἠλεκτρίδες — обе группы островов упоминаются у Геродота (III. 115) (*Jacoby F.* III b (Noten) p. 334).

которых называют электроном (янтарем) [2]; вещество это по виду напоминает камедь, а отвердев, становится как камень. Местные жители собирают его и отправляют в Элладу. К этим-то островам, как рассказывают, и пристал Дедал, а овладев ими, на одном изваял свой образ, на другом — своего сына Икара. Позднее, когда здесь высадились изгнанные из Аргоса пеласги, Дедал покинул свой остров и перебрался на остров Икара.

82. На Сицилии в месте, называемом Энна [1], есть, рассказывают, пещера, вокруг которой в любое время года растет множество цветов, особенно большое пространство сплошь покрыто фиалками, их нежным ароматом напоен окрестный воздух, и даже охотничьи собаки не берут заячьего следа из-за сильного цветочного запаха [2]. В этой пещере скрыта расщелина, через которую, как гласит предание, Плутон похитил Кору. В этом месте, как рассказывают, обнаружили пшеницу, отличную от пшеницы, как произрастающей по соседству, так и привозимой извне; зерна ее необычайной величины. Говорят, что именно здесь, в этом месте, пшеница появилась впервые. Местные жители также претендуют на то, что в их местах родилась богиня Деметра.

83. Говорят, что на Крите не водятся волки, медведи и змеи и вообще дикие звери, поскольку там, по преданию, родился Зевс.

84. Передают, что в море за Геракловыми Столпами карфагеняне обнаружили необитаемый остров, полный всевозможной растительности, полноводных рек, пригодных для навигации, изобилующий удивительными плодами; (остров этот находится) на расстоянии многих дней плавания. Поскольку между карфаге-
837a нами часто возникали столкновения из-за обладания столь счастливым местом,— пока там никто не поселился, карфагенские власти распорядились, чтобы всякий намеревающийся туда отправиться был приговорен к смерти; а также умерщвлены все там уже побывавшие, чтобы предотвратить массовое переселение на остров, дабы не было соперников карфагенскому владычеству и могуществу.

85. Рассказывают, что из Италии к кельтам есть путь, называемый Геракловым; если им пользуются иноземцы из Эллады или из других мест, они находятся под покровительством местных жителей, оберегающих путников от всякой несправедливости; но они же требуют пеню с тех, в чьих краях случилось беззаконие.

86. Сообщают, что в кельтской фармакопее есть некое ядовитое средство, используемое для отравления стрел, оно так и называется токсичным («лучным»); это средство, как рассказывают, столь мгновенно вызывает смерть, что кельтские охотники, пустив стрелу в оленя или какого другого зверя, опрометью мчатся,

---

[2] Ср. миф о сестрах Фаэтона, Гелиадах, которые превратились в тополи на р. Эридан (совр. р. По), а их слезы — в янтарь.

82 Источник: Тимей из Тавромения (= FGrH 566 F 164). Ср. *Diod.* V. 3. 2; *Cic.* Verr. IV. 107; *Ovid.* Met. V. 385; *Plut.* NQ 23. 918 A.

[1] Чтение Ἔνναν согласно Диодору Сицилийскому и Цицерону; ср., однако, Αἴτνην у Плутарха (Aet. Phys. 13. 917 F).

[2] Ср. *Xen.* Kyneg. 5. 5; *Theophr.* de caus. plant. VI. 20. 4.

83 Источник: Феофраст. Ср. Antig. Mir. 10. 2; *Diod.* IV. 17. 3; *Plin.* NH VIII. 227—228; *Ael.* de nat. an. III. 32.

84 Источник: *Тимей из Тавромения* (=FGrH 566 F 164, 19 p. 655 sq.). Ср. *Diod.* V. 19—20. Отрывок примыкает к распространенным в эллинистический период сюжетам об «островах блаженных» (подробнее см. *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. V. I. B., 1870. S. 467 f.).

85 Предполагаемый источник: *Тимей из Тавромения*. О кельтах см. *Эфор* (FGrH 70 F 131 = *Strabo.* IV. 4. 6); *Пс-Скимн.* 183—185 (GGM I. P. 202); *Николай Дамасский.* Собрание удивительных обычаев (FGrH 90. F130 (= F5 P. 150 Giannini): «Кельты занимаются всеми делами общины, имея при себе оружие. Наказание за убийство чужеземца строже, чем за убийство земляка: за чужеземца — смерть, за земляка — изгнание». Ср. мнение Цезаря о германцах (BG. VI. 23. 9).

86 Предполагаемый источник: Тимей из Тавромения. Ср. Celsus V. 27, 3; *Plin.* NH 25. 61; 27. 101.

чтобы успеть вырезать отравленное место, пока яд не проник внутрь и мясо не успело пропитаться ядом. К нему, однако, есть противоядие: дубовая кора; некоторые упоминают листья другого растения, называемого вороньим, так как заметили, что ворон, отравленный ядом, спешит к этому растению и, заглатывая его листья, избегает гибели.

87. В Иберии, как рассказывают, когда пастухи сжигали подлесок, земля так раскалилась под горящими деревьями, что обнажившаяся почва открыла площадку расплавленного серебра; а спустя некоторое время случилось землетрясение и в местах разломов собрали много серебряных слитков, за счет которых массалиоты [1] почти возместили понесенный ими ущерб.

88. На Гимнесийских островах [1], лежащих против Иберии, которые считают величайшими после Семи островов [2], масло получают не из олив, а из терпентинного дерева (теребинта), оно во всех отношениях не уступает оливковому. Рассказывают также, что местные жители там настолько женолюбивы, что в обмен на одну женщину (рабыню) дают торговцу четырех-пятерых мужчин-рабов. Будучи наем-
837b никами в карфагенском войске, на воинское жалование они не покупали ничего, кроме женщин. Ни одному из них не дозволено иметь золотых и серебряных вещей. Добавляют еще, что им возбраняется ношение богатого платья, ведь Геракл некогда начал войну с Иберией, польстившись на богатство тамошних жителей [3].

89. В земле массалиотов возле Лигурии, как передают, есть озеро, вода которого вскипает и переливается через край, выбрасывая такое количество рыбы, что трудно поверить. Когда же начинают дуть этесские ветры, они наносят в озеро груды земли и песка, так что озеро исчезает из виду и становится похожим на твердую поверхность. Тогда местные жители трезубцем достают рыбу из озера, кто сколько хочет.

90. Рассказывают, что некоторые лигурийцы столь искусны в метании пращи, что, видя стаю птиц, договариваются между собой, кому в какую метать, столь совершенно владеют они этим искусством.

91. О них еще также рассказывают, что женщины их рожают детей между делом; искупав новорожденного, они сразу же возвращаются к прерванному труду: копают, мотыжат и выполняют другую работу по хозяйству, которую они обычно делают, когда не рожают.

92. Передают еще нечто диковинное о лигурийцах: говорят, у них есть река, которая несет свои воды столь высоко, что не видно противоположного берега.

---

87 Предполагаемый источник: *Тимей* или *Посидоний*. Ср. *Strabo*. III. 2. 9 со ссылкой на Посидония; *Diod*. V. 35. 3; *Sen*. Ep. 90. 12.

[1] Упоминание массалиотов косвенно указывает на ведущуюся между карфагенянами и иберийцами торговлю серебром, о чем писал Диодор Сицилийский (V 35 3) и что оказало непосредственное влияние на судьбу Массалии, основанной греками в 600 г. до н. э.

88 Источник: Тимей из Тавромения (= FGrH 566 F 65; F 164). Ср. *Strabo*. XIV. 2. 10; *Diod*. V. 17.1—4.

[1] Гимнесийские, т. е. Балеарские о-ва.

[2] Семь островов, по Диодору Сицилийскому и Страбону (или Тимею),— Сицилия, Сардиния, Кипр, Крит, Эвбея, Кирн, Лесбос.

[3] Здесь переосмысление мифа о похищении Гераклом быков Гериона.

89 Предполагаемый источник: Тимей или Посидоний. Ср. *Strabo*. IV. 1. 7. Вообще Ausc. mir. 89—94 текстуально перекликаются со свидетельствами Страбона, использовавшего сочинения Посидония, который в свою очередь, по мнению М. Геффкена, мог использовать в качестве источника Тимея из Тавромения.

90 Источник неясен: Тимей или Посидоний.

91 Источник: *Посидоний* (FGrH 87 F 58 = *Strabo*. III. 4, 17). Ср. *Varro*. De re rust. II. 10, 9; *Diod*. IV. 20, 2—3; *Ael*. de nat. an. VII. 12; *Clem. Alex*. Strom. IV. 8. 62. 2.

92 Предполагаемый источник: Посидоний. Ср. *Strabo*. V. 2, 5.

93. В Тиррении, как рассказывают, есть остров, называемый Эфалией, на этом острове в давние времена добывали медь, которая шла на изготовление всех их медных изделий; постепенно медные рудники истощились; однако с течением времени те же рудники снова наполняются железом, которым и по сей день пользуются тиррены, жители города Популонии.

94. Есть в Тиррении город Энария, превосходно укрепленный; среди города стоит холм высотой в 30 стадий, от вершины до основания покрытый лесом и множеством источников. Передают, что местные жители, опасаясь, как бы среди них
838a не объявился тиран, каждый год избирают правителями отпущенных на свободу домашних рабов, которые ежегодно сменяются.

95. В Кумах, в Италии, показывают подземелье, принадлежащее, видимо, прорицательнице Сивилле, которая, говорят, оставалась непорочной до глубокой старости; была она уроженкой Эритреи, другие уроженцы этих мест называют ее родиной Кумы [1], которой тогда правили Левканы (поэтому и называют ее «меланкрайра») [2]. В тех же местах, около Кум, говорят, есть река Кетос [3], в воде которой, если долгое время что-либо лежит,— вначале как бы обрастает коростой, а затем окаменевает.

96. Рассказывают, что для Алкисфена из Сибариса изготовили столь великолепные одежды, что когда он показался в них на празднике Геры Лакинии [1], куда сходятся все италийцы,— его наряд вызвал самое большое восхищение из всего, что там показывали. Завладев этой одеждой, Дионисий Старший, как рассказывают, продал ее карфагенянам за сто двадцать талантов. Плащ этот был пурпурный, шириной пятнадцать локтей, и каждая сторона его была украшена вытканными фигурами зверей — вверху — из Суз, снизу — из Персии, а посредине — вытканные изображения Зевса, Геры, Фемиды, Афины, Аполлона, Афродиты; на одной поле — Алкисфен, на другой — Сибарис.

97. У Иапигского мыса есть место, где в соответствии с преданием происходила битва Геракла с гигантами; в этом же месте изливается столь мощный поток нхоры, что из-за невыносимо тяжкого этого запаха близлежащие воды (моря) непригодны для судоходства. В Италии, как рассказывают, есть много памятных мест, связанных с именем Геракла и расположенных по пути его следования. А возле Пандосии у Иапигского мыса виден отпечаток ступни бога, на который никто из смертных не смеет ступить.

---

93 Предполагаемый источник: Посидоний. Ср. *Strabo*. V. 2, 6; Serv. ad Verg. Aen. X. 177. Судя по Страбону, различные авторы упоминали о диковинном наполнении рудой или камнем истощенных рудников на Родосе, Паросе, в Индии) — весьма распространенное в древности представление; среди этих авторов были и римские анналисты (*Cato*. Origines. Fr. 93). Тем не менее во фрагменте Тимея об Эфалии ничего подобного не сообщается (FGrH 566 F 164 = *Diod*. V. 13, 1—2). См. также *Beck*. Op.cit. S. 474.

94 Предполагаемый источник: Посидоний. Ср. *Strabo*. V. 2, 6.

95 Предполагаемый источник: Тимей из Тавромения (*Jacoby F*. FGrH III (Noten). P. 353). Ср. *Lycophr*. Alex. 1278 sq.

[1] Ср. Serv. ad Verg. Aen. VI. 321 о том, что Кумская Сивилла была уроженкой Эритреи. См. также *Rzach A*. // RE. 1923. II. A 2. S. 2073 f. S. v. Sibyllen.

[2] Возможно, эпоним Сивиллы («Меланкрайра») ассоциировался с черным цветом покрывала (τό κάλυμμα), окутывающего ее во время религиозного действа. Ср. *Diels H*. Sibyllinische Blatter. B., 1890. S. 123. Anm. 1.

[3] Имеется в виду река Силарий (*Strabo*. V. 4, 13; Sil. It. VIII. 580).

96 Источник: Тимей из Тавромения (FGrH 566 F 9 = *Athen*. XII. 541 C). Ср. Timaeus F 48; 50—52, а также *Polemon*. Περὶ πέπλων (fr. 85 Preller — о гиматии Алкисфена из Сибариса).

[1] Эпитет Геры происходит из-за расположенного неподалеку от Сибариса мыса Лакинион. О Гере Лакинии см. *Roscher H*. Ausführliche Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. V. I. 2. S. 2086 f.

97 Предполагаемый источник: *Тимей из Тавромения*. Ср. *Strabo*. VI. 3. 5; *Paus*. IV.35.9. Тимей в отличие от Псевдо-Аристотеля локализует битву Геракла с гигантами у Кум (FGrH 566 F 89 = *Diod*. IV. 21. 5—7).

838b 98. Есть еще камень возле Иапигского мыса, довольно большой, размером с повозку, этот камень, говорят, Геракл поднял и передвинул, причем одним пальцем.

99. В городе орхоменцев в Беотии была замечена лиса; преследуемая собаками, она нырнула в подземелье, собаки за ней, а затем собаки подняли такой громкий лай, что казалось, будто он исходил из открытого места; охотники, заподозрив в этом божественное знамение, разобрали проход и протиснулись внутрь; сквозь щели туда проникал свет, так что все хорошо различили то, что было внутри; выбравшись наружу, они пошли и доложили обо всем властям.

100. На острове Сардиния, как рассказывают, множество великолепных строений древнеэллинского образца и среди них толос, сплошь покрытый орнаментом; это сооружение построил Иолай, сын Ификла, когда он вместе с Феспидами, потомками Геракла, прибыл в эти края, чтобы основать здесь колонию. Он считал остров своим, так как был в родственных отношениях с Гераклом, господствующим над всем западным побережьем. Раньше этот остров по единодушному свидетельству многих (авторов) назывался Ихнуссой[1], поскольку его очертания напоминают очертания ступни человека (греч. τὸ ἴχνος); говорят, до недавнего времени он был процветающим и плодородным. Земли эти, как гласит предание, приобрел и возделывал Аристей, один из лучших земледельцев древности, и прежде остров населяло множество крупной птицы[2]. Сейчас он пустынен, потому что овладевшие островом карфагеняне истребили все плодоносящие растения и под страхом смертной казни запретили местным жителям разводить их вновь.

101. На одном из семи Эоловых островов, Липаре, как передают, есть гробница, возле которой творится много странного; сообщают, например, что небезопасно приближаться к этому месту ночью: оттуда доносятся звуки тимпанов и кимвалов, громкий смех и стук трещотки. Рассказывают еще более невероятное про 839a эту гробницу: однажды ночью там уснул какой-то пьяный, домашние искали его три дня и на четвертый, найдя его мертвым, снесли в усыпальницу. По свершении обычных обрядов покойный внезапно восстал и поведал о том, что с ним приключилось. И хотя нам это представляется слишком похожим на вымысел [1], не следует тем не менее пренебрегать даже и столь необычным сообщением, коль скоро дело идет об описании этого места.

---

98 Предполагаемый источник: Тимей из Тавромения. Продолжение темы предшествующей главы (Геракл в Италии).

99 Источник неизвестен. Параллельные места к тексту отсутствуют. См. *Müllenhoff*. Op. cit. S. 427.

100 Источник: Тимей из Тавромения (FGrH 566 F 15 = *Diod.* IV. 29—30. 82; V. 15). Ср. также FGrH 566. F 64 = Schol. Platon in Rep. 337 A. P. 192 Greene; Schol. Dion Per. 458; *Strabo*. V. 2. 7; *Paus.* X. 17. Упоминаемые в тексте «строения древнеэллинского образца» в действительности так называемые нураги — надгробные сооружения из камня высотой до 20 м, в поперечнике до 30 м, с внутренними помещениями (см. *Nissen H.* Italische Landeskunde. V. I. B., 1883. S. 360). Название «нураги», видимо, восходит к имени мифического Норакса (ср. *Sall.* Fr. Hist. II. 4). Очевидно, что уже Псевдо-Аристотель, называющий мифического Иолая строителем нурагов, плохо представлял назначение этих сооружений. В тексте Диодора Сицилийского они фигурируют в качестве гимнасиев и храмов; Диодор отмечает, что построил их Дедал по приказанию Иолая (IV. 30.1; V. 15. 2). О связях между финикийцами и нурагической культурой, появившейся на о-ве Сардиния ок. 1500 г. до н. э., см. *Ильинская Л. С.* Финикийцы на Сицилии // ВДИ. 1987. № 1. С. 51.

[1] Первоначальное название Сардинии (ср. Сардон, сын Геракла,— Schol. Dion. 458). См. *Plin.* NH. III. 85 (= FGrH 566. F 66); *Müllenhoff*. Op. cit. S. 455 f.; *Jacoby F.* FGrH III b (Noten). S. 567.

[2] В данном случае миф об Аристее — божестве лесов и полей (ср. *Diod.* IV. 82) — связывается с колонизацией Гераклидов и Феспидов под предводительством Иолая. См. *Nink M.* Die Entdeckung von Europa durch die Griechen, Basel, 1945. S. 167 f.

101 Источник: Тимей из Тавромения. Ср. FGrH 566 F 164; 10.

[1] Ср. схожее замечание у Тимея (F 58) и Диодора Сицилийского (IV. 76. 6).

102. Возле Кум в Италии есть озеро Аверн [1], ничем как будто бы не примечательное. Вокруг расположены холмы не менее трех стадий высотой, а самое озеро, имеющее форму круга, неимоверной глубины; и вот что удивительно: хотя над ним склоняются густые кроны деревьев, никто не видел листа на его поверхности, а вода настолько прозрачна, что по размышлении это вызывает удивление.

Неподалеку оттуда во многих местах бьют горячие источники, и (потому) вся эта местность называется Пирифлегетонтом [2]. Но то, что птицы будто бы не пролетают над этими местами,— ложь, кто там побывал, утверждают, что там водится много лебедей.

103. Острова Сирен, как сообщают, расположены как раз вдоль горной гряды, отделяющей залив, окружающий Кумы, от Посидонийского залива; на этих островах воздвигли святилище Сиренам [1], которых местные жители почитают и устраивают в их честь празднества; в память о них один день празднества зовется именем Парфеномы, другой — Левкосии, третий — Лигии («Сладкозвучной»).

104. Как рассказывают, между Менторикой и Истрией есть гора Дельфий с высокой вершиной. Поднявшись на вершину, менторы [1], жители Адриатического побережья, отчетливо видят суда, направляющиеся в Понт; приблизительно в се-
839b редине между Менторикой и Истрией есть место, где устраивают общий рынок; товары с Лесбоса, Хиоса и Фасоса жители покупают у торговцев, пришедших с Понта, а Коркирские амфоры — у купцов, пришедших из Адриатики.

105. Вытекая из лесов, называемых Геркинскими [1], Истр разделяется и, как считают, одна часть его впадает в Понт, а другая — в Адриатическое море. Подтверждение тому, что Истр в этих местах судоходен, можно найти не только в наши дни, но и в древности; ведь Ясон, как рассказывают, входил в Понт у Кианейских скал, а возвратный путь проделал через Истр; приводят немало и других свидетельств: в этих местах особенно много алтарей, сооруженных Ясоном, а на одном из островов Адриатики есть храм Артемиды, возведенный Медеей. К этому добавляют, что Ясон не смог бы миновать так называемые Планкты иначе, как отправившись в возвратный путь с этого места (то есть через дельту Истра).

На острове Эфалия [2], что лежит в Тирренском море, показывают другие памятные свидетельства, оставленные этими героями, одно из них можно назвать «свидетельством камней»: на морском берегу, как рассказывают, есть камни не-

---

102 Источник: *Тимей из Тавромения* (FGrH 566 F 57 = Antig. Mir. 152 b). Ср. *Parad.* Flor. 22 (p. 320 Giannini); Parad. Vat. 13 (p. 334 Giannini).

[1] Представление об Авернском озере, которое является преддверием Тартара и над которым не пролетает ни одна птица, см. особенно у римских поэтов (ср. *Verg.* Aen. VI. 237 sq.). См. также *Oehler.* Op. cit. S. 97.

[2] Ср. *Strabo.* V. 4. 5; см. *Wüst E.* // RE. 1963. XXIV. S. 53. S. v. Pyriphlegeton.

103 Источник: Тимей из Тавромения. Ср. FGrH 566 F 98. Об островах Сирен см. *Strabo.* I. 2. 12.

[1] О храме Сирен см. *Pais E.* The Temple of the Sirens in the Sorrentine Peninsula // AJA. 1905. 9. P. 1—2; *Mingazzini P., Pfister F.* Forma Italiae. Regio I. V. II (Surrentum). Firenze, 1946. P. 45 f.

104 Источник неясен. Ср. Феопомп (FGrH 115, F. 129 = *Strabo.* VII. 5. 9). См. *Pomp. Mela.* II. 2; *Osann E.* Über Pseudo-Aristot. ausc. mirab. 104 // Philologus. 1848. № 3. S. 324 f.

[1] Либурны, населявшие северо-восточное побережье Адриатики; см. *Fluß* // RE. 1931. XV. 1. S. 967. S. v. Mentores.

105 Источник неясен. Ср. Феопомп (FGrH 115 F 129) и Тимей (FGrH 566 F 85 = = *Diod.* IV. 56. 3). В данной главе Псевдо-Аристотель возражает против идентификации Планктов, находящихся в Мессинском заливе (ср. Tim. F 86) с Симлегадами (= Кианейскими скалами), расположенными на Боспоре Фракийском. О возвратном пути Ясона см. *Herod.* IV. 85; *Eur.* Med. 2; *Strabo.* I. 2. 10; *Bacon J. R.* The Voyage of the Argonauts. L., 1925.

[1] Т. е. Тюрингские леса.

[2] О-в Эльба.

обычной окраски, а эллины, населяющие этот остров, утверждают, что окраску свою камни получили от пролитого масла, которым умащались герои; еще добавляют, что таких камней не встречали никогда прежде и не видели потом. Приводят еще более убедительное подтверждение: рассказывают, что в возвратный путь герои пустились, минуя Симплегады, при этом ссылаются на свидетельство самого поэта: имея в виду непреодолимую опасность, он утверждает, что нельзя миновать это место (Симплегады):

Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море [3].

840a Здесь не говорится, что пламя бушует вокруг Кианейских скал: оно бесчинствует по обеим сторонам пролива, отделяющего Сицилию (от Италии) и остров часто выгорает еще и от лавы, извергающейся с Этны.

106. Рассказывают, что в Таренте в определенное время приносят жертву потомкам Атрея, Тидида, Эака и Лаэрта, потомкам же Агамемнона отдельно приносят жертву в особый день, и среди женщин есть обычай не вкушать в этот день от принесенной жертвы. Есть у них и храм Ахилла. Сообщают также, что до того, как тарентинцы захватили теперешнюю свою территорию, земля эта называлась Гераклеей, а до этого — когда ею владели понийцы — Полиэйон, а еще раньше этой местностью владели троянцы и она называлась Сирис [1].

107. У сибаритов, как рассказывают, почитали Филоктета; ведь когда он возвратился из-под Трои, то основал поселение в месте, называемом Макалла в окрестностях Кротона, в 120 стадиях от города: передают также, что он принес в дар Аполлону Морскому [1] лук Геракла, а оттуда уже, как рассказывают, кротонцы во время расцвета их владычества перенесли лук в свой храм Аполлона. Сообщают также, что захоронили Филоктета на берегу реки Сибарис после того, как он помог родосцам, поселившимся в этих местах вместе с Тлеполемом, предварительно разбив варваров, населявших эти земли.

108. В италийском местечке Лагария близ Метапонта, как говорят, есть храм Афины Эйлении [1], где ей посвящены инструменты Эпея, с помощью которых он соорудил деревянного коня, отсюда происходит эпоним богини. Вооруженная палицей, *Афина явилась ему во сне, потребовав принести ей в дар инструменты*, и что будто, обнаружив, что он замешкался, она преградила (εἰλεῖσθαι) ему путь в этом месте, дабы не смог он поднять паруса — отсюда получил название и храм Афины Эйлении.

---

[3] *Hom.* Od. XII. 67—68 (пер. В. А. Жуковского).

106 Источник: *Тимей из Тавромения*. Ср. FGrH 566 F 51 = *Athen.* XII. 25. P. 523 C об основании Тарента выходцами из Трои.

[1] Ср. *Strabo.* VI. 1. 14; Schol. Lycophr. Alex. 978; *Steph. Bys.* S. v. Πολίειον и s. v. Σῖρις.

107 Источник: *Тимей из Тавромения*. Ср. *Lycophr.* Alex. 911—929 о Филоктете и сохранившиеся фрагменты Тимея о сибаритах (F 44 —50). Различные версии судьбы Филоктета в Италии см. *Fiehn* // RE. 1938. XIX. 2. S. 2507. S. v. Philoktetos.

[1] Об Аполлоне Алее см. *Wernicke* // RE. 1895. II. 1. S. 42. S. v. Apollon.

108 Источник: Тимей из Тавромения. Ср. *Lycophr.* Alex. 930—950 (Эпей посвятил свои инструменты Афине, поскольку она помогла ему при постройке деревянного коня).

[1] О культе Афины Эйлении см. *Jessen* // RE. 1905. V. 2. S. 2111. S. v. Eilenia. Суда (s. v. Εἰλενία) отмечает, что Филоктет посвятил храм Афине Эйлении после того, как долгое время успешно оказывал сопротивление неприятелю. У Псевдо-Аристотеля функции Филоктета перенял Эпей (связь с которым через Ausc. mir. 107). Эпей известен как основатель Метапонта (*Pomp. Trog. Iustin.* II. 2; *Vell. Paterc.* I. 1. 1) и Лагарии (*Lycophr.* 930; *Strabo.* VI. 1. 14).

840b 109. В месте, называемом Давния, есть храм Афины Ахейской, этому храму посвящены бронзовые секиры и оружие Диомеда и его спутников. В этом месте, как рассказывают, водятся собаки, не причиняющие вреда прибывающим сюда эллинам; напротив, они ластятся к ним, как к добрым друзьям. Все жители Давнии и их соседи — мужчины и женщины — носят черные одежды, видимо, по следующей причине: привезенные в эти места троянские пленницы, как говорит предание, стремясь избежать унизительного рабства в услужении оставшихся на родине жен эллинов-победителей, сожгли, как рассказывают, все корабли, чтобы эллины, принужденные остаться на месте, взяли их в жены; об этом прекрасно рассказал поэт [1]: женщины эти, как можно видеть, действительно «длинноодеждые» и «полногрудые».

110. У певкетинов [1], как рассказывают, есть святилище Артемиды, славное надписью «Диомед — Артемиде». Передают, что с такой надписью Диомед посвятил Артемиде бронзовое ожерелье. Предание гласит, что Диомед некогда обвил им шею оленя, и ожерелье, растянувшись, увеличилось в размерах, так его и обнаружил Агафокл, царь сицилийцев [2], а потом, как рассказывают, принес в дар храму (Зевса) [3].

111. На мысе Пелориада в Сицилии, как говорят, вырастают такие огромные крокусы, что среди эллинов, населяющих эти места, никто не знает, что это за цветы, но всякий раз в период цветения берут с собой на мыс повозку и, нагрузив ее цветами, делают затем из этих крокусов ложа и настилы.

112. Поликрит [1], написавший эпическую поэму о Сицилии, говорит, что в глубине острова есть озерцо, очертаниями напоминающее щит; вода в нем прозрачная, но как бы тронутая рябью. Если кто вступит в него, желая умыться, оно увеличивается вширь и если еще кто-либо войдет в воду, озеро становится
841a еще шире. Наибольшей ширины озеро достигает, приняв пятьдесят человек. После этого вода вздымается со дна и выбрасывает купальщиков на сушу; сразу после этого озеро вновь обретает прежние размеры и очертания. Это происходит не только с людьми, но и с четвероногими, забредшими в воду.

113. Рассказывают, что во владениях Карфагена есть гора, называемая Уранний, богатая разнообразными породами леса, а также великим множеством цветов,

---

109 Источник: Тимей из Тавромения. Ср. FGrH 566 F 55; *Ps.-Arist.* Ausc. mir. 79; *Strabo.* VI. 3. 9; *Plut.* de mul. virt. I. 243 E — F. Миф о сожжении кораблей плененными троянками связывается у Дионисия Галикарнасского с основанием Рима (Ant. Rom. I. 72).

[1] *Hom.* Il. VI. 442; XVIII. 122.

110 Источник: Тимей из Тавромения. Основным источником 19—20 книг Диодора Сицилийского, в которых говорится о тирании Агафокла, был Тимей (*Flashar.* Op. cit. S. 126).

[1] Певкетины населяли Апулию.

[2] Агафокл Сиракузский принял титул царя (βασιλεύς) ок. 304 г. до н. э. (*Polyb.* XV. 35. 7; *Diod.* XXI. 2. 1; *Liv.* XXVIII. 43. 21).

[3] F. C. Matthiae предлагает читать вместо τοῦ Διός—τῆς θεοῦ, поскольку ожерелье хранилось, как видно из текста, в святилище Артемиды.

111 Источник: *Лик из Регия.* О Сицилии (см. *Müllenhoff.* Op. cit. S. 436).

112 Источник: Лик из Регия. См. *Jacoby F.* FGrH III b (Kommentar). P. 517. Ср. также Parad. Flor. 30 (p. 324 Giannini); *Antig.* Mir. 150; *Strabo.* VI. 2. 9; *Sen.* NQ III. 25, 5; *Plin.* NH 31. 22; *Ps.-Paul. Sil.* de therm. Pyth. 129—138; Philosteph. Περὶ παραδόξων ποταμῶν 8 (p. 23 Giannini). См. *Headlam W.* A Marvellous Pool // ClR. 1905. 19. P. 439.

[1] Врач Поликрит (FGrH 559 F 2), автор эпической поэмы о Сицилии, состоял на службе у Дионисия Младшего.

113 Источник: Лик из Регия (FGrH 570 F 9), Мюллендорф (Op. cit. S. 436 f.) полагает, что в этой главе, как и в предыдущей, Псевдо-Аристотель основывается на тексте Лика, а тот в свою очередь использует поэму Поликрита. Ср. Parad. Flor. 29; *Theophr.* Fr. 159; *Vitruv.* VIII. 3. 8; *Plin.* NH 35. 179; *Diosc.* de mat. med. I. 73; *Solin.* V. 22.

так что благодатное это место и аромат цветущих растений привлекают толпы путешественников. В этом месте, как сообщают, бьет ароматный масляный ключ, запах которого напоминает запах кедровой смолы. Если подходящий к нему человек непорочного поведения,— ключ бьет бурлящей струей, как бы делая это очевидным для всех.

114. Рядом с этим источником, как рассказывают, есть природная скала и довольно большая. Летом, как говорят, из нее вырываются языки пламени, а зимой на том же месте струится вода, настолько холодная, что если сравнивать ее со снегом, нельзя почувствовать разницы. Все это происходит на открытом месте и не в короткий промежуток времени: пламя пылает в течение всего лета, а вода сочится всю зиму.

115. Рассказывают, что в области синтов и медов во Фракии есть река, называемая Понтом; течение ее приносит некие тлеющие камни, отличные, однако, от тлеющих древесных углей. Подожженные, они быстро угасают, а обрызганные водой — возгораются сильнее и пылают ярче. Когда горят, они очень напоминают битум и распространяют зловонный и резкий запах, который не может вынести
841b никакое животное.

116. Еще сообщают, что в тех же краях есть место, не очень уж и большое, стадий около двадцати, где родится ячмень, пригодный в пищу для человека, но совершенно не пригодный для лошадей, домашнего скота и других животных, которые отказываются его есть. Ни одна свинья и ни одна собака не притронется к испражнениям человека, отведавшего лепешек или хлеба из этого ячменя из-за их резкого запаха [1].

117. В Скотуссах, в Фессалии, есть, говорят, небольшой источник, вода которого способствует скорому заживлению ран и переломов у людей и вьючных животных; если в источник поместить надломленный деревянный предмет, он срастется и примет прежние формы.

118. Во Фракии возле Амфиполя можно наблюдать небывалые и даже невероятные вещи для тех, кто при этом не присутствовал. Юноши из окрестных селений, сойдясь поохотиться на мелких птиц, берут себе в помощники соколов и поступают следующим образом: найдя подходящее место, они громкими голосами выкликают своих птиц по кличкам; заслыша голоса хозяев, те нападают на мелких птиц, которые в панике разлетаются, укрываясь на ближайших ветках. Там их и ловят охотники, сбивая палками на землю. Но что еще удивительнее: поймав самостоятельно какую-либо птицу, соколы несут ее охотникам, а те в свою очередь, выделив им долю от пойманной добычи, отправляются по домам.

119. А вот еще удивительную вещь, как рассказывают, можно наблюдать у енетов: огромное множество галок опустошает их поля, склевывая посевы; когда галки готовятся к перелету, енеты на границах своих полей рассыпают для них

---

114 Источник: Лик из Регия. Ср. *Antig.* Mir. 139.

115 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 268). Ср. *Antig.* Mir. 136; *Theophr.* de lapid. 12; *Diosc.* V. 147; *Alex. Aphr.* Probl. II. 64; *Plin.* NH 33. 94; *Nicander.* Ther. 45.

116 Источник: Феопомп. Ср. *Theophr.* de odor. 4.

[1] Конец фразы испорчен: здесь принято чтение Jannini (τῷ ἐπόζειν); другие чтения: τῷ θνήσκειν (Sylburg, Heyne) и διὰ τό θνήσκειν (Beckmann) («потому что они [животные] затем погибают»).

117 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 271). Ср. *Antig.* Mir. 142; *Plin.* NH 31. 17; Parad. Flor. IX; *Ps.-Paul. Sil.* de therm. Pyth. 108 sq. См. упоминание жреца Асклепия в Скотуссах в надписи (IG. IX. 2. 397).

118 Источник: *Аристотель.* История животных IX. 620 a 33 — 620 b (соответственно *Феофраст.* О нравах и разумении животных). Ср. *Antig.* Mir. 28; *Plin.* NH X. 23; *Ael.* de nat. an. II. 42.

119 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 274). См. *Jacoby F.* III b (Kommentar). P. 600. Ср. *Antig.* Mir. 173; *Ael.* de nat. an. XVIII. 16.

зерно всех видов: если галки принимают эти дары, они не прилетают на их земли
842a и енеты могут быть спокойны, если же птицы приготовленное для них зерно не клюют, енеты ждут их так, будто готовятся к нашествию врага.

120. На Фракийской Халкидике близ города Олинф есть, как рассказывают, место, называемое Кантаролетр, площадь его не больше гумна; всякий зверь, случайно оказавшись поблизости, бежит от этого места, однако ни один жук-скарабей не минует его, но будет кружить и кружить, пока не умрет от истощения.

121. У кинхропов во Фракии есть небольшой источник, вода которого на вид чиста и прозрачна и не отличается от простой воды, однако всякое животное, испив ее, немедленно погибает.

122. Говорят, в Крастонии, в области бисальтов у пойманных зайцев обнаруживали по две печени. Есть там и место шириною около плетра, ступив на которое всякое животное сразу же погибает. Еще там есть большой и великолепный храм Диониса. Когда во время жертвоприношений и праздников бога вопрошают, будет ли год счастливым, над святилищем появляются всполохи небесного огня, которые наблюдают все собравшиеся у храма; если же предстоит неурожайный год, этого свечения не бывает и как бы ночная мгла опускается на землю.

123. В Элиде приблизительно в восьми стадиях от города есть, как рассказывают, помещение, куда во время Дионисийских празднеств помещают три пустых медных сосуда. После этого приглашают кого-либо из прибывших на празднества эллинов осмотреть сосуды и запечатывают помещение. Когда приходят открыть запоры, показывают горожанам и гостям нетронутые пломбы, затем открывают двери. Взору вошедших предстают сосуды, наполненные вином, при том, что потолок и стены в целости и сохранности, так что ни у кого не возникает подозрения, в том, что это как-то подстроено [1]. Еще рассказывают, что коршуны в
842b этих местах иногда вырывают куски мяса прямо из-под носа торговцев, волокущих туши на рынок, но не притрагиваются к жертве, посвященной богу [2].

124. Говорят, в Коронейе в Беотии не могут жить кроты, они не могут рыть землю, а в других местах Беотии их великое множество.

125. В Лузах в Аркадии, как рассказывают, есть источник, в котором выводятся мыши-полевки и ведут (присущий водоплавающим) образ жизни. То же рассказывают и про Лампсак.

126. В городе Кранионе в Фессалии, как сообщают, обитает всего два ворона. Выведя потомство, они, очевидно, покидают город, оставляя из молодняка только двух птиц.

---

120 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 266). Ср. *Antig.* Mir. 14: *Strabo*, VII. Fr. 30; *Plin.* NH XI. 99; *Plut.* de an. tranq. 15. 473 E. См. также *Sundervall C. J.* Die Thierarten des Aristoteles. Stockholm, 1863. S. 192.

121 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 270). Ср. *Antig.* Mir. 141; Parad. Vat. 38; *Vitruv.* VIII. 3. 15; *Plin.* NH 31. 27.

122 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 126). Ср. *Arist. HA.* II.17. 507 a 17; de part. an. III 7. 669b 34 sq.; *Plin.* NH. XI.37; *Athen.* IX.63, 401 AB; *Ael.* de nat. an. V. 27; *Gell.* XVI.15.1; *Steph. Byz.* S. v. Βισαλτία.

123 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 277). Ср. *Athen.* I. 61.34A; *Paus.* VI. 26.1. См. *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. V. I. München, 1967. S. 573, 590.

[1] Герон Александрийский дает описание конструкции, с помощью которой могло осуществляться подобное «чудо» (Pneumat. II. 19—20. P. 256 sq. Schmidt).

[2] Ср. *Apollon.* Mir. 10; *Plin.* NH X. 28; *Ael.* de nat. an II. 47; *Paus.* V. 14.1.

124 Источник: Феопомп. Ср. *Arist. HA* VIII.28.605 b 31—606 a 2; *Plin.* NH VIII. 226; *Ael.* de nat. an. XVII.10.

125 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 269). Ср. *Antig.* Mir. 137; Parad. Flor. X; *Plin.* NH 31.14.

126 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 267). Ср. *Arist. HA* IX.31. 618 b 9—12; *Antig.* Mir. 15; *Plin.* NH X.31; *Ael.* de nat. an. II.49; *Steph. Byz.* S. v.

127. В Аполлонии по соседству с областью атинтанов добывают из земли горную смолу и нефть, которая пробивается на поверхность подобно родниковой воде; она ничем не отличается от македонской нефти, только чернее и гуще. Невдалеке отсюда пылает неугасимый огонь, как утверждают местные жители. Охваченное огнем пространство невелико, примерно шириной в пять застольных лож; огонь распространяет запах серы и смолы, но удивительнее всего, что вокруг пышно разрослась трава и деревья зеленеют не далее, чем в четырех локтях от огня. Неугасимые огни есть и в Ликии и вблизи Мегалополя в Пелопоннесе [1].

128. Передают, что в Иллирии домашний скот приносит по два приплода в год, овцы котятся чаще всего двойней, а иногда тремя-четырьмя ягнятами, а бывало, что и по пять и даже больше, приплод их впоследствии дает до полуконгия молока [1]. Добавляют еще, что куры их несутся не один раз в день, как везде, но три-четыре раза [2].

129. И в Пеонии дикие быки гораздо крупнее, чем в других местах, а рога их вмещают по четыре конгия и больше.

843a 130. О том, что в Сицилийском проливе много необычного, писали многие авторы, вот и этот [1] описывает поразительное зрелище. Течение Тирренского моря вызывает большое волнение у побережья мысов — и с сицилийской стороны, и у италийского мыса, называемого Регием; приносимое с широкого пространства в узкий пролив, морское течение оказывается резко сжатым. Волны вздымаются на большую высоту с ужасным стоном, разносимым далеко отсюда, когда их подбрасывает над проливом, они видны на большом расстоянии; это не похоже на обычное сильное волнение на море, когда клубящаяся влага становится белой и дымящейся, это скорее напоминает грозный вал, вызванный ураганом. Иногда валы сшибаются с устрашающим треском, окатывая оба мыса, и сходятся вновь с таким непереносимым грохотом, который трудно описать и невозможно слушать; столкновение сходящихся громад, когда они раскалываются,— зрелище столь жуткое для береговых наблюдателей, что многие погибают, в помрачении падая вниз. Достигши высоты прибрежных скал, волны вновь низвергаются, и тогда стремительный морской поток вскипает, рыча в бешеном водовороте, а поднимающаяся пучина отливает множеством цветов: темным, темно-синим, а чаще пурпурным. Зрелище и особенно водоворот этот не может вынести никакой зверь, не может ни видеть, ни слышать, ни оставаться спокойным, все звери устремляются вниз к (противоположному) подножию горы. Когда же кипение утихает, образуется воронка из крутящихся вихрей, и кажется, будто страшный смерч или извивания гигантского дракона вызвали к жизни это непрестанное верчение.

843b 131. Рассказывают, что когда афиняне возводили храм Деметре на Элевсине, то среди камней обнаружили медную стелу с надписью «Надгробие Дейопы» [1]; по одной версии она была супругой Мусея, по другой — матерью Триптолема.

---

127 Источник: Феопомп (FGrH 115 F 320). Ср. *Plin.* NH XVI.59; *Vitruv.* VIII.3.9; *Ael.* VH XIII.16.

[1] Ср. *Antig.* Mir. 166; *Plin.* NH V.100.

128 Источник: Феопомп. Ср. FGrH 115 F 130. См. также Ausc. mir. 80; *Steph. Byz.* S. v. Ἀδρία.

[1] Т. е. около 1,5 литра.

[2] Ср. *Arist.* de gen. an. III.1.749 b 29; *HA* VI.1 558 b 16.

129 Предполагаемый источник: *Феопомп.* Ср. Ausc. mir. 1.

130 Предполагаемый источник: Лик из Регия. Патетическое описание вызывает предположение Г. Фласхара (S. 136), что Лик из Регия пересказал отрывок поэмы Поликрита о Сицилии. Ср. также *Strabo.* I.3.12 со ссылкой на Эратосфена.

[1] οὗτος (=Λύκος?).

131 Источник неизвестен.

[1] Ср. *Paus.* I.14.1.

132. На одном из так называемых Эоловых островов, как говорят, растет множество финиковых пальм, отчего он и зовется Финикуса (Пальмовый остров). При этом кажется сомнительным утверждение Каллисфена, что деревья эти получили название от финикийцев, населявших побережье острова; некоторые, впрочем, утверждают, что «жестокими», то есть «финикийцами», их нарекли эллины, потому что, первыми открыв море (люди эти), куда бы ни пристали, убивали и уничтожали всех без разбора, а на языке перребов [1] «проливающие кровь» звучит как «фойниксай».

133. В области энианов неподалеку от Гипаты была обнаружена, как рассказывают, древняя стела со старинными письменами; намереваясь узнать их происхождение, энианы решили переправить ее в Афины. Следуя через Беотию, посланцы посвятили в дело чужестранных попутчиков и получили совет направиться в храм Аполлона Исмения в Фивах, где скорее всего можно было прочесть надпись, поскольку в храме этом есть древняя посвятительная надпись, очертаниями схожая с их письменами [1]. Исследовав надпись, они, как рассказывают, сумели прочесть то, что там написано, получив следующие стихи:

Геракл посвятил рощу лучистой богине Кифере,
Гоня стала Гериона и Эрифии; здесь объят я был страстью
к лучистой богине.
Здесь моя супруга нимфа Эрифа родила мне сына Эрифа;
Ей подарил я землю в память о любви в тенистой буковой роще.

844a Этой надписи соответствует и место, называемое Эрифом, и именно отсюда гнал быков Геракл, а не из Эрифеи; ведь местность Эрифея не встречается, как сообщают, ни в Ливии, ни в Иберии.

134. В Ливии, в так называемой Утике, которая расположена, передают, у залива между мысом Гермием и Гиппоном, примерно в 200 стадиях от Карфагена и основана на 287 лет раньше (Карфагена), как сообщают финикийские исторические хроники, так вот там, рассказывают, на глубине трех сажен добывают ископаемую соль, белую и не твердую, но похожую на вязкую смолу; помещенная на солнце, она загустевает и становится похожей на паросский мрамор. Из нее, как говорят, изготовляют различные фигурки животных и другие резные поделки.

135. Первые финикийцы, прибывшие в Тартесс, вывезли оттуда, рассказывают, столько серебра в обмен на оливковое масло и всякие морские побрякушки, сколько в состоянии были погрузить на корабли; вернувшись оттуда, не только повседневную утварь, но даже и якоря отливали они из серебра.

136. Рассказывают, что финикийцы, населявшие Гадиры, плавая за Геракловы Столпы на расстояние четырех дней пути при восточном ветре, приставали к каким-то необитаемым землям, заросшим ситником и морскими водорослями; во вре-

---

132 Источник: Тимей из Тавромения. Автор оспаривает утверждение Каллисфена (FGrH 124 F 42) о связи названия острова с финикийцами.

[1] Перребы — ахейцы, населявшие в древности Фессалию; см. *Lenk B.* // RE. 1937. XIX. 1. S. 906 f. S. v. Perrhaebi.

133 Источник: *Тимей из Тавромения* (FGrH 566 F 67 = *Plin.* NH IV.120). Древняя надпись, найденная в Эпире, где проживали энианы, свидетельствует о том, по мнению автора, что Геракл почитался у энианов в качестве героя.

[1] Ср. *Herod.* V. 59—61.

134 Источник: *Тимей из Тавромения* (FGrH 566 F 81). В этой главе упоминаются письменные финикийские источники, которые косвенно фигурируют в главах 132, 134—136. Ср. *Plin.* NH 31.81; *Solin.* 5.18.

135 Источник: Тимей из Тавромения. Ср. *Diod.* V. 35.4; *Strabo.* III.2.11; *Steph. Byz.* S. v. Ταρτησσός.

136 Источник: Тимей из Тавромения (FGrH 566 F 164). Об основании Гадир и плавании финикийцев за Геракловы Столпы см. *Diod.* V. 2.20; p. *Athen.* VII. 315 C.

мя отлива суша обнажалась, а во время прилива накрывалась водой; там они обнаружили огромное множество тунца невероятной величины и веса, остававшегося на суше после отлива; засолив и уложив в сосуды, они доставляли их в Карфаген. Эту рыбу, единственную, карфагеняне не сделали товаром на вывоз, но из-за превосходных ее вкусовых качеств употребляли в пищу только для себя.

344b 137. Возле города Педасы в Карии, совершая жертвоприношения Зевсу, во время торжественной процессии ведут козу, которая ведет себя достойным удивления образом. Во время пути от города расстоянием в семьдесят стадий [1], шествуя сквозь толпу наблюдателей, она не шарахается в стороны, но, не сбиваясь с пути, следует на привязи перед предводителем процессии. Там еще замечательно то, что у храма Зевса обитают только два ворона, и уже никакой другой к этому месту не приближается, у одного из них на шее белая отметина [2].

138. У иллирийцев, называемых ардиеями, как раз вдоль границы их с автариатами, тянется узкая долина, над которой возвышается высокая гора; с этой горы изливается источник, но не во всякое время года одинаково, но обильнее всего весной; собирая эту воду, местные жители днем держат ее в закрытых сосудах, а ночью — открывают. По прошествии пяти или шести дней вода эта затвердевает и превращается в превосходную соль, которую предназначают специально для скота, ведь они не ввозят извне соль, поскольку живут вдали от побережья и не общаются с другими племенами. Вот почему им нужно много соли. Эту соль скармливают скоту дважды в год, а когда соли недостает, большая часть животных погибает.

139. Рассказывают, что в Аргосе есть разновидность саранчи, называемой «скорпионоборцы». Завидев скорпиона, эта саранча сейчас же к нему устремляется, так же поступает и скорпион. Летая кругами над скорпионом, она стрекочет; скорпион, кружась на месте, изготавливается, чтобы ее ужалить, и так, поворачиваясь за саранчой, он постепенно выпускает жало во всю длину. Тогда саранча опускается и перекусывает жало скорпиона. Говорят, съесть такую саранчу — хорошее средство против укуса скорпиона.

140. Осы острова Наксос, наевшись мяса гадюк (до коего они, похоже, большие охотники), если укусят кого-либо, то укус этот вызывает такие страдания, которые хуже укуса самой гадюки.

345a 141. Рассказывают, будто яд, которым скифы смазывают наконечники своих стрел, они добывают из змей. Обычно скифы отыскивают змей, только что выведших потомство (и убив их), оставляют сгнивать на несколько дней. Когда по их расчетам содержимое окончательно разложилось, они наполняют небольшой сосуд человеческой кровью и оставив его закрытым, закапывают в навозную кучу. Когда же и это окончательно разложится, они смешивают водянистую гниль крови и слизистые останки гадюк. Таким способом получают они смертельный яд.

---

137 Источник неизвестен. Ср. *Apoll.* Mir. XIII; *Strabo.* XIII. 1.59. О распространении культа Зевса в Карии см. *Schäfer J.* De Jove apud Cares culto. Halle, 1912. S. 412 f.; *Nilsson.* Op. cit. V. II. S. 227.

[1] Т. е. 15 км.

[2] Ср. Ausc. mir. 26.

138 Предполагаемый источник: Феопомп (FGrH 115 F 382). Ср. *Strabo.* VII.5.11; *Plin.* NH 30. 73—105; *Plut.* NQ III. 912. D — F.

139 С этой главы (по 148 гл.) начинается новая подборка, основным источником которой, по мнению Г. Фласхара (S. 48, 141), было сочинение Феофраста. О кусающих и нападающих (животных). Ср. *Throphilos* F 4 (p. 393 Giannini) = *Stob.* ecl. IV. 36.24 sq.

140 Ср. *Plin.* NH 11. 281; *Ael* de nat. an. IX.15.

141 Ср. *Plin.* NH XI. 279; *Ael.* de nat. an. IX. 15; *Aristoph.* HA epit. II. 63 (Suppl. Arist. I. 2. P. 52 Bywater).

142. В Курии на Кипре, как говорят, водится разновидность змей, столь же ядовитых, как египетские гадюки, кроме одного различия: если они кусают змей, укус их несмертелен; может, по другим причинам, а может быть, потому что в зимнее время они скованы холодом и малоподвижны, поэтому обессилены, если их только не разогреть.

143. На острове Кеос, как рассказывают, есть вид колючих кустов: если кто-либо случайно уколется о такой шип — умирает.

144. Сообщают, что в Мисии водится разновидность белых медведей и будто пойманные, они испускают такое зловоние, что у собак начинает загнивать плоть, то же происходит и с другими животными, которые становятся несъедобными. Если же кто-либо все же осмелится к ним приблизиться, на того они из пасти изрыгают вид слизи, прилипнув к морде собаки или лицу человека, она душит их и лишает зрения.

145. В Аравии, как рассказывают, водится разновидность гиен, которые, взглянув в глаза животного или наступив на тень человека, вызывают у тех оцепенение и такую неподвижность, что они не в состоянии пошевелиться. Такое же воздействие они оказывают на собак.

146. В Сирии, как рассказывают, водится животное, которое так и называют «убивающий львов». Ведь съев его, лев обычно погибает. По своей воле он его не трогает, напротив, избегает. Так же и охотники, если, поймав это животное, приготовят из него жаркое, — как обычно, поступая с другой дичью, то есть, обсыпав белой мукой и зажарив; так вот, отведав это жаркое, они тотчас же умирают. Животное это представляет опасность для льва, если просто помочится на него.

845b 147. Еще рассказывают, что коршуны не выносят запаха мирра. Они погибают, если их покропить мирром или дать корм, опрысканный этим благовонием. Жуки кантары будто бы также погибают от запаха роз.

148. В Сицилии и в Италии укус аскалобота (пятнистой ящерицы) смертелен, а не безвреден, как в наших краях. Водятся там и мушки, укус которых вызывает смерть.

149. В Месопотамии, в части Сирии, и в Мирунте (на Истре) [1] водятся по рассказам, некие змейки, которые не трогают местных жителей, но сильно досаждают чужестранцам.

150. Особенно заметно это на Евфрате: эти змейки во множестве водятся в устье реки, снуя с одного берега на другой, и если утром их видели здесь, то вечером их можно наблюдать на противоположном берегу; отдыхающих здесь сирийцев они не трогают, однако эллинов не щадят.

---

142 Ср. *Ael.* de nat. an. IX. 15.

143 Ср. *Antig.* Mir. 18 a 2; *Ael.* de nat. an. II. 36.

144 Ср. *Arist.* de gen. an. V. 6. 785 b 35: *Plin.* NH XI.277; *Paus.* VIII. 17.3.

145 Ср. *Arist.* Fr. 369 R^3 = *Ael.* de nat. an. VI, 14; *Plin*, NH VIII.106; XXVIII.92. См. также *Keller.* Op. cit. V.I.S. 152 f. Суеверия относительно магической способности гиен гипнотизировать людей и животных распространены у арабов до настоящего времени.

146 Ср. *Plin.* NH VIII. 136; *Ael.* de nat. an. IV.18; *Solin.* 27. 21; *Hesych.* S. v. λεοντοφόνον.

147 Ср. *Theophr.* de caus. plant. VI. 5.1; de odor. 4; *Plin.* NH XI. 279; *Ael.* de nat. an. III. 7; IV. 8.2.

148 Ср. *Arist.* HA. VIII. 29. 607 a 26 sq.; *Plin.* NH VIII. 111; *Ael.* de nat. an. IX. 15.

149—150 Предполагаемый источник: *Аристотель.* Об обычаях варваров (=fr. 605 R^3). Ср. *Apollon.* Mir. 12; *Plin.* NH VIII. 229; *Ael.* de nat. an. IX. 29; Parad. Pal. X (p. 356 Giannini). Оба отрывка принадлежат к типу рассказов о том, что животные поразному реагируют на греков и варваров. См. *Marx A.* Griechische Märchen von dankbaren Thieren und Verwandtes. Stuttgart, 1889. S. 101 f.

[1] А. Джаннини предлагает чтение μυροῦντι; Г. Фласхар — Ἴστρουντι.

151. В Фессалии, как рассказывают, змея, называемая священной, убивает на своем пути все живое, даже от простого прикосновения. Поэтому заслышав характерный при ее приближении звук (изредка она показывается), все змеи, гадюки и другие животные разбегаются. Сама она небольшая, средней величины. Рассказывают, что когда-то давно в фессалийском городе Тенос [1] некая женщина убила такую змею вот каким способом: она очертила (на земле) круг и, поместив туда противоядие, вошла внутрь вместе с сыном, а затем воспроизвела звук, характерный для этого животного; змея откликнулась и стала приближаться. Но когда змея издала ответный звук, женщина впала в сомнамбулическое состояние. Змея между тем приближалась, а женщина никак не могла проснуться. Стоявший рядом сын тряс ее и будил ударами, как она ему наказывала, твердя, что если она не проснется, они погибнут оба, если же она очнется и заманит змею, они будут спасены оба; как только змея подползла к кругу, она моментально вытянулась, бездыханная.

152. В окрестностях Тианы есть, как передают, ключ, посвященный Зевсу-Клятводержателю (его называют Асбамейским). Вода его, хотя и очень холодная, бурлит, словно кипящая. Для сдержавших клятву она мягка и спокойна, однако над клятвопреступником вершит суд незамедлительно: кидаясь им в глаза, руки, ноги, вызывает водянку и чахотку; и до того, как тому свершиться, не могут они покинуть источник, и вот тут, не в силах двинуться, орошают они источник слезами, сознаются в неверности клятве.

153. В Афинах, рассказывают, священная оливковая ветвь в один день распускается и покрывается листьями, а затем вновь быстро засыхает.

154. Когда во время извержения Этны лава изливается по сторонам кипящим потоком, благочестивых людей [1] щадит божество (огня). Однако молодые люди, почти настигнутые уже гибельным потоком, взяли на плечи своих престарелых родителей, дабы уберечь их; тогда разделилась надвое кипящая лава, обогнув их с обеих сторон, и оставила невредимых детей и родителей [2].

155. Рассказывают, что скульптор Фидий, возводя на Акрополе статую Афины, в центре ее щита изваял свою голову и укрепил ее столь хитрым устройством, что если бы кто-либо вознамерился снять его изображение, тому пришлось бы разрушить и уничтожить всю статую.

156. Рассказывают, что статуя Битиса в Аргосе покарала человека, бывшего,

---

151 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О кусающих и нападающих (животных). Ср. *Arist. HA* VIII.29.607 a 30 sq.

[1] Неизвестный город, возможно, идентифицируемый с поселением Тенос, упоминаемом в римских итинерариях (неподалеку от Ларисы). См. *Staehlin F.* // RE. 1934. V. A 1. S. 532. S. v. Tenos.

152 Последующие главы 152—178 составляют, по мнению Г. Фласхара, Anhang «Рассказов о диковинах», поскольку в дошедших до нас списках помещены отдельно и некоторыми исследователями датируются более поздним временем, чем предшествующие главы. Ausc. mir. 152 почти дословно совпадает с текстом Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» (I.6). Ср. *Amm. Marc.* XXIII.6.19. См. *Nilsson.* Op. cit. V. I. S. 421.

153 Источник неизвестен. Ср. *Herod.* VIII. 55. См. также *Pease A. S.* // RE. 1937. XVII. 2. S. 2022. S. v. Oelbaum.

154 Источник: *Псевдо-Аристотель.* О космосе 6.400 a 33. Ср. *Lorimer W. L.* Some Notes on the Text of Ps.-Aristotle De mundo. Oxf., 1925. P. 113.

[1] Здесь Εὐσεβεῖς Ср. *Paus.* X. 28.4; *Philostr.* VA V. 17: χῶρος Εὐσεβῶν.

[2] Большинство версий сообщает о двух братьях, спасших родителей (*Strabo.* VI.2.3 со ссылкой на Посидония; [*Verg.*] Aetna. 626; *Sen.* de ben. III. 17; *Mart.* VII. 24; *Val. Max. V.* 4; *Claud.* ep. 25).

155 Источник: *Пс.-Аристотель.* О космосе 6.399 b 33. Ср. *Cic.* Tusc. I. 34; orat. 234; *Plut.* Vit. Per. 31; *Val. Max.* VIII. 14.16. См. *Strocka V. M.* Piräusreliefs und Parthenosschild. Diss. B., 1967. S. 134 f.

156 Источник неясен. Ср. *Arist.* Poet. IX. 1452 b 7—10; *Plut.* de ser. num. vid. 8. 553 D.

как подозревали, причиной его гибели: она упала на него, когда тот ее рассматривал. Похоже, это не было простой случайностью.

157. Рассказывают, что собаки могут преследовать дичь не далее вершины так называемых Черных гор, а затем всегда поворачивают обратно.

158. На реке Фасис произрастает толстая лоза, называемая белолистной; ревнивые мужья срезают ее и раскладывают вокруг опочивальни супруги, таким образом наблюдая, не была ли нарушена супружеская верность.

159. На реке Тигр есть, как рассказывают, камень, на варварском наречии называемый «модон», ярко-белого цвета; владеющий им не потерпит никакого ущерба от дикого зверя.

160. У Скамандра, как рассказывают, произрастает дикая трава, называемая систром, похожая на горох, размножается, разбрасывая семена, откуда и получила свое название; у кого есть такая трава, тому не угрожает бесноватость и умопомрачение.

161. В Ливии есть виноградная лоза, которую некоторые называют «свихнувшейся»: с лозы снимают спелые гроздья, в то время как другие еще не созрели, а третьи только зацветают.

162. У горы Сипил, как рассказывают, иногда встречается камень в форме цилиндра; найдя его, благочестивые дети относят в храм Матери богов; и никогда после этого никто не может обвинить их в непочтении, напротив, они всегда почитают родителей.

163. На горе Тайгет [1], как рассказывают, растет дикая трава, называемая «харисия»; женщины носят ее на шее, чтобы мужья крепче их любили.

164. В Фессалии на горе Офрис, как рассказывают, водятся змеи, называемые сепии; окраска их не постоянная, но изменяется в зависимости от места обитания. Одни напоминают по цвету земляную улитку, у других чешуя зеленая, а обитающие в песках — цвета песка. Их укус вызывает жажду. Не вызывая воспаления и сильной боли, он, однако, неприятен.

165. При спаривании черных гадюк самка откусывает самцу голову. Поэтому и детеныш, будто в отместку за гибель родителя, появляясь на свет, прокусывает материнское брюхо.

166. В реке Нил, как рассказывают, находят камень, по форме напоминающий бобы; если собака его увидит, она теряет способность лаять. Камень этот помогает бесноватым: стоит больному поднести камень к носу, как злой дух отступает.

167. В реке Меандр, в Азии, рассказывают, случается найти камень, который

---

157 Источник неизвестен. О Черных горах в Палестине см. *Ptol.* V. 17.3; на острове Хиос — *Strabo.* XIV.35.

158 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 5.2.

159 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 24.2. О магической силе, приписываемой камням и литературе о них, сложившейся к I в. до н. э., см. *Hopfner Th.* // RE. 1926. XIII. 1. S. 741 f. S. v. Lithica.

160 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. XIII.2.

161 Источник неизвестен. Ср. *Theophr.* de caus. plant. I. 11.3; 1.18.4.

162 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах 9.5. См. также *Bidez J.* Plantes et pierres magiques d'après le Ps. Plutarque De fluviis // Mélanges Navarre. Toulouse. 1935. P. 33.

163 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 17.4. См. *Röhr.* Op. cit. S. 52.

[1] Тайгет разграничивает Лаконию и Мессению.

164 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О кусающих и нападающих (животных). Ср. *Nikander.* Ther. 145 f.; *Plin.* NH. VIII.85; *Paus.* VIII. 4.7.

165 Предполагаемый источник: *Феофраст.* О кусающих и нападающих (животных). Ср. *Herod.* III. 109; *Antig.* Mir. 21.4; *Nikander.* Ther. 128; *Ael.* de nat. an. I. 24; XV. 16.

166 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 16.2. См. также *Bidez.* Op. cit. P. 30 f.

167 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 9.3.

от противного [1] называют «камнем благоразумия». Положенный кому-либо за пазуху, он вызывает умопомрачение, и человек убивает кого-нибудь из близких.

168. Реки Рен и Истр текут на север, одна — по территории германцев, другая — пеонов. Летом эти реки пригодны для судоходства, а зимой по ним, скованным льдом, ездят на лошадях, как по земле.

169. Возле города Фурии, рассказывают, протекают две реки: Сибарис и Кратис. Сибарис делает напившихся из него пугливыми, а Кратис превращает искупавшихся в его водах в рыжеволосых.

170. Также и на Эвбее есть две реки. Напившись из одной реки, овцы становятся белыми, эта река называется Кербес; другая река, называется Нелеус, окрашивает их в черный цвет.

171. По берегам реки Ликормас произрастает трава, по форме напоминающая копье; она очень полезна как средство против близорукости.

172. В Сиракузах на Сицилии источник, называемый Аретусой, действует раз в пять лет.

173. На горе Берекинф иногда находят так называемый «меч-камень». Если кто-либо набредет на него во время мистерий в честь Гекаты, — теряет рассудок. Так пишет Евдокс [1].

174. На горе Тмол есть пористый камень, изменяющий окраску четырежды в день, но эти изменения могут уловить лишь девочки, не достигшие зрелого возраста.

175. У алтаря Артемиды Ортосии установлен золотой бык; он издает мычание, когда подходят охотники.

176. Рассказывают, что у этолийцев кроты плохо видят и питаются не земляной пищей, а саранчой.

177. Рассказывают, что слонихи вынашивают потомство два года, а другие говорят — один год и восемь месяцев. Роды проходят трудно.

178. Рассказывают, что Демарат [1], ученик Тимея Локрского, заболев, лишился способности говорить на десять дней, на одиннадцатый день, постепенно оправляясь от помрачения, он назвал эти дни счастливейшими в жизни.

---

[1] Способ именовать вещи «от противного» (κατ' ἐναντίωσιν = contrarium), был свойствен стоической теории языка (ср. *Barwick K.* Probleme der stoischen Sprachlehre und Rhetorik. B., 1957. S. 29 f.).

168 Источник неясен. Ср. *Herodian.* Hist. VI. 7. 6 sq.; *Paus*, VIII. 28. 2—3; *Rut. Namat.* I. 475—490; *Amm. Marc.* XXVII 6.12.

169 Источник неизвестен. Ср. *Eur.* Tro. 226; *Theophr.* fr. 162 (= *Plin.* NH 31.13—14); *Timaeus.* FGrH 566 F 46 (= *Antig.* Mir. 134); *Strabo.* VI. 1. 13; *Ovid.* Met. XV. 315; Schol. Lycophr. Alex. 1023; *Nymphodor.* F 4 (p. 114 Giannini).

170 Источник неизвестен. Ср. *Arist. HA* III. 12.519 a 12—19; *Strabo.* X. 1.14; *Plin.* NH 2. 230; 31,13; *Sen.* NQ III. 25.3 *Ael* de nat. an. VIII. 21.

171 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 8,2.

172 Предполагаемый источник: Тимей из Тавромения (FGrH. 566. F41). В основе распространенного представления о том, что источник Аретуса в Сицилии, соединенный под землей с рекой Алфеем в Олимпии, мутнеет каждые четыре года во время Олимпийских игр, лежит миф о нимфе Аретусе и ее возлюбленном Алфее (ср. *Strabo.* VI.2.4; *Polyb.* XII. 4d; *Sen.* NQ III. 26; *Plin.* NH II.225; *Prisc.* Lyd. P. 70 sq. Bywalter; Schol. in Pind. Nem. 1.1).

173 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 10.5.

[1] Не ясно, Евдокс Родосский (II в. до н. э.) (ср. FGrH 79 F 5) или Евдокс Книдский.

174 Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 7.6.

175. Источник: *Пс.-Плутарх.* О водах. 21.4.

176 Источник неизвестен. Ср. *Arist. HA* I.9.491 b 28.

177 Источник неизвестен. Ср. *Arist. HA* VI.27.578 a 18—20; de gen. an. IV 10, 777 b 15; *Ael.* de nat. an. IV. 31.

178 Источник неизвестен. Ср. Ausc. mir. 31; *Ps-Plut.* de fluviis 9. 3—4.

[1] Трудно сказать, этот или другой Демарат был автором «Аргонавтики» (FGrH 41).

З. В. УДАЛЬЦОВА

(1918 — 1987)

29 сентября 1987 г. на 70-м году жизни скоропостижно скончалась Зинаида Владимировна Удальцова — член-корреспондент АН СССР, профессор, директор Института всеобщей истории АН СССР, член КПСС с 1945 г. Выдающийся ученый и педагог, крупный организатор, она посвятила всю себя без остатка развитию советской исторической науки.

Зинаида Владимировна Удальцова родилась 5 марта 1918 г. в г. Кисловодске. В 1940 г., после окончания Московского государственного университета, пришла она в советскую византинистику. Ученица академиков Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, М. Н. Тихомирова, З. В. Удальцова стала продолжательницей лучших традиций советской историографии. Все успехи нашего византиноведения в послевоенный период связаны с именем З. В. Удальцовой.

З. В. Удальцова — автор более 300 научных трудов по различным проблемам истории Византии, истории международных отношений в средние века, теоретическим проблемам всемирно-исторического процесса, истории Древней Руси и средневековой Италии, истории поздней античности. Ее крупные монографические исследования «Италия и Византия в VI в.», «Советское византиноведение за 50 лет», «Идейно-политическая борьба в ранней Византии» получили широкое признание мировой научной общественности и стали настольными книгами советских византинистов. С 1959 г. и до последних дней она стояла во главе сектора истории Византии Института всеобщей истории АН СССР. По инициативе и под руководством З. В. Удальцовой в Советском Союзе была издана трехтомная «История Византии» — обобщающее марксистское исследование всего исторического пути, пройденного византийской цивилизацией. Около трети ее объема написано З. В. Удальцовой. Она руководила работой по созданию многотомной «Культуры Византии» — первого в мировой науке сводного труда такого типа. В 1984 г. вышел в свет его первый том, в 1987 г. сдан в печать второй, близка к завершению подготовка третьего тома. Многие годы она возглавляла редколлегию «Византийского временника», способствовала его превращению в одно из наиболее авторитетных в мире периодических изданий византинистов.

Значительны заслуги З. В. Удальцовой перед советским антиковедением. Она — автор многих ценных работ по истории идеологии Поздней Римской империи, позднеантичной исторической мысли, истории позднеримского права. Она внесла большой вклад в изучение проблемы перехода от античности к средневековью, проблемы соотношения путей развития Восточной и Западной Римских империй. З. В. Удальцова участвовала во многих конференциях антиковедов, всегда проявляла особую заботу о развитии антиковедения в стенах Института всеобщей истории, с 1977 г. являлась главным редактором журнала «Вестник древней истории».

З. В. Удальцова вела большую преподавательскую работу в педагогических институтах, в ВПШ при ЦК КПСС. Более 50-ти лет ее жизни связано с Московским госу-

дарственным университетом, где она была студенткой, аспиранткой, доцентом, профессором, а с 1982 по 1986 годы — заведующей кафедрой истории средних веков. Среди учеников профессора З. В. Удальцовой — известные историки, доктора и кандидаты исторических наук. Она — автор разделов и глав в учебниках для высшей школы, главный редактор подготовленного к печати нового вузовского учебника «История средних веков».

З. В. Удальцова — признанный глава советской школы византинистов. С ее именем связан выход советской византинистики на международную арену. Она участвовала в работе восьми международных конгрессов византинистов, пяти международных конгрессов исторических наук, десятков международных конференций и симпозиумов. Она являлась председателем секции византинистов СССР и вице-президентом Международной ассоциации византинистов, была заместителем председателя Национального комитета историков Советского Союза, председателем советско-венгерской комиссии историков, членом советско-болгарской и советско-югославской комиссий. Ее научные заслуги были широко признаны у нас и за рубежом. В 1976 г. З. В. Удальцова была избрана членом-корреспондентом АН СССР. В том же году она стала членом Научного комитета Международного центра исследований по истории византийской культуры в Южной Италии (г. Бари), в 1983 г. была избрана иностранным членом Саксонской Академии Наук (ГДР).

Велика роль З. В. Удальцовой как организатора исторической науки. С 1980 г. она возглавляла Институт всеобщей истории АН СССР. Под ее руководством и при ее непосредственном участии была подготовлена «История крестьянства в Европе в эпоху феодализма», ряд других ценных исторических трудов, З. В. Удальцова стала инициатором и главным редактором многотомной «Истории Европы», над созданием которой в настоящее время трудятся ученые нескольких институтов Академии наук СССР. З. В. Удальцова входила в состав редколлегий многих периодических научных изданий: журналов «Новая и новейшая история», «Культура и жизнь», ежегодника «Средние века», была редактором ряда научных трудов. Она возглавляла деятельность Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», принимала участие в разработке комплексной программы по истории докапиталистических формаций.

Убежденный и принципиальный коммунист, З. В. Удальцова многие годы входила в состав партбюро Института всеобщей истории АН СССР, избиралась депутатом Моссовета, была членом правлений обществ «СССР — Греция» и «СССР — Италия». Партия и правительство высоко оценили заслуги Зинаиды Владимировны Удальцовой перед отечественной наукой, наградив ее орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями. В 1987 г. за участие в создании 13-томной «Всемирной истории» ей присуждена Государственная премия СССР.

Зинаида Владимировна Удальцова ушла из жизни в расцвете творческих сил, до последней минуты оставаясь на своем научном, трудовом посту. Еще долгое время будут появляться в печати подготовленные ею в последние месяцы жизни научные труды. В ближайшее время увидит свет ее новая монография по истории византийской культуры.

Память о Зинаиде Владимировне Удальцовой навсегда сохранится в сердцах советских историков, ее коллег, друзей и учеников. Она сохранится в ее книгах и статьях, в работах ее бывших аспирантов и студентов, во всем огромном творческом наследии, которое оставила советской исторической науке Зинаида Владимировна Удальцова.

Редколлегия и редакция журнала
«Вестник древней истории» АН СССР,
сектор истории Византии,
сектор истории древнего мира

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАГ — Вопросы археологии Грузии
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИДМ — История древнего мира. I—III. М., 1982
ИЛН — Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Ранней Римской империи // ВДИ. 1955. № 2 — 1956. № 4
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МНМ — Мифы народов мира. I—II. М., 1980—1982
НДВШ — Научные доклады высшей школы
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции
AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
ADFU — Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk
AfO — Archiv für Orientforschung
AISC — Anuarul Institului de Studii Clasice. Cluj
AJA — American Journal of Archaeology
AMN — Acta Musei Napocensis. Cluj
ANRW — Aufstieg und Nidergang der römischen Welt. Berlin — New York
AOF — Altorientalische Forschungen
BgM. Beih. 2 — *J. van Dijk, W. R. Mayer.* Texte aus dem Rēš-Heiligtum in Uruk-Warka // Baghdader Mitteilungen. Beih. 2. Berlin, 1980.
CAH — Cambridge Ancient History
ClQ — Classical Quarterly
CT 49 — *D. K. Kennedy.* Late Babylonian Economic Texts. Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. Pt 49. L., 1968
FGrH — Die Fragmente der griechischen Historiker von F. Jacoby
GGM — Geographi Graeci Minores
IDR — Inscripţiile Daciei Romane. —III. Bucureşti, 1975—1980
JHS — Journal of Hellenic Studies
JRAI — Journal of the Royal Asiatic Institute
MAOG — Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft
OECT 9 — *G. J. P. McEwan.* Texts from Hellenistic Babylonia in the Ashmolean Museum. Oxford Editions of Cuneiform Texts. 9. Oxford, 1982
OLP — Orientalia Lovaniensia Periodica
PAPS — Proceedings of the American Philosophical Society
PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology
RE — *Pauly*'s Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
REG — Revue des études grecques
RHR — Revue de l'histoire des réligions
SCN — Studii şi cercetări de numismatică
VAB — Vorderasiatische Bibliothek
VT — Vetus Testamentum
YOS I — *A. T. Clay.* Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection. Yale Oriental Series, Babylonian Texts. V. I. New Haven, 1915
ZA — Zeitschrift für Assyriologie
ZAW — Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft